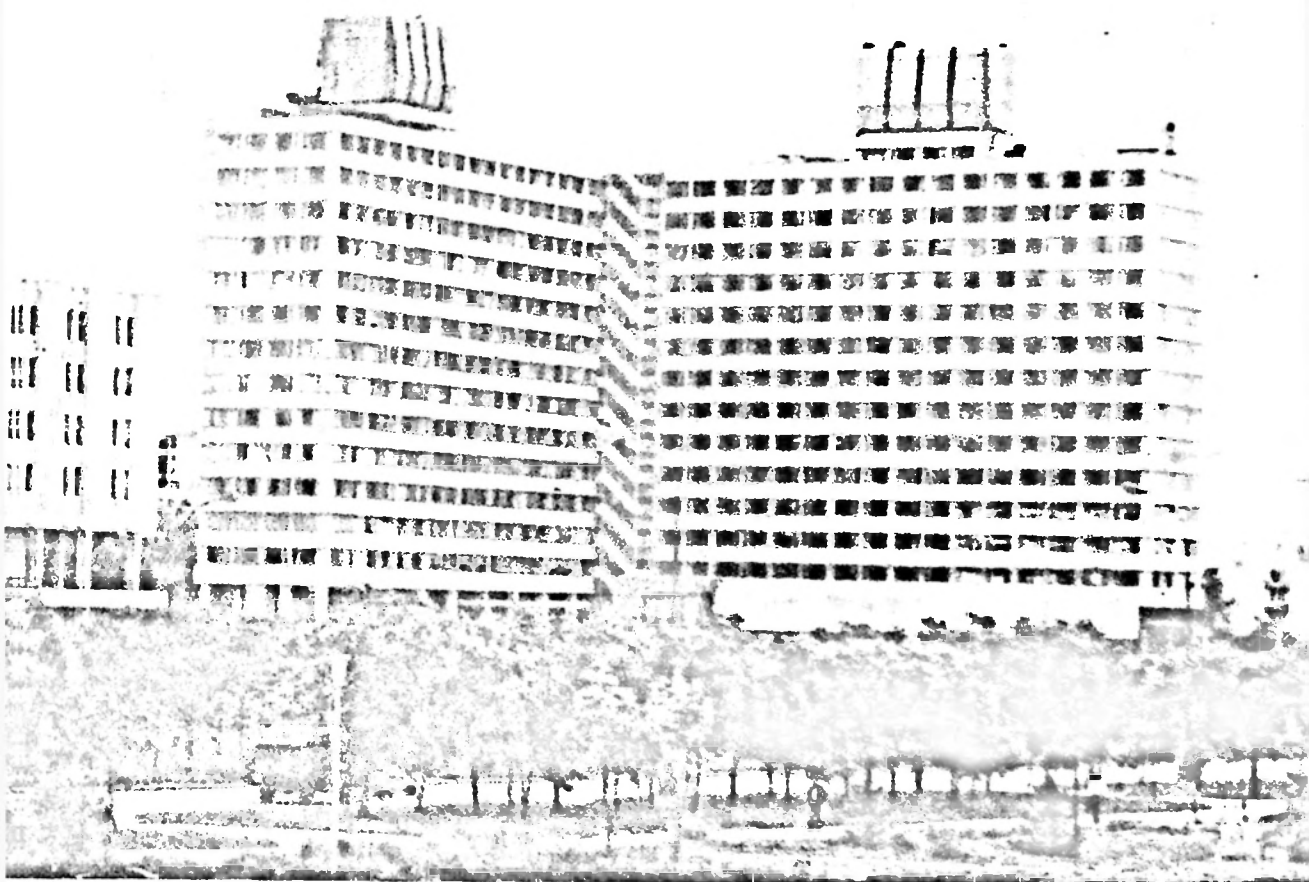

ISSN 0131-2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4
1981

Журналу

2-ой экз

«Проблемы Дальнего Востока» — 10 лет

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Мир в Азии — общая забота стран континента
К 15-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА АН СССР
- 18 Маонизм — идейный противник марксизма-ленинизма
ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА
- 29 КНР — США: некоторые итоги и проблемы сближения
В. П. Ломыкин
Великоханьская сущность концепции «извечного единого
многонационального Китая»
Л. С. Переломов,
41 *С. Н. Гончаров,*
Э. В. Никогосов
- 56 Глубокая деформация процесса общественного воспроизводства в Китае
Е. А. Коновалов
- 69 Отношения СССР и европейских социалистических стран с КНДР
В. И. Андреев,
В. И. Осипов
- 80 Японская экономическая «помощь» развивающимся странам
Е. Б. Ковригин
- 93 Проблемы регионального развития КНР
Н. В. Фурманов
- 104 Политика реабилитации кадровых работников и некоторые аспекты политической борьбы в КНР
К. А. Егоров
- 115 Отношения между трудом и капиталом в современной Японии
А. Б. Орфенов
- 124 Научно-техническое сотрудничество Китая с капиталистическими странами
Л. В. Филатов
- КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ СИНОЛОГИИ
- 133 Проблемы философского наследия Китая в современной синологии США
Н. Г. Секин

- Американские ученые — защитники гегемонистской стратегии Пекина в Африке
140 *М. В. Михайлова*
- О некоторых социально-психологических концепциях маонизма в синологии США
147 *Е. В. Якимова*
- КРАТКИЕ КОММЕНТАРИИ**
- 156 Промпериалистическая политика Пекина
ГОВОРЯТ ОНИ САМИ
- 163 Итоги экономической деятельности маонистов
ИСТОРИЯ
- 166 Уроки прошлого
Р. А. Мировицкая
- КУЛЬТУРА**
- 174 Переводы и исследования китайской литературы в Советском Союзе
Д. Н. Воскресенский
- 183 Достижения МНР в области культурного строительства
Е. Доржсүрэн
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ**
- 186 Разоблачение экспансионистских устремлений Пекина в Азии
В. К. Гусаченко
- 189 Опора маонистского режима
Р. М. Неронов
- 191 Марксистский анализ эволюции маонизма
Ф. Ф. Лаппо
- 193 Интересные исследования по средневековой истории стран Дальнего Востока
Н. Ц. Мункуев
- 195 Пекинский процесс над «четверкой» в оценке японских авторов
*Л. М. Гудошников,
Е. Г. Пащенко*
- 197 Актуальная книга о современной китайской философии
В. Ф. Феоктистов
- 200 Насмешник из Осаки
И. Л. Львова
- НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**
- 203 Международные встречи в Находке
Н. И. Жданов
- ЮБИЛЕИ УЧЕНОГО**
- 205 К 75-летию М. И. Сладковского

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

Редакционная коллегия:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора),
М. С. КЛПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРНВ-
ЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАННИ, Б. В. САГА-
РЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТА-
РЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВ-
СКИЙ, И. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1981

Мир в Азии — общая забота стран континента

Советский Союз является одновременно и европейским и азиатским государством. «Россия, — указывал В. И. Ленин, — географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии»¹. Поэтому все, что связано с судьбами Азии, не может не интересоваться и не волновать советских людей.

Говоря о внешнеполитических целях Страны Советов, В. И. Ленин подчеркивал, что в Азии они «те же, что в Европе: мирное сожительство с народами...»². Со времени ленинского Декрета о мире, принятого сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции, вплоть до осуществляемой сейчас Программы мира для 80-х годов, выдвинутой на XXVI съезде КПСС, внешнеполитические усилия Советского государства на Азиатском континенте неизменно связаны с решением задачи обеспечения мира и безопасности.

Неутомимым борцом за мир и безопасность на Азиатском континенте выступает Леонид Ильич Брежнев. «Становится все яснее, — говорил Л. И. Брежнев, — что действительный путь к безопасности в Азии — это не путь военных блоков и группировок, не путь противопоставления одних государств другим, а путь добрососедского сотрудничества всех заинтересованных в этом государств»³.

В Советском Союзе полагают, что безопасность в Азии должна основываться на таких началах, как отказ от применения силы в отношениях между государствами, уважение суверенитета и неприкосновенности границ, невмешательство во внутренние дела других государств, широкое развитие экономического и иного сотрудничества на основе полного равноправия и взаимной выгоды.

СССР не участвует ни в каких военных блоках в Азии и предлагает распустить все блоки, вывести иностранные войска с чужих территорий, ликвидировать иностранные военные базы, исключить какое-либо вмешательство извне в дела азиатских государств. По мнению советского руководства, безопасность в Азии должна опираться на признание и соблюдение таких принципов, как право каждого народа распоряжаться своей судьбой, недопустимость агрессии, урегулирование всех международных споров мирными средствами. Каждый народ должен пользоваться правом на суверенное владение своими природными ресурсами и осуществление социально-экономических преобразований.

Как подчеркивалось в ряде выступлений Л. И. Брежнева, Советский Союз считает, что в таком важном деле, как упрочение мира и безопасности в Азии, должны принять участие все заинтересованные государства, расположенные на Азиатском континенте, без каких-либо исключений. СССР, в частности, приветствовал бы участие Китайской

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 326.

² Там же, т. 40, с. 145.

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речь и статьи, т. 3. М., 1972, с. 493.

Народной Республики в мерах, направленных на укрепление безопасности в этом регионе⁴.

Попытки определенных кругов изобразить призывы к обеспечению безопасности в Азии как происки Советского Союза совершенно абсурдны. Советский Союз искренне стремится к миру в Азии. Но он никому не навязывает своих рецептов избавления континента от besпокоящих его недугов. Предложения СССР являются лишь общей концепцией. В ее разработке желателен участие всех азиатских стран. «...Мы, — говорил Л. И. Брежнев, — призываем к активной, широкой, конструктивной дискуссии, которая помогла бы углубить понимание назревших задач. Для этого время уже пришло, для этого нынешняя обстановка в Азии создает достаточные предпосылки. Азия может и должна стать континентом мира, дружбы и сотрудничества»⁵.

Принципиальный и последовательный курс КПСС на сохранение и упрочение мира в Азии нашел отражение в документах и материалах XXIV, XXV и XXVI съездов партии. Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС, содержала ряд важных мер, направленных на обеспечение безопасности в этом регионе. В одобренной XXV съездом программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество поставлена задача: «Вести дело к обеспечению безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого континента»⁶. Ряд новых инициатив, касающихся оздоровления обстановки в Азии, был выдвинут на XXVI съезде партии.

События последнего времени убедительно показывают, насколько важна и актуальна в настоящих условиях задача борьбы за мир в Азии.

Конец 70-х годов был ознаменован новыми внушительными победами прогрессивных сил над империализмом и внутренней реакцией в целом ряде стран Азиатского континента.

Главным итогом крупных успехов в революционной борьбе народов Индокитая явилось дальнейшее укрепление позиций мирового социализма. Провозглашенная 2 июля 1976 г. Социалистическая Республика Вьетнам — одна из крупных по численности населения (свыше 50 млн. человек) стран социалистического содружества. В семью социалистических стран вошла созданная в декабре 1975 г. Лаосская Народно-демократическая Республика. В результате народной революции, свергнувшей реакционный, пропекинский режим, 7 января 1979 г. была провозглашена Народная Республика Кампучия, вступившая на путь, ведущий к подлинному социализму.

27 апреля 1978 г. произошла народно-демократическая революция в Афганистане. Трудящиеся массы Афганистана в декабре 1979 г. нанесли сокрушительный удар по антинародной клике, пытавшейся подорвать завоевания Апрельской революции. Они дают решительный отпор вылазкам поддерживаемых из-за рубежа контрреволюционеров против Демократической Республики Афганистан.

Особый характер имеет революция в Иране, приведшая к свержению шаха и провозглашению страны 1 апреля 1979 г. Исламской Республикой. При всей ее сложности и противоречивости эта революция в основе своей антиимпериалистическая, хотя внутренняя и внешняя реакция стремится изменить ее характер.

Все более важную роль играет независимая, миролюбивая внешняя политика Индии, мешающая осуществлению империалистических планов в районе Южной Азии. Против империалистического диктата все сильнее возвышают свой голос народы Арабского Востока, государств

⁴ См.: Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 329.

⁵ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 382.

⁶ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 26.

бассейна Индийского океана, демократические силы Японии, Южной Кореи, Филиппин и многих других стран.

Иными словами, в Азии уходит почва из-под ног империализма. Обеспокоенные этим, империалисты предпринимают судорожные усилия, чтобы как-то затормозить и приостановить губительный для них процесс, пытаются хотя бы частично вернуть утраченные ими позиции.

Будучи не в состоянии своими силами помешать позитивным переменам, происходящим не только в Азии, но и на всем земном шаре, империалисты очень нуждались в союзниках для борьбы против сил прогресса и мира. И такие союзники нашлись в лице правонационалистической, проимпериалистической группировки в китайском руководстве.

Администрация Р. Рейгана пошла намного дальше своих предшественников в политике сближения с Китаем. Вояж в июне 1981 г. в Пекин государственного секретаря США А. Хейга дает основание говорить о вступлении американско-китайских отношений в новую фазу, характерной особенностью которой является расширение военных аспектов китайско-американского партнерства. Если еще год назад речь шла о продаже Соединенными Штатами Китаю техники «двойного применения», то есть применимой как для гражданских, так и для военных целей, то теперь А. Хейг, находясь в КНР, заявил о готовности США продавать Китаю современное наступательное оружие.

Переговоры А. Хейга и китайских руководителей включали также проблемы «военного планирования», под которыми имелись в виду прежде всего планы «сдерживания» Советского Союза, координация действий Вашингтона и Пекина в необъявленной войне против Демократической Республики Афганистан, их совместная помощь полпотовским бандам и кхмерским реакционерам в борьбе против Народной Республики Кампучии.

Все это убедительно свидетельствует о том, что наиболее агрессивные круги США и прагматическое крыло в китайском руководстве выступают заодно, когда дело касается противодействия разрядке, нагнетания милитаристского психоза, разжигания очагов военных конфликтов. На это обратил внимание министр иностранных дел СССР А. А. Громыко в своем выступлении на XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. «Привлекает внимание факт все большего смыкания Вашингтона и Пекина, — подчеркивал А. А. Громыко. — ...На весь мир объявлено, что США намереваются продавать Китаю оружие, помогать росту его военного потенциала, — говорил он далее. — И это делается в то время, когда Пекин проводит политику, идущую вразрез с интересами мира, политику гегемонизма и агрессии». А. А. Громыко также подчеркнул в своем выступлении, что основа китайско-американского альянса — открыто враждебная многим государствам, и прежде всего Советскому Союзу, делу разрядки.

Да и в определенных кругах Вашингтона не скрывают этого. А. Хейг заявил, например, что существует «стратегическая необходимость» в установлении более тесных связей между США и Китаем. Вторя ему, заместитель премьера Госсовета, министр иностранных дел КНР Хуан Хуа сказал, что в Пекине «придают важное значение отношениям между Китаем и Соединенными Штатами в стратегической области».

Американская и мировая печать расценивают нынешний этап американо-китайского сближения как фактическое оформление военно-политического союза. «По словам Хейга, — писала 19 июня 1981 г. «Вашингтон пост», — Китай остается скорее «дружественной неприсоединившейся страной», которая сотрудничает с Соединенными Штатами, чем американским «союзником». Тем не менее необычайный размах и масштабы намеченного сотрудничества и взаимной зависимости

наводят на мысль о том, что создается именно союз, хотя его так и не называют». В том же плане высказался журнал «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт»: «Соединенные Штаты идут по пути установления с Китаем отношений, которые имеют все характерные признаки союза». Японская газета «Асахи» отмечала, что переговоры государственного секретаря США с китайскими руководителями «представляют собой еще один шаг к созданию военного союза, направленного против СССР».

В правящих кругах Вашингтона и Пекина находятся деятели, которые прямо говорят о своем стремлении объединиться на антисоветской основе. Не кто иной, как А. Хейг, заявил, что в отношениях с китайцами необходимо добиваться «широкого стратегического единомыслия, направленного против русских». К созданию «единого фронта» Китая, США, западноевропейских стран НАТО и Японии для борьбы против Советского Союза вот уже в течение нескольких лет призывает заместитель председателя ЦК КПК Дэн Сяопин, ставший в этом году также и председателем Военного совета ЦК КПК. Аналогичные заявления делает премьер Государственного совета КНР Чжао Цзыян.

В Советском Союзе итоги переговоров А. Хейга с пекинскими лидерами были расценены как эскалация безрассудной политики, а планы обеспечения Китая современным американским оружием, военной техникой и технологией охарактеризованы как действия, враждебные нашей стране.

«В правящих кругах США и Китая, — писала 27 июня 1981 г. «Правда», — должны отдавать отчет в том, что американо-китайское смыкание на антисоветской основе будет соответствующим образом учитываться в СССР в общем контексте советско-американских и советско-китайских отношений. Советский Союз примет такие меры, которые будут диктоваться складывающейся обстановкой. Ни у кого не должно быть сомнений в том, что советский народ, обладающий крепкими нервами и могучими средствами обуздания агрессии, не поддастся на провокации и сумеет постоять за себя, защитить интересы своих друзей и союзников».

Вооружение Китая Соединенными Штатами и другими странами Запада представляет опасность не столько для Советского Союза, который в состоянии дать сокрушительный отпор любым посягательствам на него, сколько для других соседних с Китаем государств. Совершенно ясно, что наращивание военного потенциала нынешнего пекинского режима, который усиливает военные провокации против государств Индокитая, предъявляет территориальные претензии практически всем сопредельным странам, означает потворствование китайскому экспансионизму, создает угрозу миру и стабильности в Азии.

Не случайно поэтому тревога в связи с американским содействием милитаризации Китая выражается в Индии, Японии, странах Юго-Восточной Азии. Японская газета «Майнити» выступила с редакционной статьей «Опасный характер американо-китайского военного сотрудничества», в которой говорилось, что сильный в военном отношении Китай представляет угрозу для всех окружающих его стран Юго-Восточной и Юго-Западной Азии. Озабоченность по поводу поставок в Китай американского оружия выразило министерство иностранных дел Японии.

Перевооружение Китая с помощью США настораживает страны, входящие в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Недовольство линией Вашингтона было высказано на проходившей после визита А. Хейга в Пекин мапильской встрече министров иностранных дел стран АСЕАН с государственным секретарем США. Представителей АСЕАН возмутило то, что Соединенные Штаты не

только не советуются с ними, принимая решения, затрагивающие положение в регионе, но и поступают вопреки их интересам.

Французская «Фигаро» констатировала, что индонезийские дипломаты оценивают решение, объявленное в Пекине, как достойное серьезного сожаления и даже «глупое» и подчеркивают, что оно идет вразрез с политикой АСЕАН. Их малайзийские коллеги высказывают сожаление по поводу того, что Соединенные Штаты недооценивают опасность китайской экспансии в Юго-Восточной Азии, где, напоминают они, притязания Пекина существовали испокон веков.

Подобное же мнение, хотя и в более сдержанных выражениях, высказывают в Маниле, где вовсе не хотят, чтобы Китай получил возможность усилить свое влияние в Юго-Восточной Азии. В Сингапуре напоминают, что Китай представляет собой потенциальную опасность и что было бы неосторожно безрассудно вооружать его.

Короче говоря, эти четыре страны опасаются, хотя и в различной степени, что американские поставки наступательных вооружений Китаю могут повлечь за собой эскалацию в Азии вооружений и усилить ту угрозу, которую представляет Пекин для района ЮВА.

США и Китай пытаются оказывать свое влияние на политику Японии, толкая ее на путь проведения антисоветского курса. В 1960 г. был заключен так называемый «договор безопасности», который служит основой военного союза США и Японии, нацеленного своим острием прежде всего против Советского Союза, сил демократии и прогресса на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Американо-японский договор превращает Японию в вольного или невольного соучастника агрессивной политики США.

С Китаем Японию связывает подписанный в 1978 г. «договор о мире и дружбе». При заключении этого договора Пекину удалось добиться включения в него «антигегемонистской» статьи, которой китайское руководство придает антисоветское звучание. Действуя в духе этой статьи, Пекин неоднократно призывал правящие круги Японии к совместным действиям против СССР.

Договорные обязательства Японии, связывающие ее с США и КНР, служат своего рода первоначальной основой тройственного антисоветского союза, к созданию которого, если не формально, то фактически, стремятся в Вашингтоне и Пекине, и не только стремятся, но и уже осуществляют свой замысел. Как писал 22 июня 1981 г. в «Правде» член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, «американская администрация не прекращает свои попытки сколотить в дополнение к существующим новые агрессивные военно-политические блоки и союзы. На Дальнем Востоке в последнее время все более четкие очертания агрессивного альянса приобретает треугольник Вашингтон — Пекин — Токно».

С одной стороны, правящим кругам Токно хотелось бы, чтобы Япония была сильным государством, проводящим независимую внешнюю политику, которая учитывала бы прежде всего национальные интересы, а с другой стороны, им не удается устоять перед давлением, оказываемым Вашингтоном и Пекином. Этим объясняются зигзаги во внешней политике Японии, которая то пытается проявлять какие-то признаки самостоятельности, а то идет на поводу у внешних сил.

Несмотря на то что Япония, казалось бы, должна быть заинтересована в поддержании нормальных, добрососедских отношений с Советским Союзом, она все больше вовлекается в антисоветскую стратегию США и Китая. В 1980 г. японское правительство под давлением извне присоединилось к антисоветским «санкциям» Вашингтона, приняло ряд мер для произвольного и одностороннего ограничения связей между Японией и Советским Союзом в различных областях.

Для разжигания антисоветских настроений в стране используется инспирируемая правящими кругами кампания за «возвращение северных территорий» (так японские реваншисты называют ряд южных островов Курильской гряды, принадлежащих Советскому Союзу).

7 февраля 1981 г. в Японии по решению правительства был проведен даже специальный «день северных территорий». Антисоветизм, таким образом, был возведен в ранг государственной политики. В заявлении МИД СССР послу Японии 16 февраля 1981 г. подчеркивалось, что «такие шаги могут квалифицироваться лишь как сознательно направленные на ухудшение советско-японских отношений»⁷.

9—10 сентября 1981 г. премьер-министр Японии Д. Судзуки демонстративно пролетел на военном вертолете вдоль границы с Советским Союзом в районе принадлежащих СССР южных островов Курильской гряды. После такого рода «инспектирования северных территорий» он публично заявил о притязаниях Токно на советские земли.

Реваншистские требования пересмотра итогов второй мировой войны, выдвигаемые японской стороной, мешают заключению мирного договора между СССР и Японией. Территориальные претензии к СССР Токно выдвигает в качестве предлога для отказа от заключения и даже от рассмотрения предложенного Советским Союзом договора о добрососедстве и сотрудничестве.

Американские и китайские «друзья» Японии хотят воспрепятствовать ее самостоятельному мирному развитию и усиленно толкают на путь возрождения милитаризма, заявляя, что Япония должна привести свою политическую роль в мире и военную мощь в соответствие со своим экономическим потенциалом.

Уступая требованиям Вашингтона, японское правительство пошло на принятие самого крупного за послевоенный период военного бюджета. На 1981 г. он утвержден в размере 2,4 триллиона иен. Вооруженные силы Японии, именуемые «силами самообороны», сейчас насчитывают около 270 тыс. человек, половина из которых — офицеры и интер-офицеры. Это позволяет в любое время развернуть и более крупную по численности армию. «Силы самообороны» оснащены самым современным оружием и боевой техникой. Они имеют на вооружении тактические ракеты, дальнобойную артиллерию, самолеты и вертолеты, надводные корабли и подводные лодки. Специалисты считают, что по огневой мощи вооруженные силы Японии сейчас намного превосходят многомиллионную императорскую армию времен второй мировой войны.

Япония несет все возрастающее финансовое бремя, связанное с содержанием более 140 американских военных баз и объектов, расположенных на японской территории, а также находящихся здесь почти 50 тыс. американских военнослужащих. В 1981 г. японские налогоплательщики заплатят за пребывание американской военщины свыше 41 млрд. иен, что на 12 % больше соответствующих затрат в 1980 г.

Специальная статья расходов в японском государственном бюджете предусматривается на проведение осуществляемых на регулярной основе совместных с США учений и маневров с целью отработки взаимодействия различных видов вооруженных сил и родов войск. В связи с наращиванием американских вооруженных сил в районе Индийского океана и зоне Персидского залива и перемещением туда части военно-морских сил США Пентагон пытается переложить на японские «силы самообороны» некоторые функции 7-го флота США в тихоокеанском бассейне.

Во время состоявшихся летом 1981 г. в Вашингтоне переговоров министра обороны США К. Уайнбергера с начальником Управления

⁷ «Правда», 17.II.1981.

национальной обороны Японии Д. Омурой американская сторона настаивала, чтобы Япония взяла на себя ответственность за военное патрулирование обширной акватории в западной части Тихого океана. На Японию возлагается также задача минирования ряда проливов.

Военные приготовления Японии осуществляются под предлогом «советской угрозы». Но никакой «советской угрозы» нет, и на это обращают внимание сами японцы. Крупнейшая японская газета «Асахи» в ноябре — декабре 1980 г. опубликовала серию статей под общим заголовком «Существует ли советская угроза?». Многочисленными фактами газета подводила своих читателей к отрицательному ответу на поставленный вопрос.

Лживость тезиса о «советской угрозе» показана в вышедшей в Японии в начале 1981 г. книге Укио Мураи «Домыслы об «угрозе с Севера» рождаются в Токио. Свидетельство жителя Хоккайдо». Автор указывает, что «большинство жителей Хоккайдо не верит в миф о «советской угрозе»⁸. Чем массивнее становится антисоветская пропаганда, тем большее возмущение населения она вызывает.

В Японии нарастает массовое движение против милитаризации страны. За проведение Японией миролюбивой внешней политики активно выступают коммунистическая и социалистическая партии, профсоюзы, видные общественные деятели различных политических убеждений.

Как отмечалось в докладе Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС, Советский Союз не считает, что нынешнее подыгрывание опасным планам Вашингтона и Пекина — это последнее слово Токио, и надеется, что там возобладают дальновидность, понимание собственных интересов. На съезде было вновь подтверждено, что СССР по-прежнему за прочные, по-настоящему добрососедские отношения с Японией.

Объединяя и координируя свои действия, США, Китай и Япония хотят поставить на службу своей политике входящие в АСЕАН страны: Таиланд, Филиппины, Малайзию, Сингапур и Индонезию. Стремясь к установлению контроля над Юго-Восточной Азией, империалисты и китайские гегемонисты рассчитывают превратить ее в плацдарм борьбы против сил социализма и национального освобождения, в трамплин для осуществления своих экспансионистских замыслов по отношению к другим регионам — Индийскому океану, Персидскому заливу, Ближнему Востоку и т. д.

Хотя Вашингтон, Пекин и Токио преследуют в Юго-Восточной Азии различные цели, вытекающие прежде всего из их собственных интересов, и противоречия между ними неизбежно будут обостряться, на данном этапе они пытаются сообща оказывать необходимое им воздействие на страны Южных морей. Используя рычаги политического и экономического давления, США, Китай и Япония добиваются отхода государств — членов ассоциации от позиций нейтралитета и неприсоединения и превращения АСЕАН в военный блок, противостоящий странам Индокитая, которые сделали выбор в пользу социализма.

Государственный секретарь США А. Хейг, оправдывая американское вмешательство в дела региона, заявил, что Юго-Восточная Азия имеет для Соединенных Штатов столь же важное значение, как, скажем, район Персидского залива, поэтому она не может быть оставлена на произвол судьбы.

Вашингтон с одобрения Пекина наращивает свое военное присутствие в Юго-Восточной Азии. На Филиппинах находятся пять американских военных баз. Среди них крупнейшая за пределами Соединенных Штатов военно-воздушная база Кларк-филд и военно-морская база Субик-бей, где базируется 7-й флот — самое крупное объединение

⁸ Цит. по: «Известия», 17.1.1981.

ВМС США. Размещенные на территории баз части и соединения американских вооруженных сил насчитывают более 16 тыс. военнослужащих. Пентагон планирует расширить свои базы на Филиппинах. По замыслам американских стратегов, база Субик-бей должна стать портом приписки кораблей создаваемого Соединенными Штатами нового флота, который будет действовать в Индийском океане, а на авиабазе Кларк-филд, возможно, будет размещен костяк так называемых «сил быстрого развертывания», откуда они могут быть переброшены на Средний и Ближний Восток или в другие районы земного шара. Р. Рейган намеревается в обмен на 100 млн. долларов увеличения помощи Филиппинам продлить срок использования военных баз Субик-бей и Кларк-филд до 1991 г.

Как заявил заместитель государственного секретаря США Дж. Бакли, американская администрация намерена в ближайшем будущем на 25 % увеличить поставки и расширить другие виды военной помощи государствам — членам АСЕАН. В этом году Пентагон предоставит помощь Таиланду на сумму 80 млн., Индонезии — на 45 млн., Малайзии — на 12,5 млн. долл.⁹

По данным американского журнала «Дифенс энд форин афферс», с 1975 г. страны АСЕАН в целом более чем удвоили свои военные расходы, а в 1980 г. эти расходы возросли на 47 % по сравнению с 1979 г.

Как и Вашингтон, Пекин пытается подстегнуть гонку вооружений в странах АСЕАН. «Жэньминь жибао» 6 августа 1981 г. призывала эти страны «укреплять взаимное сотрудничество... усиливать военную мощь». Откровенно подстрекательский характер имел совершенный в августе визит Чжао Цзыяна на Филиппины, в Малайзию и Сингапур с кратковременной остановкой на обратном пути в Таиланде. Пекинский вояжер выступал с ничем не прикрытыми милитаристскими призывами, натравливая членов АСЕАН на их соседей — страны Индокитая.

Поездка Чжао Цзыяна была предпринята вскоре после провала инспирированной Пекином и Вашингтоном так называемой «международной конференции по Кампучии» (Нью-Йорк, 13—17 июля с. г.). Как ни старались китайско-американские постановщики этого спектакля использовать его для вмешательства во внутренние дела Народной Республики Кампучии, оказания давления на Социалистическую Республику Вьетнам, срыва наметившегося диалога между странами Индокитая и государствами АСЕАН, обострения обстановки в Юго-Восточной Азии, их замысел не встретил сколько-нибудь значительной поддержки. Около половины государств — членов ООН, в том числе социалистические и многие неприсоединившиеся страны, вообще отказались от участия в постыдном фарсе, а отдельные участники высказали скептическое отношение к «конференции», поставив под сомнение как ее правомочность, так и ее способность решать те или иные вопросы.

Вашингтон и Пекин не скрывали своего желания восстановить в Кампучии кровавый полпотовский режим. Не случайно устроители «конференции» предоставили ее трибуну одному из главарей свергнутого режима Иенг Сари, приговоренному его соотечественниками за многочисленные преступления к смертной казни. Однако перспектива реставрации полпотовщины не вызвала восторга у тех, кто присутствовал на «конференции». Представители Швеции, Канады, Италии и ряда других государств, включая некоторые страны АСЕАН, решительно осудили преступления полпотовской клики, категорически заявив, что о возврате ее к власти не может быть и речи.

⁹ См.: «За рубежом», 1981, № 34, с. 8.

Пекину не понравилось, что страны АСЕАН выступили на «конференции» со своими предложениями, которые отличались от китайских определенной сдержанностью. 17 июля «Жэньминь жибао» опубликовала составленный в поучающем тоне комментарий, в котором асеановский проект резолюции был подвергнут разносу.

В политике стран АСЕАН вообще и в их подходе к «кампучийскому вопросу» в частности проявляются две тенденции. Первая — это подыгрывание американскому империализму и пекинскому гегемонизму в обострении напряженности в регионе, линия на противоборство с Вьетнамом и навязывание антисоциалистического режима Кампучии (эта тенденция особенно характерна для определенных кругов в Таиланде и Сингапуре). Вторая — это стремление избежать военной конфронтации с Вьетнамом, Лаосом и Кампучией, поиск компромиссных вариантов урегулирования отношений с государствами Индокитая на основе диалога с ними, курс на ограничение зависимости стран АСЕАН от США, Китая, Японии и других государств, находящихся за пределами региона (в таком духе действуют Индонезия и Малайзия, большей самостоятельности в определении своей политики добиваются и Филиппины).

Вторая тенденция явно не устраивает Пекин и его империалистических партнеров, которые вновь и вновь пытаются вытаскивать несуществующий «кампучийский вопрос» в качестве основы для сплочения асеановцев с империалистами и гегемонистами. Чжао Цзыян на пресс-конференции в Маниле назвал «кампучийскую проблему» «важным звеном совместной борьбы Китая, Японии, США, Австралии, Новой Зеландии и стран АСЕАН против глобальной советской экспансии»¹⁰.

Приведенное заявление китайского премьера, по сути дела, повторяет призыв Вашингтона и Токио к созданию некоего «Тихоокеанского сообщества», которое явилось бы тихоокеанским подобием НАТО. В новую агрессивную группировку предполагается включить в первую очередь государства, входящие в империалистический военный блок АНЗЮС (США, Австралия, Новая Зеландия), и страны, связанные различными соглашениями военного характера с США (Канада, Япония, Южная Корея). Перечисленные страны уже отрабатывают элементы взаимодействия своих кораблей, самолетов, авиадесантных войск и морской пехоты в рамках ежегодных военно-морских маневров «Римпак» («Тихоокеанское кольцо»), проводимых под руководством американских генералов и адмиралов. Они усиленно зазывают в свои военные игры и страны АСЕАН, хотят, чтобы Таиланд, Филиппины, Малайзия, Сингапур и Индонезия также стали участниками милитаристского союза под эгидой США в зоне Тихого океана. Китай, как явствует из заявления Чжао Цзыяна, не только солидаризируется с идеей такого союза, но и предлагает свою кандидатуру в состав его участников.

Нет нужды разъяснять, что в планируемом альянсе (если таковой действительно будет создан) главным распорядителем станет Вашингтон, а страны АСЕАН будут довольствоваться лишь ролью исполнителей воли внешних сил, превратятся в орудие осуществления чуждых их интересам империалистических и гегемонистских планов. А такое амплуа вовсе не устраивает членов ассоциации, которые дорожат своей независимостью и хотят самостоятельно решать собственные проблемы и проблемы региона.

Важным фактором мира в Юго-Восточной Азии стали страны, вставшие на путь строительства социализма, — Вьетнам, Лаос и Кампучия, которые отстаивали свою свободу и независимость, свое право

¹⁰ Цит. по: «Правда», 16.VIII.1981.

строить новую жизнь в борьбе против империализма и китайского гегемонизма. В странах Индокитая становится все более прочным социально-политический строй, укрепляется морально-политическое единство народа, важное значение придается развитию экономики и культуры, росту благосостояния трудящихся. Однако решать созидательные задачи им приходится в сложной международной обстановке, в условиях все возрастающего давления извне, со стороны империалистов, их пекинских пособников и следующих за Вашингтоном и Пекином представителей воинственных кругов некоторых стран АСЕАН.

Соединенные Штаты упорно не хотят признавать Социалистическую Республику Вьетнам. Они призывают к осуществлению политической изоляции и экономической блокады Вьетнама и даже угрожают применением военных мер. «Мы попытаемся, если сможем, — заявил в американском клубе в Пекине помощник государственного секретаря США Дж. Холбрук, — изыскать способы для усиления политического, экономического и военного — да, и военного (!) — нажима на Вьетнам, сотрудничая с другими, так, чтобы это, как мы надеемся, привело к каким-то изменениям в позиции Ханоя»¹¹.

В своей антивьетнамской политике американские империалисты нашли последователей в лице пекинских правителей. В арсенале средств борьбы против Вьетнама, применяемых китайскими сообщниками Вашингтона, пропагандистские нападки, дипломатические интриги, экономические санкции, вооруженные провокации на китайско-вьетнамской границе. Не отказавшись от повторения широкомасштабной агрессии, Пекин угрожает «преподать новый урок» Вьетнаму. Китайская сторона неизменно уклоняется от возобновления переговоров с СРВ, требует от Вьетнама в качестве «предварительного условия» отказа от самостоятельного и независимого политического курса, от дружбы и сотрудничества с Советским Союзом.

Американские империалисты и китайские экспансионисты пытаются помешать строить социализм трудящимся Лаосской Народно-Демократической Республики. Как свидетельствовала газета «Сиенг пасасон», Пекин и Вашингтон предпринимают грязную затею — сколотить «единый фронт» из бежавших из страны врагов лаосского народа, которые обучены и вооружены на территории Китая, а также тех, кто нашел себе прибежище на территории Таиланда¹². Назначение «фронта» — вести подрывную деятельность против ЛНДР.

Правящие круги США и КНР продолжают строить козни против Народной Республики Кампучии. Они взяли на свое иждивение выброшенные за пределы страны полпотовские банды, контрреволюционные банды Сон Санна, сторонников политического банкрота принца Нородома Сианука и стремятся создать из них некое «коалиционное правительство» для борьбы с законным правительством НРК. С этой целью в Сингапуре в сентябре 1981 г. была организована встреча представителей кхмерской контрреволюции, которая из-за противоречий и разногласий в стане противников народного строя закончилась безрезультатно¹³.

Полпотовцы и реакционеры различных мастей, окопавшиеся в Таиланде, получают оружие, обмундирование и продовольствие из Китая и с Запада. Со своих тайландских баз они совершают набеги на территорию Кампучии. Их вылазки поддерживаются тайландской военной: тайландская артиллерия ведет обстрел кампучийской территории, самолеты тайландских ВВС вторгаются в воздушное пространство НРК, а тайландские военные суда — в территориальные воды Кампу-

¹¹ "Washington Post", June 26, 1981.

¹² См.: «Правда», 6.VIII.1981.

¹³ См. там же, 7.IX.1981.

чии. Поощряющие эти действия Пекин и Вашингтон хотели бы раздуть на тайландско-кампучийской границе новый военный очаг.

Народно-революционная армия Кампучии и части Вьетнамской народной армии, которые находятся на кампучийской территории, дают решительный отпор провокаторам. Империалистическая и пекинская пропаганда силится изобразить дело так, будто главной причиной напряженности в регионе является нависшая над ним «вьетнамская и советская угроза». При этом делаются ссылки на присутствие в Кампучии вьетнамских войск. Но размещение вьетнамских войск в НРК вызвано в первую очередь необходимостью защиты революционных завоеваний кампучийского народа от посягательств враждебных ему сил, направляемых империализмом и международной реакцией. Оно основывается на Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве между СРВ и НРК и ни в коей мере не противоречит Уставу ООН.

Как неоднократно отмечали руководители Кампучии и Вьетнама, воинские части Вьетнамской народной армии будут выведены из Кампучии, как только прекратится иностранное вмешательство в ее внутренние дела.

Целепы утверждения о том, что трудности, существующие в Юго-Восточной Азии, будто бы вызваны политикой Советского Союза и характером его отношений с Вьетнамом и другими странами Индокитая. «Причина нестабильности в ЮВА не может исходить от СССР или вьетнамо-советских отношений, — писал журнал ЦК КПВ «Конг шан». — Из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН Советский Союз — единственная страна, которая не участвовала в агрессивных войнах против народов Юго-Восточной Азии. Именно благодаря огромной помощи СССР народы Индокитая разгромили агрессоров, обрели независимость, ликвидировали опасный очаг войны. Поэтому отношения СССР с Вьетнамом, Лаосом и Кампучией никому не могут угрожать, а напротив, содействуют миру и стабильности в регионе».

Подлинный источник нестабильной и взрывоопасной ситуации в Юго-Восточной Азии кроется в углублении американо-китайского военно-политического союза, создающего серьезную угрозу миру и безопасности в регионе. И Вашингтон, и Пекин совершили чудовищные преступления в Индокитае, а сейчас хотят взять реванш за позорное поражение. В то же время, помня о провале своих агрессивных акций против народов Индокитая, они надеются, что на этот раз каштаны из огня будут таскать для них Таиланд и другие страны АСЕАН. Вашингтонские и пекинские геополитики вынашивают злобный замысел — вызвать столкновение стран АСЕАН с социалистическими странами Индокитая.

Линии враждебных социализму сил на обострение ситуации и военную конфронтацию Вьетнам, Лаос и Кампучия противопоставляют свои конструктивные инициативы, смысл которых состоит в том, чтобы проблемы Юго-Восточной Азии решались самими странами региона путем переговоров без какого-либо вмешательства извне, в интересах мира, стабильности, добрососедства и сотрудничества.

На проходившей в Пномпене 13—14 июня 1981 г. IV конференции министров иностранных дел СРВ, ЛНДР и НРК были подтверждены и развиты предложения предыдущих встреч о созыве регионального совещания трех государств Индокитая и стран АСЕАН. В случае если страны АСЕАН не готовы к проведению такого совещания, индокитайские государства предлагают продолжить многосторонние и двусторонние консультации по всем интересующим стороны проблемам.

Вьетнам, Лаос и Кампучия выступают за скорейшее урегулирование отношений с Китаем. Они вновь заявили о готовности подписать с ним двусторонние договоры о ненападении и мирном сосуществовании.

Широкие круги мировой общественности приветствовали разумные предложения трех стран Индокитая. Эти предложения нашли благоприятный отклик у ряда видных деятелей и в некоторых органах печати стран АСЕАН. Финляндская газета «Тайме джорнэл» отмечала, в частности, что они могут стать хорошей основой обеспечения мира, стабильности, дружбы и сотрудничества в регионе.

Однако правительства стран АСЕАН не откликнулись на пренебреженные доброй воли предложения своих соседей. Мирные демарши Ханоя, Вьентьяна и Пномпеня были категорически отвергнуты Пекином. Реакционные силы хотели бы затормозить позитивные процессы в регионе, помешать развитию социалистических государств Индокитая, сорвать диалог индокитайской «тройки» и асановской «пятерки», воспрепятствовать налаживанию отношений между странами Юго-Восточной Азии, воздвигнуть между ними непреодолимые барьеры.

Но что бы ни вытворяли враги мира и безопасности в ЮВА, народы Вьетнама, Лаоса и Кампучии продолжают уверенное движение по избранному пути. На их стороне братский Советский Союз, другие страны социалистического содружества, все прогрессивные и миролюбивые силы.

Во время дружеской встречи в Кремле 9 сентября 1981 г. с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Кампучии, Председателем Совета Министров НРК Пен Сованом Л. И. Брежнев заявил, что Советский Союз решительно поддерживает миролюбивые инициативы Вьетнама, Кампучии и Лаоса, и в частности их предложение о проведении региональной конференции стран Индокитая и АСЕАН. Реализация этого предложения, несомненно, способствовала бы делу мира и оздоровлению обстановки в Юго-Восточной Азии¹⁴.

Главная причина напряженности на Среднем Востоке — вооруженное и иное вмешательство империализма, пекинского гегемонизма и сламской реакции во внутренние дела Афганистана. Мировую реакцию всполошили и встревожили успехи афганской революции. Ее не устраивает миролюбивая внешняя политика Демократической Республики Афганистан, в основу которой положены принципы неприсоединения.

Недовольные этим, Вашингтон, Пекин, Исламабад и их партнеры в некоторых других столицах осуществляют массированную подрывную деятельность против демократического Афганистана, ведут, по существу, необъявленную войну против этой страны. Они готовят и вооружают банды наемников, которые нелегальным путем, и прежде всего с территории Пакистана, забрасываются в ДРА для совершения диверсий и террористических актов. На пакистанской территории действует более 70 опорных пунктов и специальных баз, где под руководством американских и китайских «советников» формируются и обучаются отряды наемных убийц из числа афганских душманов¹⁵. По данным МВД ДРА, около 40 тыс. мятежников проходят диверсантскую подготовку в Китае¹⁶.

Высокопоставленные американские и китайские визитеры неоднократно посещали в Пакистане центры по подготовке контрреволюционных банд, засылаемых на территорию Афганистана. В начале июня 1981 г. в логове наемников, терроризирующих мирное население приграничных районов Афганистана, в сопровождении главы пакистанского военного режима генерала Зия-уль-Хака побывал премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян. Он демонстративно передал главарям банд 500 тыс. юаней — очередной взнос в счет финансирования их преступ-

¹⁴ См.: «Правда», 10.IX.1981.

¹⁵ См. там же, 31.III.1981.

¹⁶ См.: «Известия», 5.I.1981.

лений против ДРА. Еще более щедрую помощь бандитам оказывает нынешняя администрация США. Р. Рейган на втором месяце своего пребывания в Белом доме распорядился расширить масштабы военной помощи афганским контрреволюционерам, которая уже сейчас обходится более чем в 100 млн. долл.

Так называемая «афганская проблема», сфабрикованная, по существу, определенными кругами Запада и Пекином, используется ими для нагнетания антиафганской и антисоветской истерии, для срыва разрядки и осложнения международной обстановки. Противники международного сотрудничества пытаются свалить вину за возникновение «афганской проблемы» на Советский Союз, ссылаясь при этом на пребывание ограниченного советского воинского контингента в Афганистане. Известно, однако, что советские воинские части были направлены в ДРА по просьбе правительства этой страны, в соответствии с положениями Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА от 5 декабря 1978 г. и статьей 51 Устава ООН для защиты от внешней агрессии. Если будут прекращены враждебные действия извне в отношении Афганистана, то отпадет необходимость присутствия там советских войск.

«Что касается советского воинского контингента, — говорил в докладе на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев, — то мы будем готовы его вывести по согласованию с афганским правительством. Для этого должна быть полностью прекращена засылка в Афганистан контрреволюционных банд. Это должно быть закреплено договоренностями между Афганистаном и его соседями. Нужны надежные гарантии, что новой интервенции не будет. Такова принципиальная позиция Советского Союза, и мы будем придерживаться ее твердо!»¹⁷

14 мая 1980 г. правительство ДРА выдвинуло программу урегулирования положения вокруг Афганистана. Оно выразило желание провести двусторонние переговоры с Пакистаном и Ираном для выработки конкретных соглашений о недопущении вооруженной и другой враждебной деятельности между этими странами. Однако пакистанские и иранские власти никак не реагировали на это предложение.

24 августа 1981 г. правительство Афганистана сделало новое заявление, в котором развило и конкретизировало сделанные им ранее предложения¹⁸. Оказав предпочтение двусторонним афгано-пакистанским и афгано-иранским переговорам, оно выразило готовность и к проведению трехсторонних переговоров между Афганистаном, Пакистаном и Ираном. Нежелание одной из названных стран приступить к переговорам не должно служить препятствием для начала диалога между Афганистаном и другой страной и для достижения между ними соответствующих договоренностей. Правительство ДРА не возражает против того, чтобы в его переговорах с правительствами Пакистана и Ирана, будь они двусторонними или трехсторонними, принял участие Генеральный секретарь ООН или его представитель.

Что касается международных гарантий договоренностей с Пакистаном и Ираном, то Кабул не предопределяет заранее полного состава государств-гарантов, но считает, что в их число должны войти СССР и США, а также другие государства, приемлемые для Афганистана и его соседей.

Если бы удалось достичь договоренностей о прекращении и возобновлении в будущем вооруженного или иного вмешательства в дела Афганистана, то отпали бы и причины, побудившие его обратиться к Советскому Союзу с просьбой ввести ограниченный воинский контингент. Так возникли бы условия для вывода из Афганистана советских

¹⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 13.

¹⁸ См.: «Правда», 26.VIII.1981.

войск, была бы ликвидирована кризисная ситуация в одном из районов Юго-Западной Азии, возникшая по вине империализма, а это, безусловно, оказало бы благотворное влияние на общую международную обстановку.

Серьезную преграду осуществлению экспансионистских планов США и Китая в Азии представляет собой независимая, самостоятельная миролюбивая внешняя политика Индии. Именно этим обусловлено давление, которое пытаются оказывать на Индию Вашингтон и Пекин. Вооруженные Соединенными Штатами и Китаем Пакистана, поощряемая ими провокационная возня вблизи пакистано-индийской границы вызывают понятную озабоченность правительства Индии и индийской общественности. В Индии не могут не обращать внимания на то, что Китай не только не намерен уходить с оккупированных индийских территорий, но и осуществляет военные приготовления по соседству с Индией — в Тибете, проводя там перемещение войск и создавая новые ракетные базы. Китай совместно с США совершает подрывные акции против Индии, вооружает и обучает сепаратистов в северо-восточных штатах, подстрекая их к выступлениям против индийского правительства.

Перед лицом происков международной реакции Индия продолжает проводить политику мира. Она играет важную роль в движении неприсоединения и обеспечении безопасности народов. Дальнейшему укреплению международных позиций Индии способствует советско-индийский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, 10-летие которого отмечалось в августе этого года.

Важной вехой на пути упрочения дружественных отношений между СССР и Индией стал визит Л. И. Брежнева в Индию в конце прошлого года. В совместной советско-индийской декларации, подписанной 10 декабря 1980 г. в Дели Л. И. Брежневым и И. Ганди, СССР и Индия призвали к устранению напряженности в Юго-Западной Азии и мирному урегулированию проблем бассейна Индийского океана.

Советский Союз и Индия призвали к ликвидации всех имеющихся в Индийском океане иностранных военных и военно-морских баз, таких, как Диего-Гарсия, к недопущению создания новых баз и осудили любые попытки наращивания иностранного военного присутствия в Индийском океане, под каким бы предлогом они ни предпринимались. Индийская общественность с большим удовлетворением встретила заявление Л. И. Брежнева о том, что Индийский океан был и остается сферой жизненных интересов государств, расположенных на его берегах, а не каких-либо других.

«Взаимодействие с миролюбивой независимой Индией, — указывалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, — останется и в будущем одним из важных направлений советской внешней политики»¹⁹.

Выражая озабоченность взрывоопасной ситуацией в различных регионах Азиатского континента, XXVI съезд КПСС выдвинул конструктивные предложения по урегулированию положения на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива, предложил провести переговоры по осуществлению мер доверия на Дальнем Востоке со всеми заинтересованными странами. Съезд выразил солидарность с борьбой Корейской Народно-Демократической Республики за мирное демократическое объединение родины без вмешательства извне. На съезде отмечалось, что действия Советского Союза созвучны стремлениям стран и народов, добивающихся создания зон мира в Юго-Восточной Азии, Индийском океане и других районах земного шара.

¹⁹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 14.

Руководствуясь решениями XXVI съезда КПСС, Советский Союз проводит курс на дальнейшее развитие и укрепление братских отношений с социалистическими странами Азии, на дружбу и сотрудничество с Индией, на разносторонние связи с освободившимися государствами. На съезде были вновь подтверждены советские предложения о нормализации отношений с Китаем, говорилось о стремлении к налаживанию сотрудничества с Индонезией и другими странами — членами АСЕАН, выражалась надежда на изменение к лучшему отношений с Японией.

Линия СССР на установление добрососедства и сотрудничества в Азии находит полную поддержку стран социализма. Это показали проходившие в июле — августе 1981 г. в Крыму встречи Л. И. Брежнева с руководителями братских стран. Государства социалистического содружества выразили озабоченность обстановкой в Азии, где Вашингтон значительно активизировал свою агрессивную политику, толкает Японию на перевооружение, пытается наладить военно-политическое сотрудничество США и Китая. Участники встреч в Крыму заявили о твердой поддержке Вьетнама, Лаоса и Кампучии, испытывающих грубое давление Вашингтона и Пекина, решительно осудили все проявления политики империализма и гегемонизма.

На встрече Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбалом отмечалось, что для укрепления основ всеобщего мира было бы полезно осуществление советского предложения, целиком разделяемого Монголией, — о применении мер доверия на Дальнем Востоке. Применение этих мер возможно на коллективных началах с участием всех заинтересованных сторон. Возможно оно и на двусторонней основе.

Л. И. Брежнев поддержал выдвинутое на XVIII съезде МНРП предложение о заключении конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана²⁰. Предложение предусматривает созыв с этой целью конференции стран указанных регионов, на которую могут быть приглашены также все государства — постоянные члены Совета Безопасности ООН.

Во время визита в Москву в сентябре 1981 г. Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуана Л. И. Брежнев указывал: «Где-где, а в Азии нужда в мире острейшая... Вопреки Пекину многие азиатские государства выступают за прочные добрососедские отношения. Не идут они и на поводу у Вашингтона. Они хотят жить независимой жизнью. Такая позиция может вызывать только уважение. Хозяевами Азии могут быть только сами азиатские народы, желающие мира и свободы». «СССР и СРВ убеждены, — констатировалось на встрече руководителей КПСС и КПВ, — что упрочение безопасности в Азии должно стать общей целью азиатских государств»²¹.

Линии империализма и гегемонизма на обострение международной обстановки Советский Союз и другие социалистические страны противопоставляют политику разрядки, разоружения, ликвидации очагов напряженности, решения спорных проблем путем переговоров. Такой курс встречает понимание и поддержку передовых общественных сил в различных странах, служит надежной гарантией мира и безопасности в Азии и на всей нашей планете.

²⁰ См.: «Правда», 12.VIII.1981.

²¹ Там же.

К 15-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА АН СССР

Маоизм — идейный противник марксизма-ленинизма :

**[Критика маоистской идеологии в трудах ученых Института
Дальнего Востока АН СССР]**

Перед марксистским Китаеведением в начале 60-х годов возникла новая актуальная задача — разоблачение и научная критика идеологии маоизма. «Особый курс» китайского руководства, провозглашенный именно в это время, а затем и развязанная в самом Китае так называемая «культурная революция» поставили перед учеными-Китаеведами ряд сложных, ответственных в научном и политическом плане проблем, среди которых на первое место выступила проблема раскрытия классовой сущности маоистской платформы, ее идейно-политического содержания. Чтобы правильно оценить политику маоистского руководства Китая, необходимо было вскрыть ее идеологический «фундамент», идейно-теоретические и социальные истоки, проанализировать процессы формирования и эволюции маоизма, определить его действительное место в революционной борьбе китайского народа за национальное и социальное освобождение и, наконец, выявить его реальное отношение к процессу социалистических преобразований, начавшихся в Китае в середине 50-х годов. Комплекс принципиальных вопросов идеологического порядка возник и в связи с внешней политикой маоистов, их позицией в отношении войны, мира и революции, их подрывной, раскольнической деятельностью в международном коммунистическом движении и в мировом революционном процессе в целом.

Перед Китаеведами-марксистами встал, таким образом, целый ряд идеологических, социальных и политических проблем новейшей истории Китая, решение которых предполагало комплексный, системный подход к новой теме — маоизм.

В исследовании маоизма ученые Института Дальнего Востока (ИДВ) опираются на принципиальные оценки классовой сущности идейно-политической платформы маоистского руководства КПК, данные в решениях июльского (1963 г.), февральского (1964 г.) Пленумов ЦК КПСС, в Открытом письме ЦК КПСС партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза от 14 июля 1963 г., в докладе Л. И. Брежнева на декабрьском (1966 г.) Пленуме ЦК КПСС, в документах XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, в выступлении Л. И. Брежнева на Международном совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г., в речах и докладах других руководителей КПСС. В этих документах и материалах наша партия указала на мелкобуржуазный, враждебный марксизму-ленинизму, антисоциалистический характер идеологии и политики маоизма, вскрыла великодержавно-шовинистическую, милитаристскую суть маоистского курса внутри Китая и на международной арене.

Поскольку комплексное изучение маоизма требовало соединения усилий ученых различных общественных дисциплин — философов, социологов, экономистов, историков, — оно велось Институтом Дальнего Востока в тесном содружестве с учеными Института марксизма-лени-

низма при ЦК КПСС, Института философии АН СССР, Института государства и права АН СССР, сотрудниками некоторых других учреждений.

Ряд работ по критике маоизма был подготовлен совместно с учеными — китаеводами и обществоведами братских социалистических стран¹. При написании фундаментальных работ по критике маоизма ученые ИДВ опирались на последние достижения марксистского обществоведения, в частности на те труды видных советских ученых, где даются оценки идеологическому курсу маоистского руководства КПК: работы П. Н. Федосеева, А. М. Румянцева, О. Б. Борисова, М. Л. Алтайского, А. И. Соболева, Ф. М. Бурлацкого, М. Ильина, М. С. Капицы, Б. Т. Колоскова и др.

Если охарактеризовать динамику исследований, проведенных учеными института в области критики маоизма за 15 лет, то необходимо отметить, что процесс этот шел по линии постепенного обобщения накапливаемого материала, перехода от частных оценок к общим, охватывающим проблему в целом, углубления анализа и формулирования выводов. Начав со сборников статей по отдельным аспектам критики маоизма², институт закладывал фундамент будущих комплексных работ монографического характера. Первым таким трудом стала коллективная монография «Критика теоретических концепций Мао Цзэдуна» (1970), написанная совместно с учеными Института философии АН СССР. В ней уже были выделены основные проблемы критики маоизма, начиная от его идейных истоков и кончая отдельными узловыми вопросами идеологического, политического и социального порядка. Последующее развитие исследований маоизма в ИДВ шло уже именно по комплексно-системной линии. А это в свою очередь потребовало известной специализации научных разработок по целому ряду новых для советского китаеведения проблем. Прежде всего перед китаеводами-философами возник ряд принципиальных проблем оценки методологии маоизма, ее отношения к марксистско-ленинской философии. Вполне понятно, что без решения этой узловой проблемы невозможно было правильно оценить и другие стороны маоизма, вскрыть его внутреннюю логику, теоретический фундамент. Этот аспект критики маоизма был успешно разработан в монографии известных советских китаеведов-философов М. Л. Алтайского и В. Г. Георгиева «Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэдуна» (М., 1969). Монография была, по существу, первым в советском китаеведении специальным исследованием философии маоизма, вскрывшим несовместимость маоистских взглядов с марксистско-ленинской методологией, указавшим на субъективно-идеалистический характер философии маоизма, ее антимарксистскую, антиленинскую сущность. Этот принципиальный вывод дал методологическую базу для дальнейшего исследования учеными института различных аспектов маоизма — экономических, социальных, политических и идеологических.

Главной задачей последующих исследований была разработка марксистской концепции маоизма как мелкобуржуазного, националистического идейно-политического течения. Разработке этой концепции были посвящены работы ведущих ученых института, прежде всего М. И. Сладковского, В. А. Кривцова, В. Ф. Феоктистова, Л. М. Гудошниковой, Е. А. Коновалова, А. Г. Яковлева. Определенный вклад в исследование отдельных проблем научной критики маоизма внесли работы Е. Ф. Ковалева, Л. С. Переломова, Т. Р. Рахимова, В. Ф. Сорокина, С. Д. Марковой, В. Я. Сидихменова, А. П. Булкина. Раскры-

¹ См., например: Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма. М., 1974; Маоизм без Мао. М., 1979.

² Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэдуна. М., 1969; Ленин и проблемы современного Китая. М., 1971.

тию идеологических основ подрывной деятельности маоистов в различных отрядах мирового революционного движения посвящены работы Б. В. Поспелова, Р. М. Асланова.

В результате комплексных разработок, которые осуществлялись в содружестве с учеными других научных учреждений, была выработана научная концепция маоизма, изложенная в обобщающем труде института «Идейно-политическая сущность маоизма» (1977).

В этой работе было показано, что маоизм представляет собой определенное мелкобуржуазное великодержавно-шовинистическое идейное и политическое течение, обладающее как общими для всякого мелкобуржуазного течения чертами, так и специфическими особенностями, обусловленными той конкретно-исторической и национальной почвой, на которой оно возникло. Были выявлены следующие основные черты маоизма:

— воинствующий гегемонизм, пронизывающий все сферы внутренней и внешней политики маоистов, главной стратегической целью которой является превращение Китая в мощное в военном отношении государство, милитаристскую сверхдержаву, способную обеспечить маоистскому руководству мировую гегемонию;

— идеология и практика деспотической власти, выступающей в форме военно-бюрократической антинародной диктатуры узкой группы лиц, основу которой составляет насилие над трудящимися;

— милитаризм, проявляющийся в ставке на войну как универсальное средство решения всех социальных вопросов и в милитаризации всех сторон общественной жизни Китая, подчинении социально-экономической политики целям всемерного наращивания военного потенциала в ущерб жизненным интересам трудящихся;

— беззастенчивое паразитирование на марксизме-ленинизме, стремление прикрыть марксистско-ленинской терминологией фактическую алысификацию научного коммунизма и таким путем выдать маоизм за «марксизм-ленинизм современной эпохи»;

— острая враждебность научному социализму, принявшая форму антисоветизма, в основе которой лежит отрицание международного опыта социалистического строительства, стремление противопоставить Китай, его «путь» всему социалистическому содружеству;

— смыкание с наиболее реакционными силами капиталистического мира на почве антисоветизма и борьбы с международным коммунистическим и революционно-демократическим движением³.

Главной чертой маоизма является великодержавный шовинизм, который воплощается в гегемонистской милитаристской политике. Именно шовинизм и гегемонизм определяют в маоизме подход к основным проблемам современности и в конечном итоге — его враждебность научному коммунизму, реальному социализму, принявшую форму ярого антисоветизма и приведшую к военно-политическому альянсу с силами империализма и крайней реакцией. Сомкнувшись с наиболее реакционными силами современности, маоизм превратился в своеобразную разновидность антикоммунизма, в серьезную угрозу делу мира, социализма, демократии и прогресса всего человечества.

Поскольку маоизм является определенным идейно-политическим течением, исторической реальностью, он не может не иметь объективные и субъективные истоки. Выявление этих истоков — серьезная научная проблема, решение которой дает ключ к пониманию социально-политической природы маоизма, процесса его возникновения, эволюции и перспектив существования. Разработке этой важной проблемы были посвящены труды В. А. Кривцова, в которых прослеживаются соци-

³ См.: Идейно-политическая сущность маоизма. М., 1977, с. 6.

альные, идейные и психологические истоки маоизма⁴. Принципиальное значение имел его вывод о том, что маоизм «возник и утверждался в Китае на мелкобуржуазной почве, однако его социальные связи, разумеется, не ограничивались мелкой буржуазией, но охватывали также и китайскую среднюю буржуазию... Со всем этим в значительной мере связана двойственная природа маоизма — его «левая», революционистская форма и правое, оппортунистическое содержание»⁵. В работах В. А. Кривцова была вскрыта связь маоизма с различными идеологическими течениями — как традиционными, китайскими, так и современными, западными. Было подчеркнуто, что связь маоизма с этими идеологическими течениями имеет опосредованный характер и не означает, что маоизм можно свести к какой-либо из этих идеологий, уподобить им⁶. Испытывая на себе влияние различных идеологических течений, маоизм переработал их в собственную социал-шовинистическую доктрину, главным идейным истоком которой явился китайский реакционный национализм, великоханьский шовинизм.

Этот вывод позволил научно подойти к следующей важной проблеме — вопросу о формировании и эволюции маоизма как определенного идейно-политического течения в КПК. Данной проблеме был посвящен ряд работ сотрудников Института Дальнего Востока⁷, в которых прослеживается сложный и противоречивый процесс эволюции маоизма, ее зависимость от объективных и субъективных факторов, соотношение между политической деятельностью маоистов и их идейно-теоретическими концепциями и т. д. В результате было показано, что маоизм как идеологическое течение вырос на определенной объективной исторической почве и является в конечном итоге порождением экономической, социальной и духовной отсталости Китая. Однако главным, решающим фактором его формирования и дальнейшей эволюции следует признать все же причины субъективного порядка — политическое поведение и теоретическую «деятельность» Мао Цзэдуна и его группировки в КПК. Дело в том, что традиционно-националистические и прочие немарксистские концепции, на базе которых формировались взгляды Мао Цзэдуна, несомненно, могли быть преодолены в процессе последующего глубокого овладения марксизмом-ленинизмом и изучения революционного (в том числе и научно-теоретического) опыта других коммунистических партий, международного коммунистического движения в целом, которое, как указывал В. И. Ленин, «международно, по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран»⁸. Между тем Мао Цзэдуна начинал и продолжал свою политическую и теоретическую деятельность как мелкобуржуазный националист, сознательно третирующий международный опыт рабочего и коммунистического движения, научное наследие марксистско-ленинской теории.

Научные исследования сотрудников ИДВ показали, что маоизм прошел в своем развитии ряд этапов, причем определяющим и направляющим моментом его эволюции был национализм, переросший в конечном итоге в великоханьский социал-шовинизм. Как особое идеоло-

⁴ См.: В. А. Кривцов. Маоизм: истоки и сущность. М., 1976; его же. Маоизм и китайская идейная и социально-психологическая традиция. — «Вопросы философии», 1976, № 8, с. 95—107; его же. Об одном реакционном идейно-политическом анахронизме XX в. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 1, с. 104—115.

⁵ Цит. по: Идейно-политическая сущность маоизма, с. 38.

⁶ См. там же, с. 42.

⁷ См., например: В. Ф. Феоктистов. Об этапах идеологической эволюции маоизма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4; его же. Маоизм и судьбы социализма в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 3.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 24.

гическое течение в КПК маоизм возник в начале 40-х годов и явился наследником и «продолжателем» мелкобуржуазного националистического уклона, существовавшего в КПК с 20-х годов. Мао Цзэдун попытался сконструировать свою, «особую», «китаизированно-марксистскую» платформу, опираясь на которую он вел теоретическую и политическую борьбу против научного социализма.

Начав свою политическую деятельность как мелкобуржуазный революционер националистического толка, Мао Цзэдун не только не «преодолел» затем эти настроения и предрассудки, но и сознательно развил их в логичную по-своему систему взглядов великодержавного шовинизма, которую можно охарактеризовать как своеобразный, «китаизированный» социал-шовинизм. Главной идеей этой «системы» всегда было представление о Китае как о «центре мира», которому историей предопределена роль мирового гегемона, призванного повелевать судьбами человечества. Отсюда вытекал и тот социальный идеал, который маоизм пытался навязать китайскому народу: милитаризованное общество «казарменного коммунизма». Этот идеал с теми или иными вариациями и оттенками присущ маоизму на всем протяжении его эволюции. Превращение Китая в «единный военный лагерь», милитаристскую сверхдержаву — таков лейтмотив всей теоретической и политической деятельности Мао Цзэдуна и его сторонников.

При исследовании процесса эволюции маоизма учеными института было обращено внимание на одну его существенную особенность — политический и теоретический прагматизм, предвзятое использование философской фразеологии для «теоретического» оправдания политической практики. А поскольку маоизм развивался внутри коммунистического движения, он прибегал к марксистским понятиям и категориям, стремясь таким образом придать своей доктрине и практике «марксистскую» форму. Тем самым политический прагматизм дополнялся беззастенчивой спекуляцией на марксизме, именем которого маоизм пытался прикрыть, закамуфлировать свою собственную политическую идеологию. Эта особенность маоизма наложила свой отпечаток на его эволюцию и в значительной степени определяла его тактику на различных этапах развития.

В исследованиях института были выделены следующие четыре основных этапа эволюции маоизма при жизни Мао Цзэдуна:

1917—1939 гг. — предыстория маоизма, период зарождения и формирования взглядов Мао Цзэдуна на мелкобуржуазной шовинистической основе;

1940—1949 гг. — период оформления «идей» Мао Цзэдуна в особое идеологическое течение, политической платформой которого явилась пресловутая концепция «новой демократии»;

1949—1957 гг. — время становления особых маоистских взглядов на проблемы развития КНР в условиях проведения глубоких социально-экономических преобразований и перехода маоизма от теории «новой демократии» к попытке приспособить идеи социализма к осуществлению великодержавно-шовинистического курса;

1958—1976 гг. — этап завершения оформления «идей» Мао Цзэдуна в великодержавно-шовинистическую, милитаристскую доктрину. В этот период, особенно начиная с 60-х годов, маоизм полностью раскрывает свою реакционную националистическую сущность, открыто противопоставляет себя теории и практике научного коммунизма, международному коммунистическому и рабочему движению и открыто вступает в союз с империализмом⁹.

Научный, объективный анализ идеологической и политической платформы китайского руководства после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г.,

⁹ Подробнее об этом см.: Идейно-политическая сущность маоизма, с. 16—24.

проведенный сотрудниками ИДВ, позволил сделать важный вывод о том, что основные, «сущностные» черты маоизма — социал-шовинизм, милитаризм и антисоветизм как форма проявления глобального анти-социализма — остались идеологическим фундаментом всей внутренней и внешней политики и нынешнего руководства КПК и КНР. В то же время нынешнее руководство Китая, вынужденное считаться с тем широким недовольством народа, которое вызвал маоизм при жизни Мао, а также учитывая тяжелое экономическое положение страны, явившееся следствием маоистской экономической политики, предприняло попытки вывести маоизм из кризиса, подновить, скорректировать отдельные его «идеи», с тем чтобы он более эффективно, чем прежде, «работал» на шовинистические гегемонистские цели. Иными словами, речь шла о создании новой «версии» маоизма, о его модернизации. В статье, подготовленной сотрудниками ИДВ совместно с учеными Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, «Маоизм — идеология и политика, враждебные марксизму-ленинизму», этот новый этап эволюции маоизма «без Мао» характеризуется следующими чертами:

— усиление идей великодержавного шовинизма и гегемонизма в теории и активизация в практике;

— ужесточение антисоциализма и антисоветизма как выражение принципиальной враждебности маоизма научному коммунизму;

— дальнейший сдвиг политического курса вправо, к прямому смыканию с мировым империализмом на базе антисоветизма; «развитие» «концепции трех миров» с целью теоретического оправдания проимпериалистического курса;

— активизация политических усилий, нацеленных на срыв международной разрядки и провоцирование новой мировой войны;

— новая политика в отношении международного рабочего класса, преследующая цель вовлечь его в союз с мировой буржуазией для борьбы против СССР и других стран социалистического содружества;

— попытки представить маоизм как принципиально «новую» теорию и практику социалистической революции и социалистического строительства:

— усиление спекуляций на авторитете марксизма-ленинизма;

— углубление противоречий в экономической политике китайских руководителей; сохранение маоизма в теории и утилитарный подход к практике;

— сохранение курса на милитаризацию страны;

— сохранение политической нестабильности и борьба за власть внутри китайского руководства.

Эту характеристику маоизма после Мао, данную Институтом Дальнего Востока в 1979 г., подтвердили события последующих двух лет. Они показали глубокий, всесторонний кризис маоизма, выход из которого нынешние лидеры Китая пытаются найти на путях «подчистки» «облагораживания» все тех же принципиально маоистских «идей», отбора из них тех постулатов и «положений», которые бы эффективно обслуживали милитаристскую «модернизацию» Китая. Сам же маоизм, как эклектичная и противоречивая доктрина, вполне позволяет осуществить подобную пересортицу составляющих его компонентов.

Процесс этот проходит и проходит в обстановке острой борьбы двух основных тенденций, двух группировок в китайском руководстве — деятелей, близких к «ортодоксальной», левацкой «версии» маоизма, во главе с Хуа Гофэном, и «чистых» прагматиков, сторонников правонационалистического варианта «идей» Мао Цзэдуна во главе с Дэн Сяопином. Соглашаясь в главном, существенном — в необходимости сохранить и развивать дальше великодержавное милитаристское содержание маоизма, — они расходятся лишь в определении конкретных путей достижения общих стратегических целей.

Общее, что характеризует платформу нынешнего руководства Китая, — это усиление, развитие изначально заложенной в маоизме антисоветской реакционно-националистической и милитаристской направленности политики и идеологии. Именно такой характер имели все официальные идеологические мероприятия пекинских лидеров за эти годы. Антисоветизмом и милитаристско-националистической направленностью отмечены решения XI съезда КПК (август 1977 г.), последующих пленумов ЦК КПК, трех сессий ВСНП. Особенно враждебный Советскому Союзу, КПСС, всему социалистическому содружеству характер имела редакционная статья газеты «Жэньминь жибао» от 1 ноября 1977 г. о маоистской «теории трех миров». Газета откровенно высказывалась о стремлении пекинских лидеров к прямому блокированию с мировой империалистической реакцией в ее борьбе против реального социализма, коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. Впоследствии в той или иной форме этот воинствующий антисоветизм неизменно присутствовал в официальных документах Пекина.

В полной мере унаследован нынешним китайским руководством и маоистский милитаризм. Программа «четырёх модернизаций», одобренная на XI съезде КПК и принятая на I-й сессии ВСНП пятого созыва (февраль — март 1978 г.), нацелена, по существу, на развитие главным образом военно-промышленного комплекса Китая, на превращение его к концу XX столетия в мощную милитаристскую державу, способную осуществить «стратегическую идею» Мао Цзэдуна — завоевать мировую гегемонию.

Сохраняя и развивая вправо шовинистическое, милитаристское, антисоветское «ядро» маоизма, нынешние руководители Китая стремятся в то же время существенно «подкорректировать» конкретные «идеи» Мао, отказавшись от тех из них, которые, имея откровенно волюнтаристский, кричаще левацкий характер, стали особенно непопулярными и тормозят реализацию стратегических планов Пекина.

Борьба в китайском руководстве по вопросу о том, какую «версию» маоизма следует «вырабатывать» в качестве идеологических и теоретических основ деятельности партии и государства на будущее, прошла два этапа. Первый начался с сентября 1976 г. — с борьбы против «четверки» — и завершился XI съездом КПК в августе 1977 г. Была выработана первая подновленная версия маоизма — версия группировки Хуа Гофэна, сторонников «ортодоксального» маоизма. На этом этапе пекинское руководство стремилось исключить из маоизма явно левацкие крайности, приспособить его к задачам быстрого наращивания военно-экономического потенциала страны, сделать его с экономической точки зрения более эффективным, не затрагивая при этом основные компоненты маоизма как концепции «казарменного коммунизма». Эта «версия» маоизма была зафиксирована в документах XI съезда КПК, проведенного под лозунгом продолжения «революционной линии» Мао Цзэдуна. Основные идейно-теоретические компоненты этой «версии» были сведены к трем «теориям» Мао — «теории новодемократической революции», «великой теории продолжения революции при диктатуре пролетариата» и «теории деления мира на три мира» — в качестве идейно-теоретической основы антисоциалистического, империалистического курса на международной арене. Причем «классовая борьба» в этой «версии» маоизма стала трактоваться как составная часть экономической политики.

Второй, продолжающийся и поныне этап борьбы в китайском руководстве вокруг идейного наследия Мао Цзэдуна начался с мая 1978 г. и связан с возвращением к активной политической деятельности репрессированного в апреле 1976 г. Дэн Сяопина. Он характеризуется тенденцией к дальнейшему пересмотру отдельных компонентов маоизма

ма в прагматическом духе путем уже не только преодоления «левой» революционистских крайностей этой доктрины, но и замены его «левой» версии правой, оппортунистической.

После XI съезда КПК китайское руководство взяло курс на осуществление «четырех модернизаций». И здесь выяснилось, что та версия маоизма, которая была зафиксирована в решениях съезда, не дает возможности быстро и эффективно реализовать намеченные планы. Решено было внести в нее существенные коррективы и соединить «идеи Мао» с практикой «четырех модернизаций». Главным инициатором создания этой, еще одной конъюнктурной «версии» маоизма явился Дэн Сяопин. Смысл его «реформаторской» деятельности свелся к тому, чтобы развязать себе руки в осуществлении явно пробуржуазного, правого курса внутри страны и на международной арене. Уводя Китай все дальше по пути смыкания с мировым империализмом, с капиталистическим Западом, Дэн Сяопин пытается сконструировать из тех же «идей Мао» свой вариант социал-шовинизма.

Из них были выбраны прежде всего те положения, которые позволяли бы прагматически подходить к теории вообще, и в первую очередь положение Мао о необходимости «реалистического подхода», опираясь на которое он в свое время произвел ревизию марксизма в КПК. Именно такой смысл носила развернутая по инициативе Дэн Сяопина в мае 1978 г. кампания под лозунгом «практика — единственный критерий истины». Релятивистски толкуя это марксистское положение, китайская пропаганда стремилась создать впечатление, что все теории, в том числе и «идеи Мао Цзэдуна», нуждаются в постоянной «корректировке», «проверке практикой». В данном случае — практикой «четырех модернизаций». За этим скрывалась цель пересмотреть не подходящие к курсу «четырех модернизаций» «идеи Мао», оставляя в неприкосновенности дух, стратегическую направленность маоизма. Убедившись в недостаточной эффективности «левой» версии маоизма для осуществления милитаристского курса, рассчитанного на прямой военно-политический союз с мировым империализмом, правые прагматики в китайском руководстве решили «модернизировать» маоизм, вернув его к правой, изначальной сущности. Особенно отчетливо эти цели обнаружались в решениях III пленума ЦК КПК в декабре 1978 г., на котором было объявлено о «переносе центра тяжести всей работы партии на четыре модернизации», а тезис о необходимости развертывания в стране «классовой борьбы» был фактически снят.

Курс на развитие экономических и политических связей с Западом на антисоветской, антисоциалистической основе заставлял китайское руководство приспособлять к нему также свою идеологическую и политическую доктрину. Именно этим можно объяснить тот факт, что «левые» лозунги маоизма очень скоро были заменены в Китае правыми, откровенно пробуржуазными. На вооружение была взята маоцзэдуновская концепция «новой демократии» с ее буржуазно-националистическим содержанием. Вместо же теории обострения классовой борьбы» при социализме пропаганда всячески стала превозносить «великое учение Мао Цзэдуна о едином фронте», который был объявлен политической основой государства в Китае. Если в годы господства «левого», ортодоксального маоизма противоречия между буржуазией и рабочим классом в Китае объявлялись главными, то теперь печать стала усиленно проводить тезис о том, что в стране нет вообще никаких социальных, классовых противоречий, что буржуазия будто бы давно перевоспиталась, превратилась в «новых трудящихся».

Для обоснования этого тезиса официальная пекинская пропаганда вновь обращается к работам Мао Цзэдуна, в частности к его выступлению «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (февраль 1957 г.). Из этого выступления настойчиво цитируются

высказывания Мао Цзэдуна о якобы «неантагонистическом характере» противоречий между рабочим классом и буржуазией в Китае. Этот ревизионистский постулат Мао пущен сейчас в активный идеологический оборот с целью оправдать экономический и политический курс на привлечение «местной» и эмигрантской «национальной» буржуазии к участию в милитаризации Китая. Не случайно «лево»-маоистский лозунг об обострении классовой борьбы при социализме, о постоянном «раздвоении» социалистического общества на рабочий класс и «новую буржуазию» заменен в Китае тезисом о «социальной однородности» китайского общества, об исчезновении в нем антагонистических классов. И в соответствии с этим «исходным положением» главным противоречием китайского общества объявлено противоречие уже не между рабочим классом и буржуазией, а между сторонниками и противниками курса «четырёх модернизаций».

Но все это не означает, что маоцзэдуновский курс на продолжение «классовой борьбы» при социализме полностью отброшен. Он лишь видоизменен, а именно изменился объект «классовой борьбы». Теперь им стала не буржуазия, а противники «четырёх модернизаций», против которых китайское руководство обещает и впредь продолжать «классовую борьбу». Но характерно, что этот «отход» от «левого» интерпретации «идей» Мао о главном противоречии при социализме китайские лидеры совершили с помощью других «идей» того же Мао Цзэдуна. Здесь на помощь им пришел его тезис о «взаимопереходе» двух типов неодинаковых по своему характеру противоречий при социализме — неантагонистических «противоречий внутри народа» и антагонистических «противоречий между нами и нашими врагами». Согласно «учению» Мао, они при «известных условиях» могут «меняться местами», то есть из антагонистических превращаться в неантагонистические, и наоборот. Ухватившись за это «открытие» Мао 50-х годов, нынешние руководители Китая дают понять, что противоречия, возникающие в ходе осуществления их социально-экономического курса, тоже могут быть объявлены «классовой борьбой» и антагонистическими противоречиями. Иными словами, как и при Мао, закладывается «теоретическая» база под проводимые и будущие репрессии в отношении противников курса на милитаризацию Китая и превращение его в активного союзника мирового империализма. Следовательно, из арсенала «идей» покойного «кормчего» китайским лидерам необходимо выбрать праворевизионистские, пробуржуазные тезисы.

Как показали исследования ученых Института Дальнего Востока, с переименованием маоцзэдуновской концепции «классовой борьбы» тесно связано и возрождение в идеологическом арсенале китайских лидеров «идей» Мао о «едином фронте», а в политике — его курса на «взаимный контроль» деятельности КПК и буржуазных партий. Раскрывая цели возрожденного ныне в Китае «единого патриотического фронта», Дэн Сяопин заявил в октябре 1979 г., что на «новом историческом этапе» китайское руководство «заинтересовано» в «богатом практическом опыте и знаниях» членов «демократических партий», в их «умении руководить хозяйством», что необходимо для осуществления программ «четырёх модернизаций». Поэтому «длительное сосуществование и взаимный контроль» как форма взаимоотношений КПК и других партий явится отныне, по словам Дэн Сяопина, «неизменным курсом на длительный период». Характерно, что, возрождая маоцзэдуновскую «теорию единого фронта», пекинские лидеры умалчивают о классовом содержании этой организации, не упоминают и о руководстве ею со стороны рабочего класса. В то же время перед «фронтом» ставится совершенно четкая политическая задача — внести «еще больший вклад в дело расширения международного единого фронта борьбы против гегемонизма». Иными словами, он призван стать еще

одной активной силой антисоветской, антисоциалистической политики китайского руководства.

Подобный поворот вправо в идеологии не мог не отразиться и на пропаганде «социализма» в Китае, которая продолжает вестись под демагогическими лозунгами «творческого развития марксизма» и поисков «своего», китайского варианта социализма. С начала 1980 г. в пекинской пропаганде настойчиво проводится мысль о том, что якобы научного социализма как идейно-теоретической основы построения социализма на практике не существует. Теория социализма, созданная классиками марксизма-ленинизма, объявлена в Пекине лишь «наукой об общих законах общественного развития», которая будто бы непригодна для «практики» строительства социализма, поскольку «социализм надо строить не вообще, а в конкретной стране» с ее спецификой, которую «научный социализм как «общая теория» учесть не смог». Однако, рассуждают в Пекине, «более или менее соответствующее реальности познание социализма» зафиксировано «в важнейших документах КПК и работах товарища Мао Цзэдуна»: «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», «О десяти важнейших взаимоотношениях» и «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа». Следовательно, китайские лидеры, по существу, отказываются признавать марксизм научной основой «практики» Китая, продолжая выдавать куцые и к тому же изрядно откорректированные «идеи Мао Цзэдуна» за теоретическую основу своего курса. Не случайно прагматизация идеологической жизни Китая стала характерной чертой официальной пекинской пропаганды. В этой прагматизации, собственно, и состоит основной смысл проводившейся в стране кампании по «раскрепощению сознания».

В духе изложенного выше пересмотра отдельных «идей Мао» происходит и переоценка значения «культурной революции», ее «концепций». Если в материалах XI съезда КПК она объявлялась исторически неизбежным моментом, закономерностью развития Китая, то теперь этот тезис снят. Более того, фактически «культурная революция» признана «ошибкой», имевшей серьезные отрицательные последствия для всей социально-экономической и культурной жизни общества.

Объективно курс на пересмотр, «корректировку» маоизма подрывает авторитет «идей Мао Цзэдуна». Однако сами авторы новейших «версий» маоизма не преследуют цели его дискредитации. Скорее наоборот, нынешние пекинские руководители, независимо от принадлежности к той или иной фракции, все сходятся в стремлении сохранить маоизм, закрепить его в «новой версии» в качестве идеологической и политической основы деятельности партии и государства. И хотя выработка очередных «версий» маоизма происходит в столкновении различных тенденций и позиций в китайском руководстве, общей ее чертой является стремление укрепить основные черты «идей Мао» как милитаристской социал-шовинистической идеологии. Маоизм по-прежнему рассматривается пекинским руководством как некая «научная система», «теоретическая основа» практической деятельности партии. Новым моментом в оценке маоизма явилась в последнее время лишь его характеристика как «результата коллективной мудрости партии», «обобщенной Мао Цзэдуном и его соратниками». Иными словами, маоизм представляется уже не просто плодом творчества одного Мао Цзэдуна, но «обобщением теоретического и практического опыта китайской революции», заслугу которого наряду с Мао делят и другие руководители КПК. При этом китайское руководство вновь вернулось к характеристике «идей Мао» как результата «соединения марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции». Именно так они охарактеризованы в решениях VI пленума ЦК КПК (1981 г.).

Ученые ИДВ АН СССР в своих исследованиях показали, что звучащая сейчас в Пекине критика отдельных моментов деятельности Мао Цзэдуна, открытое признание допущенных им ошибок не затрагивают коренных, принципиальных основ маонизма как социал-шовинистической милитаристской идеологии. Анализ направленности «корректировки» маонизма, проводимой пекинским руководством, показывает, что маонизм «освобождают» от частностей, тех или иных постулатов, показавших свое полное теоретическое и практическое банкротство. В то же время из него отбирается и «усваивается» все то, что может и сейчас служить наращиванию военной мощи, тотальной милитаризации страны, политике военно-политического блокирования с империализмом, с силами реакции и войны.

Современный маонизм в целом идет вправо, развивая изначально заложенную в нем правонационалистическую тенденцию. И в этом проявляется логика развития реакционного мелкобуржуазного национализма, который в силу своей социальной, классовой природы может проявляться не только в левацкой, но и в правой форме.

Научный, марксистский анализ эволюции маонизма в современных условиях со всеми его «нео»- и «пост»-маонистскими модификациями по-прежнему является важной задачей, стоящей перед учеными-китаеведами, в том числе и перед сотрудниками Института Дальнего Востока АН СССР. К этому обязывают решения исторического XXVI съезда КПСС.

КНР — США: некоторые итоги и проблемы сближения

*В. П. Ломыкин,
кандидат экономических наук*

В последнее время государственные деятели Соединенных Штатов все чаще выступают с заявлениями о стратегической значимости китайско-американских отношений. Об этом свидетельствуют выступления президента Р. Рейгана и госсекретаря А. Хейга, в которых подчеркивается, что политика Вашингтона в отношении Китая базируется на «глобальной концепции» и отвечает «стратегическим интересам» США. Нет недостатка и в аналогичных высказываниях китайских лидеров, в частности заместителя председателя ЦК КПК Дэн Сяопина, неоднократно отмечавшего «долгосрочный, стратегический» характер сближения КНР с США.

Ни для кого не секрет, что стратегическое значение китайско-американских отношений оценивается в Пекине и Вашингтоне под углом зрения направленности против СССР. Исходя из этого, как признал бывший госсекретарь Г. Киссинджер в своих мемуарах, был начат процесс сближения США с Китаем. Вооруженные провокации маоистов на советско-китайской границе в 1969 г. решающим образом повлияли на изменение подхода Белого дома к Китаю¹. Антисоветизм Пекина стал отправным пунктом сформулированной администрацией Никсона—Киссинджера «дипломатии треугольника», а затем и «доктрины Картера» с ее откровенно односторонней ориентацией на сближение с Китаем. Новая администрация в Вашингтоне намерена продолжать «китайскую» политику Никсона — Форда — Картера, известную под названием «нормализация отношений»². Бывший президент Дж. Форд, посетивший в марте этого года Пекин с секретным посланием Р. Рейгана, заявил, что Белый дом будет укреплять американо-китайские связи с целью принятия совместных мер в отношении СССР. Первый визит нового госсекретаря США А. Хейга в Китай, состоявшийся в июне 1981 г., подтвердил, как отмечалось в американской печати, «твердое намерение» администрации Рейгана развивать «стратегические» взаимоотношения с Пекином³.

Что касается китайского руководства, то с конца 60-х годов каждый его шаг в заигрывании с Вашингтоном неизменно сопровождался эскалацией антисоветизма. Пекин не скрывает, что дальнейшее развитие отношений с США он связывает с формированием «единого фронта» против СССР. Официально курс на создание антисоветского фронта с включением в него США был провозглашен Хуа Гофэном на 1-й сессии ВСНП пятого созыва в феврале 1978 г. И с тех пор ни одна встреча лидеров КНР, в особенности Дэн Сяопина, с американскими представителями не обходится без призывов к объединению

¹ In: H. Kissinger. White House Years. Boston, 1979, p. 171.

² "New York Times", 1.IV.1981.

³ In: "Washington Post", 14.VI.1981.

США и Китая, к «формированию стратегической структуры совместного противодействия» Советскому Союзу⁴.

Процесс китайско-американского сближения, таким образом, направлен не на поиск путей равной для всех азиатских государств безопасности, а на создание Пекином и Вашингтоном на антисоветской основе выгодного для них «баланса сил» на международной арене. Это привело к тому, что в последние годы обстановка в Азии заметно осложнилась, выявились опасные тенденции углубления кризиса в азиатско-тихоокеанском регионе.

Новый этап в китайско-американских отношениях

Сближение Китая с США вступило за прошедшие два года в новый этап, характеризующийся активным развитием их военно-политических связей с целью усиления борьбы с Советским Союзом, социалистическим содружеством и национально-освободительным движением. Это проявляется в налаживании «параллельных» и совместных действий на международной арене, особенно в Азии, в развитии различных форм военного сотрудничества — от обмена информацией и взаимного ознакомления с «оборонным планированием» до разработки проектов оказания военной помощи Китаю.

Качественный сдвиг в отношениях КНР с Соединенными Штатами стал возможен вследствие отхода Вашингтона от политики разрядки и от развития диалога с Советским Союзом. В числе факторов, побудивших Белый дом к ухудшению американо-советских отношений, главным является стремление добиться военного превосходства над СССР, навязать свой диктат странам социализма, взять под свой контроль ресурсы развивающихся государств, укрепить свое лидерство в западном мире. Важная роль в этом отводится китайскому фактору.

С помощью Китая Вашингтон намеревается резко усилить давление на СССР, его союзников, на развивающиеся страны, обострить международную напряженность, вынудить западноевропейские страны и Японию отказаться от разрядки, которая способствовала укреплению их независимости и самостоятельности и повышению их роли в мировой политике. Китаю придается большое значение не только в текущей, но и в долгосрочной политике США. В Вашингтоне рассматривают развитие военно-политического сотрудничества с Китаем как еще одну форму вовлечения его в орбиту влияния капиталистической системы с целью, в частности, углубить деформацию социально-политического строя КНР в направлении к капитализму.

Что касается пекинских лидеров, то они еще в 70-х годах под предлогом «угрозы с Севера» подталкивали США, западноевропейские страны и Японию к развитию военных связей с Китаем для совместного «противодействия» СССР. Вступая в новый этап сближения с американским империализмом, Пекин усматривает в этом расширение возможностей для обострения конфронтации между США и СССР вплоть до провоцирования военного конфликта, активизации экспансионистской деятельности на главном направлении — в Юго-Восточной Азии, а также использования экономического потенциала Запада в целях модернизации военно-промышленной базы КНР.

Тактика провоцирования Пекином военного конфликта между двумя социально-политическими системами не нова. В конце 50-х — начале 60-х годов китайское руководство, встав на путь борьбы за гегемонию в международном коммунистическом движении, стремилось

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 23.VI.1981.

навязать Советскому Союзу и другим социалистическим странам тактику борьбы «острием против острия» и провоцирования военных конфликтов с США. В этой связи достаточно напомнить о тайваньском кризисе (1958) и подстрекательской позиции Пекина во время карибского кризиса (1962). Твердая позиция Советского Союза, отстаивающего мир и безопасность, не позволила тогда китайским лидерам разжечь пожар мировой войны.

В новых условиях блокирования с американским империализмом Пекин пытается использовать ту же тактику борьбы «острием против острия», но уже против Советского Союза⁵, выступая в качестве организатора «единого» антисоветского фронта и провоцируя США на войну против СССР. В течение многих лет китайские руководители выступают с позиций «теоретиков», провозглашающих неизбежность третьей мировой войны. Только в 1980 г., пользуясь встречами с иностранными журналистами, Дэн Сяопин дважды (в апреле и августе) высказывался в том плане, что война «рано или поздно» произойдет. «Новая ядерная стратегия» США, предусматривающая в соответствии с директивой № 59 бывшего президента Д. Картера ведение «ограниченной» ядерной войны, в полной мере отвечает планам Пекина, поскольку они, как и решение администрации Рейгана о производстве нейтронного оружия, ведут к увеличению вероятности конфликтных ситуаций с использованием оружия массового уничтожения.

В этой связи серьезная угроза нависает над безопасностью Европы. С точки зрения Пекина Европейский континент является наиболее подходящим районом провоцирования военного столкновения двух противоположных систем. Три фактора имеют для него решающее значение. Во-первых, именно Европа является центром противостояния двух военно-политических систем и именно здесь достигнуты наибольшие успехи в политике разрядки, в реализации выдвинутой и проводимой Советским Союзом Программы мира. Во-вторых, территориальная удаленность Китая от Европы снижает вероятность вовлечения его в конфликтные ситуации. В-третьих, поскольку главной сферой экспансионистской деятельности Китая является Азия, то Европа и европейская политика китайского руководства приобретает значение отвлекающего фактора.

Еще в 1974 г. Дэн Сяопин заявил о «неизбежности» войны в Европе, бесполезности переговоров о разоружении и других соглашений между Востоком и Западом. А когда Вашингтон начал отход от разрядки, навязав своим западноевропейским союзникам новую программу ракетно-ядерных и обычных вооружений, то Пекин открыто встал на сторону Пентагона и тех кругов НАТО, которые возглавили кампанию по нагнетанию напряженности в Европе. Китайские лидеры без промедления поддержали инициативу США о ежегодном трехпроцентном увеличении военных расходов и о размещении в соответствии с решением НАТО в декабре 1979 г. новых видов американского ракетно-ядерного оружия средней дальности. В этих целях был использован и визит бывшего председателя ЦК КПК Хуа Гофэна в Западную Европу осенью 1979 г. и его встреча там с Г. Киссинджером, ставшая недвусмысленной демонстрацией поддержки Вашингтона. Примечательно, что китайские лидеры выступили на стороне США, единственного государства на мадридской встрече представителей — участников Соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе, высказавшегося против предложения о созыве конференции по военной разрядке и разоружению в Европе, внесенного ПНР от лица стран Варшавского Договора. Не удивительно, что Пекин оказался в числе первых противников новых советских предложений о дальнейших шагах по укреплению

⁵ См.: «Жэньминь жибао», 27.III.1980.

доверия в военной области, установлению моратория на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности стран НАТО и СССР, а также других предложений⁶, выдвинутых с трибуны XXVI съезда КПСС.

Вместе с тем Пекин в последнее время мобилизует пропагандистские и дипломатические усилия на поддержку американских планов «модернизации ядерных вооружений» стран НАТО и расширение сферы действия этого империалистического блока⁷. Наряду с широкой пропагандистской кампанией в печати, полной подстрекательских заявлений и угроз в адрес Советского Союза⁸, китайские лидеры пытались использовать в тех же целях недавние визиты в Пекин министра иностранных дел Англии Каррингтона, премьер-министра Швеции Фельдина, лидера французской социалистической партии Миттерана и других западноевропейских политических деятелей. Провоцируя военное столкновение в Европе, Пекин, по сути дела, выступает в роли сообщника Пентагона, рассматривающего Европейский континент в свете «новой ядерной стратегии» как возможный театр военных действий с применением ядерного оружия.

Взаимодействие Китая и США на международной арене уже привело к усилению экспансионистских, авантюристических тенденций в их политике, следствием чего явилось возникновение новых «горячих точек» на планете.

Характерным примером в этом отношении служит конфликт в Индокитае, начало которому было положено вооруженной агрессией Китая против Вьетнама в феврале—марте 1979 г. И сама агрессия, и последующая политика дипломатической изоляции, экономического бойкота и военных провокаций Пекина против СРВ, Кампучии и Лаоса пользуются полной поддержкой Соединенных Штатов. Более того, сегодня Вашингтон и Пекин выступают уже единым фронтом в организации подрывной деятельности против стран Индокитайского полуострова. Налицо синхронность их действий в ООН, которая используется для навязывания мировому сообществу дискуссий по так называемому кампучийскому вопросу⁹. Американская дипломатия активно помогает Пекину в сколачивании «единой политической силы» из разношерстных реакционных сил — от Пол Пота до Сианука — с целью вмешательства во внутренние дела Народной Республики Кампучии¹⁰.

Прикрываясь разговорами о «вьетнамской угрозе», Пекин и Вашингтон ведут дело к дальнейшему обострению напряженности в Юго-Восточной Азии. Они оказывают давление на страны АСЕАН, чтобы ухудшить их отношения с Вьетнамом, Кампучией и Лаосом, пытаются превратить АСЕАН в военный блок, противостоящий трем государствам Индокитая. Именно эти цели преследовал визит премьера Госсовета КНР Чжао Цзяна в страны АСЕАН в августе с. г., во время которого китайский лидер всячески запугивал эти государства несуществующей «советской и вьетнамской угрозой». США за последние три года устроили поставки оружия указанным странам. Особая роль в этой связи отводится Таиланду. Его усиленно вооружают и натравливают против Вьетнама, Кампучии и Лаоса. В феврале 1981 г. во время поездки в Бангкок премьер Госсовета КНР Чжао Цзян поддерживал намерение американского империализма сорвать мирные инициативы СРВ, ЛНДР и НРК, касающиеся, в частности, проведения региональной конференции с целью стабилизации положения в Юго-

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 15.III.1981.

⁷ См. там же, 4.IV.1981.

⁸ См.: «Хунци», 1980, № 24; «Жэньминь жибао», 29.III.1981.

⁹ См.: «За рубежом», 1981, № 22.

¹⁰ См. там же.

Восточной Азии. Вместе с тем он призвал тайландское правительство усилить поддержку полпотовских сил.

Рост авантюризма во внешней политике Пекина, неоднократные высказывания его лидеров о возможности еще раз «преподнести урок» Вьетнаму, подкрепляемые постоянными военными провокациями на вьетнамо-китайской границе, а также поддержка этих действий Пекина Вашингтоном показывают, что «параллельные» действия Китая и США определенно ведут к усилению дестабилизации положения в Юго-Восточной Азии.

В равной степени опасными такие действия являются и на Среднем Востоке, где США и Китай активно и многосторонне поддерживают режимы некоторых мусульманских стран, ведущие необъявленную войну против демократического Афганистана. Как отмечала американская печать, в «афганском кризисе» Пекин и Вашингтон идут по пути «рационального разделения труда, которое можно было бы применять повсюду»¹¹. Суть такого «разделения труда» состоит в том, что пекинские лидеры во время визита в КНР министра обороны США Г. Брауна в январе 1980 г. выразили готовность увеличить поставки стрелкового оружия афганской контрреволюции, а США взяли на себя организацию «консорциума» по обеспечению Пакистана более мощным оружием. Сотрудничество Пекина и Вашингтона проявляется в подготовке бандитских формирований на территории Пакистана, в поставках оружия и обучении афганских контрреволюционеров китайскими и американскими инструкторами. США стремятся превратить Пакистан в форпост империализма на Среднем Востоке, в опорную базу для провокационной деятельности против Афганистана и оказания давления на Индию. И в этом они получают активную помощь от Пекина. В июне 1980 г. китайские лидеры подписали с Пакистаном секретное соглашение о поставках оружия режиму Зия-уль-Хака. В развитие этого соглашения в ноябре того же года в Исламабаде были проведены переговоры первым заместителем командующего ВМС КНР Лю Даошэном. В свою очередь США во время визита министра иностранных дел Пакистана Ага Шахи в апреле 1981 г. предложили пятилетнюю программу американо-пакистанского сотрудничества в военной области с предоставлением Исламабаду 3 млрд. долл. в течение пяти лет. Перевооружение Пакистана, американо-китайские планы превращения его в ударную силу против национально-освободительного движения и независимых государств Среднего Востока вызывают законную тревогу у соседей Пакистана. На это неоднократно обращали внимание руководители Индии, в частности премьер-министр И. Ганди, министр обороны Ш. Патила. С твердой позицией противодействия Индии перевооружению Пакистана столкнулся в Дели министр иностранных дел КНР Хуан Хуа в июне с. г. Почти одновременно Индия выразила протест Соединенным Штатам по поводу их решения о продаже самого современного оружия Пакистану. В свете форсируемых военной администрацией Исламабада планов создания собственного ядерного оружия, в которых немалая роль принадлежит Пекину и некоторым западным державам, снабжающим Пакистан необходимой технологией, оборудованием и сырьем, становится понятной обеспокоенность Индии и других стран региона процессом ускоренной милитаризации Пакистана.

Важным аспектом взаимодействия Пекина и Вашингтона на международной арене является всемерная поддержка китайскими лидерами политики «с позиции силы», на которую делает ставку американский империализм. Не случайно уже в первой официальной реакции Пекина на избрание президентом Р. Рейгана с удовлетворением

¹¹ "New York Times", 17.1.1980.

было отмечено стремление новой администрации Белого дома добиваться внешнеполитических целей при «опоре на силу» и «достижении военного перевеса над СССР»¹². Китайское руководство приветствовало намерения Вашингтона значительно увеличить военные расходы, активно использовать «силы быстрого развертывания» и расширить военное присутствие США в Азии и других районах мира¹³. Дэн Сяопин в конце прошлого года открыто признал Белый дом к усилению американского присутствия в районе Тихого океана¹⁴. Благожелательный прием в китайской столице нашел и экс-президент США Дж. Форд, выступивший во время турне по Юго-Восточной Азии (март 1981 г.) в качестве посланца президента Р. Рейгана с пятилетней программой наращивания Соединенными Штатами военной мощи. Пользуясь поддержкой Пекина, Пентагон намерен оснастить новыми ракетно-ядерными системами всю свою сеть опорных пунктов на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и даже в бассейне Индийского океана. Об этом, в частности, заявил командующий вооруженными силами США в районе Тихого океана и Дальнего Востока адмирал Р. Лонг («Асахи ивнинг ньюс», апрель 1981 г.).

Характерной особенностью нового этапа в сближении Китая с Соединенными Штатами стало развитие между ними различных форм военного сотрудничества. Визитами бывшего министра обороны США Г. Брауна в январе и ответным визитом нынешнего министра обороны КНР Гэн Бяо в мае 1980 г. было положено начало постоянным контактам между военными ведомствами двух стран. Позднее, в июле того же года, между министром иностранных дел КНР и заместителем госсекретаря США была достигнута договоренность о регулярных консультациях на уровне заместителей министров обороны. В рамках достигнутой договоренности во второй половине года в ответ на аналогичный визит китайской делегации главного управления тыла НОАК Пекин посетили военно-политическая делегация США во главе с заместителем министра обороны У. Перри и делегация службы тыла министерства обороны США во главе с помощником министра обороны. Заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньцинъ по пути в США посетил на Гавайях штаб-квартиру командующего вооруженных сил США в районе Тихого океана¹⁵.

О целях и характере военных связей между Пекином и Вашингтоном может дать достаточно ясное представление заявление Г. Брауна во время его поездки в Китай в январе 1980 г. В нем было сформулировано предложение о создании системы прямой связи с целью координации «независимой, но параллельной» реакции двух стран на международной арене, в частности в связи с событиями в Афганистане¹⁶. Как отмечала американская печать, США и КНР с этого времени стали консультироваться и сотрудничать в военных и разведывательных вопросах и по условиям неофициального секретного соглашения посылают в Китай оборудование связи и технических специалистов в обмен на разведанные о действиях СССР с помощью созданных вблизи советской границы радиоэлектронных баз. В Пекине создан институт международных стратегических исследований, предусматривающий «проведение совместных консультаций и исследований со специалистами Японии и США», что, по сути дела, как подчеркивалось в японской прессе, стало «еще одним шагом по пути к более тесному сотрудничеству с обеими странами»¹⁷.

¹² «Жэньминь жибао», 6.XI.1980.

¹³ См. там же, 7 и 14.III.1981.

¹⁴ In: "Christian Science Monitor", 3.XII.1980.

¹⁵ In: "News Week", 5.VIII.1980.

¹⁶ In: "Los Angeles Times", 15.II.1980.

¹⁷ «Акахата», 2.XII.1979.

Однако, пожалуй, наиболее важным и опасным элементом развития военного сотрудничества Пекина с Вашингтоном следует считать планы оказания военно-экономической помощи Западу Китаю.

Стратегия «усиления» Китая: сущность и последствия

Концепция «стратегического усиления» Китая появилась на Западе еще в начале 70-х годов. Она, в частности, достаточно определенно просматривается в работе профессора В. Р. де Дубника «Европа и новая политика Соединенных Штатов в отношении Китая», опубликованной в 1972 г. В статье подчеркивается заинтересованность «США и Западной Европы в военном усилении Китая», которое вынудило бы СССР действовать на «два фронта»¹⁸. Позднее эта концепция была взята на вооружение политическими деятелями США. О целесообразности создания сильного Китая как противовеса СССР чаще всего заявляют представители правоконсервативных кругов, связанных с военно-промышленным комплексом. Так, сенатор Г. Джексон во время пребывания в Пекине в феврале 1978 г. говорил, что в связи с наличием «параллельных интересов» у Вашингтона и Пекина США заинтересованы в «сильном Китае». Аналогичные заявления были сделаны бывшим советником президента по национальной безопасности З. Бжезинским во время его визита в Китай в мае того же года¹⁹, а также вице-президентом У. Мондейлом в августе 1979 г.

Вынашиваемая на Западе концепция «усиления» Китая полностью вписывается в планы китайских лидеров, ставящих на первое место задачу ускоренного наращивания военно-экономической мощи КНР как главного средства в достижении политической гегемонии в мире. В августе 1977 г. XI съездом КПК был утвержден амбициозный курс, предусматривающий превращение КНР к 2000 г. в «могучую современную державу». В докладе тогдашнего председателя ЦК КПК Хуа Гофэна на съезде эта задача была определена как «историческая миссия». Заместитель председателя ЦК КПК Дэн Сяопин в выступлении перед 10 тыс. кадровых работников 16 января 1980 г. назвал «форсирование четырех модернизаций» «важнейшим условием» решения «внешних и внутренних проблем», связывая это с необходимостью усиления мощи Китая и его роли на международной арене. Еще более определенно цель модернизации была сформулирована в передовой статье журнала «Хунци», посвященной 29-й годовщине образования КНР, в которой прямо говорилось, что «осуществление модернизации в четырех областях является самой хорошей подготовкой к войне»²⁰.

Китайское руководство не скрывает, что в деле милитаризации страны оно отводит важную роль США и их союзникам. Заместитель начальника генштаба НОАК У Сююань в сентябре 1979 г. признал, что Китай отстает от «сверхдержав» в области вооружения на 10—20 лет и планирует в ближайшее десятилетие с помощью Запада сократить этот разрыв, а к концу нынешнего века — догнать США и СССР по развитию военной техники и вооруженных сил²¹. Из подобных заявлений становится ясным, что истинной целью «четырех модернизаций» Пекина является не решение жизненно важных социально-экономических проблем Китая, а ускоренная милитаризация, выигрыш во времени, необходимый для наращивания ракетно-ядерного потенциала.

¹⁸ In: V. R. de Dubnic. Europe and the new United States policy toward China. Bruxelles, 1972, p. 60, 62.

¹⁹ См.: «Жэньминь жибао», 21.V.1978.

²⁰ «Хунци», 1978, № 19.

²¹ In: "Dagens Nyheter", 17.IX.1979.

Курс «четырех модернизаций» с его ярко выраженной милитаристской направленностью был поддержан в Вашингтоне, и оказание Китаю помощи в такого рода модернизации было возведено в ранг одного из звеньев «мировой стратегии», нацеленной на всемерное «противодействие Советскому Союзу». Именно в данном контексте бывший глава военного ведомства США Г. Браун пояснил своему коллеге из Японии Г. Ямасите значимость для Запада усиления военно-промышленного потенциала КНР²².

Исходя из концепции усиления Китая, Соединенные Штаты и их союзники — западноевропейские страны и Япония — согласились предоставить Пекину кредиты в сумме около 30 млрд. долл. для развития базовых отраслей промышленности, сдерживающих наращивание военной мощи Китая. В связи с серьезным отставанием технологии в отраслях, работающих на военное производство, большое внимание было уделено развитию научно-технических связей КНР с США и другими капиталистическими странами. Прежде всего это коснулось таких сфер, как космические и ядерные исследования, физика высоких энергий, электроника. Как сообщалось в одном из пентагоновских «секретных докладов», в Вашингтоне понимали, что в рамках ускоренной модернизации Пекин делает особый упор на военную промышленность, в частности на ее ядерную отрасль, а развитие научно-технических связей с США открывает Китаю доступ к американским научным данным, к технологии военного производства²³.

Начиная с 1978 г. Вашингтон шаг за шагом устранял барьеры на пути к предоставлению Китаю техники и технологии военного назначения. Вначале он снял ограничения на поставку Китаю западноевропейскими странами «оборонительного оружия» и соответствующей технологии. Затем, после визита Г. Брауна в Пекин, санкционировал продажу Пекину американскими фирмами «вспомогательного военного оборудования»: радарных установок, военно-транспортных самолетов, вертолетов, оборудования связи и пр.²⁴. В связи с поездкой в КНР заместителя министра обороны США по научно-техническим исследованиям У. Перри в сентябре того же года стало известно, что администрация Картера к этому времени утвердила более 400 лицензий на экспорт в Китай вспомогательной военной техники и современного электронного оборудования²⁵. В ноябре прошлого года КОКОМ (координационный комитет НАТО по контролю над экспортом) принял решение снять ограничения на продажу Китаю военной техники, включая наступательное оружие. После поездки в Пекин бывшего президента США Форда и обсуждения им с китайскими лидерами вопроса о поставках американского оружия, в Вашингтоне усилились голоса сторонников вооружения Китая. Наконец, в июне с. г. госсекретарь США А. Хейг во время переговоров с китайскими лидерами в Пекине информировал их о решении администрации Рейгана разрешить Китаю продажу наступательного оружия. В этой связи небезынтересно напомнить, что в США уже прорабатывались оценки необходимых военных поставок Пекину самых различных видов наступательной боевой техники на сумму 41—63 млрд. долл.²⁶. Вопрос о поставках КНР американского оружия оказался в центре внимания также на переговорах в Вашингтоне во время визита туда в октябре 1981 г. министра иностранных дел КНР Хуан. Хуа.

²² In: "Mainichi", 25.VIII.1979.

²³ In: "Washington Post", 15.VI.1979.

²⁴ In: "New York Daily news", 26.I.1980.

²⁵ In: "Washington Post", 11.IX.1980.

²⁶ In: "New York Times", 8.I.1980.

Совершенно очевидно, что реализация концепции «стратегического усиления» Китая несет в себе крайне негативные последствия для безопасности и мира в Восточной Азии.

Во-первых, рост военной мощи Китая толкает Японию на путь милитаризации, дает ее влиятельным кругам, заинтересованным в возрождении «великой Японии», удобный предлог для ядерного вооружения. Милитаристские тенденции в Японии налицо: растут ее военные расходы, увеличиваются «силы самообороны», в секретном порядке разрабатываются планы создания ядерного потенциала.

Нынешняя политика Пекина и Вашингтона, по сути дела, поощряет указанные тенденции. Заместитель начальника генштаба НОАК У Сююань в беседе с представителем ЛДП Японии Я. Накасонэ в апреле 1980 г. заявил, что в Пекине считают недостаточными военные расходы Японии и с пониманием отнеслись бы к превращению ее в крупную военную державу. Новый шаг в подталкивании Японии на путь гонки вооружений сделала администрация Р. Рейгана. В мае этого года за Токио был признан статус «союзника» США со всеми вытекающими отсюда последствиями в военной области, характерными для членов НАТО. Согласие японского правительства с указанным статусом накладывает на Японию обязательства по усилению ее военной мощи и роли в военно-политической стратегии США на Дальнем Востоке. Совершенно очевидно, что милитаризация Японии еще более осложнит обстановку в азиатско-тихоокеанском регионе.

Во-вторых, содействует планам развития военно-промышленного потенциала Китая создает проблемы и для самих Соединенных Штатов. Уже сегодня Вашингтон не может быть уверенным в том, в каком направлении китайские лидеры используют в будущем растущую военную мощь своей страны. Так, создание и испытание Пекином межконтинентальной баллистической ракеты без энтузиазма было воспринято американскими военными специалистами, отметившими способность КНР наносить удары по целям на территории Соединенных Штатов. Более того, как стало известно из американской печати, секретная часть картеровской директивы № 59 о «новой ядерной стратегии» предусматривает нанесение ядерных ударов по 100 целям в Китае. Следует полагать, что по мере усиления китайского военного потенциала Вашингтон будет испытывать все большее опасение в отношении политики Пекина. Не случайно время от времени в США раздаются голоса противников вооружения Китая. Отражая их мнение, газета «Нью-Йорк таймс» еще три года назад подчеркивала, что «помощь в экономическом развитии Китая — это одно, а укрепление Китая как противника Советского Союза — это совсем другое. Оно вряд ли может содействовать безопасности в Азии, не говоря уже о всемирной безопасности»²⁷.

В-третьих, реализация «стратегии усиления» Китая вызывает серьезную озабоченность у всех сопредельных с Китаем стран, которые, понятно, не могут оставить без внимания столь опасные маневры американского империализма и китайского гегемонизма.

Наконец, наибольший ущерб милитаризация наносит самому Китаю, она уже привела к резкому обострению социально-экономических проблем. Реализация амбициозного курса модернизации страны существенно замедлена. Дэн Сяопин признал в апреле с. г. в беседе с делегацией Ассоциации депутатов парламента за японо-китайскую дружбу, что Китай не сумеет к концу нынешнего века выйти в ряды промышленно развитых стран. Пекин не скрывает, что его экономика сталкивается с опасностью «серьезного финансово-экономического кризиса»²⁸. До 1982 г. свернуто капитальное строительство, заморожены

²⁷ «New York Times»

²⁸ «Жэньминь жибао», 1.1.1981.

проекты экономического сотрудничества с капиталистическими странами, принято решение на «определенное время» прекратить импорт комплектного оборудования²⁹. Усилилась безработица, составляющая, по официальным оценкам, более 26 млн. человек. Возросла инфляция, достигшая небывалого за период после образования КНР уровня — 15%. Обострилась продовольственная проблема. Все это вынудило китайское руководство принять срочные меры для «урегулирования» экономики, которое по самым оптимистическим прогнозам займет ближайше 4—5 лет.

Следствием экономических потрясений является усиление внутриполитической борьбы, развитие процессов, которые и в прошлом часто толкали китайских лидеров на ложный путь выхода из кризиса с помощью отвлекающих провокационных внешнеполитических средств. Все это в конечном счете ведет к возрастанию дестабилизирующей роли Китая и непредсказуемости его политики на международной арене, прежде всего в Азии.

Проблемы и альтернативы

Сближение Китая и США на антисоциалистической, антисоветской основе, попытки каждой из сторон добиться для себя преимуществ в борьбе за влияние в Азии на путях военно-политического блокирования привели к дестабилизации международной обстановки в регионе. Нынешний характер китайско-американского сближения, не решая старых проблем (в частности, вопроса о Тайване³⁰), порождает новые, более сложные международные проблемы.

Пекин, форсируя создание военного альянса с США, все настойчивее пытается использовать механизм тесных связей с Вашингтоном для подталкивания последнего к более острым формам враждебности в отношении СССР и других стран социалистического содружества. И хотя одна из главных задач — обострение американо-советской конфронтации вплоть до военного конфликта — остается труднодостижимой для китайских лидеров, они не оставляют надежд на ее реализацию в более благоприятных, с их точки зрения, условиях формирования «союзнических» отношений с США. Новая тактика Пекина становится особенно опасной в связи с камуфлированием им подлинных целей блокирования с американским империализмом. В последнее время руководители КНР активно прибегают к показной фразеологии о миролюбии, заботе о «безопасности» в азиатско-тихоокеанском регионе, о необходимости борьбы с «гегемонизмом», желая усыпить бдительность азиатских народов, скрыть от них сущность своей провокационной политики.

Пользуясь поддержкой США, Пекин усиливает вмешательство в Индокитае под фальшивым предлогом борьбы с «вьетнамским гегемонизмом». Разумеется, монополистические круги Соединенных Штатов и их союзников далеки от мысли признать Индокитай потенциальной сферой влияния Пекина и отказаться от собственных империалистических интересов в данном районе, относимом, по классификации Белого дома, к «жизненно важным» для США. И тем не менее Вашингтон не прочь погреть руки на спровоцированном китайскими лидерами конфликте с Вьетнамом и другими странами Индокитая, не прочь использовать подрывную деятельность Пекина для ослабления позиций социализма в Азии. Отмеченная антисоциалистическая общность интересов Вашингтона и Пекина, направленная на изменение статус-кво в Индокитае, породила перманентное состояние напряженности в регионе, чреватое новыми конфликтами.

²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 25.11.1981.

³⁰ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 1.

Снятие Белым домом ограничений на продажу оружия (в том числе наступательного) Китаю, о чем стало известно в ходе визита госсекретаря США Хейга в Пекин и министра иностранных дел КНР Хуан Хуа в Вашингтон, положило начало новому этапу в развитии военного сотрудничества между КНР и США. По сообщениям американской печати, в развитие договоренности Хейга с китайскими лидерами в Пекине администрация Рейгана подготовила обширный список оружия, военной техники и техники двойного назначения для продажи Китаю³¹. Тем самым нынешняя американская администрация, во-первых, нарушила обязательство бывшего президента Дж. Картера не продавать оружия Китаю (об этом Картер сообщил в беседе с редакторами американских провинциальных газет в январе 1979 г.) и, во-вторых, продемонстрировала намерение содействовать усилению военного потенциала Китая, поощрению его гегемонистских амбиций.

Анализируя причины, побудившие Вашингтон к столь опасному для дела мира шагу, следует учитывать следующие факторы.

Прежде всего в последнее время становилась все более очевидной неоправданность надежд американских правящих кругов, связанных с разыгрыванием «китайской карты». Антисоветизм как основное топливо, приводящее в движение механизм китайско-американского сближения, был в максимальной степени использован для реализации «параллельных» акций Вашингтона и Пекина на международной арене. Тем не менее тактика давления на Советский Союз и другие социалистические страны не дала ожидаемых результатов, встретив твердый отпор социалистического сообщества.

С другой стороны, нестабильность в самом Китае, проявляющаяся в обострении социально-экономических проблем и борьбы в китайском руководстве, стимулировала поиск Вашингтоном средств воздействия на внутривнутриполитическую борьбу в Пекине, в частности оказания поддержки, как отмечали западные наблюдатели, группировке Дэн Сяопина, которая обвиняется в «уступках империализму» в экономической области и по вопросу о Тайване³².

Решением о предоставлении Пекину возможности закупать американское оружие администрация Рейгана пытается придать новый импульс военно-политическому сотрудничеству с Китаем, стремясь закрепить его на позициях антисоветизма, а также поддержать проимпериалистический курс группировки Дэн Сяопина в очередном раунде схватки за власть в пекинском руководстве.

Белый дом пошел на рискованную игру, игнорируя предостережения из собственного политического лагеря об опасности военного альянса с Пекином. В этой связи достаточно напомнить о призывах бывшего госсекретаря США С. Вэнса к «осторожности» в развитии военных отношений с Китаем³³. «Неразумным» считает продажу Китаю оружия и американский сенатор Крэнстон³⁴. Достаточно красноречивой является также точка зрения военного ведомства Японии, считающего, что «экстренное» решение Вашингтона было принято «без достаточного анализа последствий, к которым этот шаг может привести в будущем»³⁵.

Что касается Пекина, то и он испытывает недоверие к политике Вашингтона. Исходя из тактики традиционной дипломатии императорского Китая, основывающейся на использовании одного «варвара» против другого, Пекин на данном этапе делает ставку на США в своей

³¹ In: «Los Angeles Times», 11.X.1981.

³² См.: «Правда», 9.II.1981.

³³ In: «The New York Times», 3.XII.1980.

³⁴ Из выступления в передаче ЭЙ-6и-си 18.VI.1981.

³⁵ «Mainichi», 19.VI.1981.

борьбе против СССР. Провозглашая «долгосрочный, стратегический» характер сближения с США, китайские лидеры в своих закрытых выступлениях разъясняют сближение с Вашингтоном соображениями тактического порядка, направленными на то, чтобы с помощью США ослабить главного «врага» — Советский Союз. Именно так трактовал заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо роль США в политике Китая на закрытой встрече с кадровыми работниками дипломатического фронта в Пекине в августе 1976 г. Когда Китай сочтет, что время наступило, подчеркнул Гэн Бяо, он скажет дяде Сэму: «Будь добр, упаковывай свои вещички»³⁶.

Таким образом, становится все более очевидным, что антисоветское направление китайско-американского сближения является шаткой основой сближения, ради которого на неопределенное время отложено урегулирование сложных проблем двусторонних отношений. Это создает напряженность в Азии, не отвечающую интересам безопасности государств региона.

Китай переживает сложный период в своей истории. Ему необходимы мир и безопасность для решения трудных, острых социально-политических и экономических проблем, а не выигрыш во времени для наращивания военного потенциала и милитаризации экономики. Он нуждается во внешней помощи для действительной, а не псевдомодернизации. Подталкивая Пекин на путь милитаризации, Соединенные Штаты и их западные союзники, по сути дела, содействуют дальнейшей дестабилизации внутреннего положения в Китае.

Национальные интересы Китая требуют, чтобы он активно подключился к решению глобальных проблем обеспечения мира и безопасности, разоружения, расширения сотрудничества между странами с различными социально-политическими системами. Этого же требуют и национальные интересы США.

Единственной альтернативой политики «с позиции силы», основывающейся на создании новых военных блоков и решении военными средствами политических проблем, как показывает исторический, и в частности европейский, опыт, является поиск путей к коллективной безопасности, к равной безопасности для каждой страны. Конечно, это нелегкий путь, учитывая сложившуюся в Азии весьма сложную ситуацию. Но другого выбора нет. Дорога, даже самая дальняя, как говорят в Китае, начинается с первого шага. И таким первым шагом могут и должны стать разработка и реализация мер по укреплению доверия, выдвинутых в предложениях XXVI съезда КПСС.

³⁶ «Международная жизнь», 1978, № 9, с. 43—44.

Великоханьская сущность концепции «извечного единого многонационального Китая»

*Л. С. Переломов,
доктор исторических наук
С. Н. Гончаров,
Э. В. Никогосов*

В последнее время в КНР стали проявлять большой интерес к взаимоотношениям народностей в истории формирования Китая. Появился ряд теоретических статей и конкретных исторических исследований. В плане теоретическом, как нам кажется, можно выделить две группы этих работ по выраженной в них тенденции.

Первую из них представляют работы тех ученых, которые, отталкиваясь от реальных фактов, пытаются построить научную модель формирования нынешнего «единого многонационального Китая». Для них характерно прежде всего признание того, что современный «единый многонациональный Китай» образовался в результате длительного и сложного процесса исторического развития. Сторонники этой тенденции стремятся считаться с фактами истории и, исходя из фактов, делать теоретические обобщения.

Во второй группе работ авторы явно хотят поставить историю на службу великоханьской шовинистической и гегемонистской политике пекинского руководства. Сторонники ее исходят из ложного тезиса о том, будто Китай всегда существовал в истории как единое многонациональное государство. Территория современного Китая как бы проецируется в глубь веков. При таком подходе происходит чудовищная фальсификация истории Китая: все государства, создававшиеся некогда предками неханьских народов, населяющих ныне КНР или обитавших когда-то в ее нынешних пределах, считаются «удельными властями в рамках единой родины». Соответственно войны, которые велись между этими государствами, объявляются «междоусобными столкновениями» в пределах «извечного единого многонационального Китая».

Сторонники этой концепции не прочь на словах декларировать важность классового подхода. Однако в это понятие они вкладывают отнюдь не марксистский смысл. «Классовый подход» сводится к утверждению, будто, несмотря на происки господствующих классов, в среде трудящихся масс ханьских и неханьских народов якобы всегда преобладало стремление к «сотрудничеству, сплочению и единству». Такого рода псевдоклассовый подход — всего лишь идеологическое прикрытие великоханьского шовинизма и гегемонизма.

Весьма существенно, что сторонники первой концепции стремятся подойти к проблеме формирования «единого многонационального Китая» в известном смысле диалектически, признавая его итогом длительного и противоречивого процесса становления государства. Это влечет за собой представление об эволюции границ Китая на протяжении его истории. Сторонники же тезиса об «извечном едином многонациональном Китае» рассматривают Китай метафизически. Ненсторичный подход приводит к тому, что они затушевывают то, что имело место в прошлом, и, смешивая его с тем, что существует ныне, отказываются признавать эволюцию границ Китая на протяжении его истории и на этом

основании пытаются подводить «историческую базу» под территориальные претензии, выдвигаемые пекинским руководством. Разоблачение ненаучности и бесосновательности таких воззрений весьма актуально, ибо, как отмечал недавно журнал «Коммунист», этот курс «является фактором подрыва дела мира, разрядки и представляет собой угрозу для безопасности соседних стран»¹.

В сущности, у тезиса об «извечном едином многонациональном Китае» имеется два основных политических аспекта. Во-первых, априори включая все сопричастные к истории страны неханьские народности в «великую семью народов родины», определяя создававшиеся соседями Китая государства как «удельные власти внутри Китая», лишая их суверенитета, эта концепция под флагом «единства и сплоченности на классовой основе» практически лишает различные национальности Китая их собственной истории. Этот внутривнутриполитический аспект концепции должен служить, так сказать, теоретическим подкреплением великоханьской национальной политики. Во-вторых, во внешнеполитической области данная концепция призвана оправдать гегемонистский курс Пекина и, в частности, служить «историческим обоснованием» территориальных претензий Пекина к нынешним соседям.

Следует подчеркнуть, что, пытаясь создать «исторические обоснования» территориальных притязаний, авторы берут в качестве эталонной границы Китая периода их наибольшего расширения. Чаще всего они прямо или косвенно указывают, что «истинными», «естественными» границами Китая являются границы империи Цин до периода «опиумных войн» (середина XIX в.). Нечего и говорить, сколь далеко могли бы распространить свои претензии многие современные государства, если бы стали претендовать на территории периода своего наибольшего исторического могущества. Сторонники указанных представлений навязывают читателю мысль, будто все события, когда-либо происходившие в этих цинских границах, были «внутренним делом» китайской нации.

С их точки зрения, поскольку Китай вечно был единым и многонациональным, территория обитания любого народа, так или иначе связанного с историей ханьцев, должна считаться территорией КНР. Иначе говоря, признание частью истории Китая истории какого-либо неханьского народа равносильно включению его территории в территорию КНР. Получается, что все изменения (в том числе и территориальные) имели место лишь внутри этого извечного единства. Метафизичность антиисторизм таких представлений очевидны.

Хотелось бы поэтому сразу подчеркнуть, что концепция «извечно единого многонационального Китая» никогда не была научной и никогда не основывалась на комплексном изучении фактов. Поэтому важно показать порочность тех аксиом, под которые кое-кто в КНР пытается «подгонять» исторические факты.

Попробуем теперь подробнее рассмотреть взгляды представителей каждой из упомянутых выше точек зрения.

Дискуссия о концепции «извечно единого многонационального Китая» имеет свою предысторию, на которую нельзя не обратить внимания. Еще идеологи гоминьдана выдвигали эту концепцию под видом теории «ствола и ветвей», где «стволом» являлись ханьцы, а «ветвями» — все неханьские народы, сопричастные к истории страны. Для КНР начало этой дискуссии следует отнести к концу 50-х — началу 60-х годов. Как известно, именно в это время Мао Цзэдун и его сторонники активно стали навязывать партии и государству великоханьскую политику внутри страны и гегемонизм в отношениях с другими странами. В начале 60-х годов, в период острого противостояния с СССР, в Китае началось оформление великоханьской, шовинистической полити-

¹ О. Борисов. Некоторые аспекты политики Китая. — «Коммунист», 1981, № 1, с. 117.

внутри страны пужно считать выступление Чжоу Эньлая в городе Циндао в 1957 г.² Одним из первых проявлений великодержавного гегемонизма, пожалуй, явилось выступление Мао Цзэдуна как главы делегации КПК на Московском совещании коммунистических и рабочих партий в 1957 г.

Как известно, Мао попытался навязать мировому коммунистическому движению авантюристический план решения противоречий между миром капитализма и социализмом военным путем³.

То, что 1957 г., очевидно, послужил определенным этапом в распространении великоханьской концепции, можно показать, сравнив работы разных лет одного и того же историка — Люй Чжэньюя. В монографии 1951 г., посвященной истории народов Китая, Люй ни во введении, ни в заключении не упоминает о концепции «извечного единого многонационального Китая». Он акцентирует внимание на том, что основная его цель — преодолеть великоханьский, шовинистический подход к истории страны. Более того, Люй часто пишет в данной книге о «вторжениях в Китай» чжурчжэней, киданей, монголов, характеризует Юэ Фэя — героя антициньской войны — как национального героя⁴, что никак не вяжется с теорией «извечного единого многонационального Китая».

После 1957 г. Люй стал выделять иные аспекты в истории взаимоотношений ханьцев и неханьских народов. Так, в статье 1959 г. он, всячески приветствуя скорейшее слияние народностей при социализме⁵, стремился подвести под эту идею исторический фундамент. Здесь он уже подчеркивает: «Наше государство с древности было многонациональным государством, а с эпох Цинь и Хань было централизованным единым государством...»⁶. Далее в статье Люй пытался навязать читателю мысль, будто «слияние» было основной тенденцией в истории различных «братских народностей» в рамках этого «извечного единого многонационального государства»⁷.

Наконец, статью 1962 г. Люй начинает с утверждения, будто «начиная с эпохи ранней Хань Синьцзян был непосредственной составной частью Родины»⁸. И далее, исходя из подобного представления об «извечном единстве» Китая, автор переходит к слабо завуалированному изложению «исторических обоснований» территориальных претензий ко многим ныне граничащим с КНР странам⁹. Данная статья, конечно же, не случайно появилась в условиях усиленного разжигания маоистскими лидерами в КНР национализма и антисоветизма¹⁰.

На примере изменений во взглядах Люй Чжэньюя видно, как, появившись на свет после отхода китайского руководства от основных марксистско-ленинских принципов, наметившегося в 1957 г., концепция «извечного единого многонационального Китая» в период «большого скачка» первоначально использовалась во внутрисоветских, великоханьских шовинистических целях. По мере же все более отчетливого проявления гегемонизма и антисоветизма в курсе Пекина все ярче стал вырисовываться и внешнеполитический аспект данной кон-

² См.: «Жэньминь жибао», 31.XII.1979.

³ См.: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения. 1945—1977. Изд. 2-е. М., 1977, с. 90—91.

⁴ Люй Чжэньюй. Краткая история народов Китая. Пекин, 1951, с. 24, 26, 30, 54—55, 61.

⁵ См.: Люй Чжэньюй. О слиянии народностей в истории. — «Лиши яньцзю», 1959, № 4, с. 37—38, 44.

⁶ Там же, с. 38.

⁷ Там же, с. 38—44.

⁸ Люй Чжэньюй. Исторические связи Синьцзяна с Родиной. — «Миньцзю туаньцзю», 1962, № 2, с. 27.

⁹ См. там же, с. 28 и далее.

¹⁰ См.: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Указ. соч., с. 265—267.

цепции. Такая тенденция характерна не только для работ Люй Чжэньюя, но и для всей маоистской историографии КНР.

Оправдание великоханьского шовинизма внутри страны и гегемонизма за ее рубежами — такова задача, которая была поставлена перед наукой в начале 60-х годов под видом концепции «извечного единого многонационального Китая». Разбирая взгляды тех или иных историков, выступавших и выступающих против этой концепции, мы должны, конечно, иметь в виду, что они отлично сознавали прямую связь этого тезиса с особым курсом маоистского руководства в КПК. Тогда становится понятной известная непоследовательность их критики тезиса об «извечном едином многонациональном Китае», склонность к компромиссам, подчеркнутое стремление ограничиться критикой методологических проблем истории формирования территориальных пределов Китая.

В начале 60-х годов проводники тезиса об «извечном едином многонациональном Китае» еще не могли акцентировать внешнеполитический аспект, главное внимание уделялось созданию «исторической базы» для пропаганды курса на «сплочение национальностей КНР», разумеется на великоханьской маоистской основе. Соответственно такой политической установке было выдвинуто мнение, будто Китай с древности был единым многонациональным государством, а ханьская народность и многие неханьские народности были «членами одной большой семьи народов» («Вэньхуэй бао», I.VII.1962)¹¹. Подчеркивалось, что «взаимосвязи на равноправной основе были основной тенденцией во взаимоотношениях между народностями», а «договоры о мире, основанные на родстве, были наилучшим методом поддержания отношений между народностями»¹². Основывавшиеся соседями Китая государства предлагалось рассматривать как составные части ханьских владений, а войны и дипломатические контакты между этими государствами — как «внутригосударственное дело»¹³.

Против этих взглядов тогда выступили известные историки Цзянь Боцань¹⁴, Сунь Цзоминь и др. Они указывали, что стремление исходить из принципа равенства народностей в истории, то есть механистически переносить социалистический принцип равноправия национальностей на древность и средневековье, неправомерно, что это приводит к искажению исторических фактов, игнорированию национальных войн и национального гнета в истории. Сунь Цзоминь также подчеркивал, что государства, создававшиеся соседями Китая, нельзя, вместе с тогдашними ханьскими династиями, рассматривать как «удельные власти внутри одной страны». Сунь утверждал, что эти государства — «соседей Китая» — следует рассматривать как «иноземцев», а в случае, если они предпринимали против ханьских династий завоевательные войны. — как агрессоров.

В 1962 г. известный историк Фань Вэньлань прочел цикл лекций по вопросу о взаимоотношениях между народностями в истории Китая. Летом 1962 г. Фань Вэньлань написал на основании этих лекций статью и передал ее в редакцию журнала «Лиши яньцзю», где она пролежала неопубликованной вплоть до начала 1980 г.¹⁵ Анализ содержания статьи поможет нам понять причины ее печальной судьбы.

В этой статье Фань Вэньлань рассматривает формирование «единого многонационального Китая» как исторический процесс, выделяя в

¹¹ Цит. по: Сунь Цзоминь. Несколько важных принципов улаживания отношений между народностями в истории. Читая статью Фань Вэньлани «Борьба и слияние народностей в истории Китая». — «Лиши яньцзю», 1980, № 5, с. 37.

¹² Цит. там же.

¹³ См. там же, с. 38.

¹⁴ См. там же, с. 37—38.

¹⁵ См.: Фань Вэньлань. Борьба и слияние народностей в истории Китая. — «Лиши яньцзю», 1980, № 1, с. 3.

нем по династическому принципу следующие основные этапы «слияния народностей»: 1) период Чуньцю-Чжаньго; 2) период Южных и Северных династий, 16 государств; 3) период империи Тан и, наконец, периоды существования Ляо, Цзинь, Юань и Цин¹⁶. Слияние народностей в истории Китая рассматривается Фанем как явление исторически прогрессивное. Он отмечает, что слияние это могло сопровождаться ожесточенной борьбой, и даже указывает, что «народы и государства, находившиеся под господством эксплуататорских классов, противостояли друг другу, всецело опираясь на военную силу. Между большими и малыми, сильными и слабыми государственными образованиями, по сути дела, не существовало таких понятий, как «мир», «существование», «равенство», «союз» и т. п. Фань уподобляет тогдашние межгосударственные отношения «закону джунглей», согласно которому сильный пожирает слабого¹⁷.

Эти тезисы Фань Вэньланя, без сомнения, были направлены против тенденции идиллического изображения отношений между ханьцами и неханьскими народами в истории Китая — как отношений «равенства и мира». Однако в своей критике этого тезиса Фань был непоследователен. Он указывал, например, что любое эксплуататорское государство, кроме того, что оно является орудием угнетения трудящихся масс, выполняет еще и функции регулирования общественной жизни, отпора внешней агрессии. «Варвары» всегда численно уступали китайцам, и если им все же удавалось захватывать Китай, то, значит, тогдашние ханьские государства полностью теряли способность выполнять функцию отпора внешнему врагу, превращаясь исключительно в орудие эксплуатации трудящихся или, по выражению Фаня, в «живой труп», недостойный нашего сочувствия. На этом основании Фань предлагает произвести переоценку таких исторических событий, как, скажем, захват Северной Сун чжурчжэнями, захват монголами всего Китая, подчинение маньчжурами империи Мин. Он пишет в этой связи: «... с нынешней точки зрения, это были не более чем свары между младшим и старшим братьями, домашние ссоры. Когда некий младший брат с помощью военной силы опрокидывал дряхлого и жестокого старшего брата и вместо него управлял домашними делами, то, хорошо или плохо он это делал, нужно рассматривать особо. Но само по себе то, что сильный опрокидывал дряхлого и вместо него управлял домом, — всегда хорошее дело»¹⁸.

Исходя из этого, Фань Вэньлань предлагает, описывая захваты Китая его соседями («младшими братьями»), порицать правителей Китая за неспособность оказать сопротивление, а не обвинять агрессоров. Он подчеркивает, что такой подход должен способствовать искоренению великоханьского шовинизма в историографии и тем самым помочь «сплочению национальностей» в КНР¹⁹.

Идея Фань Вэньланя, стремившегося оправдать любую экспансию, как якобы соответствующую потребностям исторического прогресса, созвучна взглядам, высказывавшимся на конференции (октябрь 1961 г.), посвященной 50-летию Синьхайской революции. В этих выступлениях открыто предпринималась попытка оправдать китайскую экспансию в прошлом²⁰.

Таким образом, Фань Вэньлань в своей статье пытается занять как бы компромиссное, промежуточное положение между двумя упомянутыми выше точками зрения. С одной стороны, как историк, прекрасно знающий реальные факты, он признает, что «слияние народностей» в

¹⁶ См. Фань Вэньлань. Указ. соч., с. 4—5.

¹⁷ См. там же, с. 7.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 9.

²⁰ См.: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Указ. соч., с. 266.

истории страны было длительным и противоречивым процессом, пишет о «борьбе» между народностями и их «враждебности» друг к другу. Однако тут же эту борьбу сводит к «соре между братьями в рамках одной семьи».

По замечанию Сунь Цзомина, в начале 60-х годов и особенно в период «культурной революции» «железным выводом» в китайской пропаганде стало мнение об «извечном едином многонациональном Китае» и соответственно мнение о «единстве и сплоченности» народностей на протяжении всей истории страны²¹. Возможно, выступления против этого тезиса инкриминировались Сунь Цзомию и Цзян Боцзяню, ошельмованным в период «культурной революции». В предисловии к своей статье Фань Вэньлань отметил, что, готовя ее к печати, он внес в нее коррективы под влиянием упреков слушателей лекций²². Возможно, «исправления» эти как раз и состояли в том, что он попытался как-то примирить концепцию «извечного единого многонационального Китая» с реальными фактами истории. Но даже эта компромиссная точка зрения, видимо, оказалась тогда неприемлемой.

Опубликование его статьи в начале 1980 г. также, очевидно, не было случайным, ибо в этот период среди ученых КНР все больше стала ощущаться неудовлетворенность ненаучной концепцией «извечного единого многонационального Китая».

В 1980 г. была опубликована и статья Сунь Цзомина, где он развивал и оспаривал некоторые положения, высказанные в статье Фань Вэньляня. Для самого Суня это, очевидно, было как бы продолжением дискуссии, которую он вел против концепции «извечного единого многонационального Китая» еще в начале 60-х годов.

Сунь Цзоминь совершенно справедливо усматривает основной недостаток методологии авторов концепции «извечно единого Китая» в том, что они игнорируют исторический процесс, приведший к формированию нынешних границ Китая. Рассматривая границы КНР как издревле неизменное, они смешивают историческое «вчера» с нынешним положением вещей. Он пишет: «Всем хорошо известно, что у любого государства и народа имеется история его формирования и развития, они не являются и не могут являться с самого начала веки неизменными, «утвержденными образцами». Тем более ныне, по прошествии сотен и тысяч лет, нельзя использовать пределы нынешней территории, чтобы охватить территории династий, существовавших сотни и тысячи лет назад, на протяжении различных эпох (выделено нами. — Авт.)²³. Здесь Сунь Цзоминь делает совершенно естественный и верный для историка вывод — признает, что нынешние границы КНР явились плодом развития и эволюции.

Далее Сунь справедливо подчеркивает, что в плане историческом государства, создававшиеся соседями ханьцев, воевавшие и поддерживавшие контакты с ханьскими династиями, безусловно, должны рассматриваться как объекты истории Китая. Однако нельзя на этом основании считать их частями «извечного единого многонационального государства». Он пишет: «В период, когда в нашем государстве еще не завершился исторический процесс формирования единого многонационального государства, ясное дело, нельзя относить тогда еще самостоятельные народности и государства, вроде сюнну, тюрок, киданей, чжурчженей, монголов и прочих, к составным частям империй Хань, Тан, Сун, Мин и других, говорить, что все они принадлежали к одному государству, или говорить, что все они были членами большой семьи народов»²⁴.

²¹ См.: Сунь Цзоминь. Указ. соч., с. 37.

²² См.: Фань Вэньлань. Указ. соч., с. 3.

²³ См.: Сунь Цзоминь. Указ. соч., с. 41.

²⁴ Там же.

Четко и последовательно придерживаясь принципа историзма, разграничивая историческое прошлое страны от того, чем она стала теперь, Сунь Цзоминь показывает, какой вред при написании истории может принести концепция «извечного единого многонационального Китая». Его мысль состоит в том, что если, грубо говоря, спроецировать в историю нынешние границы КНР и все происходившее в этих пределах рассматривать как «внутригосударственное дело», то: а) придется лишить суверенитета независимые государства, создававшиеся соседями ханьцев в пределах нынешней территории КНР, «насильно отнести их под господство ханьских династий» и б) придется выбросить из истории Китая те ее части, которые находятся за пределами современных границ КНР²⁵.

Эту мысль Сунь Цзоминя нужно рассматривать в неразрывной связи с его тезисом о том, что границы КНР явились итогом исторической эволюции, в различные эпохи они то расширялись, то сокращались. Сам Сунь Цзоминь не делает из этих своих взглядов никаких политических выводов, ограничиваясь рассмотрением исторической методологии. Однако совершенно ясно, что если последовательно придерживаться принципа историзма и признавать нынешние границы КНР итогом эволюции, а это единственный возможный диалектический подход, то любые «исторические обоснования» территориальных претензий теряют всякий смысл. Или, коротко говоря, то, что является частью истории данной страны, отнюдь не обязательно должно являться частью территории этой страны сегодня.

Признав суверенность создававшихся соседями ханьцев государств, Сунь Цзоминь далее подчеркивает, что их нападения на ханьцев правомерно именовать «агрессией», а полководцев, дававших им отпор, — «национальными героями» Китая. Сунь не согласен с мнением Фань Вэньлани, что не надо осуждать агрессоров, он считает, что осуждения достойна любая война, направленная на захват территории²⁶.

Перейдем теперь к характеристике взглядов сторонников концепции «извечного единого многонационального Китая».

Как уже отмечалось, в период «культурной революции» в пропаганде утвердилось мнение об «извечном единстве» Китая. На IX съезде КПК в 1969 г. подтверждались территориальные притязания к Советскому Союзу, «вновь заявлялось о «неравноправных договорах», «захватах китайской территории» нашей страной...»²⁷. Мы уже указывали, что тезис об «извечном едином многонациональном Китае», с самого начала ничего общего не имевший с наукой, внутри страны служил для подведения базы под великоханьскую шовинистическую национальную политику, а вовне — под великодержавный гегемонизм пекинских лидеров. Это две стороны данного тезиса, неразрывно связанные между собой. В период «культурной революции» обе эти стороны проявились особенно рельефно.

После смерти Мао Цзэдуна пекинское руководство пытается создать впечатление, будто оно действительно озабочено положением неханьских народов и стремится избавиться от великоханьского шовинизма. Этот тактический маневр Пекина находит отражение и в позиции сторонников концепции «извечно единого Китая». По существу отказывая многим неханьским народам Китая в их собственной истории, они стремятся подчеркнуть, что все народы Китая сделали «вклад в историю родины» (то есть опять-таки в историю Китая, а не в свою собственную). Это делается с целью, затушевать великоханьскую позицию Пекина (и заодно авторов официальной концепции) в отношении нехань-

²⁵ См.: Сунь Цзоминь, Указ. соч., с. 41.

²⁶ См. там же, с. 41—42, 43—46.

²⁷ О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Указ. соч., с. 432—433.

ских народов. В качестве примера можно назвать статью Чэнь Лянькай²⁸.

Внешнеполитический, гегемонистский аспект концепции «извечного единого многонационального Китая» подается в статье Чэнь Лянькай со всей прямоотой и откровенностью. Автор утверждает, например, что, «расчленив историю Китая», «банда четырех» «бросилась в объятия империалистов», ибо последние, подготавливая агрессию против Китая, также всегда «расчленяли его историю». Чэнь далее пишет: «На протяжении последних ста лет империалисты злонамеренно выбрасывают малые народности из истории Китая, сочиняют различные абсурдные речи и утверждения. Если выразить эти речи одним словом, то получится, что лишь ханьцы считаются китайцами, лишь основанные ханьцами династии надо называть китайскими династиями, а малые народности Китая не считаются китайскими, поэтому и национальные районы Китая не считаются территориями Китая»²⁹. Логика Чэня типична для сторонников концепции «извечного единого многонационального Китая». С одной стороны, он проецирует в прошлое территорию Китайской Народной Республики и все «малые народности», проживавшие на ее территории, навеки делает членами «единой семьи народов». Смешав настоящее с прошлым, он, следуя той же методе, объявляет далее территории проживания всех народностей, когда-либо встречавшихся в истории КНР, территориями нынешней Китайской Народной Республики. Метафизичность и ненаучность, как мы уже не раз говорили, являются основными «методологическими принципами» вообще всей теории «извечного многонационального Китая».

Выше мы изложили теоретические установки представителей двух указанных тенденций. Однако крайне важно подчеркнуть, что эти две позиции неравноценны по своему влиянию на историческую науку, на общественное сознание. Если противники теории «извечного единого многонационального Китая» ограничены возможностью лишь теоретических выступлений, носящих к тому же зачастую компромиссный характер, то сторонники этой официальной концепции «делают погоду», формируя фальсифицированные представления на разных уровнях общественного сознания. Такого рода взгляды протаскиваются и в «Учебных записках» различных учебных заведений, оказывающих влияние на студенчество и интеллигенцию, и в центральных газетах, рассчитанных на самого широкого читателя, и в словарях, призванных формировать у читающей публики нормативные стереотипы мышления.

В 1979 г. в Пекине был издан шестой том «Общей истории Китая», явившийся продолжением незавершенной работы Фань Вэньлани «Краткая общая история Китая». Этот обширный коллективный труд, посвященный истории Ляо, Си Ся и Цзинь, является самой крупной из общих работ, вышедших в КНР по этой теме.

Не останавливаясь подробно на содержании этой работы, отметим, что для ее авторов государства Ляо, Си Ся и Цзинь суверенны от ханьской династии Сун. Именно под этим углом освещается в книге их история, что нельзя не признать достоинством работы. Это, конечно же, никак не увязывается с концепцией «извечного единого многонационального Китая».

Однако обращает на себя внимание такой факт: повествуя о государстве Западное Ляо, авторы заявляют, будто «Западное Ляо существовало на северо-западе нашей страны примерно 90 с лишним лет»³⁰.

²⁸ Чэнь Лянькай. История единого многонационального Китая не терпит расчленения. Разоблачение абсурдных теорий «банды четырех», расчленяющих историю Китая, подрывающих сплочение национальностей. — «Сысян чжаньсянь», 1978, № 5.

²⁹ Чэнь Лянькай. Указ. соч., с. 55.

³⁰ Цай Мэйбяо, Чжоу Циньшу, Чжу Жуйси, Дин Вэйчжи, Ван Чжун. Общая история Китая, т. 6. Пекин, 1979, с. 91.

На карте Западного Ляо³¹, помещенной в этой книге, его территория простирается до озера Балхаш и Аральского моря, то есть, эти земли авторы считают «северо-западом» нынешнего Китая! Здесь уже имеет место смешение истории и современности, характерное для сторонников теории «извечного единого многонационального Китая».

В этом свете совершенно определенную направленность приобретает то, что на карте империи Ляо³² названы как входящие в империю племена, обитавшие в районе современного Хабаровского края, озера Балхаш и верховьев Енисея, а на карте империи Цзинь³³ провинция Верхней столицы этой династии простирается далеко на территорию Хабаровского края.

Авторы пишут: «Кидани, дансяны и чжурчжэни вместе с ханьцами освоили обширные районы на Севере нашей страны...»³⁴. Следовательно, по мнению авторов, территории, указанные на картах, и являются этим «Севером Китая». Здесь вновь путем метафизического отождествления истории с современностью неправомерно смешиваются две проблемы: проблема взаимоотношений неханьского государства с Китаем и проблема принадлежности земель этого государства к нынешней территории КНР.

Таким образом, здесь перед нами не просто исторические карты — тогда с ними можно было бы спорить, исходя из фактов; здесь на основе знакомых нам порочных посылок проталкиваются «обоснования» территориальных притязаний Пекина. Безосновательность этих притязаний тем более ясна, что приводимые в самом тексте книги сведения о распространении влияния Ляо и Цзинь на Север³⁵ никак не вяжутся с обширными размерами этих империй, изображенными на картах.

На примере этой работы, претендующей на научность и содержащей много положений, противоречащих концепции «извечного единого многонационального Китая», мы видим, что в настоящее время даже в такие научные работы стремятся включить исторические «обоснования» территориальных претензий Пекина.

В последнее время китайские авторы в конкретных исследованиях часто подчеркивают один из основополагающих тезисов доктрины «извечного единого многонационального Китая», а именно: все государства, существовавшие в пределах современных границ КНР, находились якобы «в пределах единой родины». Лю Дань, например, подчеркивает, что отношения маньчжурского правителя Нурхаи с династией Мин были проблемой в рамках «единого многонационального Китая» и их никак нельзя характеризовать как отношения Китая с иноземным государством³⁶.

Основанием для включения в «единую семью народов» для китайских авторов служит любое, пусть даже весьма сомнительное, упоминание о контактах той или иной народности с Китаем. Примером может послужить статья Фэн Цзюньши о происхождении орочонов. Он пишет, например, что на его вопрос, когда они (орочоны) начали впервые подносить дань китайским императорам, старики орочоны якобы ответили, что, как они слышали от предков, — при государстве Тан. На этом основании Фэн утверждает, что «...самое позднее к династии Тан предки орочонов, принадлежавшие к одному из племен северных шивэев, уже стали одним из членов семьи малых народов единого много-

³¹ См.: Ц а й М э й б я о и др. Общая история Китая, т. 6, с. 92.

³² См. там же, с. 22.

³³ См. там же, с. 254.

³⁴ Там же, с. 2.

³⁵ См. там же, с. 34—35, 66—69, 256—257, 356—359.

³⁶ См.: Л ю Д а нь. Об отношениях Нурхаи с династией Мин. — «Ляонин дасюэ сюэбао», 1978, № 5, с. 65.

национального феодального государства»³⁷. При таком подходе можно, вообще говоря, распространить «предель» Китая» на все народы, вступавшие с ханьцами в контакты!

В духе концепции «извечного единого многонационального государства» трактуют ныне и вопрос о национальных героях Китая Лю Сяньчжао и Вэй Шимин. Они указывают, к примеру, будто предки чжурчженей уже со времен династии Тан были «включены в единую родину»³⁸. Основанное чжурчженями государство Цзинь, по их мнению, было внутри Китая, и его нельзя рассматривать как иноземное. Отношения между государствами Цзинь и Сун были подобны по своей сути отношениям между чисто ханьскими государствами периода раздробленности, например в эпоху Троецарствия или Пяти династий. Поскольку и китайцы, и чжурчжени принадлежали к китайской нации (чжунхуа мньюцзу), утверждают авторы, то воевавшего против чжурчженей Юэ Фэя, строго говоря, нельзя считать национальным героем. Авторы предлагают отредактировать популярные радиопередачи о Юэ Фэе, изъяв из них оскорбительные для неханьских народов выражения («варвары»), с тем чтобы не подрывать «сплочение национальностей» КНР. В этом последнем тезисе отразилось стремление китайских авторов приглушить великоханьский, внутриполитический аспект теории «извечного единого многонационального Китая».

В связи с этим, как уже отмечалось, китайские авторы стремятся компенсировать лишение «малых народностей» КНР своей истории подчеркиванием «вклада», который эти народности внесли в историю «извечного единого многонационального Китая». Появилось много статей, акцентирующих внимание на этом моменте. При этом, как правило, подчеркивается и прогрессивная роль влияния передовой «феодальной культуры» ханьцев на малые народы: «вклад» малых народов в историю страны мог заключаться, например, в том, что они «впрыснули новую, свежую кровь в тело китайской нации»³⁹, помогли, несмотря на сопротивление собственной аристократии, сохранить единство страны⁴⁰. Вообще китайские авторы стремятся подчеркнуть, что различные «малые народности», стремились к «единству и сплочению», несмотря на национальные перегородки и обострения национальных отношений, создававшиеся господствующими классами⁴¹.

В духе установок теории об «извечном едином многонациональном Китае» в ряде статей подчеркивается прогрессивность, ведущая роль мирных отношений во взаимосвязях различных народностей в истории Китая. Так, например, приветствуется политика тех правителей Суй и Тан, которые вели дело к сближению народностей провинции Юньнань с Китаем; политика же танского Сюань-цзуна (Ли Лунци) «с помощью варваров нападать на варваров» объявляется реакционной, поскольку она «вызывала национальное разобщение, оказывала плохое влияние на единство государства»⁴². Именно как «драгоценный опыт

³⁷ Фэи Цзюньши. Выяснение происхождения орохонов. — «Цзилинь шида сюэбао», 1979, № 2, с. 85.

³⁸ Лю Сяньчжао, Вэй Шимин. Юэ Фэй и национальный вопрос. — «Гуанмин жибао», 16.XII.1980.

³⁹ Сян Нань, Ли Жовэй. О брачной системе киданей. — «Лиши яньцзю», 1980, № 5, с. 160.

⁴⁰ Сяо Чжисин. Вклад предков уйгурской народности в единство династии Тан. — «Сысян чжаньсянь», 1979, № 1, с. 45, 47—49.

⁴¹ См.: Основание государства Наньчжао и его вассальные отношения с династией Тан. — «Сысян чжаньсянь», 1977, № 3, с. 87; Цэнь Цзяу. Экономические и культурные связи киданей с ханьцами и другими народностями в период Ляо. — «Лиши яньцзю», 1981, № 1, с. 126.

⁴² Борьба за восстановление системы округов и уездов в Юньнани при Суй и в начале Тан. — «Сысян чжаньсянь», 1977, № 2, с. 94; Реакционная политика Ли Лунци «с помощью варваров нападать на варваров» и войны периода Тянь-бяо. — Там же, с. 18. 95—96.

по улаживанию отношений между народностями» внутри страны оценивается мирный договор, заключенный императором Вэнь-ди с сюнну во II в. до н. э.⁴³ Пьесу Цао Юя «Вэнь Чжаоцзюнь», повествующую о заключении мира («основанного на родстве») между империей Хань и сюнну путем выдачи китайской принцессы за предводителя сюнну, хвалят за то, что это образец улаживания отношений между народностями внутри страны⁴⁴. В этом смысле не случайным выглядит и появившиеся статьи Лю Цзинфу, посвященной теме, до того практически не затрагивавшейся китайскими учеными, — мирным контактам государства сяньби Северная Вэй с ханьскими династиями Юга Китая в период Наньбэйчао⁴⁵.

Всячески поощряются те из правителей «варварских государств», кто охотно заимствовал «передовую феодальную ханьскую государственность и культуру». В этом смысле высоко оценивают, например, Хубилай-хана⁴⁶.

Подчеркивая «вклад» «малых народностей» в историю «извечного единого многонационального Китая», «мирные связи» между народностями на протяжении истории, «гармонию между ханьцами и завоевателями», китайские авторы стремятся приглушить внутривнутриполитический, великоханьский аспект концепции «извечного единого многонационального Китая». В противоположность этому все более акцентируется внешнеполитический, гегемонистский аспект этой теории. В этом основное отличие современной ситуации от того, как трактовалась эта теория в начале 60-х годов.

Опираясь на положения теории «извечного единого многонационального Китая», китайские авторы в различной форме пытаются показать «историческую обоснованность» территориальных претензий нынешних пекинских лидеров. Утверждают, например, что такие государства, как Бохай, Ляо, Цзинь и другие, в истории Китая были «политическими властями местного значения», что чжурчжэньская культура не была самостоятельной, что чжурчжэньская народность искони была одной из малых народностей в истории Китая, а территория, где она обитала, была частью Китая. Делается попытка показать, будто сушэни — предки чжурчжэней — с глубокой древности были теснейшим образом связаны со Срединной равниной, причем отрицается как «реакционная империалистическая» идея советских ученых о культурной самостоятельности маньчжуров. Как безоговорочный факт утверждается, будто район Хэйлунцзяна (Амура) был «древней территорией Китая»⁴⁷, будто город Уссурийск был «местонахождением управления провинции эпохи Цзинь нашего государства». Присоединение к империи Тан части Средней Азии объявляется «соответствующим горячему стремлению к объединению, присущему народам этих земель»⁴⁸. Все эти антиисторические, служащие гегемонистской политике выводы являются следст-

⁴³ См.: Хоу Гуанфэн. Драгоценное сокровище в области улаживания отношений между народностями. — «Гуанмин жибао», 17.II.1981.

⁴⁴ См.: «Нанькай дасюе сюэбао», 1979, № 1, с. 39—42, 44—46.

⁴⁵ См.: Лю Цзинфу. Мирные контакты между Югом и Севером в период Наньбэйчао. — «Гуанмин жибао», 17.III.1981.

⁴⁶ См.: Бай Ган. Краткое суждение о «приведении государства в порядок и успехе народа» Хубилаем. — «Гуанмин жибао», 15.VII.1980; Хуан Шичэнь. Разбор связей Юань Хаоэня с государством монголов. — «Лиши яньцзю», 1981, № 1, с. 139—140.

⁴⁷ Лунь Юнь, Ян Цзяньхуа. О зеркале из уезда Ичунь Верхней столицы эпохи Цзинь, выкопанном из земли на реке Шуфэньхэ. — «Цзилнь дасюе сюэбао», 1979, № 1, с. 96—100; Ван Чэнли. Развитие морей и создание царства Бохай. — «Цзилнь шидэ сюэбао», 1979, № 3, с. 65, 73—75; Сюе Хун. Сушэни и культура гор Ситуаньшань. — «Цзилнь шидэ сюэбао», 1979, № 1, с. 23; Чэн Фулин, Ян Ян. Управление династии Мин Гэлинвэем. — «Цзилнь дасюе сюэбао», 1979, № 3, с. 79—80.

⁴⁸ См.: Ван Хуань. Историческое значение усмирения танским Тай-цзунном Гаочана. — «Лиши яньцзю», 1979, № 4, с. 74.

виями применения к истории концепции «извечного единого многонационального Китая».

Та же тенденция приглушения внутривосточных, великоханьских и выпячивания внешнеполитических, гегемонистских сторон рассматриваемой концепции характерна и для издаваемых в КНР словарей. На протяжении многих столетий в текстах мифов, легенд и исторических памятников древнего и средневекового Китая иероглифы «и», «мань», «жун», «ди», «ху», «мо» и их сочетания постоянно использовались наряду с возникшими позднее этнонимами («сушэнь», «уцзи», «мохэ», «сюнну», «цидань», «сяньбэй», «нюйчжэнь», «телэ», «динлин», «хуэйхэ» и т. д.) для обозначения иноплеменников или чужеземцев — народов и государств, реально или мнимо, прямо или косвенно соприкасавшихся с китайским этносом, со Средним государством («Чжунго»). Обратим внимание на характерные изменения в трактовке этих важных «этнических» терминов в китайских словарях за последние 45 лет. Это поможет лучше понять «механику» формирования шовинистических и гегемонистских идей на уровне массового сознания китайцев в наши дни.

Простейшую сводную и сравнительно последовательную трактовку указанных иероглифов и этнонимов дал Чжан Пэнъюнь (Цанг) в «Полном китайско-английском словаре», выдержавшем три издания (1920, 1930, 1937). Иероглиф «и» у него обозначал «варвары», «варварские племена»; иероглиф «мань» — «южные варвары»; «жун» — «дикие племена запада»; «ди» — «воинственные племена севера»; «ху» — «северные племена»; «мо» — «дикие племена севера»⁴⁹. Этнонимы «сюнну», «цидань» и «хуэйхэ» расшифровывались соответственно как «гунны», «кидане» и «уйгуры», сочетание иероглифов «ху-жэнь» трактовалось как «монголы», «татары»⁵⁰. Приводил Чжан Пэнъюнь и некоторые другие сочетания иероглифов (биномы): «нань-мань» — «южные варвары»; «ди-жун» и «си-жун» — «дикие племена запада»; «и-ди» — «варвары востока и севера»; «цян-ху» и «жун-цян» — «древние племена на западе Китая»⁵¹.

В основе подобной этнографической схемы лежало традиционное представление о Китае как центре мира, или Среднем государстве, со всех сторон окруженном нецивилизованными народами («варварами» или «дикарями»). Данная концепция была зафиксирована во многих письменных памятниках — в «Лицзи», «Чжоули», «Луньюй», «Мэнцзы», «Эръя» — и в династичных историях. Нашла она свое отражение и в энциклопедических словарях «Цыхай» («Море слов») и «Цюань» («Родник слов»), изданных в последние годы гоминьдановского господства в континентальном Китае: недаром словосочетание «сы-и» трактовалось как «общее название варваров четырех сторон света, находящихся за пределами Китая, — на востоке — «и», на западе — «жун», на юге — «мань» и на севере — «ди», а словосочетание «у-фан» (пять сторон) разъяснялось как «Китай (Среднее государство) и варвары четырех сторон света»⁵². Этнонимы «сушэнь», «уцзи», «цидань», «динлин», «хуэйхэ» толковались как названия самостоятельных древних государств, вступавших в различные контакты с ханьскими царствами и империями, некогда существовавшими на территории современного Китая⁵³; «сюнну», «мохэ», «сяньбэй», «нюйчжэнь», «телэ» расшифровывались как названия самостоятельных народов⁵⁴.

⁴⁹ См.: Полный китайско-английский словарь. Шанхай, 1937, с. 153, 585, 253, 420, 542, 624.

⁵⁰ См. там же, с. 85, 276, 194, 542.

⁵¹ Там же, с. 90, 253, 420, 529.

⁵² Цюань. Шанхай, 1947, с. 314; Цыхай. Шанхай, 1948, с. 64.

⁵³ См.: Цюань, с. 1213, 215, 394, 8, 319; Цыхай, 1948, с. 1087, 200, 372, 7, 300.

⁵⁴ См.: Цюань, с. 215, 1616, 1681, 398, 1540; Цыхай, 1948, с. 201, 1466, 1527, 376, 1395.

В толковых китайских и китайско-иноязычных словарях, вышедших в свет в первое десятилетие после образования КНР, иероглифы «и», «мань», «жун», «ди», «ху», «мо» и их сочетания, как правило, либо не имели «этнических» значений, либо таковые сопровождались следующими пояснениями: «и» — «так в древности называли народы востока, а затем вообще всех иностранцев; понятие это возникло на почве великоханьского шовинизма и ныне более не употребляется»⁵⁵. Перечисленные выше этнонимы в подавляющем большинстве замалчивались, а этноним «сюнну» трактовался как «название древнего народа севера, проживавшего на территории современной Монголии»⁵⁶. К замалчиванию «этнических» значений указанных иероглифов и соответственно большинства этнонимов вело не только сознание антинаучного характера современной концепции китаецентризма, но и понимание нерешенности таких проблем в истории страны, как установление четкой грани между мифологией и исторической наукой, определение временных границ формирования китайской нации и китайского государства, оценка эволюции территориальных границ последнего в различные периоды его истории.

Эти проблемы остаются нерешенными и по сей день, а некоторые из названных иероглифов сохранили свои негативные значения. Так, иероглиф «и» в ряду своих значений по-прежнему имеет такие, как «разрушить, истребить, уничтожить, вырезать, казнить»; иероглиф «мань» значит «наглый, наглеть, самым беспардонным образом»; сочетание «жун-шоу» означает «зачинщик войны»; сочетание «ху-хуа» — «бред»⁵⁷.

Это, однако, не помешало составителям энциклопедического словаря «Цыхай» 1961 г., отредактированного, по свидетельству редакции «Чжунго юйвэнь», в соответствии с личным указанием Мао Цзэдуна, объявить словосочетание «сы-и», прежде обозначавшее «варваров четырех сторон света», «общим названием национальных меньшинств по четырем сторонам света»⁵⁸. Новое толкование получили и термины, некогда обозначавшие нецивилизованные народы, находившиеся за пределами Китая (Срединного государства): «и» — «древнее название народов в восточной части нашей страны; в прошлом так говорили о загранице или о заграничном»; «мань» — «древнее название народов в южной части нашей страны»; «жун» — «древнее название народов в западной части нашей страны»; «ди» — «общее название национальных меньшинств, обитавших в древности на севере нашей страны»; «ху» — «древнее название народов севера в нашей стране»; «мо» — «древнее название народа (народов?) северо-востока в нашей стране»⁵⁹. Появилась и новая трактовка многих традиционных этнонимов: «сюнну» (гунны), «цидань» (кидани), «сяньбэй» (сяньбийцы), «ньюйчжэнь» (чжурчжэни), «мохэ» (предки маньчжуров), «хуэйхэ» (уйгуры) стали одинаково называться «древними национальностями в Китае» или «древними народами нашей страны»⁶⁰.

Анализ описаний «сы-и» («варваров четырех сторон света»), приведенных в текстах династийных историй «Ханьшу», «Хоу Ханьшу», «Цзиньшу», «Цзю Таншу», «Суншу», свидетельствует о том, что подобная великоханьская трактовка ряда важных терминов этнической и политической истории Китая, получившая к настоящему времени ши-

⁵⁵ Китайско-русский словарь. Сост. Ху Шувэй и др. Пекин, 1955; Сюе вэньхуа цзыдянь, Пекин; Шанъу иншугуань, 1952, с. 37, 123-124, 454.

⁵⁶ Сюе вэньхуа цзыдянь, с. 47.

⁵⁷ Китайско-русский словарь (Хань-э цыдянь). Пекин, 1977, с. 1069, 597, 754, 365.

⁵⁸ Цыхай, т. 6. Шанхай, 1961, с. 56; «Чжунго юйвэнь», 1979, № 1, с. 2.

⁵⁹ Синьхуа цзыдянь. Пекин, 1975, с. 500—501, 286, 370, 80, 168, 304.

⁶⁰ Хань-ин цыдянь. Пекин, 1978, с. 775, 538, 746, 503, 297; Синьхуа цзыдянь, с. 477, 461, 177; Сяньдай ханьюй цыдянь, Пекин, 1979, с. 1282, 893, 1233, 493; Цыхай. Шанхай, 1979, с. 755, 1479, 4624, 1748, 1430.

рокое распространение в КНР, родилась не в результате критического переосмысления содержания исторических памятников с позиций марксистско-ленинской исторической науки, а по указке маоистского руководства, решившего в конце 50-х годов использовать словарь национального языка для внедрения шовинистических и гегемонистских идей в массовое сознание народа.

Если принять трактовку «сы-и» составителей энциклопедического словаря «Цыхай» 1961 г. и признать данное словосочетание «общим названием национальных меньшинств», если согласиться с произвольным толкованием традиционных этнонимов в новейших китайских словарях («Хань-ин цыдянь», 1978 г.; «Сяньдай ханьюй цыдянь», 1979 г.; «Цыхай», 1979 г.), то окажется, что в разряд национальных меньшинств Китая, судя по текстам династийных историй, войдут не только народы таких сопредельных с Китаем государств, как СССР, МНР, Кампучия, СРВ, КНДР, Непал, Бутан, Япония, Филиппины, но и население Индии, Ирана, Ирака, Греции, Афганистана и даже АРЕ, Испании, Италии и Германии: они ведь упоминаются в династийных историях. Так, в «Цзю Таншу» среди «западных жунов» перечисляются Непал («Ниполо»), Индия («Тяньчжу»), Персия («Посы»), Восточно-Римская империя («Фолинь») и Арабские халифаты («Даши») ⁶¹. В «Суншу» среди «южных и юго-западных и» значатся «жители островов в Великом море к югу и юго-западу от Цзяочжоу (Кохина), в 3—5 тыс. ли от берегов (Китая), а те, что подальше, — на расстоянии в 20—30 тыс. ли» ⁶².

Новое толкование традиционного этнонима «сюнну» как «древней национальности в Китае» ведет к тому, что представителем «единого многонационального феодально-патриархального Китайского государства» становится допустимым считать даже Аттилу, некогда «осаждавшего Рим и совершавшего набеги на германские племена» ⁶³.

Рассматриваемая нами концепция активно внедряется в сознание подрастающего поколения КНР еще со школы. Так, например, программа школы-десятилетки, принятая ныне в КНР, предлагает Империи Цинь именовать «единым многонациональным централизованным феодальным государством» ⁶⁴. Введена тема «Развитие районов малых народностей в период династии Тан», причем «районами малых народностей» рекомендуется рассматривать районы обитания тюрков, уйгуров, мохэ ⁶⁵, которые якобы уже стали «членами семьи малых народностей единого многонационального Китая». Периоды Мин и Цин (до «опиумных войн») рассматриваются уже как этапы «укрепления единого многонационального государства» ⁶⁶.

Концепция «извечного единого многонационального Китая» проявляется и при составлении карт к учебникам истории. Составители карт предлагают рассматривать все государства, когда-либо создававшиеся различными народностями в пределах границ империи Цин накануне опиумных войн», как «политические власти местного значения», создававшиеся различными «братскими народами Китая» ⁶⁷. Такой подход практически в конечном счете ведет к отрицанию эволюции границ «извечного Китая» (эволюция, согласно авторам, имела место лишь внутри «извечных» цинских границ) ⁶⁸. Вот какие карты, например,

⁶¹ См.: Цзю Таншу, т. 10, Пекин, 1975, с. 5289, 5306, 5311, 5313, 5315.

⁶² Суншу, т. 8, Пекин, 1974, с. 2377.

⁶³ Ср.: Цыхай. Шанхай, 1948, с. 215, и Цыхай. Шанхай, 1979, с. 755.

⁶⁴ Важнейшие пункты программы преподавания истории для дневной школы-десятилетки. — «Лиши цзяосюе», 1980, № 8, с. 9.

⁶⁵ См. там же, с. 11.

⁶⁶ Там же, с. 12.

⁶⁷ Ван Цзяньин. Несколько пояснений к составлению исторических карт к учебнику «История Китая» для средней школы. — «Лиши цзяосюе», 1980, № 8, с. 27.

⁶⁸ См. там же.

сочли необходимым прибавить к ранее имевшимся их составители: «Новый учебник сравнительно подробно описывает обстановку на пограничных территориях Северо-Востока и Северо-Запада на протяжении истории Китая. Соответственно к историческим картам прибавлены карты, имеющие отношение к духуфу династии Тан в Аньси, духуфу в Бэйтин и Хэйшуй, дусы династии Мин в Нуэргань, к захватам царской Россией при династии Цин северо-восточных и северо-западных территорий Китая, а также к вторжению царской России на Северо-Востоке Китая»⁶⁹. Подбор этих карт, добавленных в новый учебник, очевидно, не нуждается в комментарии.

Преподаватель средней школы из Шанхая Чжу Вэньли поделился своим опытом использования подобной карты династии Тан во время урока истории⁷⁰. Сначала Чжу, основываясь на тексте учебника, отмечает на карте пределы Тан, которые якобы простирались до озера Балхаш на западе и до Хинганского хребта за Амуром — на севере. Затем он рассказывает ученикам о территориях Тан и Цин, подчеркивая, что история всех народностей внутри этих территорий была «внутренним делом Китая». Затем Чжу вызывает ученика к доске и заставляет его сравнить современную территорию КНР с пределами Тан — отсюда ученик должен уяснить, что территория КНР уменьшилась по сравнению с танской. Карту династии Тан учитель использует и приступая к повествованию об истории периода Цин. В этом случае он сначала заставляет учеников вспомнить, что территория Цин стала «исконно китайской» уже со времен Тан, а затем отмечает на карте Тан те территории, которые были «захвачены» царской Россией.

«Недавно в Шанхае, — как отмечалось в газете «Известия», — была переиздана массовым тиражом в качестве «учебного пособия» (!) карта-схема территорий, якобы «отторгнутых у Китая царской Россией». Она наглядно свидетельствует о масштабах территориальных притязаний Пекина к СССР. В качестве «китайских территорий», якобы «отторгнутых Россией», на ней изображены Советское Приморье, остров Сахалин, Амурская область, Хабаровский край, а также значительная часть земель Казахской ССР, Таджикской ССР и Киргизской ССР, находящихся восточнее западного побережья озера Балхаш, в том числе Памир и район расположения столицы Советского Казахстана г. Алма-Аты. Даже советские города составители карты переименовали на китайский лад»⁷¹. Подводя итоги вышесказанного, можно вполне обоснованно утверждать, что концепция «извечного единого многонационального Китая» по своей сущности не имеет ничего общего с реальной историей китайского народа и призвана служить сугубо прагматическим, великодержавным целям нынешнего руководства КНР.

⁶⁹ Ван Цзяньпин. Указ. соч., с. 25.

⁷⁰ См.: Чжу Вэньли. Уяснение использования наглядного учебного пособия для темы «Связи Тан с различными государствами Азии». — «Лиши цзяосюе», 1980, № 2, с. 61.

⁷¹ П. Смоленский. Не в ладах с географией и историей. — «Известия», 24.IX. 1981.

Глубокая деформация процесса общественного воспроизводства в Китае

*Е. А. Коновалов,
доктор экономических наук,
профессор*

При анализе экономики Китая недостаточно использовать только количественные характеристики — темпы роста, объемы производства, производственный аппарат, число занятых и т. д. Очень важно видеть качественные аспекты: эффективность производства, пропорции между накоплением и потреблением, I и II подразделениями, производством и потреблением, то есть в конечном счете необходимо выявить состояние производительности общественного труда. В данной статье делается попытка рассмотреть особенности процесса общественного воспроизводства в КНР, показать его противоречивый, диспропорциональный и аритмичный характер и влияние экономической политики пекинского руководства на ход общественного воспроизводства в целом.

В Китае смена одних форм собственности другими, формально более прогрессивными, происходила на неизменно низком уровне развития производительных сил, в условиях распыленности производства, преобладания натуральных отношений, неразвитости рынка и инфраструктуры. Здесь победа народной власти сделала лишь «заявку» на реальное обобществление в будущем. Предполагалось безотлагательное «подтягивание» уровня производства и обмена, приведение их в соответствие с современными формами собственности. Такого рода временный разрыв допустим, но он должен неуклонно сокращаться, а не увеличиваться. В противном случае новые формы общественных отношений не проявят своих преимуществ. Между тем в Китае процесс сокращения разрыва между формами собственности и уровнем развития производительных сил в конце первой пятилетки был прерван цепью безрассудных экспериментов типа «большого скачка», «народных коммун», «огосударствления» кустарных промыслов и местных сельских рынков и др. Это самым отрицательным образом отразилось на всех экономических процессах, включая общественное воспроизводство.

Анализ экономического развития КНР показывает противоречивый, прерывистый и неравномерный характер воспроизводства: отдельные этапы расширенного воспроизводства сменяются длительными периодами простого воспроизводства в основных отраслях производства, между отдельными фазами воспроизводства наблюдается глубокая диспропорциональность, количественное расширение производства не дает необходимых результатов для роста потребления трудящихся; между двумя подразделениями и отдельными отраслями производства, между городом и деревней, как и между экономическими районами страны, не существует постоянных органических взаимосвязей, что подрывает самые основы воспроизводства; отношения распределения государства использует прежде всего для максимального увеличения фонда накопления и сосредоточения финансовых и материальных ресурсов в милитаристских целях; обратное стимулирующее воздействие распределения на производство и потребление в китайской экономике практически не проявляется.

Другой особенностью процесса воспроизводства в КНР является несовпадение направлений и интенсивности воспроизводства производственных отношений, общественного продукта и рабочей силы. На фоне зигзагообразного роста производительных сил происходят «скачки» и «откаты» в формах собственности, наблюдаются стагнационные процессы в развитии совокупной рабочей силы и резкие колебания в массах применяемого живого труда в крупном и мелком производстве, в строительстве и в сфере услуг.

Все это подтверждает то положение, что пекинское руководство в своей экономической политике отошло от коренных принципов строительства плановой социалистической экономики, нарушает требования объективных экономических законов и пренебрегает долговременными классовыми интересами трудящихся.

Действительно, внутренние условия для расширенного воспроизводства после победы Народной революции 1949 г. в Китае были весьма ограниченны и неблагоприятны. Стране требовалось не только восстановить, но и заново создать народнохозяйственный комплекс, который мог бы эффективно функционировать на собственной экономической основе. База накопления в старом Китае была крайне слабой, прибавочный продукт создавался в немногих отраслях и центрах производства, куда в той или иной мере проникло товарное производство, иностранный капитал. Сельское хозяйство в целом оставалось натуральным, полунатуральным, а воспроизводство продукта и рабочей силы осуществлялось на простой, а не на расширенной основе.

Воспроизводство производственных отношений. Китай действительно испытывал необходимость коренной ломки производственных отношений. Демократические преобразования в городе и деревне (конфискация бюрократического капитала, развитие различных форм госкапитализма, аграрная реформа и начальные формы кооперирования крестьян и кустарей) определенно играли стимулирующую роль: изменились формы собственности, социальная структура, положение трудящихся классов и слоев общества. Колоссальную роль сыграла политическая, экономическая и военная помощь Китаю Советского Союза. Однако все эти и последующие социально-экономические перемены осуществлялись в условиях отсталого технико-экономического базиса. Исключение составляли те отрасли и те районы, где восстановление разрушенного войнами хозяйства происходило при помощи Советского Союза, на принципиально иной технической основе. Это касалось, во-первых, Северо-Востока, а также немногих районов Северного и Северо-Западного Китая, новых базовых отраслей индустрии и транспорта. Именно материальная помощь социалистических стран призвана была послужить революционизирующим элементом, который должен был подорвать архаичный застывший технико-экономический базис.

Роль социально-экономических преобразований в ходе выполнения первой пятилетки состояла в поисках форм собственности и распределения, системы управления, которые соответствовали бы конкретным условиям страны, состоянию и уровню производительных сил. Но успешное кооперирование крестьян в 1956 г., а затем насаждение народных коммун в 1958—1959 гг., «государствление» частных промышленных и торговых предприятий и мастерских кустарей привели к формальному «преодолению» многоукладности переходного периода, а по сути дела — к катастрофическому отрыву производственных отношений от состояния производительных сил. Эти моменты, а позже и закрепление военно-бюрократического режима в период «культурной революции» и прогрессирующий процесс милитаризации нанесли колоссальный урон складывающейся социально-экономической структуре Китая в переходный период.

И хотя, согласно маоистской схеме, все преобразования носили революционный прогрессивный характер, означали будто бы «немедленный переход к социализму и коммунизму», однако на деле перескакивание через целые этапы, подобное «восхождение по лестнице коммунизма» означало всего-навсего формальные волевые акты обобществления, насаждение военно-казарменных методов в экономике. Ликвидация многоукладности подобным образом, сведение всех коммун в ячейки государства, ликвидация приусадебных участков, кустарных промыслов, а также введение уравнилельных форм распределения отражали волюнтаристский подход к вопросам экономического строительства и дискредитировали научный социализм в Китае, явились отходом от коренных принципов марксизма-ленинизма.

После смерти Мао Цзэдуна китайское руководство пытается преодолеть «левый уклон», пересматривает наиболее одиозные установки, претворявшиеся в жизнь со времени «большого скачка». По выражению китайских экономистов, сейчас нужно «ослабить» натянутые, как струна, производственные отношения, предоставить «малые свободы», допускать в стране сосуществование «социалистических, полусоциалистических и несоциалистических» элементов хозяйства. Таким образом, речь идет не о возврате к рациональным и отвечающим реальной обстановке Китая формам и методам социалистического хозяйства, а о таком глубоком стратегическом отступлении по всему социально-экономическому фронту, которое отбрасывает общество к самому начальному этапу переходного периода в Китае. Суть состоит в том, что этот откат делается под влиянием провала губительных экспериментов, курса «четырёх модернизаций» и «урегулирования». Возрождение многоукладности включает развитие рыночной экономики, предоставление самостоятельности предприятиям, передачу крестьянам земли под обработку, поощрение частной инициативы и функционирование госкапитализма с участием иностранного капитала. Первые годы осуществления экспериментов по «урегулированию» экономики дают достаточно оснований для того, чтобы говорить о возникновении новых проблем и противоречий. Основная причина появления инфляции, дефицита госбюджета, неконтролируемого роста цен, безработицы, контрабандной торговли, очевидных диспропорций в экономике состоит в том, что социальные реформы и перемены руководство страны пытается проводить в условиях нестабильной социальной и политической обстановки, не на основе научно обоснованной стратегии развития, а в порядке глубокой реакции на «ультралевые» ошибки в прошлом. Как реакция на «левизну» теперешняя социально-экономическая политика быстро перешла грань рациональных и реалистичных мер, переросла в «правую» опасность, угрожающую судьбам социализма в Китае. Если пока нет достаточных оснований констатировать прямую реставрацию капитализма в Китае за счет внутренних элементов, то альянс с Западом, всяческое приманивание иностранного капитала (в форме получения кредитов, создания смешанных предприятий и «свободных экономических зон» на территории страны) создают реальную угрозу вовлечения Китая в конъюнктуру мирового капиталистического хозяйства, усиления экономического влияния на Китай крупных монополистических союзов. В настоящее время на территории Китая функционирует свыше 400 смешанных предприятий с участием капитала более чем 20 капиталистических стран; выдано более 1 млн. разрешений на открытие частных предприятий, «коллективный сектор» уже вбирает более 24 млн. рабочих и служащих; частичная передача крестьянам земли под обработку на деле означает ослабление коллективной собственности, аренду и продажу земли частным лицам и предприятиям.

Все эти явления говорят о том, что процесс воспроизводства социалистических производственных отношений и форм собственности про-

исходит ущербно, испытывает значительное давление со стороны не-социалистических форм хозяйствования. На процессы общественного воспроизводства громадное влияние оказывает система управления народным хозяйством. Меры экономической политики направляют и регулируют расширенное воспроизводство. Они должны объединять и гармонизировать отдельные фазы воспроизводства, формировать его типы, устанавливать правильное сочетание интенсивных и экстенсивных форм воспроизводства. Практика последних 25 лет в Китае говорит о том, что руководство экономикой было в глубоком разладе с требованиями законов социалистического воспроизводства. Планомерность развития общественного производства подменялась бюрократическим волевым началом, нескончаемыми кампаниями, экспериментами, хотя известно, что экспериментирование в народном хозяйстве (особенно в таком, как экономика Китая) чревато колоссальными издержками. И поныне ответственные за экономическую политику пекинские экспериментаторы ведут опаснейшие и дорогостоящие операции по расшатыванию и без того непрочных устоев социализма ради временного повышения «эффективности хозяйства». При этом многое и главное остается без изменений. Никакие реформы в экономике невозможны без изменения системы плановых показателей, структуры оптовых цен и налогов, без внедрения строгого хозрасчета. А все это остается по существу неизменным. Отсюда и низкая эффективность общественного производства, несовпадение тенденций роста реальных затрат и существующих цен, дублирование производства и конкуренция между крупными и мелкими предприятиями, рост цен и инфляция, неполная занятость и безработица и многие другие проблемы.

Воспроизводство общественного продукта в КНР в годы восстановления и первой пятилетки осуществлялось на базе подъема сельского хозяйства, реконструкции и строительства 1000 промышленных объектов, костяком которых служили более 200 крупных современных заводов и фабрик, строившихся с помощью Советского Союза. В этот период огромное внимание уделялось и таким важнейшим аспектам экономического развития, как стабилизация и укрепление финансовой и денежной системы, развитие транспортной сети, установление государственного контроля над внутренним рынком и внешней торговлей. В рамках государственного сектора проводились полная централизация хозяйственной деятельности, в отношении частнокапиталистического предпринимательства применялись эффективные меры контроля, ограничения, а также косвенного планирования. Отношения между городом и деревней базировались главным образом на торговой смычке, на обмене между промышленностью и сельским хозяйством. Это создало необходимые условия для аккумуляции финансовых средств в целях реализации грандиозных социально-экономических задач, поставленных в соответствии с генеральной линией партии на переходный период и решениями VIII съезда КПК. Итоги пятилетки были весьма внушительны и вселяли оптимистические надежды на будущее развитие страны. В течение пяти лет экономика развивалась не только высокими темпами, но и сбалансированно. Удалось поддерживать оптимальные или необходимые пропорции между развитием производства и ростом жизненного уровня трудящихся, между промышленностью и сельским хозяйством, между фондом накопления и фондом потребления в национальном доходе. Последняя пропорция выдерживалась в среднем на уровне 25:75, что имело принципиальное значение для нормального хода всех процессов общественного воспроизводства. Даже при огромной внешней экономической помощи Китаю со стороны других социалистических стран повышать долю накопления было невозможно вследствие низкого уровня прибавочного продукта в сельском хозяйстве (3—6%) и необходимости создания материаль-

ных стимулов для роста производительности общественного труда. Первая попытка «взвинтить» темпы и поднять норму накопления была сделана в 1956 г., но итоги года оказались столь неблагоприятными для бюджета и продовольственного баланса страны, что на следующий год были предприняты попытки стабилизировать пропорции прежних лет.

И тем не менее с 1958 г. Мао Цзэдун, возглавлявший националистическую часть руководства в партии, навязал партии «новую генеральную линию строительства социализма по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее», в результате страна была ввергнута в полосу беспланового хаоса, безрассудных авантюристических экспериментов, в полосу бедствий и страданий китайского народа.

В экономическом плане «большой скачок» 1958—1960 гг. означал распыление средств на строительство миллионов мелких и мельчайших предприятий традиционного производства, привлечение огромной армии труда (70 млн. человек в промышленности и 100 млн. в сельском хозяйстве) к решению амбициозной задачи удвоения выплавки стали. В короткий срок были нарушены основные народнохозяйственные пропорции: капитальные вложения в группу «А» составили более 90% общих промышленных вложений, доля накопления в национальном доходе подскочила до 40% в 1958 г. и продолжала катастрофически нарастать в последующие два года. Образовался огромный дефицит госбюджета, который не удавалось покрыть в течение многих лет. С точки зрения воспроизводства «большой скачок» имел своим прямым следствием диспропорции между отдельными фазами воспроизводства. Рост производства преследовал одну цель — удвоить выплавку стали в промышленности и производство зерна в сельском хозяйстве. Этой цели были подчинены финансовые, материальные и людские ресурсы в ущерб всем остальным звеньям народного хозяйства. Производство велось ради производства. С затратами угля, электроэнергии, сырья и живого труда на производство стали не считались; важнейшие экономические понятия — «эффективность», «окупаемость» — в этот период трактовались как «ревизионизм», «отрывка буржуазных теорий», а оплата по труду и материальное стимулирование — как «острый нож, убивающий без крови».

Это был не просто период иных экономических методов, «экспериментов», но и начало генерального наступления маоизма на коренные принципы марксизма-ленинизма, на коллективный опыт социалистических стран. С этого времени началось и внедрение в стране режима казарменного коммунизма. Детская болезнь «левизны» у маоистского руководства затягивалась и усугубилась в последующие два десятилетия. Великодержавные амбиции китайского руководства стали определеннее проявляться в милитаристской, антисоветской и антисоциалистической внешней политике.

Экономический и моральный урон «большого скачка» делу социализма в Китае оказался громадным: по оценкам китайских экономистов, прямые потери за три года превысили 100 млрд. юаней¹. Эффективность производства снизилась в 4 раза, материальные затраты на единицу готовой продукции возросли в 4—6 раз, затраты живого труда — в 2—8 раз. Если к тому же учесть неизбежный спад производства в сельском хозяйстве, последующие неурожай и голод (число умерших в 1960 г. составило 16,7 млн. человек² против 7 млн. в 1957 г., то есть увеличилось почти на 10 млн. человек, что равно общему числу потерь в период освободительных войн), то можно ясно представить, чего стоили китайскому обществу маоистские эксперименты.

¹ См.: «Жэньминь жибао», 19.1.1981.

² См.: «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 3, с. 19.

После этапа «урегулирования» (1961—1965), в течение которого было резко сокращено капитальное строительство, заброшена масса мелких предприятий, сооруженных в 1958—1959 гг., снижена норма накопления до 10 %³, экономика КНР, подстегиваемая милитаристским и великодержавным зудом маоистов, вновь начала быстро «перегреваться». На этот раз дестабилизирующим элементом процесса воспроизводства выступает милитаризация. Доля военных расходов стала быстро нарастать еще с середины 60-х годов и поддерживается на уровне 40% расходной части бюджета. Это не просто препятствовало повышению жизненного уровня трудящихся, но и определяло новые взаимосвязи в экономике. Вновь, как и в годы «скачка», стали повышать норму накоплений, подавляющая часть капиталовложений стала направляться в новое строительство (преимущественно слабооснащенных мелких и средних предприятий), роста производства пытались достигнуть не повышением производительности труда, а вовлечением в производство новых десятков миллионов занятых. За 60-е годы численность занятых в сельском хозяйстве увеличилась с 210 до 310 млн. человек, а производство зерна — менее чем на 100 млн. т⁴, то есть производительность труда на одного занятого не только не увеличилась (хотя в этот период имел место большой рост средств химизации, механизации и объемов водохозяйственного строительства), но и уменьшилась. Удвоение промышленного персонала в этот период также сопровождалось снижением производительности труда в решающих отраслях (угольной, горнодобывающей, на транспорте). За 1966—1976 гг. основные фонды увеличились на 179 млрд. юаней, то есть на столько же, на сколько они возросли за весь предыдущий период существования КНР. В результате из 150 тыс. новых промышленных предприятий лишь 1570, или немногим более 1%, можно было отнести к крупным и средним объектам современного типа⁵. В этот период возобновилось (после десятилетнего перерыва) строительство предприятий на импортном оборудовании. В целом качество вновь введенных фондов было значительно более низким, чем в годы первой пятилетки, в результате чего эффективность производства и производительность труда продолжали падать.

К концу 70-х годов экономика КНР представляла собой невероятно разбухший, малоэффективный и архаичный по своей структуре организм. В стране насчитывалось 350 тыс. промышленных предприятий (из них лишь 6,6 тыс. относятся к современным крупным объектам), в которых было занято 50 млн. человек. В сельских районах насчитывалось 50 тыс. народных коммун (свыше 5 млн. производственных бригад), где работало свыше 300 млн. крестьян. Кроме того, на 1,5 млн. промышленных предприятий, построенных в сельских районах, было занято почти 30 млн. человек.

Количественные показатели производства в КНР внешне были внушительными. Например, страна выпускала свыше 600 млн. т угля, более 100 млн. т нефти, 60 млн. т цемента, 300 млн. т зерна (включая батат и соевые бобы). Тракторный парк в сельском хозяйстве (включая мелкие тракторы) превысил 2 млн. единиц, а станочный парк в промышленности превзошел уровень Японии.

³ Такая «передышка» после кампании «большого скачка» в свою очередь болезненно отразилась на социальном и экономическом развитии. В течение двух лет численность рабочих и служащих была уменьшена на 20 млн. человек; численность городского населения с января 1961 по июнь 1963 г. была принудительно сокращена на 28 млн. человек. Объем государственных капиталовложений сократился с 38,4 млрд. до 5,6 млрд. юаней. За три года было свернуто производство на 44,5 тыс. государственных предприятиях промышленности центрального и провинциального подчинения. — См.: «Жэньминь жибао», 14.VII.1981.

⁴ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 1, с. 41.

⁵ См.: «Жэньминь жибао», 17.VII.1981.

Однако детальный анализ китайской экономики показывает, что по всем качественным показателям, по темпам и пропорциям воспроизводства народное хозяйство (как в целом, так и по его важнейшим составным частям) является громоздким и дряхлеющим организмом, в котором подавляющая часть ресурсов уходит либо на военные нужды, либо на простое увеличение числа рабочих мест и ввод новых мощностей с морально устаревшим оборудованием, либо на содержание миллионов производственных объектов и десятков миллионов рабочих мест, «пожирающих» ресурсы топлива, сырья и электроэнергии.

Между производством и потреблением, между отраслями народного хозяйства, между экономическими районами и промышленными центрами образовались глубокие диспропорции. На фоне резкого отставания добывающих отраслей контрастно нарастали излишние и ненужные производственные мощности машиностроения и черной металлургии. При дефиците многих видов машин, оборудования и металла удивительным представляется наличие 30 млн. т годами затоваренного металла и продукции электромашиностроения на сумму 60 млрд. юаней. На фоне заметного нового железнодорожного строительства стратегических магистралей в глубинных слабонаселенных районах страны недоумение вызывает колоссальная перегрузка подвижного состава, «пробки» на узлах и станциях отправления угля, экспортно-импортных товаров. Наконец, при высоких темпах роста и огромной массы накопленных производство конечной продукции повышалось в минимальных размерах, а материальные издержки росли как снежный ком. В Китае говорят: «Чем больше мы производим, тем больше продукции оседает на складах, чем больше собираем зерна, тем больше терпим убытков».

А чем можно объяснить, что при таких высоких темпах роста производства жизненный уровень трудящихся поднять не удается? Как можно объяснить появление открытой безработицы в городах и отсутствие работы для более чем 100 млн. женщин в сельском хозяйстве, хотя число рабочих и служащих увеличилось со времени образования КНР с 7 млн. до 100 млн. человек, а работающих в деревне — со 100 млн. до 330 млн. человек? Ответ на эти и многие другие вопросы ищет в экономической политике Пекина, в анализе состояния процессов воспроизводства, в частности.

После смерти Мао, несмотря на существующую кризисную ситуацию в экономике, новое руководство выдвинуло еще один амбициозный курс — программу «четырёх модернизаций». Предполагалось за первые 10 лет переоснастить производство современным оборудованием, в том числе импортной техникой. Развернулось одновременное строительство нескольких десятков крупных дорогостоящих объектов, которые потребляли огромные капиталовложения, строительные материалы и металлоконструкции, электроэнергию, уголь. Тем самым фронт капитального строительства был непомерно растянут как за счет капиталоемких объектов типа Баошаньского комбината, так и за счет продолжавшегося строительства все новых и новых мелких предприятий с применением отсталой, рутинной техники. В течение двух лет (1976—1977) число промышленных предприятий увеличилось на 54 тыс. единиц⁶. По существу, и после смерти Мао Цзэдуна экономическое развитие по своему характеру можно рассматривать как рецидив «большого скачка» или, по выражению китайской прессы, как «повторение старых ошибок в новой форме». Практически все капитальные вложения уходили на новое строительство, хотя и оно не было обеспечено самыми необходимыми материалами. На протяжении 10 лет капитальное строительство было обеспечено металлоконструкциями на 70%,

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 15.I.1981.

лесоматериалами — на 40, цементом — на 60%⁷. Для уже действующих предприятий не оставалось ни сырья, ни энергии, ни средств на обновление и модернизацию оборудования. В результате десятки тысяч предприятий простаивали либо были загружены лишь частично, оборудование использовалось на 1/3—1/2 мощностей, качество и ассортимент продукции постоянно ухудшались. На этой группе предприятий практически не осуществлялось не только расширенное, но и простое воспроизводство. Между производством и потреблением образовались глубокие несоответствия: с одной стороны, огромная масса оборудования (обычные станки, сельскохозяйственная техника, электротехническое оборудование и пр.) не находила реального спроса, с другой стороны, внутренний рынок испытывал огромный дефицит важнейших средств труда, который начал покрываться за счет дорогостоящего импорта. Страна завозила в этот период десятки тысяч автомашин, большое количество электронной техники (в том числе ЭВМ), цветных телевизоров, промышленных холодильников, химического сырья, что вскоре было признано «слепым забеганием вперед».

Нарушилось также равновесие между производством и обращением. Промышленность все больше воспроизводила готовый продукт ради потребления внутри самой же практически замкнутой промышленной структуры. Строго говоря, вся тяжелая промышленность развивалась в замкнутом кругу «производства для себя». Тем самым из кругооборота и цикла воспроизводства выпадали десятки тысяч предприятий, сфера реализации продукции которых суживалась до рамок этой же отрасли, данного города и даже собственно отдельного предприятия. Был парализован обмен между городом и деревней, между группой «А» и группой «Б», между экономическими районами страны. Длительное замораживание жизненного уровня трудящихся препятствовало нормальному ходу воспроизводства. Применительно к 70-м годам в целом можно говорить о высоких количественных показателях роста производства, которые достигались огромной ценой, при резком снижении качественных характеристик (производительности труда, коэффициента использования оборудования, отдачи капитальных вложений). Материальные затраты производства, конечная продукция и особенно масса налогов и прибылей из года в год сокращались.

После III пленума ЦК КПК в 1978 г. кратковременная эйфория «четырёх модернизаций» была подвергнута резкой критике и оценена как новое проявление «левого уклона». Огонь критики был сосредоточен на «глупой затее» с Баошаньским металлургическим комбинатом — примером «безрассудства и слепого копирования всего иностранного». Баснословные капиталовложения, неправильно выбранное место строительства, отсутствие экономических обоснований при проектировании и многие другие аспекты «Баошаньского подряда» были сурово осуждены. Лишь спустя полтора года в Китае возобновили переговоры о продолжении строительства этого объекта, причем масштабы строительства сокращены, а сроки введения в строй продлены. Был поспешно провозглашен этап «урегулирования», то есть исправления допущенных просчетов конца 70-х годов. Смысл этапа «урегулирования» заключается в том, чтобы как можно скорее избавиться экономику от таких проблем, как бюджетный дефицит, валютная задолженность, безработица, отраслевые диспропорции и др. С целью вывести страну из кризиса применялись такие методы, как срочное сужение фронта капитального строительства, снижение нормы накопления, отказ от широких закупок оборудования за рубежом, сокращение безработицы в городах, переход от капиталоемкой производственной структуры к трудоемкой.

За два года (1979—1980) сторонники «урегулирования» пытались

⁷ См.: «Цзе гуаньли», 1981, № 2, с. 12.

жесткими мерами сократить централизованные капиталовложения с 50 млрд. до 35 млрд. юаней, однако общий их объем все же увеличился за счет нарастания расходов местных бюджетов и финансирования строительства промышленных предприятий в народных коммунах. Ситуация, при которой резкое увеличение масштабов капиталовложений сменялось затем столь же резким снижением, повторялась со времени образования КНР неоднократно. Перепады доли капиталовложений в национальном доходе (от 7,3% до 31,5%)⁸ самым губительным образом отражались на ходе воспроизводства: в годы инвестиционного спада ресурсы расширенного воспроизводства сужались, а в годы переизбытка капиталовложениями и большого фронта капитального строительства страдало текущее производство и личное потребление. На протяжении более чем 30 лет экономику Китая лихорадило по крайней мере трижды.

До последнего времени руководство ориентировало многие отрасли группы «А» на большое сокращение капитального строительства. Замораживается строительство крупнейших современных заводов, что сопровождается ростом множества мелких дублирующих предприятий, слабооснащенных и неспециализированных, потребляющих дефицитное сырье и выпускающих второсортную, а то и негодную продукцию. Средства, вложенные в современные объекты, в значительной степени омертвляются. Лишь с 1982 г. предполагается вновь поднимать тяжелую индустрию за счет отраслей, обслуживающих сельское хозяйство и легкую промышленность.

Неблагоприятная демографическая и экономическая ситуация обнажила громадную безработицу в городах. До сих пор она затушевывалась высылкой грамотной городской молодежи в сельские районы, гипертрофированным развитием мелкого производства. Это были чрезвычайные, но неэффективные меры, обострявшие социальные и экономические противоречия. После возвращения 15 из 20 млн. молодежи, посланной в отдаленные сельские районы (вместе с миллионами городских жителей, годами ожидавших трудоустройства), образовалась колоссальная армия безработных. Для ее ликвидации потребовалось бы в масштабах всей страны увеличить основные фонды на 120 млрд. юаней и оборотные фонды — на 75 млрд. юаней, то есть использовать все капиталовложения в течение четырех лет. Это обстоятельство послужило одним из аргументов в пользу возрождения многоукладной экономики, которая (кроме государственного сектора), как считалось, могла поглотить избыток рабочей силы. За четыре года разными путями и средствами удалось трудоустроить 26 млн. человек, однако вследствие того, что ежегодно трудоспособного возраста достигает громадное количество молодежи, ликвидация безработицы проходит медленно и число безработных все еще составляет 26 млн. человек. К тому же китайская молодежь не хочет мириться с тем, что ей приходится начинать трудовую жизнь на рутинных и бесперспективных предприятиях, на которых они с самого начала получают, по сути дела, не зарплату, а пособие по безработице.

Другим чрезвычайным мероприятием процесса «урегулирования» является изменение структуры производства. За четыре года доля группы «А» в промышленности снизилась с 69 до 50%, а доля группы «Б» повысилась соответственно с 31 до 50%. Этот невиданный в мировой истории промышленного развития переход был совершен с невероятными издержками. Потребовалось закрыть десятки тысяч нерентабельных и неэффективных предприятий, резко переориентировать существующие предприятия на производство некоторых предметов широкой потребности. Естественно, что при этом не получали заказов десятки тысяч

⁸ См.: «Цзе гуаньли», 1981, № 2. с. 10.

промышленных предприятий и не находили работы десятки миллионов рабочих и служащих в отраслях группы «А», в частности 10 млн. строителей. Надежды на расширение трудоемких отраслей и абсорбцию миллионов ищущих работу на предприятиях коллективного и частного секторов, на расширение сферы обслуживания оказалась иллюзорными, так как группа «Б» (текстильная, легкая и пищевая промышленность) могла вбирать массы живого труда лишь в меру насыщения существующих мощностей сырьем, энергией и заказами на готовую продукцию. Выпуск самых ходовых товаров в этих условиях — велосипедов, телевизоров, радиоприемников, швейных машин, наручных часов — оказывался затруднительным из-за острой нехватки металла, сложного специального оборудования. Это породило огромные трудности в процессе переориентации, вновь обострило проблему занятости людей, работавших на существующих мощностях.

Одна из особенностей процесса воспроизводства в КНР заключается в быстром количественном расширении основных фондов, подавляющая часть которых представлена технически отсталыми, малопродуктивными, морально устаревшими станками и оборудованием. За исключением импортного оборудования, на которое приходится всего 2% стоимости основных фондов⁹, а также небольшой части станочного парка собственного производства, рост основных фондов происходит путем простой репродукции конструкций технического уровня 40—50-х годов. При этом следует иметь в виду, что, во-первых, их функционирование малоэффективно вследствие недостаточной обеспеченности сырьем, материалами, электроэнергией и заказами, а во-вторых, рабочий персонал на этих предприятиях характеризуется, как правило, слабой квалификацией и низким образовательным уровнем. Если по масштабам станочный парк Китая превышает парк Японии, то по произведенной им продукции КНР отстает от Японии в 4 раза. Из всех отраслей лишь отрасли военного производства имеют относительно хорошее оснащение (на них приходится 10% всех станков, 70% — самых современных специализированных прецизионных станков, имеющихся в стране)¹⁰.

Простого количественного увеличения основных фондов совершенно недостаточно для поступательного развития промышленности, тем более в условиях хронической недогрузки оборудования, аритмичности производства, низкого качества продукции, анонимного рынка сбыта, неопределенности цели и подчас отсутствия экономического смысла развития. Процесс простого увеличения основных фондов односторонне характеризует весь процесс расширенного воспроизводства. Это лишь одно, экстенсивное направление воспроизводства. Тем не менее терпит провал реализация и этого направления: ломка отраслевой структуры выявила колоссальное перепроизводство многих видов оборудования (обычных станков, тракторов, электробытовых приборов и пр.), которые простаивают, либо слабо используются. Подобная переориентация промышленности пагубно отражается на экономике страны. Этот переход может быть охарактеризован как переход от «сверхиндустриализации» к «псевдоиндустриализации». И тот и другой путь дорого обходятся китайскому обществу.

Третьим решающим фактором процесса воспроизводства является *воспроизводство рабочей силы*. На всех этапах строительства социа-

⁹ Следует иметь в виду, что импортное оборудование сосредоточено на немногих промышленных предприятиях, главным образом в отраслях военного производства. Даже в отдаленной провинции Юньнань от 1/3 до 1/2 станочного парка предприятий военного производства являются импортными («Цзинцзи вэньи таньсо», 1981, № 3, с. 21). Это значит, что более 350 тыс. промышленных предприятий (за вычетом 400 предприятий военного производства) оснащены отечественным оборудованием низкого технического качества.

¹⁰ См.: «Цзинцзи гуаньли», 1980, № 6, с. 17.

лизма расширенное воспроизводство рабочей силы выступает как важнейшее условие и предпосылка нормального функционирования воспроизводства в целом. В Китае с его огромным населением, которое постоянно влияет на темпы роста и структуру производства, этот фактор играет исключительно важную роль в экономическом развитии.

Следует особо отметить, что экономическая стратегия Мао Цзэдуна и его сторонников на протяжении более четверти века строилась именно на использовании колоссальных человеческих ресурсов. Они рассматривали трудовые ресурсы как чисто количественный потенциал, считалось, что чем больше людей вовлечено в производство, тем лучше для роста производства. Совершенно игнорировалась качественная сторона этих ресурсов. «Много людей — это хорошо!» — говорил Мао Цзэдун. «Большой скачок» казался Мао Цзэдуну той новой стратегией развития, которая якобы учитывает специфические условия страны, в частности многочисленность населения, и в этом смысле может послужить примером другим отсталым странам. Максимальное, поголовное вовлечение всех, кто способен работать, включая детей и стариков, в массовые кампании по выплавке стали, по «глубокой вспашке» и рытью водохранилищ подавалось как пример «высвобождения производительных сил, скованных ранее узкими рамками производственных отношений». Создание громадных трудовых армий, манипулирование ими на решающих участках производства, по замыслу маоистов, должно было «компенсировать» отсутствие материальных условий для развития крупного обобществленного производства. Расточение рабочей силы, хаотическая переброска трудовых армий с одного производства на другое, снижение оплаты труда до уровня минимума жизненных средств — все это было коренной ошибкой стратегии «скачка». Резкий «взрыв» занятости в 1958 г. (увеличение на 20 млн. человек в промышленности и 100 млн. человек в сельских районах) сменился вынужденным спадом в 1961—1962 гг. до уровня 1957 г.

С начала 80-х годов в КНР стали много говорить о «качестве населения», о необходимости воспитания «здоровой и просвещенной» нации, о «поисках талантов». Идет переоценка маоцзедуновского отношения к безграничным трудовым ресурсам как к стимулирующему фактору роста производства. Подвергается критике пополнение рабочего класса за счет молодежи, образовательный уровень которой с конца 60-х годов катастрофически снижался, квалификационный ценз падал, а жизненные условия рабочих еле-еле воспроизводились. Появились трезвые суждения о том, что «экономия» на содержании трудящихся, на их образовании и профессиональной подготовке консервирует низкую производительность труда, пагубно отражается на качестве продукции и эффективности производства. Многими осознается и тот факт, что расширение средств занятости за счет мелкого производства с его рутинной техникой, не предъявляющего высоких требований к качеству рабочей силы, не стимулирует творчество. В некоторых выступлениях отмечается, что прежняя политика привела к тому, что молодой рабочий класс (рабочие моложе 30 лет составляют 60% от общего числа рабочих, или свыше 50 млн. человек) оказался социально пассивным, безынициативным.

Воспроизводство рабочей силы, как известно, предусматривает не только обеспечение жизненными средствами самого рабочего, которые он может произвести в течение своей трудовой жизни, но и воспроизводство его семьи, обеспечение ему замены в качестве будущей рабочей силы. В Китае в течение многих лет все дело сводилось лишь к обеспечению самых элементарных жизненно насущных потребностей трудящихся: питания, одежды, жилья. Да и эти задачи реализовывались на чрезвычайно низком уровне. Потребление важнейших потребительских товаров и услуг было практически заморожено в течение 20 лет.

Но даже и этот поразительно низкий уровень потребления работник воспроизводил в течение очень длительного времени: в сельском хозяйстве — за 17 лет, в промышленности — за 7 лет упорнейшего труда.

Для экономического развития очень важно постоянное повышение уровня образования и квалификации рабочих, без чего нет оснований надеяться на устойчивый рост производительности труда. Порок экономической стратегии маоизма, в частности, заключался в том, что делалась ставка на «экономия» не только современных средств производства, но и расходов на образование, техническую подготовку, науку. Если к тому же учесть сведение до минимума средств на медицинское обслуживание и развитие культуры, то явственно обнажатся глубокие противоречия между милитаристской политикой пекинского руководства и основной целью производства при социализме.

Несмотря на колоссальные вложения в орудия и предметы труда, несмотря на относительно высокую среднюю фондооснащенность современной промышленности (10 тыс. юаней на одного человека в тяжелой и 5 тыс. юаней в легкой промышленности), технический уровень общественного производства в целом остается очень невысоким.

В деле оптимального использования людских и материальных ресурсов огромное значение имеет их пропорциональное распределение между отраслями производства и сферой услуг. При недостаточно подвижной структуре рабочей силы в Китае следует констатировать чрезмерное ее сосредоточение в производственной сфере. Удельный вес работников сферы услуг составлял в 1978 г. лишь 6,4 % совокупной рабочей силы, причем на долю пассажирского транспорта, сферы бытового обслуживания, здравоохранения и образования приходилось лишь 4,6%¹¹. Это результат не только пренебрежительного отношения к проблемам жизненного уровня населения, повышения уровня его образования и культуры, но и недооценки роли сферы услуг в процессе расширенного воспроизводства. Начиная с 1958 г. доля капитальных вложений в непроеизводственную сферу составляла в среднем менее 20%, а к 1970 г. она снизилась до 6,5%¹².

Межотраслевое распределение рабочей силы в КНР постоянно характеризуется высоким удельным весом числа занятых в сельском хозяйстве. В настоящее время в этой отрасли работает свыше 300 млн. человек, или 2/3 всех занятых. Перелив рабочей силы из сельского хозяйства в другие отрасли затруднен из-за ограниченности рабочих мест в городах и безработицы в открытой и скрытой формах. В 80-е годы приток лиц трудоспособного возраста составит 230—250 млн. человек, из них 4/5 неизбежно осядет в густонаселенных сельских районах, где и без того ощущается земельный голод. В стране существуют уже три провинции (Чжэцзян, Гуандун и Хунань), где средний размер пахотных земель на душу населения составляет менее 1 му (1/15 га), а в районе Шаньтоу (провинция Гуандун) — лишь 1/8 му на человека.

В промышленности Китая численность занятых в группе «А» существенно выше, чем в группе «Б». Из 54 млн. промышленных работников на тяжелую промышленность приходится 33 млн., на легкую — 21 млн. человек¹³. Рациональное перераспределение рабочей силы между отраслями и районами страны производится практически лишь среди кадровых работников и незначительной части интеллигенции. Набор рабочих и служащих, перевод с одного места на другое, увольнение работников и т. п. проводятся под строгим контролем органов труда, которые руководствуются не столько нуждами производства и квалификацией работников, сколько стремлением хоть как-то трудо-

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 27.IV.1981.

¹² См. там же.

¹³ См.: «Чжунго шэжуэй кэсюэ», 1980, № 3, с. 10.

устроить громадную массу людей. Особенно негативную роль играет система «наследования» рабочих мест родителей, уходящих на пенсию, их детьми. Это вынуждает предприятия и учреждения (включая школы и НИИ) набирать персонал, который совершенно не соответствует ни по специальности, ни по уровню требуемой подготовки, ни по половой структуре характеру и текущим нуждам производственной деятельности. Итак, относительная неподвижность, застойный характер отраслевой структуры рабочего класса, претерпевающей лишь количественные изменения, предопределяет консервативную роль живого труда. Творческий потенциал совокупной рабочей силы не проявляется в должной мере.

Таковы в основном специфические, вернее сказать, уродливые черты процесса воспроизводства в Китае. В конечном итоге это неизбежное следствие пагубной экономической политики пекинского руководства, отсутствия у него цельной научно обоснованной экономической стратегии. Китайское общество теряло десятилетия на амбициозные эксперименты, утрачивало преимущества планомерного ведения хозяйства. В этой связи следует отметить, что за последнее время в КНР появился целый ряд статей ученых-экономистов по отдельным аспектам теории и практики расширенного воспроизводства¹⁴. В этих статьях поднят ряд актуальных теоретических вопросов, однако их решение невозможно при нынешней экономической политике руководства. В частности, авторы статей призывают к устранению острых диспропорций (между накоплением и потреблением, материальным производством и сферой услуг, капиталоемкими и трудоемкими производствами), к изменению соотношений в распределении капиталовложений в пользу науки и образования, ускорению технического прогресса и роста производительности труда. Ясно, что все это неосуществимо без коренного изменения экономической стратегии Пекина, всей внутренней и внешней политики государства.

В настоящее время китайские руководители стремятся создать общество многоукладной экономики, представленной сложной экономической системой в виде уродливого симбиоза плановой и рыночной экономики. Но это может обернуться для страны не извлечением «всего полезного из социализма и капитализма», на что уповают в Пекине, а скорее прототипом накоплением негативного опыта волонтаристских экспериментов на базе обобществленных средств производства, значительно усугубляющегося стремлением внедрить частнособственнические формы хозяйствования.

¹⁴ См.: Ван Юнхай. Еще раз к вопросу о накоплении как единственном источнике расширенного воспроизводства. — «Цзиньзи яньцзю», 1981, № 4; Линь Цзыли. Некоторые вопросы расширенного воспроизводства. — «Хунци», 1981, № 9; Лю Цзинбо, Хэ Цзосю. Место и роль науки и образования в общественном воспроизводстве. — «Хунци», 1981, № 7; Ян Бо. К исследованию взаимосвязей между накоплением и потреблением. — «Хунци», 1981, № 6.

Отношения СССР и европейских социалистических стран с КНДР (70-е годы)

В. И. Андреев,
кандидат экономических наук
В. И. Осипов,
кандидат юридических наук

Советский Союз, европейские социалистические страны стремятся поддерживать отношения тесного сотрудничества с Корейской Народно-Демократической Республикой. Это относится как к решению народнохозяйственных задач КНДР, так и к борьбе корейского народа за мирное демократическое объединение Кореи, укрепление международных позиций Республики. Под воздействием конструктивной внешней политики стран социалистического содружества в 70-е годы заметно выросли международные связи корейского социалистического государства. В начале 70-х годов Республика имела дипломатические отношения с 37 странами, а к 1980 г. уже более чем со 100 государствами. КНДР активно ведет торговлю и осуществляет культурные связи со многими странами всех континентов. Она представлена более чем в 150 международных организациях. Страны социализма проявляют неизменную солидарность с борьбой корейского народа за прекращение империалистического вмешательства в его внутренние дела и восстановление национального единства страны на мирной демократической основе.

Дипломатической победой стран социализма в последнее десятилетие явились итоги обсуждения «корейского вопроса» в ООН. В 1973 г. делегация КНДР впервые участвовала в его рассмотрении на XXVIII сессии ГА ООН, которая на основе консенсуса приняла решение распустить Комиссию ООН по объединению и восстановлению Кореи, более двадцати лет являвшуюся орудием империалистического вмешательства во внутренние дела корейского народа. На XXX сессии ГА ООН социалистические страны и ряд развивающихся государств выступили с проектом резолюции «О создании благоприятных условий для превращения перемирия в Корею в прочный мир и ускорения самостоятельного мирного объединения Кореи». Эта резолюция, предусматривающая упразднение «командования войск ООН» и вывод из Южной Кореи всех иностранных войск, находящихся там под флагом ООН, а также замену соглашения о перемирии мирным соглашением, была одобрена Генеральной Ассамблеей на пленарном заседании.

Важнейшим звеном в системе взаимоотношений КНДР с социалистическими странами являются советско-корейские отношения. Зародившиеся в период освобождения Кореи Советской Армией от колониального японского ига, они являют пример бескорыстного сотрудничества, взаимной помощи, неизменно строятся на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга. СССР первым признал созданную 9 сентября 1948 г. Корейскую Народно-Демократическую Республику и установил с ней дипломатические отношения.

Большим вкладом в дело упрочения советско-корейских отношений явилось подписание 6 июля 1961 г. Договора о дружбе, сотрудничестве

и взаимной помощи, двадцатилетие которого отмечалось в этом году. Договор воплотил в себе стремление народов обеих стран укреплять политические, экономические и культурные связи, стал важным инструментом обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке. В ст. 1 Договора подчеркивается, что обе стороны «будут участвовать во всех международных действиях, имеющих целью обеспечение мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире, и будут вносить свой вклад в дело осуществления этих высоких задач». СССР и КНДР взяли обязательство «консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим интересы обоих государств, руководствуясь стремлением содействовать укреплению мира и всеобщей безопасности»¹. Заключение Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и КНДР имеет историческое значение для народов обеих стран. Договор юридически укрепил братский союз двух народов. Оценивая его значение, товарищ Ким Ир Сен отмечал: «Испытанная историей и еще крепче связанная узами Договора о дружбе и сотрудничестве и взаимной помощи корейско-советская дружба вечна и нерушима»².

Советско-корейские отношения в последнее десятилетие получили дальнейшее развитие в политической, экономической, культурной, научной сферах. Активно развивались связи между КПСС и ТПК, СССР и КНДР. Значительным событием в советско-корейских отношениях явилась встреча в мае 1980 г. в Белграде Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК ТПК, Президентом КНДР Ким Ир Сенем. В ходе ее состоялся обмен мнениями по вопросам советско-корейских отношений и сотрудничества, а также обсуждались актуальные международные проблемы³.

Во время визита в СССР в 1979 г. делегации Трудовой партии Кореи во главе с членом Политбюро Комитета, секретарем ЦК ТПК Ким Ен Намом состоялись переговоры по вопросам международного положения, усиления борьбы против агрессивных действий империалистических сил. Обе стороны отметили необходимость энергичных усилий в целях углубления и расширения разрядки напряженности, в интересах прекращения гонки вооружений и разоружения. Советская делегация заявила о поддержке инициатив ТПК и правительства КНДР, нацеленных на мирное демократическое объединение Кореи.

В работе VI съезда ТПК и в торжественных мероприятиях, посвященных 35-й годовщине образования партии (октябрь 1980 г.), принимала участие делегация КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришиным. Во время пребывания в КНДР делегация КПСС состоялись переговоры с делегацией ТПК, которую возглавлял член Политбюро ЦК ТПК, секретарь ЦК ТПК Ким Ен Нам. Как подчеркивалось в согласованном сообщении для печати, эти советско-корейские переговоры, так же как и переговоры делегаций КПСС и ТПК в Москве в июне 1979 г., способствовали укреплению отношений дружбы и сотрудничества между КПСС и ТПК, между народами Советского Союза и КНДР.

Делегация КПСС была принята Генеральным секретарем ЦК ТПК, Президентом Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сенем. Во время беседы было высказано удовлетворение тем, что между КПСС и ТПК укрепляется дружба, расширяется и углубляется всестороннее взаимное сотрудничество на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма⁴. Делегация Трудовой

¹ «Правда», 7.VII.1961.

² Приложение к журналу «Новая Корея», 1961, № 15, с. 13.

³ См.: «Правда», 5.V.1980.

⁴ См. там же, 17.X.1980.

партии Кореи во главе с членом Президиума Политбюро ЦК ТПК, Премьером Административного совета КНДР Ли Ден Ок ом участвовала в работе XXVI съезда КПСС. Выступая на съезде, товарищ Ли Ден Ок выразил глубокую признательность КПСС и советскому народу за активную поддержку борьбы корейского народа за вывод американских войск из Южной Кореи и объединение страны⁵. С трибуны XXVI съезда КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вновь заявил, что «Советский Союз солидарен с борьбой Корейской Народно-Демократической Республики за мирное демократическое объединение родины без вмешательства извне и стремится углублять и обогащать связи с ней»⁶.

В комплексе советско-корейских отношений важное место занимает торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество. Оно базируется на долговременной основе. Образованная в 1967 г. Межправительственная консультативная советско-корейская комиссия по экономическим и научно-техническим вопросам изучает возможности использования новых, наиболее эффективных форм сотрудничества, создания в КНДР новых отраслей экономики. Состоявшееся в октябре 1980 г. XVI заседание комиссии рассмотрело выполнение взаимных обязательств по расширению и строительству в КНДР промышленных предприятий и других объектов, выполнение протокола о товарообороте и платежах между двумя странами в 1980 г.

Налажены прямые контакты между Госпланом СССР и Госпланом КНДР. В 1975 и 1980 гг. по линии Госпланов обеих стран проведены консультации по вопросам развития экономического сотрудничества на 1976—1980 и 1981—1985 гг. Такие консультации позволяют еще более тесно скоординировать торгово-экономические связи на пятилетние сроки, придать им долговременный плановый характер.

На современном этапе советско-корейское сотрудничество осуществляется на основе принципиально нового хозяйственного механизма с использованием наиболее эффективных форм. В практику вошли компенсационная форма сотрудничества. Это означает, что предоставление кредитов и оказание технического содействия увязывается с возможностями погашения кредита продукцией того предприятия, на строительство которого он выделен. Так, после полного ввода в строй металлургического завода им. Ким Чака, заводов автомобильных аккумуляторов и микроэлектродвигателей часть продукции этих предприятий будет поставляться в СССР. Производственное сотрудничество на компенсационной основе позволяет расширить номенклатуру корейских товаров, поставляемых в Советский Союз, и создает условия для более активного участия КНДР в международном социалистическом разделении труда.

В 70-е годы Советский Союз оказывал содействие КНДР в строительстве крупных народнохозяйственных объектов в различных отраслях экономики. В области энергетики с помощью СССР в социалистической Корее построены Пукчанская ТЭС мощностью 1,2 млн. кВт, ТЭЦ в Унги мощностью 100 тыс. кВт. Оказывается содействие в расширении Пукчанской ТЭС до 1,6 млн. кВт, в сооружении Чондинской ТЭЦ мощностью 150 тыс. кВт. В металлургии при содействии СССР построен конверторный цех на заводе им. Ким Чака мощностью 1 млн. т стали в год и цех горячей прокатки металлов. Продолжается сооружение цеха холодной прокатки.

В 70-е годы в КНДР при техническом содействии Советского Союза построен первенец нефтехимии — нефтеперерабатывающий завод в

⁵ См. «Правда», 26.11.1981.

⁶ Там же, 24.11.1981.

Унги, завод по производству эмалированных проводов, автомобильных аккумуляторов. С помощью советской техники и на основе советской документации идет расширение угольного бассейна в районе Анчжу. Продолжается сооружение заводов по производству микроэлектродвигателей, аммиака, подшипников, алюминия и других объектов. По нашим расчетам, ввод в эксплуатацию предприятий и объектов, сооруженных в КНДР в 70-е годы с участием Советского Союза, позволил увеличить выпуск за десятилетие: стали — на 30 %, проката — на 40, угля — на 30, электроэнергии — на 40, азотных удобрений — на 25 %. В настоящее время продолжается строительство 12 предприятий, часть которых должна быть введена в эксплуатацию в 1981 г. Предприятия спроектированы с учетом последних достижений науки и техники и оснащаются новейшими образцами советского оборудования. Удельный вес продукции предприятий, построенных в КНДР при содействии СССР, составляет в настоящее время в общем объеме производства электроэнергии около 60 %, стали — 30, проката — 34, нефтепродуктов — 45, тканей — 20, добычи железной руды — 40 %⁷. Советский Союз участвует в реализации программы развития транспорта КНДР. Он поставил ей мощные тепловозы, оказал содействие в проектировании и техническом оснащении пхеньянского метро, переоборудовании порта Раджин для приема и переработки советских внешнеторговых грузов, включая реконструкцию железной дороги от пограничной станции Тумаган до Раджина.

С каждым годом расширяются объемы сотрудничества в заготовке леса, которая производится силами корейских рабочих в районах Восточной Сибири для нужд народных хозяйств КНДР и СССР. На территории Хабаровского края и Амурской области действуют несколько лесозаготовительных хозяйств КНДР и осуществляется частичная переработка древесины на долевом участии. Успешно развивается советско-корейское сотрудничество в области рыболовства.

Исключительно важное значение имеет научно-техническое сотрудничество между нашими странами. Эта форма связей позволяет КНДР с наименьшими затратами и в максимально короткие сроки осваивать производство новой продукции, сложные современные машины и оборудование, внедрять достижения современной науки. СССР и КНДР осуществляют совместные научные разработки, плодотворное сотрудничество ведется советскими и корейскими учеными в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне. Новым шагом в развитии советско-корейских научных связей становится сотрудничество в области наблюдения космических объектов. На станции слежения за искусственными спутниками, построенной под Пхеньяном с помощью советских специалистов, проводится совместная исследовательская работа, которая имеет большое значение для выполнения важных народнохозяйственных задач.

Советский Союз является основным торговым партнером КНДР, на его долю приходится около трети всего внешнеторгового оборота страны. СССР поставляет в КНДР комплектное оборудование для металлургической промышленности, сельскохозяйственные машины, железнодорожный подвижной состав, нефть, кокс и коксующийся уголь, хлопок и другие промышленные изделия и сырье. В свою очередь СССР импортирует из КНДР такие товары, как минеральное сырье, черные и цветные металлы, цемент, магнетитовый клинкер, продукцию химической промышленности, станки, товары народного потребления, сельскохозяйственную продукцию. Удельный вес КНДР во внешнеторговом обороте Советского Союза составляет менее 1 %, но в то же время доля поставок из народной Кореи в удовлетворении импортных

⁷ См.: «Экономическая газета», 1980, № 33.

потребностей СССР в 1979 г. составила (в стоимостном исчислении) по чугуну — 21%, цементу — 56, рису — 25, свежим помидорам — 3, свежим яблокам — 2,3, спортивной обуви — 35%⁸. При этом необходимо учитывать, что значительная часть поставок из КНДР идет в районы Сибири и Дальнего Востока, что позволяет значительно сокращать транспортные издержки и обеспечивать необходимыми товарами эти быстро развивающиеся районы Советского Союза.

Советско-корейская торговля осуществляется на долговременной основе. За последнее десятилетие торговые соглашения заключались дважды на 1971—1975 и на 1976—1980 гг. О состоянии внешнеторгового оборота между СССР и КНДР свидетельствуют следующие данные (млн. руб. в текущих ценах)*:

	1960 г.	1970 г.	1976 г.	1978 г.	1979 г.
Оборот	102,7	336	338,2	378,1	491,8
Экспорт	35,5	207	186,8	176,5	235,4
Импорт	67,2	129	151,4	201,6	256,4

* Составлено по данным статистических обзоров «Внешняя торговля СССР» за соответствующие годы.

Расширяется культурный и спортивный обмен между нашими странами, сотрудничество в области здравоохранения, контакты между общественными организациями и творческими союзами. Правовой основой культурных связей между Советским Союзом и народной Кореей являются Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, подписанное в марте 1949 г., и Соглашение о культурном сотрудничестве, заключенное в сентябре 1956 г. В развитие этих соглашений составляются двухгодичные планы культурного обмена. В этих планах особое внимание уделяется проведению мероприятий в связи с национальными праздниками, другими знаменательными событиями в жизни народов двух стран. Между СССР и КНДР осуществляется обмен творческими коллективами, делегациями писателей, кинематографистов, ученых, архитекторов. Ежегодно взаимный обмен делегациями составляет более 100 посещений.

Большую и полезную работу в деле укрепления дружбы между нашими народами проводят Общество советско-корейской дружбы (ОСКД) и Общество корейско-советской дружбы (ОКСД). ОСКД принимает самое активное участие в ежегодно проводимых в СССР месячниках солидарности с борьбой корейского народа за вывод всех иностранных войск из Южной Кореи. Оно знакомит советскую общественность с успехами трудящихся КНДР в социалистическом строительстве. ОКСД каждый год проводит различные мероприятия, декады советских фильмов, фотовыставки, посвященные успехам советского народа в строительстве развитого социализма. В 1975 г. Общество корейско-советской дружбы было награждено орденом Дружбы народов. В приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева дана высокая оценка деятельности ОКСД. «В Советском Союзе, — указывает товарищ Л. И. Брежнев, — высоко ценят деятельность Общества корейско-советской дружбы, направленную на развитие и укрепление традиционных отношений дружбы и сотрудничества между народами наших стран»⁹.

Отношения между КНДР и Народной Республикой Болгарией в 70-е годы активно развивались. В 1973 г. в Пхеньяне побывала пар-

⁸ См.: «Экономическая газета», 1980, № 33.

⁹ «Правда», 11.XI.1975.

тийно-правительственная делегация НРБ во главе с товарищем Т. Живковым, а в 1975 г. Болгарию посетила партийно-правительственная делегация КНДР во главе с товарищем Ким Ир Сенем. В ходе этих визитов стороны констатировали, что «политические и культурные отношения между двумя странами все больше расширяются на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма»¹⁰.

КНДР поддерживает внешнеполитический курс правительства НРБ, направленный на установление добрососедских отношений на Балканском полуострове, на упрочение мира и безопасности в Европе и во всем мире¹¹. Болгарская сторона выступает в поддержку конструктивных инициатив КНДР по мирному демократическому объединению Кореи без вмешательства внешних сил. Во время визитов на высшем уровне отмечалась важность сплочения социалистических стран на незыблемых принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Между двумя странами успешно развиваются торгово-экономические связи. НРБ оказала КНДР содействие в строительстве теплиц, в сооружении завода по переработке фруктов. При техническом содействии Болгарии в КНДР построены мукомольный завод (поставлены мельничные комплексы), завод по производству безалкогольных напитков. КНДР налаживает с НРБ двустороннюю кооперацию по производству продукции транспортного машиностроения — электропогрузчиков, электро- и мотокаров, в судостроении, а также в производстве полупроводниковой и вычислительной техники. Торговля между КНДР и НРБ развивается на основе долгосрочных соглашений. В декабре 1975 г. подписано такое соглашение между правительствами двух стран на 1976—1980 гг. В 1979 г. взаимный товарооборот составил около 12 млн. руб.

Развиваются болгаро-корейские связи в области культуры, спорта, здравоохранения. Имеются соглашения о сотрудничестве между Академиями наук, в области радио и телевидения. В 1977 г. между КНДР и НРБ заключена консульская конвенция. Между двумя странами существует активный обмен делегациями. Только в 1979 г. в КНДР побывало 5 болгарских делегаций, а в Болгарии — 6 корейских.

Корейско-венгерские отношения имеют тенденцию к расширению в политической, экономической, научно-технической и других сферах. Этому в значительной степени способствовало развитие контактов на высоком партийном и государственном уровне.

В 70-е годы КНДР и ВНР обменялись визитами министров иностранных дел. В 1976 г. Венгрию посетил министр иностранных дел КНДР Хо Дам, а в 1977 г. в Пхеньяне находился с визитом министр иностранных дел ВНР Ф. Пуйя. Проведенные переговоры показали стремление обеих стран укреплять двусторонние отношения. КНДР проявила солидарность с усилиями социалистической Венгрии, направленными на обеспечение европейской безопасности. Венгерская сторона поддержала конструктивные инициативы КНДР по самостоятельному мирному объединению Кореи. В 1979 г. в ВНР с визитом находилась делегация Трудовой партии Кореи во главе с членом Политического Комитета ЦК ТПК, секретарем ЦК ТПК Ким Ен Намом. В ходе переговоров было подтверждено обоюдное стремление и дальше развивать партийные связи на различных уровнях.

КНДР и ВНР развивают взаимовыгодные торгово-экономические связи. Венгрия оказывает содействие КНДР в развитии горнорудной промышленности, транспорта, электроники. Венгрия предоставила

¹⁰ «Нодон синмун», 7.VI.1975.

¹¹ Там же.

КНДР кредит для закупки крупной партии автобусов «Икарус». ВНР поставляет КНДР также медицинские приборы, электронно-измерительную аппаратуру.

Торговый оборот между КНДР и ВНР в 1978—1979 гг. составил около 6 млн. руб. Основной экспортной продукцией КНДР в Венгрию являются магнезитовый клинкер, черные и цветные металлы, инструменты, стальные трубы, товары широкого потребления и другая продукция. Из Венгерской Народной Республики КНДР импортирует машины, медицинское и транспортное оборудование, средства связи, продукцию химической и фармацевтической промышленности.

Обе стороны осуществляют сотрудничество по линии Академий наук, банков, телеграфных агентств, в области радио и телевидения, здравоохранения. Каждые два года заключаются планы культурного обмена, реализация которых предусматривает взаимный обмен творческими коллективами, делегациями журналистов, кинематографистов, обществ дружбы.

Отношения КНДР и ГДР носят активный характер. Оба государства выступают за дальнейшее развитие двусторонних отношений в различных областях, за укрепление связей между социалистическими странами. Важное значение для укрепления отношений между ТПК и СЕПГ, КНДР и ГДР имел визит в Корейскую Народно-Демократическую Республику в 1977 г. партийно-государственной делегации ГДР во главе с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером. В ходе состоявшихся переговоров с делегацией КНДР, возглавляемой товарищем Ким Ир Сенем, стороны подвергли детальному обсуждению состояние и перспективы отношений между ТПК и СЕПГ, КНДР и ГДР, рассмотрели ряд международных проблем. В коммюнике, опубликованном по окончании визита, была подчеркнута взаимная заинтересованность в дальнейшем развитии отношений дружбы и сотрудничества между двумя странами, партиями и народами на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма и достигнута договоренность об укреплении экономического, научно-технического сотрудничества, обмена в области культуры, здравоохранения, просвещения, спорта. В развитие этих договоренностей подписаны соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, а также новая консульская конвенция.

При рассмотрении международных проблем делегации обеих стран отметили положительное воздействие итогов Совещания по безопасности в Европе, подчеркнули необходимость новых усилий в интересах безопасности и разрядки.

Делегация КНДР высоко оценила вклад ГДР в укрепление европейской безопасности и выразила полную поддержку усилиям немецкого социалистического государства в борьбе за мир и безопасность в Европе. КНДР подчеркнула важное значение установления отношений мирного сосуществования между ГДР и ФРГ и необходимость соблюдения Договора об основах отношений между ГДР и Западной Германией, а также четырехстороннего соглашения по Западному Берлину от 3 сентября 1971 г. КНДР констатировала полное согласие с позицией социалистических стран Европы относительно того, что Западный Берлин не является составной частью ФРГ¹².

ГДР со своей стороны заявила о полной поддержке миролюбивого курса правительства КНДР в корейском вопросе. Солидарность с усилиями ТПК по мирному демократическому объединению Кореи является составным элементом внешней политики немецкого социалистического государства. В 1972 г. во время визита в ГДР министр иност-

¹² См.: «Нодон синмун», 12.XII.1977.

ранних дел КНДР Хо Дама немецкие товарищи подчеркнули неизменность линии на поддержку программы ТПК в корейском вопросе. В 1976 г. Народная палата ГДР в ответном письме на имя Постоянного совета Верховного народного собрания КНДР заявила о солидарности с борьбой трудящихся социалистической Кореи за вывод всех иностранных войск с Юга Корейского полуострова и создание благоприятных условий для мирного воссоединения корейской нации. Во время переговоров в Пхеньяне на высшем уровне в 1977 г. ГДР снова подтвердила поддержку миролюбивого курса КНДР в корейских делах.

Германская Демократическая Республика, будучи одним из развитых государств социалистической системы, оказывает многостороннюю помощь КНДР в развитии ее народного хозяйства. В 70-е годы ГДР оказывала КНДР техническое содействие в развитии текстильной промышленности, полиграфии, в налаживании производства счетно-вычислительной техники, судового оборудования, оборудования связи. С помощью ГДР в Пхеньяне сооружается завод измерительных приборов и средств автоматизации. Налажено сотрудничество в области сельского хозяйства.

Важное место в экономических отношениях между КНДР и ГДР занимает торговля. КНДР экспортирует в ГДР черные и цветные металлы, карбид кальция, цемент, магнезитовый клинкер, продукцию сельского хозяйства и морского промысла, а также продукцию обрабатывающей промышленности: металлорежущие станки, электромоторы, инструмент и другие товары. ГДР в свою очередь экспортирует в народную Корею машины и оборудование, приборы, средства связи, продукцию химической промышленности. Внешнеторговый оборот между двумя странами постоянно расширяется, обе стороны проявляют стремление к дальнейшему развитию взаимовыгодных торговых связей. В 1979 г. товарооборот между ГДР и КНДР составил около 90 млн. руб.

Научный обмен осуществляется в рамках плана культурного и научного обмена и плана научного сотрудничества между Академиями наук КНДР и ГДР. В 1978 г. между двумя странами подписано соглашение о воздушном сообщении. Сотрудничество между двумя странами затрагивает широкие области — культуру, здравоохранение, просвещение, кино, радио и телевидение, журналистику. Постоянно расширяется обмен делегациями. В 1979 г. 7 корейских делегаций посетили ГДР и 13 делегаций ГДР находились в КНДР.

Для отношений между КНДР и Польшей характерно обоюдное стремление к активному развитию политических контактов, торгово-экономических связей, обмена делегациями в культурной, научной сферах, в области здравоохранения, спорта.

В 70-е годы между Корейской Народно-Демократической Республикой и Польской Народной Республикой состоялись контакты на высоком партийном и государственном уровне, которые внесли вклад в развитие двусторонних отношений. В 1975 г. делегация ТПК приняла участие в работе VII съезда ПОРП. Налажены регулярные межпартийные связи на рабочем уровне, осуществляется обмен по линии партийной печати. Переговоры по внешнеполитическим вопросам были проведены во время визита в Пхеньян в июне 1977 г. министра иностранных дел Польши Э. Войташека. Стороны отметили позитивные изменения, происшедшие в Европе и во всем мире под воздействием борьбы социалистических стран, всех прогрессивных, антиимпериалистических сил современности. ПНР высказалась в поддержку усилий КНДР, направленных на самостоятельное мирное объединение Кореи.

В последнее десятилетие в экономических отношениях между двумя странами сделан упор на расширение торгового оборота. Торговля

между КНДР и Польшей осуществляется на основе долгосрочных торговых соглашений (на 5 лет) и ежегодно подписываемых протоколов. КНДР экспортирует в Польшу каустическую магнезию, тальк, эфирное масло, хмель, фарфор, станки, обувь. В свою очередь ПНР экспортирует в КНДР продукцию машиностроения, судовые двигатели, электронную и медицинскую аппаратуру, кокс и серу. В 1979 г. товарооборот между двумя странами составил около 47 млн. руб.

ПНР оказывает техническое содействие в сооружении стекольного завода в Нампхо. В 1979 г. между КНДР и Польшей заключено соглашение о воздушном сообщении. КНДР и Польша имеют многолетний опыт сотрудничества в области морского судоходства. Они создали совместную акционерную судоходную компанию «Чо-Поль», которая играет заметную роль в расширении двусторонней торговли.

Отношения Корейской Народно-Демократической Республики и Чехословацкой Социалистической Республики строятся, как это отмечено в совместном коммюнике по итогам визита в КНДР в 1973 г. партийно-правительственной делегации ЧССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Густавом Гусаком, на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма¹³.

Переговоры на высшем уровне, состоявшиеся в Пхеньяне в 1973 г., внесли заметный вклад в развитие корейско-чехословацких отношений. Делегации КНДР и ЧССР выразили поддержку инициативам социалистических стран, направленным на обеспечение европейской безопасности, подтвердили необходимость вывода иностранных вооруженных сил из Южной Кореи — главного препятствия на пути самостоятельного мирного объединения Кореи. КНДР поддержала достижение договоренностей между ЧССР и ФРГ о недействительности с самого начала мюнхенского договора.

В 1973 и 1976 гг. КНДР и ЧССР обменялись визитами министров иностранных дел. В ходе состоявшихся переговоров стороны вновь подтвердили совпадение позиций относительно европейских дел и корейского вопроса, выразили решимость укреплять единство социалистических стран на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, поддержали борьбу народов против империализма и неокOLONиализма, за свободу и социальный прогресс. Получили дальнейшее развитие связи и по другим линиям. КНДР и ЧССР развивают сотрудничество в области культуры, науки, телевидения и радиовещания, здравоохранения, спорта.

Торгово-экономическое сотрудничество КНДР и ЧССР строится на долгосрочной основе. В 1976 г. между правительствами КНДР и ЧССР заключено долгосрочное торговое соглашение (на 1976—1980 гг.), предусматривающее увеличение торгового оборота. В 1979 г. объем внешней торговли между двумя странами составил около 20 млн. руб.

Корейско-румынские отношения динамично развиваются по всем линиям. Двустороннее сотрудничество в политической, экономической и других областях в 70-е годы получило международно-правовую основу — в мае 1975 г. в Бухаресте между КНДР и СРР заключен Договор о дружбе и сотрудничестве.

В преамбуле определена главная цель договора. Обе стороны в своей политике руководствуются стремлением «укреплять сплоченность социалистических стран на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма», «боевую солидарность с международным коммунистическим и рабочим движением, со всеми революционными, прогрессивными силами, выступающими против империализма».

¹³ См.: «Нодон синмун», 26.VI.1973.

лизма и колониализма»¹⁴. В договоре юридически закреплены основополагающие принципы двусторонних отношений. Это прежде всего всемерное развитие торгово-экономического сотрудничества, связей в области науки, культуры, печати, радио и телевидения и др.

Особенностью договорных обязательств румынской стороны является всемерная поддержка КНДР в корейском вопросе, требований о выводе из Южной Кореи всех иностранных войск и объединении Кореи мирным демократическим путем без иностранного вмешательства. КНДР и СРР договорились проводить регулярные консультации по интересующим обе стороны вопросам в целях обеспечения безопасности.

В развитие положений Договора в 1978 г. был принят совместный документ — «Об углублении дружбы и сплоченности и развитии братского сотрудничества между ТПК и РКП, КНДР и СРР». Основное содержание этого документа сводится к констатации обоюдного стремления сторон расширить сферу двусторонних отношений. В разделах, посвященных международным проблемам, отмечена необходимость прекращения гонки вооружений, разоружения, обеспечения мира в Европе и других районах мира. Стороны осудили агрессивную политику Израиля, поддержали законные права палестинцев, в том числе их право на создание собственного государства, выразили солидарность с борьбой антиимпериалистических, антиколониальных сил¹⁵.

Следует особо подчеркнуть, что для отношений между КНДР и СРР характерен высокий уровень. В 70-е годы стороны дважды обменялись визитами на высшем уровне. В 1971 и 1978 гг. партийно-правительственная делегация СРР во главе с товарищем Н. Чаушеску посетила КНДР. В 1975 г. делегация КНДР, возглавляемая товарищем Ким Ир Сенем, находилась в Бухаресте. В мае 1980 г. партийно-государственная делегация КНДР во главе с товарищем Ким Ир Сенем снова нанесла визит в Социалистическую Республику Румыния.

КНДР и СРР имеют широкие торгово-экономические связи. В последние годы румынская сторона предоставила КНДР кредит, используемый для сооружения 7 объектов: завода орлонового волокна, деревообрабатывающего завода, телевизионного завода (введен в строй), двух предприятий по производству целлюлозы, завода по производству витамина «С», цехов по производству обоев и линолеума. Кроме того, СРР согласилась поставить КНДР буровую установку с глубиной бурения до 4 тыс. м. Наряду с этим Социалистическая Республика Румыния оказывает КНДР содействие в оснащении Мусанского рудника (она осуществляет поставки горношахтного оборудования и автосамосвалов), помогает в сооружении асбесто-цементных предприятий¹⁶. Между двумя странами постоянно расширяются объемы товарооборота. КНДР экспортирует в Румынию черные и цветные металлы, карбид кальция, строительные материалы, а также продукцию обрабатывающей промышленности. Из СРР в КНДР поставляются машины и оборудование, продукция химической промышленности. Товарооборот между двумя странами в 1979 г. составил около 52 млн. руб. Между КНДР и СРР заключено долгосрочное соглашение на 1976—1980 гг., предусматривающее дальнейший рост взаимной торговли.

В 70-е годы КНДР и СРР подписали ряд соглашений в области культуры, здравоохранения, туризма, радио и телевидения. Обе стороны поддерживают активный обмен делегациями, включая партийный, обмен между общественными организациями. В 1979 г. в КНДР побывало 18 румынских делегаций, а в СРР — 12 корейских.

¹⁴ «Нодон синмун», 28.V.1975.

¹⁵ См. там же, 24.I.1978; 14.V.1980.

¹⁶ См.: М. Е. Тригубенко. Народной Кореи — 30 лет. М., 1975, с. 44.

Корейско-югославские отношения были нормализованы в 1971 г. после многолетнего перерыва. В совместном сообщении правительств КНДР и СФРЮ отмечалось, что, «исходя из прежней договоренности о взаимном признании и установлении дипломатических отношений и желая дальнейшего развития дружественных отношений между двумя странами, обе стороны договорились об обмене дипломатическими представителями в ранге послов»¹⁷. В 70-е годы отношения между двумя странами получили заметное развитие. В 1972 г. состоялся визит в Белград министра иностранных дел КНДР Хо Дама. Югославская сторона выразила поддержку усилий КНДР, направленных на мирное объединение страны. Налаживаются межпартийные связи. В 1974 г. в Пхеньяне находилась делегация Союза коммунистов Югославии.

Важное значение для дальнейшего развития двусторонних отношений имел визит в Югославию в 1975 г. партийно-правительственной делегации КНДР во главе с товарищем Ким Ир Сенем. В ходе состоявшихся переговоров стороны отметили, что основными принципами, на которых будут базироваться их отношения, являются «принципы полного равенства и самостоятельности, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга»¹⁸. КНДР и СФРЮ подчеркнули, что «силы мира, демократии и социализма оказывают все более мощное влияние на ход общественного развития и международные отношения»¹⁹.

Во время визита в КНДР в 1977 г. партийно-правительственной делегации СФРЮ во главе с президентом И. Тито стороны вновь подтвердили стремление к дальнейшему развитию двусторонних отношений. В мае 1980 г. делегация КНДР во главе с товарищем Ким Ир Сенем присутствовала на похоронах И. Тито и провела переговоры с югославскими руководителями.

В целом 70-е годы характеризовались дальнейшим развитием отношений КНДР с Советским Союзом и европейскими социалистическими странами. Осуществлялось плодотворное сотрудничество в области экономики, науки, техники, культуры, здравоохранения. Поддержка Корейской Народно-Демократической Республики Советским Союзом, другими социалистическими государствами не позволила империалистическим силам предпринять против корейского народа агрессивные действия, которые поставили бы под угрозу независимость КНДР, социалистические завоевания корейских трудящихся, нарушили бы мир и безопасность на Дальнем Востоке и в Азии. «Важнейшим фактором мира и стабильности в Азии, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, — являются миролюбивая политика Советского Союза, наша дружба, сотрудничество и взаимодействие с братскими социалистическими государствами — Монголией, Вьетнамом, Лаосом, Кампучией, с Корейской Народно-Демократической Республикой»²⁰. Расширение и углубление всестороннего сотрудничества КНДР с Советским Союзом, другими странами социалистического содружества составляет важнейший фактор успешной борьбы корейского народа за социализм, мирное демократическое объединение своей родины, укрепления позиций социализма в Азии и во всем мире.

¹⁷ «Нодон синмун», 3.IX.1971.

¹⁸ Там же, 11.VI.1975.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Правда», 30.VIII.1980.

Японская экономическая «помощь» развивающимся странам

*Е. Б. Ковригин,
кандидат экономических наук*

К числу самых фундаментальных сдвигов прошедшего десятилетия относится резкое возрастание роли многих десятков стран развивающегося мира, превратившихся в активных субъектов международной политики. Стремление предотвратить окончательное выпадение этих стран из привычной системы эксплуатации, снизить накал конфронтации заставляет современных неокolonизаторов, пользуясь словами В. И. Ленина, «прибегать к более культурным, более технически высоким приемам капитализма»¹.

На роль наиболее распространенного из таких «приемов» в 60—70-е годы выдвинулось оказание экономической «помощи» индустриальными капиталистическими державами («Север») странам развивающегося мира («Юг»). Из государственных бюджетов основных центров мирового капитализма в столицы Азии, Африки, Латинской Америки текут немалые средства, предоставляемые на внешне льготных условиях.

В силу собственного экономического потенциала одним из ведущих источников ресурсов «третьему миру» является Япония. В настоящее время, после длительного периода относительного застоя в этой сфере, японский государственно-монополистический капитализм занят пересмотром своей стратегии «сотрудничества» как важной составной части экономической дипломатии.

Масштабы и география экономической «помощи»

То, что проблема «Север—Юг» пользуется повышенным вниманием в Японии, вполне закономерно. В развивающихся странах размещено около 60 % японских долгосрочных частных инвестиций; на них приходится 45—50 % японского товарного экспорта и более половины импорта. Все эти цифры намного превышают аналогичные показатели по США или ЕЭС.

Государства «третьего мира» практически монопольно снабжают Японию отсутствующей у нее нефтью; вся эта нефть (как и значительная часть других грузов) транспортируется в Японию по их же территориальным водам. Как пишет журнал «Джэпэн куотэрли», «если бы они были закрыты, Япония испытала бы настоящий экономический кризис»². Вряд ли будет преувеличением сказать, что из крупных капиталистических держав именно Япония в наибольшей степени заинтересована в стабильных и прочных отношениях с обширным кругом развивающихся государств.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 12.

² «Japan Quarterly», 1979, № 2, p. 226.

Ввиду этого японское руководство не может игнорировать растущий разрыв в уровнях развития между двумя группировками стран. Ныне покойный премьер-министр Масаёси Охира на сессии ЮНКТАД в Маниле (май 1979 г.) заявил, что Япония считает себя страной, непосредственно вовлеченной в конфликт между имущими и неимущими во всем мире. А министр иностранных дел Сунао Сонода высказался еще яснее: «Несоответствие в уровне жизни и распределении богатства является основной причиной раздоров и партизанских выступлений; поэтому нам необходимо срочно решить эту проблему»³. Это свидетельствует о том, что в Японии обеспокоены состоянием отношений с развивающимся миром и не исключают возможности серьезных осложнений вплоть до торгового эмбарго или даже войны.

Отсюда вытекают и щедрые обещания «помощи», ставшие обязательными для всех японских кабинетов начиная с 70-х годов. В изобилии делаются заявления о том, что Япония призвана помогать обеспечению стабильности освободившихся стран, повышать уровень их хозяйственного развития и т. д. Принимать такие слова на веру было бы, конечно, проявлением политического инфантилизма. Любой добросовестный исследователь не может не подписаться под словами видного японского ученого Т. Одава о том, что традиционный «подход японского правительства к помощи... имеет целью создание благоприятных условий для экспорта товаров и для прямых инвестиций»⁴.

Официальные статистические данные по «сотрудничеству», как правило, охватывают всю массу долгосрочных финансовых средств, текущих в развивающиеся страны, то есть следующие статьи:

1. «Официальная помощь развитию» (ОПР): безвозмездная помощь, межправительственные займы, государственные взносы в международные организации.

2. «Прочая правительственная помощь»: финансирование экспортных кредитов и частных прямых инвестиций, займы международным организациям.

3. «Сотрудничество на частной основе»: экспортные кредиты с рассрочкой платежа, прямые капиталовложения, займы международным организациям.

Подобный подход неправомерен. Так называемое «сотрудничество на частной основе» ведется японскими монополиями на тех же основаниях, что и их коммерческая деятельность в странах развитого капитализма — ради максимализации нормы и/или массы прибыли. При этом возможная помощь экономике страны-реципиента представляет собой в лучшем случае побочный эффект. Схожим образом обстоит дело и с «прочей правительственной помощью», составляющие которой аналогичны компонентам «сотрудничества на частной основе»; ее можно охарактеризовать как государственное предпринимательство в чистом виде.

Упомянутый Т. Одава справедливо отмечал: «Строго говоря, помощью может считаться только такой трансферт средств от страны к стране, который производится не вследствие действия рыночных сил»⁵. Во всех вышеуказанных формах трансфертов определяющую роль играют именно рыночные силы. Таким образом, подавляющая часть так называемой «помощи» развивающемуся миру со стороны Японии претендовать на это наименование не может ни по назначению, ни по эффекту. Это делается лишь в политических, пропагандистских целях, поскольку улучшает японские показатели при международных

³ "Mainichi Daily News", 31.XII.1978; 23.VI.1979.

⁴ T. O z a w a. Japanese Multinational Enterprise: the Political Economy of Outward Dependency. — "World Politic", 1978, № 4, p. 527.

⁵ T. O z a w a. Op. cit., p. 526.

сопоставлениях⁶. Развивающиеся страны могут расценивать как более реальное сотрудничество только предоставление средств, которые проходят по графе «официальная помощь развитию» (ОПР). Их отличительная черта в том, что они являются либо безвозвратными, либо предоставляются под относительно низкие (некоммерческие) проценты.

На протяжении 60—70-х годов экономическое «сотрудничество» Японии постоянно подвергалось острой критике за рубежом как за крайне низкие относительно собственного потенциала размеры, так и за особо жесткие условия финансирования. Многие исследователи видят одну из главных причин такого положения в запутанном, разобщенном, а потому и малоэффективном механизме «помощи».

Проблемами «сотрудничества» так или иначе занимаются 11 японских министерств, 3 управления и целый ряд специальных учреждений, зачастую дублирующих друг друга. Среди основных министерств, по распространенному убеждению, наиболее либерально к вопросам «сотрудничества» относится японский МИД. Видимо, это действительно так, если исходить из его назначения — стоять на страже долговременных интересов японской внешней политики, в том числе и в развивающемся мире. Однако такой подход к «помощи» другим странам в Японии недостаточно популярен. Чиновники из других ведомств, в первую очередь из министерства финансов, нередко считают, что МИД понапрасну растрачивает деньги, и долгие годы противятся расширению ОПР по бюджетным соображениям.

Оппозиции росту «помощи» способствует также экономическая концепция, известная под названием «проблемы бумеранга». Согласно этой концепции, правительство, предоставляя развивающимся странам на льготных условиях средства, способствует тем самым становлению в них отраслей промышленности, которые рано или поздно «бумерангом» начинают конкурировать с аналогичной японской продукцией. При этом имеется в виду группа «новых индустриальных стран Азии» (Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Гонконг), которым в свое время предоставлялись значительные средства по линии ОПР и которые сейчас по многим товарным позициям активно теснят японских промышленников на мировых рынках.

До 70-х годов размеры японской ОПР не выдерживали международных сопоставлений. Переломный момент пришелся на 1973 г. и был связан с резко улучшившимися валютно-финансовыми возможностями страны, хотя и не только с этим. С этого времени по абсолютным размерам «помощи» Япония стала занимать 3—4-е место среди членов ДАК⁷. Однако вскоре, как видно из табл. 1, ее рост на целое пятилетие вновь почти прекратился.

Известно, что ЮНКТАД и ОЭСР в свое время выдвинули перед развитыми капиталистическими странами цель — довести пропорцию между ОПР и валовым национальным продуктом (ВНП) до 0,7 %. Наиболее далеко от нее оказалась именно Япония, которая до конца 70-х годов по относительным размерам «помощи» занимала лишь 14-е место среди 17 членов ДАК. Таким образом, реальные достижения японской «экономической помощи» находятся в резком контрасте с декларациями о щедрости и бескорыстности японской казны. К этому следует добавить еще одно обстоятельство: даже те средства, которые

⁶ Так, в 1979 г. общий объем экономического «сотрудничества» Японии составил 7555 млн. долл., из которых на долю «официальной помощи развитию» пришлось 2637 млн. долл., то есть лишь 35 %.

⁷ ДАК — один из трех комитетов при Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объединяет 17 промышленно развитых стран, фактически монополизировавших «помощь» развивающемуся миру.

Т а б л и ц а 1

Японская официальная «помощь развитию» (в млн. долл.)

Финансовые годы:	1970	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979
Безвозмездная «помощь»	121,2	220,1	198,6	201,7	184,9	236,6	383,4	560,2
В том числе: капитальные ресурсы	99,6	162,9	135,1	114,5	76,8	88,8	162,2	318,3
техническая «помощь»	21,6	57,2	63,5	87,2	108,1	147,8	221,2	241,9
Двусторонние займы	250,3	545,1	681,8	648,7	568,1	662,6	1147,6	1361,0
Взносы в международные организации	86,5	245,8	245,8	297,3	351,9	525,2	684,4	716,2
Вся ОПР	458,0	1011,0	1126,2	1147,7	1104,9	1424,4	2215,4	2637,5
Доля ОПР в ВВП Японии, %	0,23	0,25	0,24	0,23	0,20	0,21	0,23	0,26
Доля ОПР в ВВП в среднем по ДАК, %	0,34	0,30	0,33	0,36	0,33	0,33	0,35	0,35

Источники: Кэйдзай кёрёку по гэндзё то мондай гэн (Современное состояние и проблемы экономического сотрудничества). Токио, соответствующие годы.

ежегодно ассигнуются на цели ОПР, по вине бюрократической машины расходуются не полностью, а лишь на 75—80 %.

Развивающиеся страны ввиду острого недостатка капиталов, научно-технических знаний и квалифицированного персонала настойчиво ставят вопрос перед Японией о значительном расширении ОПР. В государствах «третьего мира» ОПР рассматривают как компенсацию не столько за прошлые «грехи» колонизаторов, сколько за нынешний неокolonизм. Игнорирование Японией интересов стран, на экономических отношениях с которыми она строит свое благополучие, уже явилось причиной ряда ощутимых уколов с их стороны. В частности, как отмечало агентство Кёдо, это явилось причиной поражения, которое Япония потерпела в 1978 г. на выборах непостоянного члена Совета Безопасности ООН.

Относительно малые размеры — главный, но далеко не единственный недостаток японского «сотрудничества». Обратимся к его региональному распределению (табл. 2). Данные таблицы отчетливо иллюстрируют избирательный, селективный подход японского монополистического капитала к «помощи», отражающий его основной принцип — давать деньги туда, где это может принести максимальную выгоду.

Очевидно, что справедливым распределением «помощи» можно было бы назвать такое, которое исходит из учета как численности населения страны-реципиента, так и степени ее отсталости. В этой связи японский ученый Т. Кавада отмечал, что подавляющая часть трансфертов передается Японией отнюдь не в наименее развитые и не в наиболее населенные страны «третьего мира»; ее излюбленным регионом служит Юго-Восточная Азия⁸.

Более детальный анализ свидетельствует о том, что фаворитом в данном случае является даже не весь указанный регион, а лишь одна его часть — Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), объе-

⁸ См.: Та да си Ка ва да. Нихон но кэйдзай гайко то дай сан сэкай (Японская экономическая дипломатия и «третий мир»). — «Кэйдзай хёрон», 1978, № 7, с. 79.

Таблица 2

Географическая структура японской «помощи развитию»
(в % к итогу)

Финансовые годы:	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979
Юго-Восточная Азия	88,1	86,7	75,0	78,7	60,0	60,6	69,9
Средний и Ближний Восток	0,1	0,1	10,6	0,6	12,4	10,4	1,0
Африка	2,6	5,2	6,9	11,5	17,1	18,6	18,5
Латинская Америка	4,6	4,5	5,6	6,6	8,8	8,6	8,6
Страны Южной Европы	3,0	2,6	0,0	1,6	0,5	0,1	1,2
Океания и пр.	1,3	0,9	1,9	1,0	1,3	1,7	0,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источники: «Кейдай кэрёку но гэндзё то мондай тэн» за соответствующие годы.

дняющая Индонезию, Филиппины, Малайзию, Таиланд и Сингапур. Хотя здесь проживает лишь немногим более 250 млн. человек, из общей суммы японской ОПР на их долю ежегодно приходится до 50 %.

Что касается самой АСЕАН, то японские средства покрывают около половины всей льготной и безвозмездной «помощи» капиталистического мира. Анализируя причины такого положения, профессор Гавайского университета Ная объясняет его исключительно сильной зависимостью, в которую попали члены группировки от Японии, при отсутствии равнозначной обратной зависимости ее экономики от АСЕАН⁹. В самом деле, четверть объема внешней торговли и до половины импорта частного капитала каждого из членов ассоциации приходится на Японию. Именно для удержания таких, по сути дела, монопольных позиций японской экономической дипломатии нужна постоянная «смазка», роль которой и выполняет ОПР.

Внутри АСЕАН «фаворитом в квадрате» следует назвать Индонезию, куда до последнего времени льготных правительственных трансфертов направлялось больше, чем во все страны Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока и Океании, вместе взятые. Японский капитализм заинтересован в сохранении прочных отношений с этой страной по целому ряду причин. Во-первых, Япония получает отсюда примерно одну пятую импортируемого ею жидкого топлива. Во-вторых, Индонезия рассматривается как почти идеальное место для передислокации «лишних» в Японии производств. Наконец, Япония как один из центров мирового капитализма возлагает надежды на стойкость антикоммунистической ориентации индонезийского руководства.

Хотя не вызывает сомнения, что в довольно длительной перспективе страны АСЕАН будут пользоваться значительным приоритетом в получении японской ОПР, к концу 70-х годов, как видно из табл. 2, наметилась тенденция к определенной «глобализации» экономического сотрудничества. Так, на роль крупного получателя «помощи» выдвигается самый бедный по доходам на душу населения регион — Африка. Повышенное внимание Японии к этому континенту продиктовано все теми же самыми меркантильными интересами.

Африканские страны уже занимают весьма важное место в снабжении Японии кобальтом, марганцем, хромом, ураном, а также железной рудой. Закрепить и расширить здесь сырьевые рынки — задача первостепенной важности для японских правящих кругов. Вместе с

⁹ In: S. Naya. Japan's Role in ASEAN Economic Development. — "Asia Pacific Community", 1978, № 1, p. 37.

тем они рассчитывают и на увеличение пока довольно незначительной доли региона в товарном экспорте Японии, что применительно к африканским странам без крупной правительственной «помощи» практически невыполнимо. Несколько иначе обстоит дело в отношениях с Латинской Америкой. В странах «к югу от Рио-Гранде», как более богатых, главное внимание уделяется «сотрудничеству на частной основе», а ОПР ограничивается в основном так называемой «технической помощью».

Ярким примером эволюции японской «помощи» может служить развитие отношений со странами Среднего и Ближнего Востока, иллюстрированные в табл. 2. Пока снабжение ближневосточной нефтью осуществлялось преимущественно международными монополиями, японские лидеры не видели смысла обращать особое внимание на страны региона. Положение радикальным образом изменилось после октябрьской войны 1973 г. и начала энергетического кризиса: Японии (не без неудовольствия Вашингтона) пришлось срочно переориентироваться на арабские страны, в первую очередь, естественно, на консервативные режимы.

В это время целому ряду мусульманских стран была обещана крупная льготная и безвозмездная «помощь», а с некоторыми были заключены специальные соглашения о сотрудничестве. После этого, в 1975 г., действительно отмечался рост японской ОПР, но как только критический момент миновал, выплаты опять сократились до мизерной суммы. Как указывалось тогда в газетах, «Япония пообещала странам Ближнего Востока помощь на довольно мягких условиях. Она своего обещания не сдержала и заслужила недоверие с их стороны»¹⁰. Закономерным результатом явилось резкое падение престижа Японии в регионе.

Позднее вновь встал вопрос об ассигновании более крупных средств для «сотрудничества» с Ближним Востоком; понадобился даже личный визит туда премьера Т. Фукуда (1978 г.). Теперь в обмен на стабильные поставки нефти ряду ближневосточных государств было обещано расширение «технического сотрудничества» на правительственном уровне, а также прямых капиталовложений — на частном. Японское правительство стало давать обещания непосредственно от имени монополий.

Советский исследователь Ю. С. Столяров отмечал, что расширение «помощи» рассматривается «правлящими кругами Японии лишь в качестве составной части других экономических программ и ... должно служить для решения экономических проблем не развивающихся стран, а Японии»¹¹. Рассмотрим, как решаются эти проблемы на уровне конкретных форм ОПР.

Характерные формы межправительственного «сотрудничества»

Наиболее наглядно существо японского экономического «сотрудничества», равно как и наметившиеся сдвиги в нем, проявляются в двух формах — в двусторонних межправительственных займах и в «технической помощи». Превалирующая роль «прямых» (или «неновых») займов отчетливо видна из данных табл. 1. Их доля в двустороннем сотрудничестве превышает 70 % и находится на самом высоком уровне среди всех членов ДАК. Таким образом, цифры свидетельствуют о

¹⁰ "The Daily Yomiuri", 21.VII.1977.

¹¹ Япония в системе мировых хозяйственных связей. М., 1977, с. 193.

низком качестве японской ОПР: ведь выплата долгов с ежегодно нарастающими процентами тяжелым бременем ложится на плечи стран-реципиентов.

Хотя отраслевое назначение японских льготных кредитов весьма разнообразно, их основная задача, как свидетельствует профессор университета Киото Кунно Ёсихара, состоит в том, чтобы прямо или косвенно способствовать увеличению прибыльности японских частных капиталовложений в развивающихся странах¹². Особым приоритетом при ассигновании средств на кредиты пользуются объекты инфраструктуры тех стран, в которые особенно активно устремляется частный капитал.

Ввиду длительной окупаемости подобные объекты не слишком привлекают частных инвесторов из Японии, но в то же время являются необходимой предпосылкой успешного функционирования промышленных предприятий за рубежом. Обслуживая интересы своих монополий, буржуазное государство берет на себя наименее прибыльную сферу зарубежной экономики. Прослеживается и определенная политическая мотивация: аэропорты, мосты, автостреды постоянно находятся на виду, напоминают о «щедрости» японцев.

Проектам экономического сотрудничества присущ своеобразный симбиоз государственных и негосударственных займов и частных прямых инвестиций: их подрядчиками, а также поставщиками технологии, материалов, оборудования выступают японские корпорации. При этом дело, разумеется, не ограничивается инфраструктурой. Японское правительство достаточно щедро, когда на карту поставлены интересы снабжения экономики страны сырьем и полуфабрикатами.

Таблица 3

Условия японских межправительственных займов

	Средняя годовая ставка по займам, %		Средний период погашения, лет		Средний период отсрочки, лет	
	1969 г.	1977 г.	1969 г.	1977 г.	1969 г.	1977 г.
Япония	3,7	3,4	19,5	26,5	6,1	8,6
Страны ДАК	2,9	2,7	28,4	32,2	6,7	10,8

Источник: Цусё хакусё—сорон (Белая книга по внешней торговле—общий обзор). 1979. Токио, 1979, с. 406.

Одним из последних примеров подобного рода служит крупный (111 млн. долл.) долгосрочный заем, предоставленный в мае 1980 г. правительству Малайзии для строительства завода по сжижению газа в штате Саравак. Как следствие, вся (!) продукция предприятия пойдет в Японию. Помощь стране-реципиенту, как всегда, предстает в виде побочного эффекта.

С 1958 по 1978 г. Япония предоставила двусторонние «льготные» займы на сумму, эквивалентную 9162,4 млн. долл. Данные об их условиях в сравнении со средней по странам ДАК приведены в табл. 3. Согласно этим данным, развивающимся странам приходится выплачивать Японии значительно более высокие проценты, возвращать долги намного скорее и пользоваться наиболее кратким льготным периодом, чем при займах, получаемых из других стран ДАК, причем этот разрыв почти не сокращается.

¹² In: K. Yoshihara. Determinants of Japanese Investment in South-East Asia. — "International Social Science Journal", 1978, № 2, p. 370.

В современных условиях в «помощи» капиталистических доноров развивающемуся миру усиливается политическая сторона и все более теряется непосредственно экономический смысл. В наименьшей степени до сих пор эта тенденция затронула именно Японию. К концу 70-х годов Япония занимала предпоследнее место в ДАКе по «степени мягкости» своих займов. Ее «льготные» кредиты в целом по-прежнему обладают достаточно выраженным коммерческим характером и дают развивающимся странам повод обвинять Японию в том, что она наживается на помощи.

Совсем не к выгоде получателей служит и традиционная «связанность» займов. Раскрывая это понятие, газета «Майнити» пишет: «Японские кредиты в значительной степени или полностью расходуются на оплату машин и оборудования, закупаемых в самой Японии. Экономическая помощь слишком часто направлена лишь на увеличение прибылей японских компаний»¹³.

Причина заключается в том, что подавляющая часть займов Японии всегда предоставлялась в японской валюте, а поскольку степень ее конвертируемости невелика, развивающиеся страны автоматически вынуждены реализовывать их в самой Японии. Собственно говоря, именно поэтому за такими займами закрепилось название «неновых».

В последние годы, правда, наметилась определенная тенденция к предоставлению японским правительством части из этих займов в валютах других стран, главным образом в долларах США. По сообщениям печати, в 1978 финансовом году 48 % общего объема японских правительственных кредитов было передано реципиентам в иной, чем японская, валюте. А в январе 1979 г. правительство пообещало поднять долю «несвязанных» займов до 60 %, чтобы дать «возможность развивающимся странам покупать продукцию не только в Японии»¹⁴. Насколько данное обещание будет выполнено, разумеется, покажет время, хотя нельзя ручаться, что при новом ухудшении валютной ситуации (например, при увеличении платежей за нефть) оно опять не будет отложено.

Обратимся к безвозмездной «помощи» («дарам») — форме сотрудничества, наиболее привлекательной для развивающихся стран, но, как видно из табл. 1, отнюдь не принадлежащей к числу излюбленных инструментов японского проникновения за рубеж. Тем не менее здесь также наблюдаются определенные сдвиги. В первую очередь это относится к так называемому «техническому сотрудничеству». Под этим не совсем удачным термином обычно подразумевают подготовку за японский счет квалифицированных кадров для различных областей экономики других стран. В рамках такой «помощи» Япония осуществляет прием на учебу или переподготовку студентов, аспирантов, стажеров, квалифицированных рабочих, управленческих кадров из развивающихся государств, а также посылку за рубеж своих специалистов с целью обучения кадров на местах.

Доля «технической помощи» во всей японской ОПР до сих пор обычно не превышала 6—7 %. Для сравнения можно указать, что, например, во Франции уже в 1975 г. ассигнования на цели такого сотрудничества составляли 47,6 % всего объема «помощи». Японские показатели никак не соответствуют тому вкладу, который эта страна могла бы внести в дело подготовки кадров для хозяйства освободившихся стран.

В целом, по официальным данным, за 23 года (1954—1977) обучение в японских вузах, учебных центрах и пр. прошли 44 332 иностран-

¹³ «Майнити симбун», 20.II.1978.

¹⁴ «Far Eastern Economic Review», 21.I.1979; «Japan Economic Journal», 28.XII.1979.

ца, в основном из стран ЮВА; эта цифра не выдерживает никаких международных сопоставлений: США, например, только в 1970 г. приняли на обучение 22 417 человек¹⁵.

Особенностью японской «технической помощи» является заметное предпочтение приему краткосрочных стажеров, а не студентов с полным сроком обучения (на последних приходится только 12—13 % от числа принимаемых). Это связано с тем, что значительная часть обучающихся впоследствии у себя дома находит работу на предприятиях, контролируемых японским капиталом. Приветствуя это, японцы все же склонны принимать их на должности среднего технического персонала, а не на руководящие посты, открывающиеся для лиц с высшим образованием.

По какой бы линии ни обучались иностранные студенты и стажеры, в течение нескольких недель они, как правило, проходят так называемые курсы «общей ориентации», где им преподносятся сведения об истории Японии, ее экономике, выдержанные в духе, отвечающем интересам правящих кругов Японии; идеологическая обработка как важный элемент воспитания социальной опоры Японии в «третьем мире» продолжается и позднее. За это многим прошедшим образование в Японии приходится расплачиваться по возвращении домой тем, что к ним порой относятся с подозрением, редко выдвигают их на руководящие посты, хотя, разумеется, пользуются их специальными знаниями.

Другое направление «технического сотрудничества» связано с посылкой японских экспертов по просьбе соответствующих правительств. В 1954—1977 гг. по этой линии было направлено за рубеж 25 174 человека, многие из них неоднократно. Международные сравнения и здесь не в пользу Японии. Даже такая небольшая страна, как Бельгия, посылает на временную работу в развивающиеся государства больше специалистов, чем вторая держава капиталистического мира.

Во многих случаях специалисты отправляются на заграничную работу в особые учебные центры, создаваемые за японский счет, в первую очередь в странах ЮВА. Их власти вообще охотнее идут на профессиональное обучение своих граждан на родине, чем путем посылки в Японию, но вклад таких учебных центров пока незначителен.

В качестве дополнительного механизма осуществления «технической помощи» с 1966 г. действует особый Молодежный корпус международного сотрудничества, в который привлекаются не эксперты, а молодые люди, имеющие лишь базовую подготовку в требуемой области. Перед отправкой за рубеж их знакомят с методами создания «благоприятного облика» Японии; им рекомендуется жить в гуще местного населения, разделять его обычаи, пищу и язык.

«Техническое сотрудничество» не приносит осязаемой материальной выгоды, и японское правительство до последнего времени, видимо, попросту жалело на него денег, в какой-то степени делая исключение лишь для стран АСЕАН. Однако новые данные говорят о том, что эта форма как будто начинает превращаться в более активный инструмент японской внешнеэкономической экспансии.

При анализе перемен в политике «сотрудничества» следует остановиться еще на одном аспекте. По японским прогнозам, расслоение «третьего мира», начавшееся в 70-х годах, будет продолжаться и дальше. В этой связи ряд авторитетных органов стал рекомендовать непременную дифференциацию условий ОПР в зависимости от состояния экономики стран-реципиентов¹⁶.

¹⁵ См.: Япония в системе мировых хозяйственных связей, с. 206; Цусё хакусё — курсор (Белая книга по внешней торговле — обзор рынков). 1979. Токио, 1979, с. 751.

¹⁶ См., напр., работу Японского центра экономических исследований «Сантё дору кэйдай кодзо: сёва 60 нэн но Нихон» (Структура экономики масштабом в 3 триллиона долларов: Япония в 1985 г.). Токио, 1974, с. 78.

Согласно этим установкам, «помощь» на самых мягких условиях должна предоставляться 29 наиболее бедным странам мира, которым крайне трудно выплачивать даже годовые проценты по займам (по списку ООН к ним относятся Непал, Нигер, Гаити, Уганда, Судан, Малави и др.). Предлагается, чтобы основным элементом «помощи» таким государствам стали беспроцентные ссуды сроком на 50 лет, включая льготный срок 10 лет. Странам, так сказать, среднего уровня (Бирма, Индонезия) предназначаются низкопроцентные (2 % годовых) кредиты сроком на 30 лет. Наконец, для группы «полуиндустриальных» государств (Малайзия, Мексика, Бразилия) предлагаются наиболее жесткие условия: 3 % годовых, средний срок выплаты 25 лет и отсрочка платежа 7 лет. Впрочем, для последних, так же как и для богатых нефтедобывающих стран (четвертая категория), правительственные займы вообще должны стать несущественной частью взаимоотношений, поскольку финансирование промышленных объектов должно осуществляться главным образом путем частных капиталовложений.

Еще на заре японской экономической экспансии английский исследователь Дж. Уайт писал: «Японская помощь недостаточна по объему, неправильно мотивирована, плохо управляема, слишком выборочно и узко применяется и не соответствует программам других доноров»¹⁷. Несмотря на то что многое из вышеприведенной характеристики продолжает оставаться верным и поныне, неоспоримо, что в конце 70-х годов в этой сфере наметились серьезные перемены. Япония как донор долгосрочных ресурсов развивающемуся миру стала приближаться к стандартам западных держав. Что кроется за этим «новым подходом»?

«Единое оружие против развивающихся стран»

«Новый подход» японского руководства к оказанию ОПР, наметившийся к концу 70-х годов, отражает его реакцию на повышение международного престижа развивающихся стран, которые сумели показать, что могут весьма эффективно и чувствительно ответить на ущемление своего суверенитета. Для Японии с ее почти полным отсутствием природных ресурсов на своей территории любая такая угроза представляется наиболее тревожной.

Далее, интерес Японии к развивающимся странам закономерно возрос в связи с протекционистскими настроениями в развитых странах. Резкое обострение торговых противоречий с США и «Общим рынком» вынуждают японский монополистический капитал увеличить и без того высокий удельный вес освободившихся государств в своем экспорте; сделать это без существенного увеличения ОПР в качестве «смазки» вряд ли возможно. Такая же «смазка» необходима и для ширящейся мультинационализации японских корпораций на базе экспорта капитала.

Одним из определяющих факторов в переоценке роли ОПР выступают чисто региональные политические замыслы правящих кругов Японии («особые» отношения с АСЕАН, идея «тихоокеанского сообщества» и т. д.). Между тем, как отметил австралийский ученый А. Рикс, именно «экономическое сотрудничество» на сей день является для Японии «важнейшей составной частью доступного ей репертуара внешнеэкономической политики, а в ряде случаев единственным оружием, которое она может применить против развивающихся стран»¹⁸.

¹⁷ J. White. Japanese Aid. London, 1964, p. 67.

¹⁸ A. Rix. The Future Japanese Foreign Aid. — "Australian Outlook", 1977, № 3, p. 418.

Начало отмеченного «нового подхода» к ОПР принято связывать с так называемой «доктриной Фукуда», обнародованной во время визита японского премьера в страны ЮВА в августе 1977 г. Многие органы массовой информации подчеркивали политический характер этого события. Так, официальная «Джэпэн таймс» писала: «Поездка Фукуда в АСЕАН и Бирму будет первым послевоенным шагом Японии, предпринимаемым с тем, чтобы она играла самостоятельную политическую роль в этом регионе»¹⁹.

Новая ситуация заключалась, с одной стороны, в ослаблении позиций США (что давало Японии шанс заполнить возникающий, по ее мнению, вакуум), а с другой стороны, в том, что к этому времени обозначились перемены в позициях стран АСЕАН, осознающих свое растущее значение для Японии и выступающих весьма сплоченно. Как отмечала газета «Ёмиури», «имея эти козыри на руках, АСЕАН потребовала японского экономического сотрудничества, а не просила его, ссылаясь на нравственные доводы»²⁰.

Кульминационным пунктом поездки Фукуда явилось обнародование в филиппинской столице так называемой «манильской доктрины». Красной нитью в документе проходила мысль о том, что Япония навсегда отказывается от цели создать из стран АСЕАН зависимую группировку и, напротив, стремится быть для них равноправным партнером.

Декларация таких намерений требовала подкрепления определенным материальным содержанием. И Фукуда дал немало смелых обещаний по линии ОПР. Так, АСЕАН и Бирме только на текущий финансовый год была твердо обещана «помощь» примерно в сумме 0,5 млрд. долл. Говорилось также об ассигновании еще 1 млрд. долл. на конкретные проекты в каждой из стран группировки. Наконец, Япония за пять лет (1977—1982) обязывалась удвоить свою льготную «помощь».

Таким образом, ОПР рассматривалась руководством Японии как золотой ключик, открывающий для него все двери стран ЮВА. Разумеется, широкие круги последних не возражают против сотрудничества с Японией как такового. По сообщению агентства Кёдо (сентябрь 1979 г.), в странах АСЕАН от 78 % (Таиланд) до 96 % (Индонезия) опрошенных считают, что экономическое и техническое сотрудничество с Японией может быть полезным. Но дело-то заключается в том, что почти все опрошенные назвали корыстолюбивой японскую внешнеторговую политику в регионе. По словам тайландского ученого, «народы АСЕАН не хотят, чтобы их считали нищими; они хотят реально-го сотрудничества с Японией, а не просто помощи»²¹.

В частности, перед Фукуда был остро поставлен вопрос о предоставлении особых тарифных преференций при импорте товаров из стран АСЕАН. По распространенному мнению, это значило бы для членов ассоциации гораздо больше, чем все заверения о будущей «помощи». В этом требовании им, однако, было отказано на том основании, что Япония не имеет права проявлять фаворитизм по отношению к одному из районов мира. Фукуда, насколько мог, уклонился от обсуждения и второй инициативы блока АСЕАН, которая касалась введения Японией системы особых займов стабилизации экспорта его членов.

Предпочтение, оказываемое «помощи» в ущерб решению внешне-торговых проблем, объяснить нетрудно: правительственные субсидии и займы странам АСЕАН обернутся также (если не в первую очередь) помощью своим, японским монополиям. Уступки же в торговых вопросах последним будут только мешать.

¹⁹ "The Japan Times", 26.VII.1977.

²⁰ «Ёмиури симбун», 9.VIII.1977.

²¹ K. Intragathai. Japan's Development: from the Viewpoint of the Southeast Asian. — "Japan Quarterly", 1979, № 2, p. 226.

Наиболее суровая критика была связана с недоверием к обильно декларируемой «бескорыстности» Японии. По словам гонконгского журнала, «привыкнув не ожидать от Японии особой щедрости, ЮВА вполне может оценить любую серьезную инициативу с ее стороны как попытку расширить и увековечить японскую экономическую гегемонию»²². Беспокойство жителей ЮВА, возникшее в связи с «доктриной Фукуда», закономерно возросло еще больше, когда уже при кабинете М. Охира она была частью дополнена, частью заменена новой идеей «тихоокеанского сообщества» под эгидой Японии и США. Влиятельная индонезийская газета писала в этой связи: «США и Япония обещали увеличить помощь развивающимся странам. Однако не случится ли так, что более тесное сотрудничество между Японией и США затруднит развитие этих стран?»²³. Можно не сомневаться, что именно для затруднения социального прогресса в регионе такое сотрудничество и предназначено.

К этому времени относится и сформулированный под руководством японского МИДа новый план — «Программа удвоения помощи», который предусматривал распространение обещаний, данных странам АСЕАН, на весь развивающийся мир. Ее выполнение означало бы, что доля ОПР в японском ВВП с 1977 по 1982 г., наконец, достигла бы среднего уровня по странам ДАК. Позднее, в мае 1978 г., на встрече с Картером Фукуда пообещал выполнить намеченную программу за 3 года.

Вскоре, правда, начались затруднения, связанные с выбором базовой валюты для расчетов по сотрудничеству. Дело в том, что стремительный рост курса нены в 1977—1978 гг. искусственно (и очень заметно) увеличивал сумму японской ОПР в долларах, хотя ассигновывалась она в ненах. Министр иностранных дел Японии откровенно предупредил, что выбор американской валюты в данном случае будет равносителен обману других стран. Тем не менее после долгих споров в качестве расчетной валюты по требованию министерства финансов был все же принят доллар. С такой статистической эквилибристикой в основном связан, казалось бы, крупный прирост японской ОПР в 1978—1979 гг. (см. табл. 1).

1980 год, однако, ознаменовался существенным сдвигом. По предварительным данным, общий объем «сотрудничества» составил 3304 млн. долл., что свидетельствует о выполнении «программы удвоения». При этом рост «помощи» произошел не на бумаге, а на деле: указанная сумма соответствует 0,32 % японского ВВП против 0,26 % в 1979 г. Наряду с ранее отмеченными переменами это, как представляется, отражает наступление нового этапа — этапа «политизации» ОПР.

Японский ученый Т. Яно писал, что в консервативных странах развивающегося мира экономическая «помощь» Японии объективно всегда выполняла функции поддержки существующих режимов, то есть антиреволюционные политические функции²⁴. С этим высказыванием трудно не согласиться. Однако остается фактом, что до последнего времени японская ОПР носила в первую очередь коммерческий характер. Новое заключается в очевидном увеличении значения «помощи» как инструмента решения политических задач.

Так, внутри АСЕАН японское руководство стало подчеркнуто выделять Таиланд, планируя оказание ему «экономической помощи» в особо крупных размерах. С точки зрения правящих кругов Японии, Таиланд ныне стал передовым форпостом капитализма в ЮВА. Одноре-

²² "The Far Eastern Economic Review", 29.VII.1977.

²³ "Indonesian Observer", 5.V.1979.

²⁴ См.: Т. Яно о. Ханнитирон но кодзо (Структура антияпонских теорий). — «Дзю», 1975, № 1, с. 33.

менно, по их мнению, социальные противоречия в этой стране достигли столь критического уровня, что «она может стать вторым Индокитаем, если ничего не сделать, чтобы улучшить ситуацию»²⁵. Можно утверждать, что применительно к Таиланду на первый план выходят соображения не столько экономического, сколько политико-стратегического свойства, а именно борьба с социальным прогрессом в регионе, отвечающая интересам американского империализма и пекинского гегемонизма.

Предметом самых беззащитных спекуляций стало японское экономическое «сотрудничество» в ходе недавних событий в Индокитае. На протяжении 1979—1980 гг. Япония неоднократно объявляла то о замораживании, то о размораживании ранее обещанной помощи социалистическому Вьетнаму. Полностью была прекращена помощь и новому правительству Народной Республики Кампучии, а в 1980 г. было решено безвозмездно передать «кампучийским беженцам» (в основном полпотовцам) на территории Таиланда 100 (!) млн. долл.

С особой настойчивостью требует Запад от Японии новых усилий в тех случаях, когда возникает угроза глобальным интересам капитализма в других, не входящих в зону особо интенсивной японской экспансии регионах. Так, под давлением США Япония согласилась предоставить крупный (35 млрд. иен) заем Египту в период подписания кемп-дэвидских соглашений, а впоследствии значительно расширила эту «помощь». Не смогла остаться Япония в стороне и в «афганском вопросе», прекратив и без того мизерную «помощь» этой стране, но зато многократно увеличив ее Пакистану со специально оговоренной суммой для «афганских беженцев»²⁶. Аналогичная картина имела место и в ходе революционных событий в Иране, когда Японию вынудили оказать чрезвычайную «помощь» Турции.

В течение длительного периода послевоенной истории государственно-монополистический капитал Японии проявлял определенное недоверие к «экономическому сотрудничеству» с развивающимися странами, отдавая предпочтение только тем его формам, которые либо обеспечивали благоприятные условия для японской экспортной и инвестиционной экспансии, либо сами являлись источником значительных доходов в виде ежегодных процентов. Статистика последних лет, высказывания японских лидеров довольно убедительно говорят о том, что в таком традиционном подходе происходят серьезные сдвиги. При этом если первая из названных функций полностью остается за ОНР и впредь, то вторая (хотя и не без колебаний) все более заменяется новой — целенаправленно служить политическим интересам Японии в трактовке ее руководителей, а также глобальным интересам мирового империализма.

Однако, как было отмечено на XXV съезде нашей партии, «при нынешнем соотношении мировых классовых сил освободившиеся страны вполне могут противостоять империалистическому диктату, добиваться справедливых, то есть равноправных экономических отношений»²⁷. В полной мере это относится и к японскому неоколониализму. Успехи развивающихся стран в деле установления справедливого мирового экономического порядка говорят о том, что как бы Япония ни увеличивала им финансовую и прочую «помощь», как бы ни смягчала условий последней, достижение ею своекорыстных целей отнюдь не гарантируется.

²⁵ "Japan Quarterly", 1979, № 2, p. 152.

²⁶ См.: «Правда», 11.III.1980.

²⁷ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 13.

Проблемы регионального развития КНР

Н. В. Фурманов,
кандидат экономических наук

В связи с глубокими и затяжными кризисными явлениями в экономике Китая, углубившимися диспропорциями в его народном хозяйстве вновь обострились проблемы рационального размещения производительных сил страны. Причем вызваны они не только тяжелым наследием, доставшимся КНР от старого режима, но и результатами 20-летней истории волюнтаристских экономических экспериментов китайского руководства. Новые проблемы возникли уже в ходе попыток осуществить курс «четырёх модернизаций», в том числе и в ходе «урегулирования» экономики КНР. Поэтому вопросы формирования рациональной территориальной структуры народного хозяйства Китая остаются одними из наиболее острых и трудных.

Ко времени образования КНР ее территориальная структура хозяйства характеризовалась глубокими диспропорциями. Крайне неравномерным было размещение промышленности. На приморские провинции страны (включая города Шанхай, Тяньцзинь и Пекин) приходилось около 75 % ее промышленного производства. Более того, практически вся современная промышленность концентрировалась в нескольких крупных городах и на Северо-Востоке Китая. На этой территории, узкой полосой протянувшейся вдоль побережья (около 10 % площади Китая), проживало 40 % населения страны. В своих экономических связях промышленные центры приморья ориентировались на мировой рынок. Их обрабатывающая промышленность была оторвана от сырьевой базы. Образно говоря, эти города были «повернуты спиной» к стране. Большие неиспользуемые природные и людские ресурсы оставались вне приморской части Китая.

В размещении сельскохозяйственного производства недоучитывались почвенно-климатические особенности. Сельское хозяйство приморских районов Китая развивалось как монокультурное, ориентировалось на экспорт своей продукции. Во внутренних областях страны преобладало полунатуральное хозяйство. Промышленность приморских районов ориентировалась на привозное сельскохозяйственное сырье и, таким образом, была оторвана от потенциальных сырьевых сельскохозяйственных баз во внутренних частях страны.

Многие области Китая и в прибрежных районах оставались экономически замкнутыми, с полунатуральным хозяйством, изолированными от экономических центров страны. Места сосредоточения современных форм производства, товарного хозяйства в Китае практически были небольшими островками в море отсталых форм производства.

Остро стояла проблема развития городов, так как городское население большей частью представляло собой скопление безработных, вытесненных в города аграрным перенаселением и упадком сельского хозяйства. Крайне тяжелыми были и жилищные условия. В основном население проживало в многочисленных городских трущобах. Промышленность в городах не занимала подходящего ей места. Основными эко-

номическими функциями городов часто были лишь распределительная, потребительская и управленческая. Поэтому в экономическом и социальном отношении решение городских проблем было назревшей и сложной задачей, связанной с развитием промышленности, с ликвидацией ее нерационального размещения, городской безработицы, с созданием большого жилого фонда и пр.

Таким образом, перед молодой республикой в 1949 г. встали сложные вопросы рационального и более равномерного размещения производства, подъема экономики во внутренних частях страны, развития межрайонных связей, вовлечения в хозяйство крупных потенциальных ресурсов внутренних районов, налаживания местного хозяйства, создания новых экономических центров, существенного расширения транспортной системы.

В 50-е годы изложенным выше проблемам уделялось достаточно большое внимание. При этом учитывался большой хозяйственный опыт Советского Союза. В годы первой пятилетки вопросы регионального развития решались в основном на плановой централизованной основе, что позволило к концу 50-х годов существенно смягчить остроту многих территориальных диспропорций. Значительное внимание задачам регионального развития предполагалось уделять и в дальнейшем. Об этом, в частности, много говорилось на VIII съезде КПК в 1956 г.¹ Основными задачами на 50—60-е годы были: постепенное перемещение центра тяжести капитального строительства из приморских во внутренние районы страны, рациональное сочетание промышленности приморских и внутренних районов; более полное использование промышленной базы приморских районов для развития внутренних провинций страны, совершенствование структуры экономики старых крупных городов Китая; подъем экономики национальных окраин.

Благодаря широкой помощи СССР и других социалистических стран в 50-е годы масштабы капитального строительства и его географические границы в КНР резко возросли. Особый упор делался на развитие тяжелой индустрии (85 % всех капиталовложений в промышленность Китая в 1953—1957 гг.)², то есть отраслей, оказывающих наиболее сильное влияние на формирование в стране хозяйственных районов. Были намечены основные базы, которые должны были стать основой для формирования крупных территориально-производственных комплексов.

При распределении нового капитального строительства учитывалась не только экономическая целесообразность размещения объектов в определенных местах, но также и необходимость подъема хозяйства отсталых национальных окраин, укрепления обороноспособности страны, перспективы роста внешнеэкономических связей Китая с соседними странами. При размещении новых предприятий как благоприятный фактор рассматривалась близость к СССР северных провинций и ряда автономных районов КНР.

Большое внимание было уделено промышленному подъему внутренних районов Китая. В 1950—1955 гг. удельный вес капиталовложений в промышленность внутренних районов составил 54,2 % от суммы капиталовложений в промышленность всей страны³. В годы первой пятилетки на эти районы пришлось более 2/3 всех намечавшихся к строительству сверхлимитных промышленных объектов⁴. В приморских же районах основной упор был сделан на реконструкцию действующих предприятий. Из ассигнований на новое строительство на долю приморских провинций пришлось только 26 % всей их суммы, а внутрен-

¹ См.: Материалы VIII Всекитайского съезда КПК. М., 1956.

² См.: Великое десятилетие. Пекин, 1959, с. 52 (на кит. яз.).

³ См.: «Тунцзи гунцзо тунсюнь», 1956, № 21.

⁴ См.: «Народный Китай», 1955, № 17, с. 23 (Приложение).

них — 74 %⁵. Развитие тяжелой промышленности во внутренних районах осуществлялось только там, где была наиболее подготовленная сырьевая база, достаточно развита транспортная система и пр. Таковыми базовыми областями развития в первую очередь стали районы среднего течения рек Хуанхэ и Янцзы⁶ (Ланьчжоу, Баотоу, Сиань, Ухань и др.).

В результате удельный вес приморских районов в промышленном производстве страны заметно снизился: с 69,5 % в 1952 г. до 64,9 % в 1957 г.⁷ Доля автономных районов в промышленном производстве КНР возросла с 2 % в 1952 г. до 2,6 % в 1957 г., а всех пограничных районов — с 12,5 до 13,3 %.

Вместе с тем в региональной политике обнаружились определенные упущения. В годы первой пятилетки слабое внимание уделялось развитию экономики южных приморских районов страны. Были недооценены потенциальные возможности развития старых промышленных баз: Шанхай, провинций Шаньдун и Цзянсу. Производственные мощности использовались здесь далеко не полностью. Удельный вес этих районов в промышленном производстве страны сократился с 32,9 % в 1952 г. до 27,4 % в 1957 г.

К концу первой пятилетки эти недостатки стали остро ощущаться. Поэтому в выступлении на III сессии Всекитайского собрания народных представителей Председатель Госплана КНР Ли Фучунь указал на недопонимание значения полного использования промышленной базы приморских районов⁸.

Достигнутые к концу 50-х годов успехи в создании новых промышленных баз, особенно во внутренних районах, требовалось закрепить. Они еще не были достаточно комплексными и поэтому по-прежнему зависели в своем развитии от крупных, старых индустриальных баз КНР и большой экономической помощи со стороны СССР и других социалистических стран. Именно эта помощь позволяла ослаблять влияние территориальных диспропорций поставками необходимого оборудования, сырья, топлива, материалов.

Во второй пятилетке направление размещения нового капитального строительства в целом планировалось сохранить. Предусматривалось дальнейшее повышение роли внутренних и пограничных районов КНР. В 1958—1962 гг. предполагалось усилить значение опорных промышленных баз провинции Хэбэй, автономного района Внутренняя Монголия, провинции Хубэй, района Лунхайской железной дороги, провинции Сычуань. Планировалось дальнейшее развитие северо-восточной промышленной базы, нефтяной промышленности и цветной металлургии в Синьцзяне. Предполагалось в определенной мере развивать промышленность в Восточном и Южном Китае⁹.

В целях более рационального размещения производительных сил планировалось бороться против излишней территориальной концентрации производства в больших городах, стимулировать создание новых и развитие старых небольших городов. В планах второй пятилетки большой упор был сделан на более полное и рациональное освоение естественных ресурсов страны. Рост промышленных баз приморских районов уже рассматривался как ключ к еще большему росту промышленности во внутренних частях страны.

⁵ См.: Развитие экономики и внешнеэкономических связей КНР. М., 1959, с. 107.

⁶ См.: «Дили чжиши», 1958, № 1.

⁷ Удельный вес районов, административных единиц провинциального уровня в промышленном производстве страны в 1952—1975 гг. здесь и далее рассчитан на основании данных: R. M. Field, N. R. Lardy, J. Ph. Emerson. Provincial industrial output in the PRC: 1949—1975. Washington, 1976.

⁸ Народный Китай на пути к социализму. Пекин, 1956, с. 107.

⁹ См.: Материалы VIII Всекитайского съезда КПК, с. 138—139.

Провал «большого скачка» и последовавшее за ним резкое сокращение экономических связей с СССР и другими социалистическими странами Европы привели к срыву намеченных планов регионального развития. Более того, маоистские взгляды на вопросы размещения производства стали оказывать еще более негативное влияние на формирование территориальной структуры народного хозяйства страны. Так, в годы «большого скачка» была предпринята децентрализация управления экономикой страны. В 1958 г. уже 80 % промышленных предприятий были переданы в ведение на местах. В результате государство утратило возможность планомерно осуществлять проекты регионального развития. Намеченное создание районов экономического кооперирования происходило в условиях децентрализации управления экономикой страны и уже было нацелено на создание замкнутых экономических комплексов. В каждом районе предусматривалось создание завершённой промышленной системы с развитием всех отраслей и опорой на местные ресурсы.

Расширение прав на местах при резком снижении сферы централизованного планового руководства нарушало производственные связи, изолировало районы страны друг от друга, отвлекало от решения задач общегосударственного значения.

В первой половине 60-х годов капитальное строительство в КНР резко сократилось. С расширением в период «урегулирования» централизованного управления экономикой, укреплением отраслевого принципа управления появилась возможность в дальнейшем вновь вернуться к реализации ранее намеченных планов регионального развития. В стране стала пропагандироваться политика «вся страна — шахматная доска», предусматривавшая территориальное разделение труда внутри отдельных районов и в масштабах всей страны¹⁰.

В целях восстановления дезорганизованного «большим скачком» народного хозяйства максимальный упор был сделан на использование наиболее развитой многоотраслевой экономической базы приморских районов страны. Более того, в связи с возросшим вниманием к вопросам развития сельского хозяйства в этих же районах, являющихся главными сельскохозяйственными базами страны, велось строительство предприятий химической, машиностроительной и других отраслей промышленности. Получили определенное развитие Нанкин, Шанхай, Гуанчжоу и другие города приморья. Поэтому усилилась связь между развитием промышленности и созданием крупных товарных баз сельского хозяйства в дельтах и долинах рек Янцзы, Чжуцзян, Хуанхэ.

Однако с конца 60-х годов (со времени «культурной революции») маоистские взгляды на вопросы хозяйственного развития вновь стали оказывать разрушительное воздействие на экономику. Стала, в частности, осуществляться политика так называемого «широкого социалистического сотрудничества», вновь делавшая акцент на ограниченное территориальное разделение труда в стране, создание многоотраслевой структуры экономики отдельных областей Китая, даже более мелких, чем провинции¹¹. Крайние районы были призваны самостоятельно изыскивать средства для формирования таких хозяйственных систем.

Нарастающий процесс милитаризации экономики также оказал отрицательное влияние на формирование территориальной структуры. В частности, была поставлена задача добиться максимальной неуязвимости народнохозяйственного комплекса в условиях военного времени. Это усилило изоляцию отдельных районов страны друг от друга, рост мелкого производства, вызвало нерациональное использование людских и материальных ресурсов, что в итоге усугубило существовавшие тер-

¹⁰ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1963, № 11.

¹¹ См.: «Хунци», 1969, № 10.

риториальные диспропорции. Более того, и в масштабах отдельных провинций, районов хозяйство стало более разобленным. В угоду пропагандистским тезисам об «угрозе с Севера» наметилось усиление хозяйственного строительства в центральных частях страны в ущерб интересам развития отсталых национальных окраин Китая. К концу 60-х годов стала осуществляться стратегия «эшелонизированного» размещения промышленности, и в первую очередь военной. Быстрая и массовая, к тому же часто необоснованная с точки зрения экономической эффективности, переориентация в размещении промышленности отрицательно сказалась на формировании территориальной структуры производства.

В КНР развивались и современные формы хозяйственной деятельности и экономические центры чисто местного значения. Если рост первых шел в основном благодаря государственным инвестициям, строительству современных промышленных объектов и инфраструктурных систем, росту производительности труда, то развитие вторых было связано с использованием преимущественно неквалифицированной рабочей силы, отсталой техники в отрыве от крупных очагов хозяйственной жизни, в основном опираясь на местные, часто скудные материальные и финансовые ресурсы. К 70-м годам все отчетливее стало вырисовываться разделение хозяйства Китая на две экономические системы: центрального и местного подчинения.

Решение проблемы равномерного и рационального размещения промышленности, подъема экономики отсталых частей страны стало вновь, как и в годы «большого скачка», увязываться со значительным ростом мелкой промышленности. В 1976 г. на мелкую промышленность приходилось уже около половины валовой промышленной продукции страны¹². Предприятия кооперативной собственности производили в середине 70-х годов треть продукции местной промышленности¹³. Особенно велико значение мелкой промышленности в производстве химических удобрений (60 %), строительных материалов (60 %), сельскохозяйственных машин и орудий (67 %), чугуна и стали (10 %), угля (30 %). Ее развитие не способствовало интеграции народного хозяйства, развитию межпровинциальных связей. Ведь указанная продукция потребляется в пределах тех же округов, уездов и коммун, что и производится. В конце 70-х годов в китайской печати появились признания того, что в итоге экономика КНР оказалась расчлененной¹⁴.

Роль мелкой промышленности на местах для подъема экономики отдельных частей Китая была бы гораздо важнее, если бы не подменялись основные цели ее развития. То, что на определенном этапе экономического развития отсталой страны такого рода промышленность необходима для подъема ее хозяйства, учитывалось и в практике экономического строительства в СССР. В. И. Ленин высоко оценивал роль мелкой промышленности, «которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, — которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы»¹⁵.

В Китае развитие местной мелкой промышленности рассматривалось не как временный способ решения региональных экономических проблем, а как долговременная программа индустриализации страны. Массовое строительство мелких предприятий велось в КНР без должного учета местных условий и возможностей. Например, известное ука-

¹² Ип: "China reconstructs", 1977, № 7.

¹³ В середине 70-х годов в КНР насчитывалось свыше 1 млн. предприятий, находившихся в подчинении народных коммун. На них было занято 17 млн. человек. Они производили 14 % промышленной продукции КНР. — «Жэньминь жибао», 1.IV.1975.

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 6.X.1978.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 221.

знание иметь в каждом уезде пять отраслей (металлургия, производство цемента, минеральных удобрений, добыча угля, производство электроэнергии) говорит о «кампанейском» характере развития местной промышленности, не учитывающем те или иные особенности местного хозяйства, его ресурсы и потребности.

Пекинские теоретики, рассматривая принципы размещения промышленного производства, односторонне акцентировали внимание на максимальное приближении предприятий к источникам сырья и местам сбыта готовой продукции, что неизбежно оправдывало широкое развитие мелкой промышленности, экономии на транспортных расходах, учет исключительно местных интересов. Однако это только частный случай принципа максимальной экономии, который в КНР стал возводиться в абсолют.

Создание множества местных «комплексных» хозяйственных систем привело к сужению территориального разделения труда, нарушению производственных связей, снижению уровня концентрации производства в целом и к снижению общего уровня эффективности общественного производства. Односторонний подход к принципу комплексности в развитии больших и малых по территории хозяйственных единиц фактически игнорировал необходимость углубления специализации районов. Это оказало отрицательное воздействие на решение проблем рационального размещения и развития производительных сил КНР.

В 1971—1975 гг. в КНР была предпринята новая реформа управления, которая еще более углубила процесс децентрализации управления экономикой страны. Большинство предприятий и организаций, ранее непосредственно подчинявшихся министерствам, перешло в ведение мест. Полномочия мест в области планирования расширились, увеличилось их финансовые и материальные ресурсы¹⁶. Особенно возросло количество промышленных предприятий двойного подчинения.

Эта реформа затруднила обеспечение целенаправленного формирования рациональной территориальной структуры экономики страны. Вновь усилились автаркические тенденции, формирование территориальных пропорций все в большей мере стало проходить стихийно. В провинции Цзянсу, например, провинциальные органы вообще прекратили заниматься непосредственным управлением промышленностью. Вопросы управления капитальным строительством были переданы местам — районам, округам, уездам, городам, улицам и т. д.¹⁷ В более привилегированном положении оказались экономически наиболее развитые провинции КНР. Результатом этой реформы стал хаос, воцарившийся в стране к середине 70-х годов.

Известно, что в результате маоистских экспериментов экономика страны оказалась на «границе катастрофы». Заместитель премьер-министра Госсовета КНР Юй Цюли на одном из заседаний ПК ВСНП в 1977 г. признал, что «в последние несколько лет народное хозяйство развивалось полуанархически. Значительная часть хозяйственной деятельности не включалась в планы, а то, что включалось, не выполнялось»¹⁸. Что касается размещения производства, то и в конце 70-х годов по-прежнему актуальными были территориальные проблемы, стоявшие перед страной еще в 50-х годах. Народное хозяйство КНР оставалось экономически разобщенным на отдельные территории с неразвитой отраслевой структурой и экономическими связями¹⁹. Развитие транспорта по-

¹⁶ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1978, № 2, с. 28.

¹⁷ См.: «Хунця», 1977, № 2.

¹⁸ «Жэньминь жибао», 25.X.1977.

¹⁹ В речи заместителя премьер-министра Госсовета, председателя государственного планового комитета КНР Яо Иллия на 3-й сессии ВСНП пятого созыва 30 августа 1980 г. говорилось о необходимости «прорвать районные барьеры». — «Жэньминь жибао», 12.IX.1980.

стоянно отставало от роста народнохозяйственного комплекса. Сельское хозяйство имело еще более нерациональную структуру размещения. Нарушились многие производственные связи промышленности с сельским хозяйством.

Нисколько не утратила своего значения проблема ускорения экономического развития внутренних районов КНР. Более того, удельный вес внутренних районов КНР в промышленном производстве страны после 1957 г. продолжал падать. Поэтому заместитель премьера Госсовета КНР Е Цзяньин в одном из своих выступлений вновь указал на необходимость ускорения строительства промышленности в глубинных частях страны²⁰.

Таблица 1

Изменение удельного веса внутренних и приморских районов в промышленном производстве КНР в 1952—1975 гг. (в %)

	1952 г.	1957 г.	1965 г.	1971 г.	1975 г.
Приморские районы*	69,5	64,9	64,0	64,7	65,9
Внутренние районы	30,5	35,1	36,0	35,3	34,1

* Включая Гуанси-Чжуанский автономный район.

Если в годы первой пятилетки на развитие промышленности внутренних районов направлялось почти 55 % всех средств на капитальное строительство в стране, то за весь 30-летний период существования КНР — только 40 %²¹. Следовательно, в 60—70-е годы значение внутренних районов в капитальном строительстве резко снизилось. Это подтверждают и отдельные данные. Например, из 34 крупных комплектов промышленного оборудования, закупленных в 1972—1975 гг., в прибрежных районах предполагалось разместить 20, то есть 2/3 их числа. Поэтому удельный вес приморских районов в промышленном производстве Китая имеет даже тенденцию к росту.

Другой нерешенной проблемой остается подъем экономики пограничных территорий и районов национальных меньшинств страны. Несмотря на ускоренное развитие национальных окраин и других пограничных районов, их удельный вес в промышленном производстве Китая с 1957 по 1975 г. возрос незначительно, причем с 1965 г. он остается на одном уровне.

В выступлении председателя Государственного планового комитета КНР Яо Иллина на 3-й сессии ВСНП пятого созыва в 1980 г. содержатся признания того, что в отдаленных и национальных районах экономика длительное время развивалась медленно и «населению все еще приходится очень трудно».

Показателен в этом отношении пример Тибета, где, несмотря на громогласные заявления Пекина о невиданных успехах в экономике, культуре, производство промышленной продукции на душу населения с 1960 по 1980 г. сократилось с 87 до 81 юаня²².

Несмотря на принятый в 50-е годы курс на ускоренное развитие глубинных районов, в 1957—1975 гг. темпами ниже среднекитайских развивалась промышленность 9 из 18 внутренних провинций и автономных районов КНР (Шаньси, Цзянси, Сычуани, Юньнани, Цзилиня, Хэйлуунцзяна, Хубэй, Хунани, Синьцзяна).

²⁰ См.: «Жэньминь жибао», 10.V.1977.

²¹ См. там же, 25.IX.1979.

²² In: "Christian science monitor", 17.I.1981.

Таблица 2

Удельный вес пограничных провинций и автономных районов
в промышленном производстве КНР в 1952—1975 гг. (в %)

	1952 г.	1957 г.	1965 г.	1971 г.	1975 г.
Автономные районы	2,0	2,6	3,5	3,8	3,6
Все пограничные районы (автономные районы, Хэйлунцзян, Цзилинь, Юньнань, Ганьсу)	12,5	13,3	15,0	14,3	14,2

В результате к середине 70-х годов КНР фактически оставалась разделенной на две группы районов, резко различавшихся по уровню экономического развития.

Таблица 3

Удельный вес районов экономического кооперирования
в промышленном производстве КНР в 1952—1975 гг. (в %)

Район	1952 г.	1957 г.	1965 г.	1971 г.	1975 г.	Промышленное производство на душу населения, КНР = 100	
						1957 г.	1975 г.
Восточный	41,3	35,6	34,1	34,5	34,2	116	114
Северо-Восточный	23,0	22,8	22,6	19,8	19,3	289	193
Северный	14,0	15,6	17,7	19,4	20,2	137	180
Юго-Западный	7,1	8,3	7,6	6,3	6,8	49	44
Центрально-Южный	12,6	14,2	13,9	14,6	14,8	53	55
Северо-Западный	2,0	3,5	4,1	5,4	4,7	56	71

Как признает китайская печать, особо отсталыми в стране являются все пять автономных районов Китая и провинции Юньнань, Гуйчжоу, Цинхай и Ганьсу, то есть практически вся территория страны, наиболее плотно заселенная представителями неханьских народов. Здесь, на территории, составляющей 62,8 % площади страны, проживает 15,7 % ее населения, а производится всего 8 % промышленной продукции, что составляет лишь 63,3 % продукции промышленности одного Шанхая²³.

Еще более обострилась проблема роста и размещения городов Китая как центров его экономической жизни. Несмотря на стремление китайского руководства сдерживать рост крупных городов, активней вести развитие мелких и средних городов, этот процесс оказался ему неподвластен²⁴.

Крупная современная промышленность еще более сконцентрировалась в старых крупных городах Китая, затрудняя процесс более равномерного размещения производительных сил, подъем местной экономики. Если в начале 50-х годов в КНР было 7 городов с населением свыше 1 млн. человек и 9 с населением от 0,5 до 1 млн. жителей²⁵, то в начале 70-х годов их число составило соответственно 21 и 43²⁶. В результате

²³ См.: «Гуанмин жибао», 31.1.1981.

²⁴ Как отмечалось в китайской прессе, «планомерное строительство небольших и средних городов имеет важное значение для рационального размещения промышленности, ускорения темпов развития народного хозяйства в целом». См.: Сообщение агентства Синьхуа от 4.X.1976.

²⁵ См.: Китай. М., 1954, с. 51.

²⁶ См.: Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 г. М., 1975, с. 39.

если в 1953 г. на города-миллионеры приходилось около трети городского населения, то к 1980 г. — уже более половины²⁷. Вместе с городами с численностью населения более 500 тыс. человек их доля будет значительно выше, чем в 1953 г.

Политика концентрации строительства современных крупных промышленных предприятий в провинциальных центрах и крупнейших городах ведет к их дальнейшему и хаотичному росту. Если в 1952 г. на три крупнейших города страны, Шанхай, Пекин и Тяньцзинь, приходилось 26,7 % промышленной продукции страны, то и в 1957 г., и в 1975 г. она оставалась почти на том же уровне — 24,9 %. Причем в этих городах наряду с крупной получает значительное развитие и мелкая промышленность²⁸. В КНР стремятся полностью выжать все ресурсы из выгод экономико-географического и транспортного положения этих городов, полностью использовать имеющуюся в них инфраструктуру, квалифицированную рабочую силу и промышленную базу. В итоге, как признает китайская печать, в крупных и средних городах страны ощущается острая нехватка жилья, крайне плохие условия жизни, возникает целый ряд проблем с обеспечением предприятий сырьем, топливом, электроэнергией. Сейчас на одного городского жителя в Китае приходится всего 3,6 м² жилой площади, что значительно ниже, чем в начале 50-х годов²⁹.

* * *

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и с приходом к власти нового руководства вновь были подняты на щит задачи всесторонней модернизации Китая к 2000 г. Проблемы регионального развития должны были занять одно из главных мест в планах экономического развития КНР до 2000 г. В 1976—1985 гг. намечалось создание сравнительно целостной системы промышленности и всего народного хозяйства и завершения его технической перестройки. В области капитального строительства предусматривалось сооружение 120 крупных объектов, в том числе 10 металлургических заводов, 9 баз цветной металлургии, 8 угольных баз, 10 нефтяных и газовых промыслов, 30 электростанций, 6 железнодорожных магистралей и 5 морских портов. Планировалось создание 12 баз товарного зерна, переброска вод Янцзы в северные районы и другие мероприятия. Сравнительно мощные промышленные базы должны быть созданы в 14 удобных в географическом отношении районах³⁰. III пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва обсудил вопрос о разработке региональных планов развития земледелия, лесного хозяйства и животноводства. Сдвиги в экономике страны должны были стать основой для создания в 1986—2000 гг. «системы хозяйства шести районов (Северо-Восточного, Северного, Восточного, Центрально-Южного, Юго-Западного и Северо-Западного Китая), отличающихся уровнем развития, специфическими особенностями и способных самостоятельно действовать в боевой обстановке, всесторонне взаимодействовать, гармонично развивать сельское хозяйство, легкую и тяжелую промышленность. Районы должны обеспечивать себя топливом, энергией, металлом, основными видами промышленного оборудования и военной техники, продукцией легкой промышленности»³¹.

²⁷ См.: «Хунци», 1980, № 2.

²⁸ Например, в Шанхае мелкие предприятия составляли 90 % всех предприятий города и производили около 42,7 % его промышленной продукции. См.: "Peking review", 1976, № 4, p. 55.

²⁹ См.: «Хунци», 1980, № 2.

³⁰ См.: Сообщение агентства Синьхуа от 24.XII.1978.

³¹ «Жэньминь жибао», 8.V.1977.

Подобный план разделения Китая на районы экономического кооперирования впервые был составлен на основе схемы Госплана КНР и утвержден решением ЦК КПК еще в 1958 г. Как явствовало из решений Всекитайского совещания по распространению опыта Дацина в промышленности, состоявшегося в мае 1977 г., это была попытка возвратиться к реализации данного плана.

Таблица 4

Площадь и население районов экономического кооперирования КНР

Район	Площадь, в % к территории КНР	Население, в % к населению КНР	Плотность населения, КНР = 100
Северо-Восточный	13	10	77
Северный	8	10	122
Северо-Западный	35	7	20
Восточный	8	31	378
Центрально-Южный	11	26	244
Юго-Западный	25	16	63

Однако от намеченных планов по крайней мере в ближайшие годы придется отказаться. Хозяйство Китая оказалось в полосе затяжного периода «урегулирования», которое не может не отразиться и на вопросах регионального развития. Тяжелое наследие двадцатилетних маоистских экспериментов в экономике, отсутствие планомерности в развитии вообще и планов регионального развития в частности, усиленные стихийно-рыночные тенденции, отсутствие четких научных представлений о размещении производительных сил, игнорирование опыта Советского Союза и других социалистических стран в этих вопросах препятствуют развертыванию целенаправленной региональной политики, что, естественно, приводит к крупным экономическим просчетам в размещении хозяйства, нарушению экологического равновесия.

Характерным примером в этом отношении представляется Шанхай — крупнейший город и промышленный центр КНР, на который приходится 1/8 всей промышленной продукции страны. Отрицательное влияние на развитие города оказало стремление к созданию «всеохватывающей» промышленной системы. Шанхай, не имея близких источников сырья и топлива, долгие годы развивает материалоемкие и энергоемкие производства. Причем большая часть производимой продукции вывозится из города далеко за его пределы. Политика ориентации на всемерное использование выгодного экономико-географического положения и масштабов старых промышленных баз привела в Шанхае к тому, что на 1 км² в среднем размещено 30—40 предприятий и проживает более 400 тыс. человек³². И при этом до сих пор не разработан перспективный план развития города. Пример Шанхая не единичен.

По заявлению «Жэньминь жибао» от 5 сентября 1980 г., построенные в стране за последние двадцать лет свыше 80 крупных предприятий оказались малоэффективными, половина из них — вследствие неправильного размещения. При размещении нового строительства недоучитывались такие основные факторы размещения, как близость предприятий к источникам сырья, топлива, потребителям продукции. Наиболее «ярким» в этом отношении примером является строительство Баошаньского металлургического комбината под Шанхаем. Он должен работать на австралийской железной руде, привозном топливе. Неудачно было выбрано и местоположение комбината. При расширении

³² См.: «Жэньминь жибао», 14.IV.1980.

металлургического комбината в Ухани недоучли его обеспечение электроэнергией и сырьем, что не позволяет полностью использовать мощности комбината. Угольные шахты строились там, где было мало угля. Из провинции Сычуань был проложен в восточные районы страны газопровод, а газа для транспортировки оказалось недостаточно. Такие примеры можно было бы продолжить.

Длительное время в стране недоучитывалось влияние почвенно-климатических условий на размещение сельскохозяйственного производства. Односторонне акцентировалось внимание на производстве зерновых культур, а посевные площади под техническими культурами сокращались. Так, в провинции Хэбэй, занимавшей в 50-е годы первое место в КНР по посевным площадям и сбору хлопка, за 1957—1977 гг. посевные площади под этой культурой сократились более чем вдвое. На Северо-Востоке отмечается сокращение площадей под соей, в Южном Китае — под сахарным тростником и т. д. Это привело к нарушению складывавшейся в 50-е годы специализации производства, нанесло ощутимый ущерб окружающей среде, развитию многоотраслевых малопродуктивных хозяйств. Ослабли межпровинциальные связи, усилилась хозяйственная изоляция отдельных частей страны. Не велась работа по районированию сельского хозяйства, поэтому и не было строгих научных представлений о географическом направлении развития сельского хозяйства.

Новым фактором, серьезно усугубляющим проблемы достижения оптимального размещения народного хозяйства, стали растущие экономические связи КНР с развитыми капиталистическими странами, их участие в экономическом строительстве в стране. Такое сотрудничество усиливает концентрацию хозяйственной жизни в приморских районах, наиболее удобных для экономической деятельности империалистических держав, и в первую очередь Японии. Здесь с их помощью сооружаются промышленные объекты общенационального значения. Большая часть их продукции предназначена на экспорт. Складывающаяся в приморских районах инфраструктура также в основном предназначена для вывоза продукции. В результате усиливаются тенденции, сходные с теми, что отмечались в старом Китае, и приведшие к серьезным территориальным диспропорциям в его хозяйстве.

Предпринятая в последние годы определенная реорганизация системы управления народным хозяйством, направленная на повышение хозяйственной самостоятельности предприятий, сочетание плановых начал с рыночным механизмом в сложившейся в Китае крайне сложной экономической ситуации, когда взят долговременный курс на «урегулирование» народного хозяйства, дает толчок усилению децентрализации экономики, росту местных настроений, нерациональному распределению ресурсов, распылению капитальных вложений, ослаблению роли государственного плана, усилению рыночного регулирования.

Таким образом, проблема ликвидации острых территориальных диспропорций в хозяйстве КНР не только по-прежнему остается острой, но и, видимо, у руководства нет до сих пор четких представлений о путях их преодоления.

Только отказ от милитаризации, возвращение к методам социалистического хозяйствования при едином народнохозяйственном планировании, концентрации ресурсов и средств в руках государства с учетом жизненных интересов китайского народа даст возможность постепенного решения вопросов формирования рациональной территориальной структуры хозяйства КНР.

Политика реабилитации кадровых работников и некоторые аспекты политической борьбы в КНР

К. А. Егоров,
кандидат юридических наук

Рассмотрение вопроса о реабилитации кадровых работников, репрессированных в КНР в разное время, связано с анализом основных тенденций внутривластного развития страны. Всесторонний марксистско-ленинский анализ классового содержания событий в Китае и истоков политического курса пекинского руководства, ставящего под угрозу социалистические революционные завоевания китайского народа, остается большой и серьезной задачей синологов.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии Л. И. Брежнев отметил: «Опыт социально-экономического развития КНР за два последних десятилетия — тяжелый урок, показывающий, к чему ведет извращение принципов социализма, его сути как во внутренней, так и в международной политике»¹. Отказ от научного социализма, следование прагматической маоистской линии создали почву для обострения социально-политической обстановки в КНР, проведения массовых репрессий, столкновения противоборствующих группировок, ведущих борьбу за власть. Указанные тенденции получили наибольшее развитие в период «культурной революции», когда был установлен режим, называемый теперь даже на официальном уровне «жесточайшей феодально-фашистской диктатурой».

Как указывал Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС, «во внутренней политике Китая происходят сейчас изменения. Истинный смысл их еще покажет время. Оно покажет, в какой мере нынешнему китайскому руководству удастся преодолеть маоистское наследие»². Однако уже сейчас ясно, что китайские руководители, оставаясь на общих позициях маоизма, всячески цепляются за маоистские установки по конкретным вопросам партийного строительства, идеологической и политической работы. Об этом, в частности, свидетельствуют официальные документы КПК, опубликованные в Китае в связи с 60-летием КПК: «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» (принято VI пленумом ЦК КПК 27 июня 1981 г.)³, — и выступление Ху Яобана (назначенного пленумом председателем ЦК КПК) на торжественном собрании, посвященном 60-летию КПК⁴.

Лидеры КПК заявляют, что «идеи Мао Цзэдуна» являются «самым ценным богатством, которое он оставил», что деятельность КПК «на протяжении длительного периода времени» будет направляться «идеями Мао Цзэдуна», объявленными «общепризнанными руководящими идеями партии». К ним прежде всего отнесена концепция Мао «о сохранении при социализме классовой борьбы», которая якобы временно должна обостряться. Как известно, Мао Цзэдуна выдвинул тезис

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 10.

² Там же, с. 10—11.

³ См.: «Жэньминь жибао», 1.VII.1981.

⁴ См. там же, 2.VII.1981.

об «обострении классово-борьбы» за несколько лет до начала «культурной революции», в 1962 г.

Теперь маоцзэдуновскую «теорию продолжения революции при диктатуре пролетариата» на словах отвергают, а «культурную революцию» называют «серьезной ошибкой». Однако наследники Мао вовсе не желают отказаться от удобной для них концепции классово-борьбы, использующейся для оправдания массовых расправ и репрессий в отношении политической и идейной оппозиции, особенно ее марксистско-ленинской, интернационалистской части.

К первой категории «классовых врагов» пекинские лидеры относят коммунистов-интернационалистов, выступающих против сотрудничества с мировым империализмом и реакцией, за дружбу с СССР и странами реального социализма. Для обоснования концепции классово-борьбы против них используется затасканный маоистский тезис о положении Китая как «осажденной крепости». Так, Ху Яобан, говоря о международной обстановке, утверждал: «Мы находимся под угрозой агрессии и диверсии извне». Поэтому, чтобы «одержать победу», в стране надо, по его словам, «развивать революционный дух»⁵. Следует отметить, что и в прошлом лозунгом «революционности» прикрывались многие акты маоистского беззакония и произвола, вражды к СССР и его друзьям в Китае. Не случайно нынешние лидеры КПК отказываются от реабилитации видных коммунистов-интернационалистов Гао Гана и Жао Шуши, которых вновь обвиняют в «заговорщической» деятельности с целью якобы «захвата верховной власти в партии и государстве», как сказано в «Решении по некоторым вопросам истории КПК».

Ко второй категории «классовых врагов» в Пекине относят около 20 млн. членов партии — бывших активистов «культурной революции», которые, по словам Дэн Сяопина, не прочь вновь затеять подобную кампанию. Нынешние лидеры КПК, опасаясь повторения эксцессов «культурной революции», особенно ее разрушительного воздействия на экономику страны, отвергают подобные формы борьбы, применяя иные методы достижения своих целей.

Одним из таких методов является систематическое проведение ограниченных по масштабам репрессий и чисток в сочетании с прагматически взвешенной политикой реабилитации ранее репрессированных кадров, рассчитанной на известное упрочение власти нынешнего руководства в Китае, на использование реабилитированных работников в качестве орудия для проведения определенного политического курса. Формально же под реабилитацией подразумевается, во-первых, освобождение от наказания или преследования в любых формах; во-вторых, восстановление в прежней должности или предоставление адекватной по рангу; в-третьих, признание ранее предъявлявшихся обвинений ошибочными, надуманными или ложными.

Хотя политика реабилитации в целом характерна для послемаоцзэдуновского периода, она проводилась и при жизни Мао Цзэдуна, однако была, как правило, неполной и принимала несколько иные формы. Если проследить политическую историю КНР за последние двадцать с лишним лет, то можно видеть, что реабилитация обычно следовала за провалом очередной маоистской идейно-политической кампании, сопровождавшейся массовыми репрессиями.

Так, весной 1957 г. Мао Цзэдун дал указание «рассматривать правильное разрешение противоречий внутри народа как основное содержание политической жизни государства». В результате развертывания массовой кампании многие представители интеллигенции, демократических партий и организаций, а также партийные работники были от-

⁵ «Жэньминь жибао», 2.VII.1981.

несены к «правым элементам». Как указывается теперь в «Решении по некоторым вопросам истории КПК», это «привело к печальным последствиям».

Борьба против «правых» была связана с подготовкой к проведению маоистских установок относительно «большого скачка». Поэтому провал этого авантюристического эксперимента Мао и переход к политике «урегулирования» сопровождалась реабилитацией многих партийных работников, отнесенных к «правым». Соответствующее решение было принято на расширенном рабочем совещании ЦК КПК в январе 1962 г. Причем реабилитация была неполной, так как с большинства «реабилитированных» был просто снят ярлык «правый элемент» без гарантии освобождения от дальнейшего преследования и восстановления в должности.

Тем не менее реабилитация не была чисто формальным актом. Она проводилась по инициативе прагматической части руководства КПК, и ее политический смысл заключался в использовании опыта и знаний многих репрессированных руководящих кадров для обеспечения успешного восстановления и развития народного хозяйства в 1962—1966 гг. Кроме того, реабилитация кадровых работников, препятствовавших курсу «большого скачка», фактически являлась актом признания несоответствия этого курса потребностям развития страны, а следовательно, ударом по маоизму. Но реабилитации подлежали далеко не все репрессированные, а только те, кто доказал свою лояльность по отношению к руководству во главе с Мао Цзэдуном. Так, не были реабилитированы Пэн Дэхуай и большая группа связанных с ним лиц, осужденных на лушаньском совещании ЦК КПК (1959). Как указывается в «Решении по некоторым вопросам истории КПК», в политическом отношении развернутая по указанию Мао борьба против «правого уклона» в масштабах всей партии «нанесла серьезный ущерб демократии внутри партии, с центра до низов»⁶.

Еще более ограниченный характер имела реабилитация в период «культурной революции», являвшаяся, по существу, подбором маоистских кадров. При формировании «ревкомов» (1967—1968) по принципу «соединения трех сторон» среди включенных в них представителей «революционных» кадров оказались и те, кто подвергался критике или шельмованию на начальном этапе «культурной революции», но впоследствии сумел доказать свою «революционность» и избежал репрессий. Такого рода реабилитация вызывалась необходимостью использования опытных кадров в интересах укрепления военно-бюрократической диктатуры и вовсе не гарантировала освобождения этих людей от повторного преследования.

Реабилитация на маоистской основе проводилась также на этапе формирования партийного аппарата на местах. На IX съезде КПК (1969) ставился вопрос о необходимости реабилитировать «хороших людей, совершивших ошибки». При этом предлагалось учитывать их «поведение» и трудовые показатели прежде всего во время «культурной революции». Такие люди вливались в руководящий состав маоистской КПК.

Процесс реабилитации был приспособлен к условиям партийного строительства, которое велось сверху вниз. В 1969—1971 гг. вышестоящие органы маоистской КПК для рассмотрения вопросов реабилитации назначали специальных лиц, которые «консультировались с массами».

В первую очередь реабилитировались кадры, опыт и знания которых были необходимы для налаживания работы государственного аппарата в его центральном звене, а также на провинциальном уровне. Прагматическая часть руководства КПК во главе с Чжоу Эньлаем до-

⁶ «Жэньминь жибао», 1.VII.1981.

бывалась реабилитации бывших руководящих работников административного аппарата, руководствуясь их деловыми признаками. «Левые» из ближайшего окружения Мао Цзэдуна (в том числе Цзян Цин и Линь Бяо) стремились насаждать свои кадры по принципу преданности идеалам «культурной революции». Разрастающийся конфликт между двумя основными группировками в пекинском руководстве определял содержание и темпы процесса реабилитации в тот период, продолжавшийся до X съезда КПК (август 1973 г.).

После смещения Линь Бяо (сентябрь 1971 г.) и проведения X съезда КПК прагматическая группировка добилась расширения масштабов реабилитации жертв «культурной революции» и противников Линь Бяо. Однако контроль за процессом реабилитации по-прежнему оставался в руках выдвинутых «культурной революции». На рабочем совещании, созванном для разъяснения политики руководства КПК в этой области, указывалось, что реабилитации (или «освобождению» от наказания) подлежали лишь три категории лиц: 1) ставшие жертвами из-за выступлений против Линь Бяо и его сторонников; 2) репрессированные за «ошибки» в работе по «поддержке левых» во время «культурной революции»; 3) лица, не проявившие «достаточного революционного рвения»⁷.

Таким образом, неполная реабилитация распространялась лишь на тех, кто в той или иной форме примкнул к «культурной революции» и в ней участвовал, но при этом допустил «ошибки». Подобный вид реабилитации использовался выдвинутыми «культурной революции» для занятия руководящих позиций в партийных органах, занимавшихся вопросами реабилитации. При этом большую роль стали играть уездные и соответствующие им парткомы, которым было дано право создавать отделы по реабилитации. Последние руководили работой инспекционных групп, образованных для проверки надлежащего трудоустройства кадровых работников на низовом уровне.

В течение 1973—1976 гг. «леваки» развернули активную кампанию за расстановку на руководящих постах на всех уровнях «революционных последователей» Мао. Их кампании противостояли настойчивые попытки Чжоу Эньлая и его последователей реабилитировать опытных кадровых работников старшего поколения, пострадавших от «культурной революции», и восстановить их на руководящих должностях. В 1974 г. прагматической части руководства КПК удалось настоять на принятии специального решения ЦК КПК о реабилитации кадровых работников старшего поколения, а на 1-й сессии ВСНП четвертого созыва (январь 1975 г.) — добиться распределения руководящих постов в правительстве КНР в свою пользу. Однако на местах сохранялось заметное преимущество у выдвинутых «культурной революции».

Это преимущество еще более усилилось в ходе развязанной Мао Цзэдуном и активно проводившейся «леваками» кампании борьбы против «правоуклонистского поветрия» (март — октябрь 1976 г.). В период проведения указанной кампании реабилитация кадровых работников старшего поколения, по существу, прекратилась, что было связано со следующими двумя событиями: в январе 1976 г. скончался Чжоу Эньлай, а в апреле того же года был объявлен лидером «правоуклонистского поветрия» и отстранен «от всех должностей» Дэн Сяопин. И тот и другой ранее усиленно добивались реабилитации жертв «культурной революции».

Не случайно процесс реабилитации лиц названной категории резко активизировался после реабилитации Дэн Сяопина и восстановления его на высших руководящих постах в партии и государстве. Вполне понятно, что это произошло после смерти Мао Цзэдуна и смещения

⁷ In: "Asian Survey", 1978, № 9, p. 943.

приближенной к нему группы лидеров КПК («банды четырех») — ведущих фигур среди выдвиженцев «культурной революции». С октября 1976 г. начался новый этап в развитии процесса реабилитации.

Этот этап можно разделить на два периода: первый — от смещения «четверки» (октябрь 1976 г.) до III пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), второй — после III пленума ЦК. В политическом отношении первый период характеризовался глубочайшим идейным и политическим разбродом, вызванным «культурной революцией» и бесконечными маоистскими идейно-политическими кампаниями, проводившимися в предшествующие десять лет. Кроме того, как говорилось в документах VI пленума ЦК КПК (1981), «свою роль сыграли и левацкие руководящие идеи», которых продолжали придерживаться Хуа Гофэн и миллионы других выдвиженцев «культурной революции», по-прежнему занимавшие руководящие должности на различных уровнях. Как указывается в «Решении по некоторым вопросам истории КПК», Хуа Гофэн «оттягивал сроки реабилитации и препятствовал восстановлению на работе старых кадровых работников и проведению мероприятий по пересмотру оставшихся от прошлого дел, сфабрикованных на основании надуманных, ложных и ошибочных обвинений»⁸.

Первому периоду предшествовала продолжительная идейно-политическая подготовка. Как известно, решение об окончательной реабилитации Дэн Сяопина, то есть об отмене всех прежних решений о его преследовании и о восстановлении его в качестве члена ЦК КПК, члена Политбюро, заместителя председателя ЦК КПК, заместителя премьера Госсовета, начальника Генерального штаба НОАК, принял III пленум ЦК КПК 10-го созыва (июль 1977 г.), но фактически оно было принято в марте 1977 г., на «рабочем совещании» ЦК КПК. После этого велась подготовка общественного мнения к его реабилитации. Так, 3 мая 1977 г. на места были разосланы два письма Дэн Сяопина, адресованных Хуа Гофэну (в то время председателю ЦК КПК) и Е Цзяньину (заместителю председателя ЦК КПК). В процессе идеологической обработки кадровых работников и населения вина за преследования Дэна целиком перекладывалась на «банду четырех», которая якобы действовала вопреки указаниям Мао Цзэдуна.

Следует отметить, что после смерти Мао процесс реабилитации развивался в обстановке борьбы внутри КПК. Положение осложнялось тем, что предстояло решить нелегкую проблему преемственности руководства. С начала 1978 г. в центральной китайской печати был опубликован ряд статей, в которых содержался анализ кадровой политики китайского руководства.

В настоящее время заслуга ускорения процесса реабилитации приписывается Ху Яобану, который в декабре 1977 г. был назначен заведующим организационным отделом ЦК КПК⁹. Идейная же подготовка массовой реабилитации связывается с ошибочностью требований соблюдать абсолютно все решения, вынесенные Мао Цзэдуном, и руководствоваться абсолютно всеми указаниями Мао Цзэдуна. Тем самым фактически признается, что действительной причиной трудностей в проведении политики реабилитации является слепая приверженность руководства маоизму. При этом прямая вина возлагается на Хуа Гофэна, который придерживался «ошибочного курса». Поэтому в 1977—1978 гг. лишь «частично началась работа по пересмотру дел», а основное внимание уделялось идеологической подготовке к этим мероприятиям. Попытка добиться изменения кадровой политики была предпринята на II пленуме ЦК КПК 11-го созыва (февраль 1978 г.). В день его открытия в «Жэньминь жибао» была опубликована статья «ком-

⁸ «Жэньминь жибао», 1.VII.1981.

⁹ См. там же, 21.VII.1981.

ментатора» под заголовком «Важный вопрос проведения в жизнь кадровой политики», а также целая подборка материалов о судьбе родственников жертв репрессий¹⁰. Газета призывала освободить от ответственности за своих родителей детей тех лиц, которые были привлечены к ответственности по «важным делам», не подвергать их дискриминации при поступлении в учебные заведения, вступлении в КПК, КСМК, поступлении на воинскую службу и приеме на работу.

Судя по публикациям в центральной китайской печати, предметом серьезных разногласий в пекинском руководстве явился вопрос об ускорении «пересмотра дел» ранее репрессированных кадровых работников, нужных для налаживания деятельности хозяйственного механизма в стране. Прагматическая часть лидеров КПК стремилась использовать для скорейшего решения вопроса проводившуюся по всему Китаю кампанию борьбы против «банды четырех». В то время вина за затягивание работы по пересмотру дел и реабилитации кадровых работников старшего поколения сваливалась исключительно на «сторонников четверки»¹¹. При этом всячески подчеркивались заслуги Дэн Сяопина, который «нанес удар» по «тайным замыслам «четверки» в вопросе о кадрах» в 1975 г.¹² В данном случае имелся в виду появившийся в 1975 г. партийный документ «Об общей программе работы партии и всей страны», составленный, как ныне утверждает официально, по инициативе Дэн Сяопина. В нем излагалась дэнсяопиновская программа решения кадровых проблем. В частности, ставился вопрос о необходимости назначать на руководящие должности представителей старшего поколения кадровых работников, имеющих по крайней мере 20-летний опыт работы и всесторонний опыт руководства партией, правительством и армией, а также «народом, наукой, восточным, западным, южным, северным и центральным районами страны». В документе также говорилось о целесообразности «направить всех до одного молодых кадровых работников в низы на перевоспитание», а старых рабочих и опытных кадровых работников использовать на руководящих постах.

Вполне понятно, что столь радикальная программа вытеснения выдвиженцев «культурной революции» из сферы руководства встретила серьезное противодействие. В ходе политической борьбы был достигнут ряд временных компромиссов и по вопросу о кадрах. Одним из них явились решения 1-й сессии ВСНП пятого созыва (февраль — март 1978 г.), в основу которых положена прагматическая линия Дэн Сяопина. Однако тогда же стало ясно, что успех каждой из противоборствовавших группировок зависел в конечном итоге от возможности надежно опереться на местные руководящие кадры. Поэтому борьба за местный аппарат, прежде всего за провинциальное звено, как наиболее важное в политическом отношении, обусловила развитие внутриполитической обстановки в Китае в рассматриваемый период.

Под видом «упорядочения руководящих звеньев» местного аппарата проводилась тотальная чистка, инструментом которой служили сессии местных собраний народных представителей, образовавшие новые «революционные комитеты» путем изгнания из прежних многих выдвиженцев «культурной революции». Проведение чистки и подбор новых руководящих кадров поручались специальным «рабочим группам» или «рабочим отрядам» и «ответственным лицам» из партийных органов провинциального звена¹³.

Наряду с идеологической обработкой общественного мнения чистка являлась, таким образом, орудием подготовки к проведению кампании

¹⁰ См.: «Жэньминь жибао», 18.11.1978.

¹¹ См. там же, 19.1.1978.

¹² См. там же, 22.1.1978.

¹³ См. там же, 2, 13, 31.V.1978.

широкой реабилитации. В ходе чистки и «упорядочения руководящих звеньев» снимались обвинения с лиц, «несправедливо обвиненных» в период «культурной революции» и подвергавшихся «надуманным обвинениям и травле» со стороны «четверки». Это были прежде всего представители технической интеллигенции, которых стали широко привлекать к работе по специальности, причем многие из них вновь назначались на руководящие посты¹⁴. Одновременно проводилась посмертная реабилитация видных деятелей культуры, а также партийных и государственных деятелей, не связанных с «делом Лю Шаоци». В частности, в июне 1978 г. были посмертно оправданы известный писатель Лао Шэ, погибший в августе 1966 г., и бывший секретарь шанхайского горкома КПК, мэр Шанхая Цао Дицю, скончавшийся в феврале 1976 г.¹⁵

В августе 1978 г. впервые в центральной печати был поднят вопрос о необходимости полной реабилитации участников «апрельских событий» 1976 г. в Пекине и других городах. Пекинский горком комсомола организовал инспирированный группировкой Дэн Сяопина митинг, на котором была принята резолюция с требованием пересмотра дел участников «апрельских событий», особенно тех, кто подвергал осуждению «банду четырех» за ее выступления против Дэн Сяопина¹⁶. В это же время на митинге в городе Гуйяне (провинция Гуйчжоу) было объявлено о реабилитации девяти авторов дацзыбао и лозунгов, вывешенных в марте — апреле 1976 г., в которых «четверка» осуждалась за нападки на Дэн Сяопина. «Митинги реабилитации» отдельных лиц или целых групп проводились во многих других районах Китая, в частности в провинциях Сычуань, Ганьсу, Ляонин, Хэнань и Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Провинция Сычуань называлась в китайской печати «стоящей во главе нынешнего движения за реабилитацию партийных работников, несправедливо уволенных во время „культурной революции“»¹⁷.

Последнее обстоятельство имело определенный политический смысл. Первым секретарем парткома и председателем «ревкома» провинции Сычуань был в то время Чжао Цзыян, о политической близости которого к Дэн Сяопину хорошо известно (в сентябре 1980 г. он был назначен премьером Госсовета КНР). Дэн и его сторонники стремились добиться реабилитации лиц, с помощью которых они могли бы упрочить свое положение на местах, поскольку от наличия надежной опоры в провинциях зависела прочность позиции в руководящей верхушке. Средством для достижения поставленных ими целей по ускорению реабилитаций явилось развертывание массового движения, напоминавшего маоистские кампании в духе «линии масс». Как неоднократно оказывалось в прошлом, инициаторы таких кампаний использовали их, чтобы оказать давление на своих противников и достичь собственных политических целей.

III пленум ЦК КПК (декабрь 1978 г.) нынешние лидеры КПК называют «великим переломным моментом, имеющим далеко идущее значение», поскольку, как говорится в партийном документе, он «покончил с шатанием», которым сопровождалось «движение вперед». Как сообщалось в коммюнике, пленум «рассмотрел и разрешил ряд важнейших вопросов, оставшихся от прошлого, а также вопрос о заслугах и ошибках группы важных руководящих лиц»¹⁸. Пленум наметил меры по реабилитации руководящих кадровых работников, пострадавших в 1976 г. в результате борьбы «леваков» с «правоуклонистским

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 10 и 26.VI.1978.

¹⁵ См. там же, 4 и 29.VI.1978.

¹⁶ См. там же, 29.VIII.1978.

¹⁷ Там же, 7.VIII.1978.

¹⁸ Там же, 24.XII.1978.

вихрем пересмотра правильных выводов о культурной революции», а также участников «апрельских событий» 1976 г., охарактеризованных в материалах пленума как «целиком и полностью революционное выступление масс».

III пленум «пересмотрел и исправил» все «ошибочные оргвыводы», сделанные в конце 50-х годов в отношении Пэн Дэхуая, Тао Чжу, Бо Ибо, Ян Шанкуня и других, потребовал «решительного пересмотра всех дел, сфабрикованных на основе ложных, ошибочных и надуманных обвинений», а также реабилитации «всех невинно пострадавших».

Это решение пленума, по существу, явилось компромиссом между прагматической группировкой и группировкой выдвинутых «культурной революции». Первая согласилась зафиксировать в документах пленума вывод о том, что «по всей стране в основном победительно завершено крупномасштабное массовое движение за разоблачение и критику Линь Бяо и „банды четырех“». Это означало, что сторонников Хуа Гофэна оставят в покое (хотя бы временно). Вторая, видимо, сделала вид, будто не станет препятствовать «доведению до конца» работы по реабилитации «всех невинно пострадавших».

Прагматическая группировка Дэн Сяопина надеялась использовать в дальнейшем реабилитированные кадры для нанесения нового удара по группировке выдвинутых «культурной революции» (как впоследствии и произошло на V пленуме ЦК КПК в феврале 1980 г.); последняя в свою очередь рассчитывала на сохранение своих руководящих постов, приобретенных еще при жизни Мао Цзэдуна.

После III пленума ЦК КПК позиции дэнсяопиновской группировки оказались значительно сильнее, чем позиции их противников. Об этом свидетельствует, во-первых, дополнительное избрание в ЦК КПК девяти видных деятелей КПК старшего поколения, так или иначе связанных в прошлом с Дэн Сяопином (Хуан Кэчэн, Сун Жэньцун, Ху Цяому, Си Чжунсюнь, Ван Жэньчжун, Хуан Хоцин, Чэнь Цзайдао, Хань Гуан, Чжоу Хуэй), настроенных враждебно по отношению к группировке «культурной революции», от которой все они пострадали. Во-вторых, пленум создал специальный механизм для проведения политики реабилитации и чисток, образовав Комиссию по проверке дисциплины при ЦК КПК в составе 100 человек, во главе с Чэнь Юнем, выступавшим в начале 60-х годов против авантюристической экономической политики Мао Цзэдуна и подвергавшимся гонениям во время «культурной революции».

Первым политическим результатом создания такой комиссии явился отказ от одобренной (в порядке компромисса) III пленумом ЦК КПК установки на «своевременное и решительное завершение широкого общенационального массового движения за разоблачение и критику Линь Бяо и „четверки“». IV пленум ЦК КПК (сентябрь 1979 г.), кооптировавший в состав ЦК КПК еще 12 бывших жертв «культурной революции» (в том числе Пэн Чжэня, Ань Цзывэня, Чжоу Яна, Бо Ибо, Ян Шанкуня), постановил «продолжать углубленно критиковать преступления контрреволюционных заговорщических клик Линь Бяо и «банды четырех», тесно увязывая критику с реальностью сегодняшнего дня»¹⁹, то есть с политикой руководства КПК во главе с Хуа Гофэном.

После декабрьского (1978) пленума ЦК КПК начался новый период послемаоцзэдуновского этапа проведения политики реабилитаций. Пленум выдвинул установку на перенесение центра тяжести работы партии и всего народа на осуществление курса «четырёх модернизаций». Это послужило основанием для расширения мероприятий по реабилитации кадровых работников, репрессированных не только во время «культурной революции», но и до нее.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 29.IX.1979.

В конце января 1979 г. ЦК КПК принял решение о снятии ярлыка «вредный элемент» с бывших помещиков и кулаков, которые, как говорится в партийном документе, проходили «трудовое перевоспитание» в течение 20—30 лет и превратились в «тружеников, живущих собственным трудом»²⁰. В указанном решении ЦК говорилось также о снятии ярлыков с бывших капиталистов, которые, как указывалось, «уже преобразовались в трудящихся», но вновь стали получать проценты с имевшихся у них раньше капиталов.

Однако это вовсе не означает, что подобные ярлыки отныне не будут привешиваться. Как подчеркивается в «Решении по некоторым вопросам истории КПК», в Китае по-прежнему существуют «враждебные социализму элементы», которые занимаются «подрывной деятельностью в политической, экономической, идеологической и культурной областях, а также в общественной жизни»²¹. В уголовном кодексе КНР (1979) специальная глава отведена «контрреволюционным преступлениям», к числу которых относятся и деяния, за которые раньше приклеивался ярлык «вредный элемент».

Процедура реабилитации заключалась в формальном обсуждении «массами» вопроса о том, соблюдал ли реабилитируемый государственные законы и политические установки, проявлял ли хорошее отношение к труду и т. п. Принятое «массами» решение подлежало утверждению соответствующим партийным органом. После снятия ярлыка с родителей их дети не должны были подвергаться дискриминации при поступлении на учебу, работу, наборе в армию, приеме в члены КПК и комсомола.

В специальном уведомлении министерства общественной безопасности КНР указывалось, что снятие ярлыков — это одна из серии важных мер, принятых ЦК КПК в соответствии с курсом на перенесение центра тяжести работы на «модернизацию» Китая. При этом прямо указывалось, что работа по реабилитации направлена на использование «всех факторов» в интересах осуществления «четырех модернизаций»²². Тем самым признавалось, что политика реабилитации имела не принципиальный, а прагматический характер.

В ноябре 1978 г., в канун III пленума ЦК КПК, было объявлено о решении ЦК КПК снять ярлыки «правых» с большой группы «исправившихся» лиц²³. Как и в других случаях, китайские средства массовой информации заранее готовили общественное мнение к принятию такого решения. Так, в августе 1978 г. китайская печать говорила о необходимости переоценки деятельности лиц, причисленных в 1957 г. к «правым», указывая, что «подавляющее большинство из них в ходе длительного перевоспитания испытали перелом и исправились»²⁴.

В данном случае речь шла не о партийных работниках, причисленных к «правым», а о буржуазных деятелях, которые в 50-х годах планировали совершать поворот вправо в развитии страны. Реабилитация таких лиц была, по существу, актом лояльности дэнсяопиновской верхушки по отношению к китайской буржуазии. В этой же связи можно рассматривать реабилитацию в феврале 1979 г. авторов известной «дацзыбао Ли Ичжэ», опубликованной в 1974 г., в которой под видом «критики Линь Бяо» пропагандировались буржуазно-демократические и анархистские взгляды.

Следует отметить, что именно в это время Дэн Сяопин лично завязывал узы тесного сотрудничества с США, отправившись туда с «дружеским» визитом. Вполне вероятно, что заигрывание с либерально-буржуазными

²⁰ «Жэньминь жибао», 1.VII.1981.

²¹ Там же.

²² Там же, 29.I.1979.

²³ См. там же, 17.XI.1978.

²⁴ Там же, 25.VIII.1978.

кругами было рассчитано на то, чтобы заручиться расположением заокеанского партнера по начавшему складываться военно-политическому альянсу.

Итоги проведения реабилитации за период после возвращения Дэн Сяопина на руководящие посты (июль 1977 г.) были подведены в его выступлении перед кадровыми работниками на совещании в Пекине 16 января 1980 г. По «неполным» данным, отмечал Дэн, число реабилитированных на начало 1980 г. составило 2 млн. 900 тыс. человек, и значительно больше число реабилитированных, дела которых не фиксировались в документах и которых подвергали репрессиям без суда и следствия.

Основное содержание выступления Дэн Сяопина нашло отражение в решении V пленума ЦК КПК (февраль 1980 г.) о реабилитации Лю Шаоци²⁵. Пленум постановил аннулировать обвинения, выдвинутые на XII пленуме ЦК КПК 8-го созыва (1968), и отменил «ошибочное постановление» об исключении Лю Шаоци из партии навсегда, о снятии его со всех должностей внутри и вне партии. Правда, вся вина за преследование Лю Шаоци вопреки историческим фактам была возложена не на Мао Цзэдуна, а на Линь Бяо и «банду четырех», которые, как говорилось в решении пленума, сфабриковали материалы против Лю Шаоци, «клеветнически причислив большое число партийных, административных и военных руководителей к числу „агентов Лю Шаоци“», ниспровергли всех их, что «имело чрезвычайно серьезные последствия».

Посмертная реабилитация Лю Шаоци явилась неотъемлемой составной частью почти четырехлетней кампании, в ходе которой были реабилитированы практически все, кроме Лю Шаоци, ведущие китайские деятели, свергнутые во время «культурной революции». При этом именем Лю Шаоци как одного из авторов «китаизированного марксизма» нынешние лидеры Пекина пытались подкрепить свой политический курс. Не случайно в публикациях о Лю Шаоци преднамеренно опускалось все, что касалось внешнеполитической платформы VIII съезда КПК (1956), имевшей антиимпериалистическую, интернационалистическую направленность.

После V пленума ЦК КПК реабилитация вступила в заключительный этап. Ее предварительные итоги в общегосударственном масштабе подвела 3-я сессия ВСНП пятого созыва (30 августа — 10 сентября 1980 г.). Как отметил в своем докладе на сессии председатель Верховного народного суда КНР Цзян Хуа, к концу июня 1980 г. народными судами различных ступеней было пересмотрено 1 млн. 130 тыс. дел, по которым были вынесены приговоры в период «десятилетнего хаоса» (1966—1976), что составило 94 % всех дел, разобранных за этот период. По данным Цзян Хуа, из более чем 270 тыс. пересмотренных дел о «контрреволюционных» преступлениях 175 тыс. дел были аннулированы, как основанные на надуманных, ложных и ошибочных обвинениях, которые коснулись судеб 184 тыс. человек, в том числе 26 тыс. дел были связаны с «делом Лю Шаоци»²⁶.

Хотя, по словам Цзян Хуа, работа по «пересмотру» сфабрикованных дел была «в основном завершена» за два года, политической реабилитации подлежало, судя по приведенным цифровым данным, менее 65 % всех ранее репрессированных или осужденных. Как следует из выступления председателя Верховного народного суда, «пересмотр дел, основанных на надуманных, ошибочных и ложных обвинениях», имел целью «разоблачение и осуждение феодально-фашистской диктатуры Линь Бяо», а также «залечивание серьезных ран», нанесенных

²⁵ См.: «Жэньминь жибао», 1.III.1980.

²⁶ См. там же, 5.IX.1980.

стране в течение десяти лет, создание обстановки «стабильности и сплочения», мобилизацию всех активных факторов на осуществление «модернизаций».

Таким образом, политика реабилитации подчинялась прагматическим целям партийно-административной верхушки, в которой все возрастающую роль играла прагматическая группировка во главе с Дэн Сяопином. Ей противостояли силы, стремившиеся притормозить процесс реабилитации или изменить его характер. Трения внутри китайского руководства препятствовали последовательному проведению прагматической линии в области реабилитации. Как признавалось на сессии ВСНП в сентябре 1980 г., в ряде случаев работа по «пересмотру дел» осуждалась в целом как проявление «правого уклона», а реабилитация не проводилась. На сессии ставился вопрос о необходимости «за короткий срок закончить работу по пересмотру дел»²⁷, признавалась незавершенность процесса реабилитации, подводились лишь предварительные итоги.

Эта незавершенность объясняется тем, что борьба между различными политическими группировками в КПК еще не окончилась. Прагматическая линия на проведение реабилитации явилась своеобразным средством политической борьбы одной группировки против другой, а действительная цель реабилитации вовсе не заключалась в восстановлении справедливости в политической жизни китайского общества. Именно поэтому реабилитация одних сопровождалась «чисткой» в отношении других кадровых работников, причем оба процесса оказывались тесно связанными друг с другом.

И «чистки», и реабилитации в конечном итоге направлены на приспособление государственного и партийного аппарата к основной стратегической линии и политическим установкам нынешнего китайского руководства. Поэтому и на современном этапе, как и при Мао Цзэдуна, реабилитация отнюдь не всегда связана с восстановлением кадровых работников на руководящих постах. Кроме того, учитывая прагматический характер реабилитации, можно с определенностью сказать, что она распространяется прежде всего на «полезных людей», а не на всех кадровых работников, подвергавшихся в прошлом репрессиям со стороны маоистов.

Реабилитация кадровых работников является частью комплекса мероприятий пекинского руководства по «стабилизации» и «сплочению» китайского общества, необходимых для проведения навязываемого преемниками Мао Цзэдуна курса на создание мощной милитаристской державы, призванной реализовать гегемонистские планы современных великоханьских шовинистов. Однако стратегия милитаризма и гегемонизма противоречит коренным интересам китайского народа, создает реальную угрозу для народов других стран. На основе такой стратегии, которой подчинены все политические мероприятия китайского руководства, не могут быть достигнуты прочное единство и сплоченность китайского общества.

²⁷ «Жэньминь жибао», 5.IX.1980.

Отношения между трудом и капиталом в современной Японии

А. Б. Орфенов

Сущность отношений между трудом и капиталом всегда была и остается предметом ожесточенной идеологической борьбы между исследователями-марксистами и апологетами капитализма. Для марксистов нет сомнений в том, что в основе отношений между капиталистами и наемными рабочими лежит эксплуатация широких трудящихся масс горсткой монополий, характеризующаяся ярко выраженными антагонистическими противоречиями. Буржуазные ученые придерживаются иной точки зрения. Существует целый ряд теорий, отрицающих антагонизм двух основных классов современного капиталистического общества, утверждающих, что у них существуют «общие интересы». В качестве примера «гармонии интересов труда и капитала» зачастую приводятся отношения между капиталистами и рабочими в Японии. Так, в специальном исследовании, осуществленном Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), отмечается, что «японское предприятие является не простым инструментом для получения прибыли, а сообществом людей»¹. При этом на первый план выдвигаются особенности отношений между трудом и капиталом в Японии, которые, по мнению авторов этого исследования, и обеспечивают «классовый мир».

Советские исследователи уделяют большое внимание изучению и оценке отношений между трудом и капиталом в современной Японии². Вместе с тем происшедшие в последние годы в этой области важные изменения не нашли еще достаточного освещения в советской литературе.

Отношения между трудом и капиталом на японской почве до настоящего времени сохраняют ряд важных специфических черт, обусловленных особенностями развития японского капитализма, в частности относительно поздним вступлением страны в эпоху капитализма, что повлекло за собой наложение ряда феодальных институтов на капиталистические отношения.

Первичной ячейкой японского феодального общества была семья-клан — «иэ»; глава семьи обладал полной властью над всеми остальными ее членами. Экономическим базисом «иэ» была неделимость ее имущества, которое по системе майората переходило по наследству к старшему сыну. Младшие члены «иэ» (не говоря уже о ее главе — владельце собственности) были заинтересованы в накоплении имущества семьи, ибо это способствовало процветанию всех ее членов. Брак рассматривался главным образом не как отношение между двумя индивидуумами, а как переход работоспособного члена одной «иэ» в другую. Глава «иэ» выступал в качестве субъекта, определявшего всю ее экономическую жизнь, что на практике означало полное подчинение

¹ The Development of Industrial Relations Systems: Some Implication of Japanese Experience. Paris, 1977, p. 10.

² См., напр.: В. Н. Хлынов. Рабочий класс Японии в условиях научно-технической революции. М., 1978.

ему младших членов семьи. Именно такая система феодального патернализма и была перенесена в сферу трудовых отношений в период генезиса капитализма в Японии, естественно в несколько модифицированной форме, отвечающей интересам капитала.

Ныне в качестве «патрона» выступал предприниматель (на мелком предприятии) или мастер (на крупном предприятии). Поскольку жизнь мелкого предпринимателя мало чем отличалась от жизни его наемного рабочего, последний воспринимал себя как члена семьи хозяина и совладельца его предприятия, так как работал рядом с ним, выполняя такую же или аналогичную работу, жил с ним под одной крышей и даже участвовал в принятии решений, относящихся к деятельности данного предприятия. На работу его принимали только по рекомендации, и он, естественно, стремился оправдать доверие рекомендателя. Благополучие его целиком зависело от процветания хозяина, и, таким образом, складывалась микрогруппа с общими интересами.

На крупном предприятии с его сложной, многоступенчатой структурой управления рабочему не предоставляли даже совещательного голоса в решении не только стратегических, но и тактических вопросов производства. Исключение составляла система «ринги», согласно которой рабочие могли давать практические рекомендации, направленные на улучшение функционирования производственного процесса, а предприниматели отбирали из них выгодное для себя. Поэтому достижение иллюзии заинтересованности рабочего в повышении эффективности работы предприятия и сознания принадлежности его к «семье» предпринимателя (образ жизни которого не имел уже ничего общего с образом жизни рабочего) реализовалось иным способом. Его заставляли осознать, какую большую «честь» оказывает ему хозяин тем, что берет в свою «семью». И действительно, несмотря на более изощренную эксплуатацию, условия труда и размеры заработной платы, предоставляемые рабочему крупным бизнесом, были лучше, чем на мелких и средних предприятиях, и поэтому рабочий все силы прилагал к тому, чтобы остаться на данном предприятии.

Таким образом, японское общество оказалось разделенным не только на горизонтальные слои по классовым признакам, но и на вертикальные псевдосемейные группы. Это дает японским ученым повод для утверждения, что наемным рабочим в их стране свойственно отождествлять свои интересы с интересами предприятия, на котором они работают. Например, видный буржуазный социолог Е. Ито пишет: «Западная Европа и Япония пошли по различным путям индустриализации — первая, исходя из принципа индивидуализма, вторая — из принципа общности. Предприятия в Японии развивались совершенно особым путем как «общность» людей, отличающихся сильным чувством преданности вышестоящему и ощущением своего единства»³.

Японский патернализм, основой своей имеющий традиционные феодальные институты, поддерживается особенностями отношений между трудом и капиталом в этой стране. К ним следует отнести систему пожизненного найма, систему автоматического повышения заработной платы в зависимости от возраста и стажа непрерывной работы в одной компании, а также специфику построения профсоюзов.

Система пожизненного найма (коё сюсин сэйдо) предусматривает исключительно стабильный наем рабочей силы. В идеальном варианте в соответствии с этой системой рабочие и служащие, нанимаемые непосредственно после окончания ими того или иного учебного заведения, работают на предприятиях одной и той же компании в течение всего времени, когда они являются трудоспособными. Этой системой

³ Цит. по: Б. В. Поспелов. Некоторые тенденции современной японской социологии. — Япония, 1974. Ежегодник. М., 1975, с. 207.

охвачено около 90 % японских рабочих, которые именуются «постоянными рабочими». Оставшиеся 10 % составляют так называемые временные, поденные и внештатные рабочие, в отношении которых предприниматели не несут обязательства гарантированного найма. Системой пожизненного найма предусматривается предельный возраст, по достижении которого работник обязан подать в отставку (тэйэн сэйдо). Обычно это 55 лет.

Система автоматического повышения заработной платы в зависимости от возраста и стажа (нэнко тингни сэйдо) распространяется исключительно на постоянных работников. По этой системе при определении размеров заработной платы приоритет отдается не личным способностям, не продуктивности труда, а возрасту и стажу работы на данном предприятии. В результате разрыв в оплате труда молодых и пожилых рабочих исключительно велик: в середине 50-х годов, например, заработная плата рабочих в возрасте до 19 лет была в 7 раз ниже, чем рабочих в возрасте от 50 до 55 лет⁴.

Большинство японских профсоюзов построено по принципу «на каждом предприятии — свой профсоюз» (кигёбэцу кумиай), а не по отраслевому или профессиональному принципам, как в других развитых капиталистических странах. Такими профсоюзами охвачено около 90 % организованных рабочих⁵. Несмотря на то что низовые профсоюзы входят в отраслевые федерации и национальные профцентры, они обладают очень большой автономией при заключении трудовых договоров, разрешении трудовых конфликтов с администрацией.

Системы пожизненного найма и автоматического повышения заработной платы (ввиду их тесной взаимообусловленности в совокупности их можно было бы назвать традиционной японской системой найма и заработной платы) зародились еще в период генезиса капитализма в Японии, широкое же распространение получили с 20-х годов XX столетия. Профсоюзное движение в этой стране начало развиваться лишь после второй мировой войны, а ранее профсоюзы были запрещены. В настоящее время ими охвачено около трети рабочих⁶.

Особенности традиционной японской системы найма и заработной платы способствовали ускорению экономического развития страны в период так называемого «японского экономического чуда» (середина 50-х — начало 70-х годов), когда она превратилась во вторую промышленную державу капиталистического мира, один из центров межимпериалистического соперничества.

Система зависимости заработной платы от возраста и стажа работы в условиях экстенсивной модели воспроизводства населения означала существенную экономию на фонде заработной платы. В период с 1955 по 1970 г. самая низкооплачиваемая часть пролетариата (в возрасте менее 30 лет) составляла от 41,4 до 34,6 %, в то время как наиболее высокооплачиваемая (старше 45 лет) — лишь от 27,4 до 26,8 % всех занятых⁷. Заработная плата этих групп соотносилась приблизительно как 1 : 3, причем если сравнивать наименее и наиболее высокооплачиваемые категории, то как 1 : 7⁸. Подобная экономия на издержках на рабочую силу позволяла японским предпринимателям вкладывать весьма значительные дополнительные средства в основной капитал.

Далее, система пожизненного найма «привязывала» рабочего к данному предприятию. В условиях форсированных темпов роста экономики спрос на рабочую силу хронически превышал ее предложение. Об этом

⁴ См.: «Экономисутэ», 1980, № 9, с. 83.

⁵ In: T. H a n a m i. Japan. Kluwer, Netherlands, 1978, p. 40.

⁶ Ibid.

⁷ См.: Родо токэй ёран. Токно, 1958, с. 18; 1977, с. 23.

⁸ См. там же, с. 82, 97.

свидетельствует, например, динамика коэффициента найма, рассчитанного как отношение числа вакантных мест к числу лиц, активно ищущих работу. Особенно остро ощущалась нехватка обученной рабочей силы, которая в отдельные годы достигала 2 млн. человек⁹. Это способствовало сохранению низкого уровня безработицы — на протяжении всего рассматриваемого периода она не превышала 1 % самодеятельного населения, имея в основном технологический характер.

Поскольку поступающие на работу состояли в основном из вчерашних выпускников школ, предпринимателям необходимо было затрачивать значительные средства на внутрифирменное обучение рабочих специальностям. В этих условиях японским предпринимателям было выгодно иметь на своих предприятиях постоянный контингент хорошо обученной рабочей силы. В неблагоприятные же конъюнктурные периоды они прибегали к увольнению временных, поденных и внештатных работников, по отношению к которым не брали на себя обязательство гарантированного найма. Эти категории рабочих обычно использовались на работах, не требующих высокой квалификации, и на японском резервном рынке труда такой рабочей силы всегда было в избытке. Система автоматического повышения заработной платы также стимулировала «привязанность» рабочего к данному предприятию, так как с течением времени он получал все большую заработную плату.

Что касается профсоюзов, организованных по принципу «на каждом предприятии — свой профсоюз», то большинство их объединены в национальные профцентры: 36,5 % организованных рабочих входят в прогрессивный профцентр Генеральный совет японских профсоюзов (Сохэ), 17,6 % — в правореформистскую Всеяпонскую конфедерацию труда (Домэй), 10,7 % — в Тюрицу рорэн и 0,5 % — в Синсамбэцу, поддерживающий Сохэ (1976 г.)¹⁰. Остальные, так называемые независимые профсоюзы, представляют собой, как правило, объединения, организованные по инициативе предпринимателей с целью насаждения атмосферы «классового сотрудничества», то есть «желтые профсоюзы». Среди профсоюзов, входящих в профцентры прогрессивной ориентации (не говоря уже о Домэй), также нередки настроения «принадлежности» профсоюза данному предприятию, заметны стремления способствовать процветанию компании с целью содействовать «процветанию всех, входящих в компанию». Подобные настроения поддерживаются широко пропагандируемой правящим классом теорией «двойственного характера отношений между трудом и капиталом». Известный японский буржуазный экономист и социолог И. Накаяма писал: «Производство пирога — предмет совпадающих интересов труда и капитала, а его дележ — сфера противоречивых их интересов»¹¹. Все это приводит к массовой классовой борьбе на стадии «дележа пирога» (широко известные «весенние наступления», большой размах забастовочного движения), однако на этапе «производства пирога» лояльность профсоюза по отношению к администрации компании значительна.

В первой половине 70-х годов наметилась тенденция к модификации существеннейшего элемента системы отношений между трудом и капиталом в Японии — традиционной японской системы найма и заработной платы. Те ее привлекательные для капитала стороны, о которых говорилось выше, превратились в свою противоположность. К основным причинам этого следует отнести изменение общеэкономической конъюнктуры, повышение образовательного уровня японских трудящихся, а также общее «старение» японского общества.

⁹ См.: Родо хакусэ, 1970. Токио, 1971, с. 25.

¹⁰ In: Japanese Industrial Relations Series. Ser. 2. Tokyo, 1980, p. 13.

¹¹ И. Накаяма. Роси канкэй-но кэйдзайсикайгаку (Экономическая социология отношений между трудом и капиталом). Токио, 1976, с. 220.

В конце 1973 г. японскую экономику поразил кризис, который впервые с 1955 г. привел к абсолютному падению показателей валового национального продукта и национального дохода. Особенно сильно кризис отозвался на состоянии дел в промышленности: в 1974 г. промышленное производство сократилось на 9,2 % по сравнению с 1973 г., а в 1975 г. — на 3,2 % по сравнению с 1974 г.¹² Это повлекло за собой огромное число банкротств: в 1974 г. — 11 681, в 1975 — 12 606, в 1976 г. — 15 641¹³. Банкротства в свою очередь привели к пополнению рынка резервной рабочей силы. Общее число полностью безработных лишь по официальным данным составило 730 тыс. человек в 1974 г. и 1 млн. человек в 1975 г. (по данным профсоюзов, число безработных было гораздо больше, так как официальная статистика не учитывает тех, кто работает хотя бы 1 час в неделю)¹⁴. Кроме того, большинство предприятий прибегло к увольнению временных, поденных и внештатных рабочих в невиданных ранее масштабах, а около 10 % из них — даже и постоянных рабочих.

Известны случаи, когда компания предпочитала увольнять постоянных рабочих, оставляя временных¹⁵. Последнее объясняется тем, что в условиях неблагоприятной конъюнктуры предприниматели экономят на издержках на рабочую силу, а заработная плата временных рабочих составляет в среднем около 60 % заработной платы постоянных рабочих. Хотя большинство компаний и не прибегло к крайней мере — увольнению постоянных рабочих, многие из них были переведены на работу с сокращенной рабочей неделей и соответствующим снижением заработной платы, другим были навязаны принудительные неоплаченные отпуска на несколько месяцев. Все это повлекло за собой резкое изменение на рынке резервной армии труда. Если ранее расширение производства всегда сопровождалось лихорадочными поисками дополнительной рабочей силы, то теперь это уже не составляло никакой сложности. Кроме того, большинство японских безработных обладают определенной производственной квалификацией, что делает ненужным длительное обучение. В 1977 г. доля безработных в возрасте свыше 30 лет (то есть уже обладающих определенными производственными навыками) в общей массе безработных составила 59,1 %¹⁶.

Даже по признанию японских буржуазных экономистов, период «бескризисного» развития японской экономики (строго говоря, кризисы наблюдались и в годы «японского экономического чуда», хотя они и не приводили к падению абсолютных показателей ВВП и национального дохода) кончился, и теперь предприятия должны быть в большей степени приспособлены к изменениям экономической конъюнктуры, иметь возможность расширять или свертывать производство. Поэтому пожизненный наем, в соответствии с которым предприниматели обязаны давать рабочему работу независимо от конъюнктуры, рассматривается ими как система, «оказывающая негативное воздействие на развитие японской экономики»¹⁷. В действительности же японская система найма в новых условиях препятствует не столько развитию экономики, сколько получению максимальной прибыли классом капиталистов.

Другой причиной, оказывающей существенное воздействие на модификацию традиционной системы найма и заработной платы, является резкое повышение образовательного уровня японцев. Получение образования, особенно высшего, рассматривается ими обычно как «приобщение к элите». Даже прямые наследники владельцев капитала не

¹² Рассчитано по: Кэйдзай ёран, 1977. Токио, 1977, с. 141.

¹³ In: Japan Economic Yearbook, 1977/1978. Tokyo, 1977, p. 171.

¹⁴ См.: Родо токэй ёран. Токио, 1977, с. 10.

¹⁵ In: "Japan Quarterly" (Tokyo), 1980, vol. 27, № 1, p. 31.

¹⁶ Рассчитано по: Japanese Industrial Relations Series. Ser. 1. Tokyo, 1980, p. 11.

¹⁷ «Нихон кэйдзай кэнкю сэнта кайхо», 1979, № 355, с. 22.

могут рассчитывать на получение достаточно высоких управленческих постов, не имея университетского диплома¹⁸. Именно этим объясняется большая тяга японцев не столько к знаниям, сколько к получению свидетельства об образовании. Японская школа включает три ступени: 6-летнюю начальную школу, 3-летнюю неполную среднюю и 3-летнюю полную среднюю. Университетский курс обычно продолжается 4 года. Если в 1960 г. лишь 77,4 % окончивших начальную школу продолжили образование в неполной средней, 84,8 % выпускников неполной средней школы — в полной средней и 15,9 % выпускников полной средней школы поступило в университет¹⁹, то к настоящему времени положение радикально изменилось. Практически все японцы заканчивают сейчас не только начальную, но и неполную среднюю школу. В 1976 г. в полную среднюю школу поступило 92,6 % выпускников школ низшей ступени, а в университеты — 38,6 % окончивших полную среднюю школу²⁰. По оценкам министерства труда, в 1985 г. все японцы будут кончать 12-летнюю школу, а среди них доля поступающих в университеты достигнет 50 %²¹. Это приводит к более позднему включению в сферу общественного производства молодежи и снижению доли наиболее низкооплачиваемых рабочих — в возрасте от 15 до 19 лет. В условиях традиционной системы заработной платы это способствует росту издержек на рабочую силу.

В этом же направлении воздействует и изменение демографической ситуации в Японии. Население страны быстро «стареет». Если в 1965 г. доля лиц в возрасте от 15 до 30 лет составляла 35,9 % самодеятельного населения, а старше 40 лет — 39,6 %, то в 1978 г. эти показатели составили соответственно 26,4 и 48,5 %²². По прогнозам, процесс увеличения доли пожилых людей в самодеятельном населении будет продолжаться до 2025 г.

В изменившихся условиях традиционная японская система найма и заработной платы приводит, с одной стороны, не к сокращению, а к росту издержек на рабочую силу, а с другой, гарантируя трудящимся стабильный наем, не позволяет компаниям быстро реагировать на изменения экономической конъюнктуры, соответственно расширяя или сворачивая производство. Поэтому в японской буржуазной литературе ведется оживленная дискуссия о направлениях модернизации традиционных систем, так как очевидно, что в своем чистом виде они не выживут. Профсоюзы выступают против изменения существующей системы найма и заработной платы, справедливо полагая, что она означает решение экономических трудностей за счет рабочего класса. Отказ от системы автоматического повышения заработной платы неизбежно повлечет за собой сокращение ее массы, а ликвидация системы пожизненного найма приведет к росту числа безработных. Однако пока идет дискуссия о том, как примирить интересы капитала и требования рабочего класса, предприниматели пытаются нейтрализовать действие ставших невыгодными для них особенностей отношений между трудом и капиталом. Модернизация их идет по следующим основным направлениям.

Во-первых, уменьшается доля предприятий, применяющих традиционную систему оплаты рабочей силы. Если в 1970 г. 17,8 % всех предприятий с числом занятых не менее 30 человек за основу размера заработной платы брали возраст и стаж, а 27,9 % — уровень выработки, то в 1977 г. эти показатели составляли соответственно 11,5 и 43,6 %.

¹⁸ См.: «Тоё кэйдзай», 1977, № 4012, с. 57.

¹⁹ Рассчитано по: Нихон токэй нэнкан. Токио, 1961, с. 457; 1964, с. 461; 1965, с. 517.

²⁰ См.: «Экономисутто», 1977, № 38, с. 10.

²¹ См. там же, с. 11.

²² Рассчитано по: Родо токэй ёран. Токио, 1970, с. 36; 1979, с. 21.

Доля предприятий, применяющих комбинированные системы оплаты, за тот же период сократилась с 52,7 до 45,9 %²³.

Во-вторых, происходит увеличение удельного веса аналитической части заработной платы рабочих и соответствующее сокращение традиционной части. Годовая заработная плата складывается из месячных заработных плат и бонусов — летнего и зимнего. Месячная заработная плата делится на нормативную часть и плату за сверхурочные работы. Нормативная часть в свою очередь подразделяется на основную и дополнительную части заработной платы. Основная заработная плата состоит из трех компонентов: 1) «персональной оплаты» (дзокудзинкю), устанавливаемой в зависимости от возраста работника; 2) «синтезированной оплаты» (согокэтэйкю), определяемой в зависимости от непрерывного производственного стажа и образовательного уровня; 3) «служебной оплаты» (секумуку) или «оплаты за работу» (сиготокю), рассчитываемой на основе аналитической оценки работ. Доля традиционной части — «персональной оплаты» и «синтезированной оплаты» — в период с 1967 по 1977 г. сократилась с 67,5 до 47,3 % месячной заработной платы, в то время как доля современной части — «служебной оплаты» — выросла с 9,5 до 29,4 %²⁴.

Далее, непрерывное повышение заработной платы продолжается теперь не до предельного возраста пребывания на службе, как это предусматривает традиционная система, а до более низкого возраста. Нанвысшую заработную плату в настоящее время получают рабочие в возрасте от 45 до 49 лет, а не от 50 до 55 лет, как это было ранее.

Все это привело к тому, что резкий разрыв в заработной плате рабочих разных возрастных групп сократился. Если в 1960 г. заработная плата рабочих в возрасте до 17 лет была в 6,5 раза меньше, чем у рабочих в возрасте от 40 до 49 лет, то в 1977 г. этот показатель составил лишь 2,7. В настоящее время заработная плата японских рабочих быстро растет до 40 лет, от 40 до 50 лет растет незначительными темпами, от 50 до 55 лет несколько снижается и начиная с 55 лет резко снижается.

Наконец, предприниматели осуществляют политику «раннего ухода с работы с выходным пособием». По достижении предельного срока службы японским рабочим выплачивается выходное пособие, размер которого определяется по принципу «за каждый год работы — месячный оклад». Таким образом, составляет сумму, равная приблизительно трехлетнему заработку рабочих в возрасте 55 лет. Система выходных пособий получила широкое распространение главным образом ввиду крайне неразвитой пенсионной системы. По новой практике рабочие могут уйти с работы и получить при этом выходное пособие (правда, не в полном размере) до достижения 55 лет, в ряде случаев в 45 лет. Часть рабочих поддается на эту уловку, не думая о том, где они будут работать завтра, и компании удается избавиться от «избыточной» высокооплачиваемой рабочей силы.

Таковы основные методы, с помощью которых японские предприниматели стремятся предотвратить негативные для них последствия применения традиционной системы найма в новых условиях. Характерно, что в целом это им удается и приносит большую экономическую выгоду. Подобная «рационализация» системы найма и заработной платы означает наступление монополистического капитала на права рабочего класса, решение экономических трудностей нового периода за счет широких масс трудящихся. Однако следует помнить о том, что именно системы пожизненного найма и автоматического повышения заработной платы являются основой японского патернализма. Поэтому

²³ См.: Родо токэй ёран. Токио, 1972, 1979.

²⁴ Рассчитано по: Родо токэй ёран. Токио, 1969, с. 146; 1979, с. 152.

предприниматели не полностью отказываются от принципов традиционных систем, а лишь смягчают их воздействие. Но уже и в нынешнем своем облике системы найма и заработной платы не выполняют в полном объеме своей функции инструмента насаждения «гармонии интересов труда и капитала». Этим и объясняется тот исключительный интерес, который проявляют правительственные учреждения, предпринимательские организации и отдельные буржуазные исследователи к определению основных направлений и тенденций дальнейшей модернизации отношений между трудом и капиталом в Японии.

Прежде всего нарекания с их стороны вызывает система пожизненного найма. Дело в том, что ранее наем действительно мог считаться пожизненным: в 1933 г. предельный возраст службы в среднем составлял 52,03 года, в то время как средняя продолжительность жизни мужчин была лишь 46,92 года. В 1978 г. эти показатели составляли соответственно 58,05 и 72,4 года. Пенсионная система в Японии развита крайне недостаточно: общегосударственной системы нет вообще, существуют лишь пенсионные фонды компаний. Размеры пенсий, как правило, не покрывают даже прожиточного минимума, что вынуждает рабочих искать после выхода на пенсию новое место работы. Весьма распространен так называемый «вторичный наем», согласно которому рабочий по достижении предельного возраста службы остается работать на том же предприятии, зачастую на прежнем рабочем месте, но уже в качестве временного рабочего. Это означает резкое снижение заработной платы, а также ликвидацию гарантированного найма.

Ввиду отмеченного выше быстрого «старения» рабочей силы достаточно большая группа постоянных рабочих (согласно оценке, в 1980 г. рабочие в возрасте от 50 до 55 лет составляли около четверти всей рабочей силы) в скором времени должна перейти в группу временных рабочих, что отрицательным образом сказывается на традиционной «лояльности» пожилых рабочих к предприятию. Значительная их часть пополнит ряды безработных — в 1977 г. мужчины в возрасте более 55 лет составили около четверти японских безработных мужчин, причем их доля неуклонно возрастает. Поэтому Ассоциация японских предпринимателей (Никкэйрэн) предлагает продлить предельный возраст службы до 60 лет. Однако при этом эксперты Никкэйрэн настаивают на частичном отказе от традиционного метода оплаты труда. Согласно их рекомендациям, приоритет возраста и стажа при определении размера заработной платы следует сохранить лишь до 45-летнего возраста, а по достижении его этот уровень должен быть заморожен либо оплату надо осуществлять на основе аналитической оценки работы. За счет определенной стабилизации найма предприниматели намерены снизить издержки на рабочую силу и одновременно поддержать разваливающийся патернализм.

Изыскиваются также принципиально новые, ранее не характерные для Японии методы установления атмосферы «сотрудничества труда и капитала». Особое внимание в последние годы японская буржуазия уделяет так называемому «участию трудящихся в управлении производством» (кэйэй санка). Практически все ведущие предпринимательские и исследовательские организации Японии — упоминавшаяся выше Ассоциация японских предпринимателей, Совет единомышленников по вопросам экономической политики (Кэйдзай доюкай), Японский центр производительности (Нихон сэйсансэй хомбу), Национальный совет по социально-экономическим вопросам (Сякай кэйдзай кокумин кайги) и др. — опубликовали доклады, посвященные «участию в управлении».

В этих докладах проводится мысль о том, что нынешняя степень развития «участия» в Японии — преимущественно система совместных консультаций труда и капитала (роси кёгисэй) — недостаточна для создания атмосферы «сотрудничества» на предприятиях, поэтому «уча-

стие» следует всемерно развивать. Конкретные предложения достаточно сильно варьируются: от расширения и придания новых функций системе совместных консультаций до внедрения систем рабочих директоров и контролеров, от «участия» на рабочем месте до участия в органах, планирующих экономическую политику на уровне отрасли и даже национальной экономики. Участие представителей рабочих в совете директоров компании существует всего на 1,5 % предприятий, причем почти всегда там, где профсоюз, созданный по инициативе администрации, поддерживает все ее начинания. Система рабочих контролеров вообще не получила развития из-за определенных законодательных ограничений. «Участие» на уровне отрасли и национальной экономики еще более иллюзорно. В консультативных советах, существующих в отраслях и при министерствах, на одного представителя профсоюза приходится более десяти лиц, отражающих интересы монополистического капитала. Характерно, что, несмотря на многочисленность «рецептов участия», предприниматели не спешат внедрять их в свою практику. Капиталистическую теорию и практику «участия», при всем многообразии их форм, роднят два момента, а именно: стремление, с одной стороны, создать иллюзию «участия» в решении тех вопросов, которые касаются положения рабочих, и с другой — практиковать реальное участие там, где это приводит к росту производительности труда и увеличению массы прибыли. Вместе с тем буржуазные ученые предостерегают от излишнего увлечения «участием», так как, по их мнению, «участие в управлении, превышая рамки, планируемые предпринимателями... может приобрести революционный характер»²⁵.

Таким образом, на рубеже 70—80-х годов отношения между трудом и капиталом в Японии находятся уже не на пороге, а в процессе интенсивной модернизации. Японские предприниматели, вынужденные отказываться от ставших экономически неэффективными систем найма и заработной платы, тем не менее стремятся сохранить поддерживавшийся ими в целом достаточно «мирный» характер отношений между трудом и капиталом. До настоящего времени они характеризуются высоким накалом экономических форм борьбы пролетариата и относительным отставанием общеполитических требований, что приемлемо для господствующего класса. Буржуазия лихорадочно ищет новые средства смягчения и камуфлирования антагонизма в отношениях между основными классами современного капиталистического общества. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Вместе с тем нельзя отрицать возможность усиления степени конфликтности отношений между трудом и капиталом, и реализация этой возможности зависит от того, какую позицию займут японский рабочий класс, его политические партии, профсоюзы и другие организации: пойдут ли они по пути достижения «совместного процветания нации» или же будут последовательно отстаивать свои интересы с позиций классовой борьбы.

²⁵ Кэйэй санка-но ронри то тэмбо (Концепция и тенденции участия в управлении). Токно, 1979, с. 117.

Научно-техническое сотрудничество Китая с капиталистическими странами

*Л. В. Филатов,
кандидат экономических наук*

Навязанный китайскому народу в конце 50-х годов Мао Цзэдуном и его окружением «особый курс», сопровождавшийся экономическими и политическими авантюрами «большого скачка» и «культурной революции», а также самонизолирующей Китая от стран социалистического содружества, вызвал почти двадцатилетний застой китайской науки и техники и нанес огромный ущерб всем звеньям научно-технического потенциала КНР.

После смерти Мао Цзэдуна и отстранения от государственного и партийного руководства «группы четырех» китайская администрация стала уделять большое внимание участию в международном научно-техническом сотрудничестве, с преимущественной ориентацией на западные страны, рассматривая этот вид межгосударственных отношений как важный стимулятор экономического и научно-технического прогресса. В обнародованном в начале 1978 г. курсе «четырех модернизаций» и проекте восьмилетнего плана развития науки и техники (1978—1985) международному научно-техническому обмену отводилось особое место как одному из основных источников заимствования новейших достижений мировой науки и техники и подготовки за границей высококвалифицированных кадров.

Результатом активизации действий КНР на мировой арене явилось установление различных форм сотрудничества в области науки и техники примерно с 70 государствами (в том числе и социалистическими, за исключением СССР, Кубы, Монголии, Вьетнама, Лаоса, Кампучии и Албании). За период 1978—1979 гг. КНР заключила межправительственные и межведомственные соглашения о научно-техническом сотрудничестве и соглашения об обмене учеными и студентами практически со всеми промышленно развитыми капиталистическими странами.

В настоящее время КНР имеет около 30 межправительственных и более 40 межведомственных соглашений о научно-техническом обмене с зарубежными странами. Кроме того, в 30 странах, с которыми еще не подписаны соглашения, китайские ученые установили контакты с учреждениями и организациями по отдельным научным проблемам. Из 80 научно-технических обществ КНР 21 — члены международных научных ассоциаций, которые поддерживают связи со 100 иностранными научными обществами. В международном обмене со странами Западной Европы, США и Японии принимает деятельное участие также ряд научных обществ местного провинциального подчинения¹.

Только с США Китай подписал около 20 различных межправительственных и межведомственных соглашений, протоколов и контрактов. К важнейшим из них следует отнести соглашение об обмене студентами и исследователями, заключенное в октябре 1978 г., и соглашение о сотрудничестве в области науки и техники от 31 января 1979 г. На ос-

¹ См.: «Гуанмин жибао», 28.11.1980.

новании соглашения от 31 января 1979 г. между обеими странами было подписано в 1979—1980 гг. свыше 10 соглашений и протоколов по отдельным видам и направлениям научно-технического обмена в таких областях, как ядерная энергетика, космическая техника, спутниковая связь, охрана окружающей среды, геология, машиностроение, метеорология, океанология и рыболовство, метрология и стандартизация, здравоохранение, техническая информация и др.

Сотрудничество Китая с Францией регламентируется соглашением о научно-техническом сотрудничестве от 21 января 1978 г. и рядом соглашений в области науки и техники, включая ядерные и космические исследования, подписанных в октябре 1978 г., а также соглашением о сотрудничестве в области информации и электроники от 6 декабря 1978 г. Между обеими странами заключено также свыше 10 соглашений и контрактов на закупку современной промышленной технологии, в том числе для сталелитейного комбината, гидроэлектростанции, теплоэлектроцентрали и др.

Большое развитие получили научно-технические связи Китая с Японией, хотя официально межправительственное соглашение о сотрудничестве в этой области было подписано между обеими странами лишь в мае 1980 г. В течение ряда лет обе страны обмениваются учеными, студентами и специалистами. Китай приобретает японскую технологию по электронике, металлургии, энергетике, а также по химии и некоторым другим отраслям промышленного производства.

Аналогичного вида научно-техническое сотрудничество Китай осуществляет с Англией, ФРГ и прочими промышленно развитыми капиталистическими странами.

Наряду с этим КНР в апреле 1978 г. подписала с Европейским Экономическим Сообществом торговое соглашение и в марте 1979 г. — соглашение об экономическом сотрудничестве на сумму 7 млрд. ф. ст., предусматривающие поставки в Китай технологии и оборудования и осуществление энергетических проектов.

С рядом социалистических стран Европы Китай подписал соглашения, протоколы и обменялся письмами о научно-техническом сотрудничестве на эквивалентной и безвозмездной основе, в которых предусматривается взаимный обмен учеными и специалистами, а также материалами и информацией по проблемам энергетики, электроники, металлургии, машиностроению и добыче полезных ископаемых.

Несмотря на значительное расширение сферы научно-технических отношений с внешним миром и подписание многочисленных соглашений и контрактов, фактические объемы реализации взаимных обязательств в ходе сотрудничества КНР с зарубежными странами были существенно урезаны. В 1979 г. стала совершенно очевидной невыполнимость курса «четырёх модернизаций» и проекта восьмилетнего плана развития науки и техники, в том числе и планов сотрудничества с промышленно развитыми капиталистическими странами. Из-за нехватки материальных ресурсов и валютных резервов китайское руководство на 2-й сессии ВСНП пятого созыва в июне 1979 г. объявило о введении трехлетнего периода «урегулирования» и призвало к строжайшей экономии средств, а на 3-й сессии ВСНП, завершившейся 10 сентября 1980 г., указало на необходимость внесения дополнительных корректив в научные планы и планы научно-технического обмена с зарубежными странами.

Как было отмечено в докладе Хуа Гофэна на 3-й сессии ВСНП, многие намеченные показатели десятилетнего плана развития народного хозяйства (1976—1985), который включал в себя основные положения курса «четырёх модернизаций» и восьмилетнего плана развития науки и техники, были завышены и не сбалансированы, и «по истечении че-

тырех с лишним лет этот план уже утратил свое значение, как его ни пересматривай»².

Принятый на 3-й сессии народнохозяйственный план на 1981 г. предусматривает снижение темпов экономического развития по сравнению с первоначальными наметками десятилетнего плана и дальнейшие ограничения закупок иностранной техники и технологии³.

Расчеты Пекина на получение от западных стран щедрой экономической и научно-технической помощи на льготных для него условиях оказались несостоятельными, а осуществление сотрудничества с Западом на коммерческих условиях явно для него не по средствам. По заключению западных экспертов, общая стоимость необходимых Китаю технологии и подготовки 10 тыс. студентов должна была составить соответственно 40—43 млрд. и 400 млн. долл.⁴, в то время как весь объем документации и технологии, полученный Китаем от Советского Союза в 50-х — начале 60-х годов, обошелся ему всего примерно в 10,2 млн., а обучение 11 тыс. китайских студентов и аспирантов в советских вузах — в 12,2 млн. долл.⁵

Уже в процессе выполнения десятилетнего плана многие проекты сотрудничества с развитыми капиталистическими странами, которые включали такие элементы научно-технического обмена, как привлечение иностранных специалистов, подготовка китайского инженерно-технического персонала за границей, использование зарубежных лицензий и «ноу-хау», а также обмен учеными и студентами, подверглись существенным изменениям. В частности, вместо первоначально намечавшегося командирования за границу 20 тыс. ученых и студентов Китай смог направить в 1978 г. в 28 стран всего 480 научных работников. На начало 1980 г. за границу выехало всего лишь около 5300 китайских граждан, в том числе в 41 страну 2700 студентов, и принято 4200 иностранных специалистов, а также 1300 студентов из 77 стран⁶.

В декабре 1980 г. на расширенном рабочем заседании ЦК КПК, а также на заседании Постоянного комитета ВСНП, состоявшемся 25 февраля 1981 г., подверглись резкой критике многие аспекты внешнеэкономической политики правительства и была признана необходимость ограничения импорта иностранной техники и технологии, а также введения строгого режима экономии валютных ресурсов.

Ввиду неоправдавшихся надежд на западную помощь и острой нехватки финансовых средств китайскому руководству пришлось призвать к более полному и рациональному использованию собственной промышленной и научно-технической базы, которая была создана СССР и другими социалистическими странами еще в 50-х годах и до сих пор сохраняет для Китая первостепенное значение⁷.

В последнее время в КНР в связи с установлением строгой экономии средств все заметнее стал проявляться новый подход к оценке реальных возможностей и фактического состояния китайской экономики. В китайской печати все чаще стали появляться материалы, в которых прямо или косвенно признается решающее значение помощи Советского Союза для создания ныне действующего комплекса промышленных предприятий, научно-исследовательских учреждений и вузов⁸.

Иностранные ученые и специалисты, недавно посетившие Китай, также заключают, что промышленный и научно-технический потенциал,

² «Жэньминь жибао», 15.IX.1980.

³ См. там же, 13 и 30.IX.1980.

⁴ In: "New York Times", 27.XI.1978; "US News and World Report", 1979, vol. 86, № 1, p. 15.

⁵ См.: Л. В. Филатов. Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю (1949—1966). М., 1980, с. 111, 116.

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 24.XII.1979; «Гуанмин жибао», 28.II.1980.

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 15.IX.1980.

⁸ См.: «Бэйцзин дасюэ сюэбао», 1979, № 1, с. 6; «Хунци», 1979, № 10, с. 44.

созданный в 50-х годах с участием Советского Союза, по-прежнему сохраняет свое значение. Многие из них считают, что к началу осуществления в стране курса «четырёх модернизаций» уровень китайской науки и техники, за исключением военных областей, мало в чем изменился за время, прошедшее с момента прекращения советско-китайского сотрудничества⁹.

Как известно, это сотрудничество, осуществлявшееся в 50-х — начале 60-х годов, строилось на ленинских принципах интернационализма и было, в сущности, беспрецедентной по масштабам бескорыстной помощью советских людей китайскому народу. Советская помощь, имевшая всеобъемлющий характер, распространялась практически на все области экономики, науки и техники и сыграла решающую роль в формировании почти всех звеньев экономического и научно-технического потенциала Китая, включая сооружение 300 с лишним крупнейших промышленных объектов, свыше 100 научно-исследовательских институтов и около 200 высших и специальных учебных заведений. Общая стоимость всего объема советской научно-технической помощи Китаю, по минимальным расценкам мирового рынка того периода, могла бы составить свыше 10 млрд. долл.¹⁰

Следует подчеркнуть, что, несмотря на ограниченную платежеспособность Китая, сокращение объемов сотрудничества с промышленно развитыми капиталистическими странами почти не коснулось военных областей. Китай по-прежнему сохраняет контакты с такими крупными исследовательскими центрами этих стран, как Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства США, Национальный центр по космическим исследованиям Франции, Комиссариат по атомной энергии Франции (КАЭ), с центрами ядерных исследований США, Японии, ФРГ, Италии и др. Наряду с этим КНР сотрудничает с западными странами в этих областях через посредство международных организаций: Международный консорциум спутниковой связи (ИНТЕЛСАТ), Европейскую промышленную ассоциацию по исследованию космического пространства (ЕВРОКОСМОС), Европейскую организацию по ядерным исследованиям (ЦЕРН), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и др.

Для отраслей народного хозяйства, имеющих военно-прикладное назначение, Китай, идя на огромные затраты, стремится использовать новейшие достижения мировой науки, привлекать к научным исследованиям и опытно-конструкторским работам высококвалифицированных иностранных специалистов и приобретать наиболее совершенную зарубежную технологию, разработка которой в условиях КНР не всегда возможна либо сопряжена со значительными потерями времени. 100 западногерманских ученых и конструкторов были приглашены в 1978 г. для работы в Атомный центр (Ланьчжоу), с помощью японских специалистов в Китае сооружались ЭВМ серии «М». КНР имеет соглашение с ФРГ и Францией о совместном использовании спутника связи «Симфония» франко-западногерманского производства. Китай имеет договоренность об использовании американского челночного корабля «Шаттл» и европейской ракеты «Ариан» для совместных космических исследований, а также о закупке американских спутников и систем спутниковой связи. Подписаны соглашения с США и ФРГ о передаче Китаю технологии для производства самолетов, вертолетов и авиационной техники военно-гражданского назначения. В сентябре 1980 г. американская администрация одобрила 400 лицензий на экспорт в КНР военной техники, электронного оборудования и технологических процессов, а в июне 1981 г. объявила о согласии поста-

⁹ In: "Science", 1979, № 4380, p. 515.

¹⁰ См.: Л. В. Флатов. Указ. соч., с. 120.

вить Китаю наступательное оружие. Кроме того, США окажут содействие в сооружении ускорителя мощностью 50 млрд. эВ для осуществления научных исследований в области физики высоких энергий. В ноябре 1980 г. страны НАТО приняли решение о снятии ограничений на поставки в Китай вооружения и боевой техники, включая бомбардировщики, истребители, противолодочные самолеты и пр.

В Пекине в 1979 г. был создан при министерстве обороны КНР Институт международных стратегических исследований, предназначенный для изучения глобальных стратегических проблем и сотрудничества с западными странами в военных областях. «Тот факт, что Китай создал новый военный научно-исследовательский институт для проведения совместных консультаций и исследований со специалистами из Японии и США, — писала газета японских коммунистов «Акахата», — является еще одним шагом на пути к более тесному военному сотрудничеству с обеими этими странами»¹¹. Наглядным примером такого «сотрудничества» может служить совместная экспедиция 70 американских, английских, пакистанских и китайских специалистов под условным названием «Каракорум-80», предпринятая в сентябре 1980 г. с целью изыскания в горных районах стационарных площадок для монтажа радарных установок и компьютеров, которые будут собирать разведывательные данные с территории Советского Союза, Афганистана и Индии¹². По сообщению американского журнала «Каверт экшн», Агентство национальной безопасности США командировало в 1980 г. группу сотрудников для обучения китайцев обращению с аппаратурой электронного шпионажа. В этом году на территории Китая уже созданы для совместного использования два центра с применением американского оборудования подобного рода¹³.

В последние два года в свете решений 2-й и 3-й сессий ВСНП в Китае разрабатываются мероприятия по «упорядочению» в сфере науки и техники, а также по развитию международного научно-технического обмена, при этом имеется в виду сосредоточить усилия на тех направлениях, которые при минимальных затратах могут дать наибольший экономический эффект. К разряду приоритетных отраслей отнесены сельское хозяйство, легкая, текстильная и горнодобывающая промышленность, энергетика и транспорт.

С учетом этих соображений Китай заключил с крупными капиталистическими странами ряд соглашений об оказании в этих отраслях научного и технического содействия. Китай имеет соглашения с 16 нефтяными корпорациями США, Англии, Франции, Дании и Японии о проведении изыскательских работ вдоль китайского континентального шельфа, соглашения с американскими, английскими и фирмами, а также с фирмами ФРГ о предоставлении т звод-ства горно-шахтного оборудования и технологи тки. Китай осуществляет научно-техническое сотрудни чад-ных стран в разработке месторождений цветных тии гидрознергетики. С помощью японских специали сят-ся работы по возведению портовых сооружеи оз-нодоржных линий.

В целях заимствования зарубежного о венных и научных кадров китайские власт ем своих граждан за границу и приглашени телей для работы в китайских учебных заведе тории самого Китая с помощью некоторых западных с.р. .. про-фессионально-технические училища. Таковы, например, институт фран-

¹¹ «Акахата», 2.XII.1979.

¹² Ип: "Statesman", 2.IX.1980; "Pakistan Times", 14.IX.1980.

¹³ См.: «Известия», 2.XI.1980; «US News and World Report», 1981, № 6.

цузской технологии в Шанхае и Центр профессионального обучения в Пекине, создание которого при участии специалистов ФРГ намечено к весне 1982 г.

Проводя политику технического перевооружения народного хозяйства и стремясь в то же время к максимальной экономии средств, китайская администрация не проявляет большой заинтересованности в приобретении за границей самых совершенных технологических новинок для гражданских отраслей промышленности. Внешнеторговым организациям КНР предписано производить закупки иностранного оборудования и технологии с таким расчетом, чтобы импортная техника не была дорогостоящей и не подменяла рабочую силу, имеющуюся в Китае в огромном избытке. Подчеркивая нежелательность «излишней» механизации труда, китайские руководители указывают на необходимость соблюдения выборочного подхода к ввозу зарубежных машин и оборудования, отдавая предпочтение лицензиям и патентам, с тем чтобы наладить на их базе собственное производство и содействовать таким образом увеличению занятости населения КНР¹⁴.

Наряду с этим в рамках экономического и технического сотрудничества с зарубежными странами Китай командировывает за границу строительные отряды, используя тем самым дешевую рабочую силу для получения иностранной валюты. В 60—70-х годах несколько десятков тысяч китайцев сооружали железную дорогу и шоссе в Замбии, Танзании, Непале и других странах Юго-Восточной Азии. В 1979 г. КНР предложила японским корпорациям направить строительные отряды общей численностью 20 тыс. человек, а итальянским — 400 тыс. человек. В августе 1979 г. было достигнуто соответствующее соглашение с Италией¹⁵. В настоящее время китайские рабочие трудятся на Мальте и в Мавритании на строительстве морских причалов и портовых объектов. Государственная строительная организация КНР ведет переговоры по найму китайской рабочей силы с фирмами Японии, Австралии и США и некоторыми другими странами. Японская фирма «Компьютер сервис корпорейшн», занимающаяся производством компьютеров, уже выразила принципиальное согласие ежегодно нанимать около 100 китайцев, окончивших технические вузы, для работы на своих предприятиях в течение 3—5 лет.

Кроме обычных видов сотрудничества, Китай, учитывая свою ограниченную платежеспособность, стремится максимально использовать статус членства в ряде международных организаций, входящих в состав ООН, для получения западной технологии в порядке помощи либо на льготных условиях. В рамках Программы развития ООН осуществляется помощь КНР по 11 проектам, включающим разработку компьютерной технологии и подготовку технических кадров, на общую сумму 15 млн. долл. По 16 проектам ЮНИДО (Организация ООН по промышленному развитию) 10—15 западных экспертов и консультантов направляются в Китай для чтения лекций и оказания технических услуг и 30—40 китайских специалистов будут приняты в США, Японии, Англии, ФРГ и других европейских странах для прохождения на предприятиях производственно-технического обучения. ФАО (Продовольственная сельскохозяйственная организация ООН) организует в провинции Ляонин экспериментальную базу для распространения современных методов ведения сельского хозяйства и животноводства. ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) создает исследовательские и учебные центры с целью модернизации медицинского обслуживания. Фонд ООН «для деятельности в области народонаселения» в течение 4 лет израсходует 50 млн. долл. на помощь китайской программе контроля

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 3.X.1980.

¹⁵ См.: «Известия», 9.VIII.1979; «Правда» 24.VIII.1979.

над деторождаемостью и поставит в Китай с декабря 1980 г. 21 комплект ЭВМ для проведения первой переписи населения¹⁶.

В 1980 г. Китай вступил в две финансово-кредитные организации ООН — Международный банк реконструкции и развития и Международный валютный фонд — с целью получения на льготных условиях займов и кредитов под свою программу модернизации науки и техники.

Учитывая хронический дефицит валютных средств, Китай изыскивает новые дополнительные каналы для получения западной технологии и «ноу-хау», не требующих значительных финансовых затрат. Китайские внешнеторговые организации производят закупку образцов иностранной техники для последующего копирования на предприятиях КНР. Этой же цели служат проводимые в Китае промышленные выставки зарубежных стран, на которых китайские представители собирают необходимую научную информацию и техническую документацию для своих заводов и фабрик. Японские предприниматели отметили ряд случаев, когда Китай в обход существующего международного законодательства вывозил на экспорт оборудование, выпускаемое на основе иностранных образцов, с клеймом «Сделано в КНР»¹⁷.

Во многих случаях Китай, злоупотребляя доверием своих зарубежных партнеров, использует внешнеэкономические и научно-технические контакты для сбора сведений по новейшей промышленной технологии и отдельным аспектам науки и техники. По оценке западных специалистов, в последние два года Китай смог получить от ряда западных фирм практически безвозмездно под будущие сделки весьма ценные технические материалы и научную информацию на многие миллионы долларов и добиться широкого доступа к секретам производства в различных сферах промышленности Запада, включая военные области¹⁸. Именно этим обстоятельством западные наблюдатели объясняют аннулирование китайской стороной первоначальных заказов на некоторые виды машин и оборудования, в приобретении которых Китай ранее проявлял повышенную заинтересованность. Как считают, в частности, американские специалисты, отказ КНР от иностранного содействия в строительстве атомных электростанций и решение китайского руководства о сооружении аналогичных объектов собственными силами вызваны тем, что китайцы заимствовали американскую технологию, используя собранную в США информацию. По их заключению, китайская делегация, находившаяся в 1979 г. в США, воспользовалась царившей в то время паникой и суматохой, вызванной аварией на атомной электростанции в Харрисберге, для сбора ценных материалов по различным вопросам атомной энергетики и в дальнейшем применила их при осуществлении собственных научных исследований и разработок¹⁹.

В этой связи, вероятно, не случайно американская делегация Института авиации и астронавтики, посетившая КНР, была «поражена современным уровнем разработок в отдельных областях технологии», отмечая при этом, что некоторые виды электронной аппаратуры на полупроводниках, «по-видимому, не отстают» от уровня США. Примечательны также многочисленные комментарии западной прессы о том, что китайская ракета-носитель «Великий поход — 3», работы над созданием которой находятся на завершающей стадии, «по своим техническим характеристикам» напоминает европейскую ракету «Ариан», которую «единодушно узнали все специалисты» по фотографиям, опубликованным в китайской печати²⁰.

¹⁶ In: "New York Times", 16.III.1980.

¹⁷ См.: «Тюоку корё цудзин», 1978, № 162.

¹⁸ In: "New York Times", 7.II.1979.

¹⁹ In: "China Business Review", November — December 1979, p. 38—41.

²⁰ In: "Monde", 20—21.I.1980; "New York Times", 11.III.1980.

В последнее время в связи с проведением в Китае мероприятий по урегулированию экономики осуществляется реорганизация научно-исследовательских работ на основе зарубежного опыта и «с учетом китайской действительности». Одновременно китайские эксперты командуются в европейские страны для ознакомления с существующими системами экономического и хозяйственного управления и приглашаются в КНР западные консультанты — специалисты по проблемам организации управления народным хозяйством.

В марте 1980 г. достигнута договоренность с ЮНИДО о направлении в Китай экспертов из ФРГ в порядке научно-технической помощи — для чтения лекций ответственным работникам государственного аппарата КНР и для создания экспериментальных центров подготовки руководителей промышленных предприятий. В сентябре 1980 г. по просьбе китайского правительства в Китай выезжала делегация швейцарских предпринимателей и технических специалистов во главе с деканом Лозаннского института изучения методов руководства предприятиями, которая на месте давала рекомендации китайским представителям по экономическому и хозяйственному управлению²¹.

Руководство КНР рассчитывает также привлечь инвестиции крупных капиталистических стран для строительства на территории Китая смешанных промышленных предприятий, рассматривая их как дополнительный канал для поступления передовой техники и технологии, подготовки инженерно-технических и научных кадров. По мнению иностранных специалистов, Китай объясняет успехи развития западной технологии в какой-то мере «рыночной экономикой». «Если не производить перестройку экономической структуры в соответствии с требованиями современной науки и техники, то как же можно будет достичь уровня США 1972 года?» — говорится в китайской центральной газете «Гуанмин жибао»²².

Между тем, несмотря на восторженные отклики буржуазной пропаганды по поводу установления в Китае «рыночной экономики», в деловых кругах Запада относятся к новым начинаниям Пекина с большой осторожностью и осмотрительностью. У многих предпринимателей еще свежи в памяти известное выступление члена Политбюро ЦК КПК Гэн Бяо в 1976 г. в китайской дипломатической академии и ставшее достоянием широкой гласности в начале прошлого года циркулярное письмо Пекинского университета, в которых содержались призывы умело использовать благоприятную конъюнктуру в отношениях с Западом для решения своих военных и экономических проблем, с тем чтобы в нужный момент отказаться от такого сотрудничества²³.

Примечательно, что на состоявшемся в городе Чэнду 16—25 апреля с. г. Всекитайском совещании по вопросам проведения реформы в области системы управления экономикой, в котором приняли участие работники центрального партийного и государственного аппарата, ученые-экономисты и руководители ряда предприятий, была признана необходимость 10-летнего урегулирования экономики и отнесения реформы на второй план с вытекающими отсюда ограничениями на иностранные инвестиции.

Утраченное на мировой арене доверие к китайской торгово-экономической практике вполне осознает и пекинская администрация. Характерно в этом отношении откровенное признание Дэн Сяопина из его обращения к западным читателям, специально подготовленного для ежегодника Британской энциклопедии за 1980 г.: «Мы сами по нашим собственным соображениям поставили себя в изолированное положение».

²¹ In: "Vingt-quatre heures", 31.VIII.1980.

²² «Гуанмин жибао», 3.XI.1980.

²³ In: "Washington Post", 31.III.1980; "Los Angeles Times", 7.IV.1980.

ние... В последние три года мы допустили несколько глупых ошибок»²⁴.

Основной причиной нынешних неудач и просчетов китайской внешнеэкономической политики является антинаучный, прагматический подход к решению хозяйственных вопросов, игнорирующий закономерности развития социалистического общества и объективную необходимость широкого участия в сотрудничестве со странами социалистического содружества, которое, как об этом свидетельствует опыт 50-х годов, послужило важным ускорителем научно-технического прогресса КНР. Ставка китайского руководства в последние годы на преимущественное развитие научно-технических отношений со странами Запада, которые в первую очередь преследуют цель превращения Китая в сырьевой придаток и военный противовес Советскому Союзу, явно не принесла желательных для Китая результатов.

События последнего времени показали весьма ограниченные возможности научно-технического сотрудничества КНР с зарубежными странами капиталистического мира. Перспективы такого сотрудничества будут в значительной степени сдерживаться слабой платежеспособностью Китая, не позволяющей ему приобретать в больших объемах дорогостоящие новинки, и отсталостью многих отраслей науки и техники КНР, которая препятствует научно-техническому обмену на паритетных началах, а также политикой западных стран по ограничению распространения передовой технологии.

²⁴ "Newsday", 10.III.1980.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ СИНОЛОГИИ

Проблема философского наследия Китая в современной синологии США

*Н. Г. Сенин,
доктор философских наук,
профессор*

Американская синология сравнительно молода, в ней нет таких традиций изучения духовной культуры Китая, как в России, Англии, Франции, Голландии, Германии. Более того, она, по существу, с самого начала развивалась не на подлинно научной, а на прагматической основе, как придаток колониальной политики американского империализма.

В своем развитии синология США прошла два главных этапа, рубежом между которыми является вторая мировая война. До войны в США не было достаточного количества своих кадров со знанием языка, истории, культуры Китая. В разработке китайских проблем значительную роль играли иностранные ученые (европейские, китайские, японские). Война послужила мощным толчком для быстрого и широкого развития американского национального китаеведения, в основе которого была политика США по отношению к Китаю, продиктованная монополиями, стремившимися сначала всеми силами удержать в своих руках важный стратегический район и обширный рынок на Дальнем Востоке, а после победы китайской революции — вернуть утраченные позиции.

Получив крупные субсидии и активную поддержку правительства, американская синология прочно заняла ведущее положение в мировой буржуазной синологии. Почти во всех крупных университетах США созданы китаеведческие центры, которые готовят многочисленные кадры по различным областям исследования Китая и сопредельных с ним стран.

Сейчас в США ежегодно выпускается больше специалистов-китаеведов, чем во всех странах Западной Европы. По выпуску литературы о Китае США также значительно превосходят любую из капиталистических стран Запада и могут конкурировать лишь с Японией. В подготовку кадров и в научно-исследовательскую работу по заданным администрацией темам вовлечены все крупнейшие китаеведы США, включая значительное число специалистов китайского происхождения. Кроме государственного финансирования, значительную сумму ассигнований на эти цели предоставляют так называемые «филантропические фонды» ведущих монополистических групп США — Рокфеллеров, Фордов, Карнеги — Меллонов. Фонд Форда, например, в начале 50-х годов субсидировал исследования, связанные с особенностями изучения китайской философии¹. Ряд книг был опубликован по специальной проблеме «Конфуцианство и его политическая и социальная роль в истории Китая», на разработку которой значительные ассигнования были сделаны фондами Форда и Рокфеллера². На средства из «благотворительных» фондов, в частности фонда Карнеги, в последние десятилетия в США были изданы монографические исследования по отдельным этапам развития общественной мысли Китая, а также ряд хрестоматийных изданий³.

¹ Результаты исследования нашли отражение в книгах: A. F. Wright (ed.). *Studies in Chinese Thought*. Chicago, 1953; J. K. Fairbank (ed.). *Chinese Thought and Institutions*. Chicago, 1957.

² D. S. Nivison, A. F. Wright (eds.). *Confucianism in Action*. Stanford, 1958; A. F. Wright (ed.). *Confucian Persuasion*. Stanford, 1975; J. R. Levenson. *Confucian China and its Modern Fate*. 3 vols. London, 1958, 1964, 1965; A. F. Wright (ed.). *Confucianism and Chinese Civilization*. Stanford, 1975.

³ Из монографий можно выборочно назвать: J. R. Levenson. *Liang Ch'ich'ao and the Mind of Modern China*. Cambridge, 1959; B. Schwartz. *In Search of Wealth and Power, Yen Fu and the West*. Cambridge, 1964; D. S. Nivison. *The Life and Thought of Chang Hsue-Cheng (1738—1801)*. Stanford, 1966; Chou Tsetsung. *The May Fourth Movement. Intellectual Revolution in Modern China*. Stanford, 1967; Hsueh Chunt'u. *Revolutionary Leaders of Modern China*. New York, 1971; Ch. Johnson (ed.). *Ideology and Politics in Contemporary China*. London, 1973. Из переводов китайских источников наиболее существенными являются: Teng Ssu-yü, J. K. Fairbank (eds.). *China's Response to the West. A Documentary Survey 1839—1923*. Cambridge, 1954; Chan Wing-tsit. *A Source Book in Chinese Philosophy* (tr. and compl.), Princeton, 1963; W. T. De Bary (ed.). *Sources of Chinese Tradition*. 2 vols. New York, 1964.

Лейтмотив большинства исследований один: какие бы новые идеи ни появлялись в Китае (речь идет главным образом о марксизме), традиционная многовековая идеология — конфуцианство — в конечном счете возьмет верх.

Хотя современная американская синология и вносит определенный вклад в научное исследование некоторых проблем философского наследия Китая, но по своей основной направленности она в целом весьма тенденциозна и под видом объективности содержит заряд буржуазной партийности; направленной своим острием против марксистско-ленинской философии. Это стало особенно заметно с середины 60-х годов, когда предметом особого внимания американских китаеведов стал маоизм. Именно за минувшие полтора десятилетия американская синология претерпела радикальную эволюцию — от критики маоизма к его реабилитации и прямой апологетике, причем эта эволюция становилась все более неприкрытой по мере того, как, с одной стороны, обнажался антисоциалистический и антисоветский характер политики китайского руководства, его курс на сближение с империалистическими силами, в первую очередь с США, а с другой — активизировались попытки американской администрации разыграть «китайскую карту» в плане общей антисоветской и антикоммунистической стратегии США⁴.

В данной статье автор поставил перед собой задачу на конкретных примерах вскрыть порочность методологических принципов, применяемых современными буржуазными синологами США в исследовании проблем китайской философии, и показать явную тенденциозность их выводов.

О предмете китайской философии

Среди американских китаеведов нет единого мнения относительно предмета философии, в частности китайской. Один из ведущих специалистов в области истории китайской философии в США Дерк Бодде еще в конце 40-х годов отмечал, что важнейшей задачей, стоящей перед исследователями китайской философии, является выяснение того, что «в действительности составляет содержание китайской философии во всех фазах ее развития»⁵. «Отсутствие научного подхода» к исследованию китайской философии среди западных китаеведов и «неопределенность предмета самого исследования» явились, по утверждению Бодде, главной причиной того, что западные ученые не написали еще «полной истории китайской философии», несмотря на наличие соответствующих переводов.

В упомянутых коллективных исследованиях, проведенных в США в 50-х годах, — «Изучение китайской мысли» и «Китайская мысль и институты» — предмет философии не выделяется в качестве самостоятельного объекта исследования, а рассматривается в общей категории «мысль». Причем «китайская мысль» определяется как «отношение между политическими и биографическими событиями и развитием идей»⁶. А. Райт вообще предложил заменить для Китая термин «история философии» термином «история мысли», мотивируя это тем, что первый возник на почве западной философии и поэтому, мол, его применение к условиям Китая было бы «насилием» как по отношению к самой природе китайской философии, так и к «иерархии проблем», которыми занимались китайские мыслители. Свое предложение А. Райт обосновывает тем, что в «истории мысли» Китая значительное место занимают гражданская история, литература, наука и искусство и вместе с тем особое внимание уделяется отношению между политическими, социальными, биографическими событиями и развитием идей, среди которых свое место находят и философские идеи⁷.

Призывая «заменить» историю философии «историей мысли» Китая, А. Райт тем самым по существу лишает китайскую философию самостоятельного значения как науки, растворяет ее предмет в других науках. Естественно, при таком подходе невозможно дать «точное описание» не только предмета философии, но и предметов других видов «духовного производства» китайцев.

⁴ Автор не ставил своей целью в данной статье рассматривать отношение современных американских синологов к маоизму как философской традиции. Это важная тема, заслуживающая специального исследования. Критический разбор переориентации американских синологов по отношению к маоизму под влиянием изменений в Китае и в международной обстановке в целом содержится в ряде работ советских ученых: О. Борисов, М. Ильин. Маоистская «культурная революция». — «Вопросы истории», 1973, № 11, 12; Г. В. Ефимов. Западное китаеведение о проблемах истории современного Китая. — Проблемы советского китаеведения. М., 1973; Е. Ф. Ковалев. Маоизм на службе буржуазной идеологии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 2; В. Н. Никифоров. Метаморфоза западной буржуазной синологии. — Там же, 1974, № 1; Н. И. Пашенко. Стюарт Шрам — апологет маоизма. — Там же, 1976, № 2; Современный Китай в зарубежных исследованиях (Основные тенденции в китаеведении капиталистических стран). М., 1979 и др.

⁵ D. B o d d e. Chinese Philosophy and Social Sciences. — "Pacific Affairs", vol. XX, № 2, 1947, p. 199.

⁶ J. K. Fairbank (ed.). Chinese Thought and Institutions, p. V.

⁷ In: A. F. Wright (ed.). Studies in Chinese Thought, p. 3. 4.

Не выделяет философию из общей духовной культуры Китая и Б. Шварц, специализирующийся в области истории идеологических процессов Китая в новое и новейшее время. Он выбирает выражение «интеллектуальная история» Китая и трактует его содержание с экзистенциалистских позиций. «В сфере истории, — говорит он, — интеллектуальное развитие... должно рассматриваться как часть целостного экзистенциального комплекса». В этой связи методом «интеллектуальной истории» Б. Шварц считает «сознательную реакцию» мыслителя на окружающую его обстановку, или, по его терминологии, «жизненную ситуацию». Признавая термин «сознательная реакция» не самым удачным, Б. Шварц тем не менее отдает ему предпочтение перед терминами «мысль», «идеи», «идеология», так как, помимо интеллектуального отношения, он включает в себя также и выражаемые в различных терминах «эмоциональные отношения», «пафос», «предрасположения чувств» и т. д.

Введение эмоционального фактора в предмет изучения мировоззрения мыслителей понадобилось Б. Шварцу для того, чтобы «видеть их ситуации так, как они сами их видят, понять их идеи так, как они сами понимают их»⁸. Отсюда и задача исследователя «интеллектуальной истории», по Шварцу, не в том, чтобы «судить» о мыслителе, то есть давать критическую оценку его взглядов, а в том, чтобы «понять» его, то есть изложить его взгляды так, как он сам понимал или понимает их.

Б. Шварц полагает, что предложенный им метод изучения субъективных ощущений того или иного мыслителя позволяет исследователю избежать «вульгарного классового анализа» их мировоззрения и сведения его к какому-либо «изму», в действительности же при этом методе исследователь сам может впасть в двойной субъективизм, излагая субъективное мнение самого мыслителя о себе и своих взглядах, с одной стороны, и, с другой — давая свое собственное субъективное понимание этих взглядов, поскольку сознательно отбрасывается объективный критерий их оценки.

Среди проблем, рассматриваемых Китаеведами США в качестве одного из важных аспектов предмета философии Китая, выделяется проблема личности. В большинстве случаев эта проблема сводится к общим рассуждениям о месте личности в конфуцианской философии, причем «личность» подается как «центральная фигура» в философии, отсюда конфуцианскую философию называют «самой гуманной» философией в мире. «Гуманизм, — говорил Ч. Мур, — присущ философской традиции Китая в большей мере и занимает в ней более значительное место, чем в любой другой стране». «Гуманизм является лейтмотивом китайской мысли»⁹, — утверждает Чэнь Юнцзе. Этой проблеме была посвящена специальная международная конференция, состоявшаяся по инициативе синологов США в Гонолулу в 1964 г. Тема конференции называлась «Статус индивидуума на Востоке и Западе». Организаторы конференции прямо связывали постановку этой темы с взаимоотношениями Запада с Востоком. «Различный статус индивидуума, — говорилось в официальном документе организаторов конференции, — является основой серьезных взаимных осуждений и разногласий между Востоком и Западом, является наиболее важной проблемой современного мира в социальном, политическом, религиозном и философском плане»¹⁰.

Важность обсуждения проблемы положения личности в различных обществах в различные времена не вызывает сомнений, однако вряд ли можно согласиться с тезисом, будто источником и тем более основой «серьезных разногласий и взаимных осуждений» между Востоком и Западом являются различия в статусе индивида. Трудно поверить, что профессора американских университетов не знают, что статус человека, живущего в классовом обществе, различен как в странах Запада, так и в странах Востока.

К. Маркс еще на раннем этапе своей творческой деятельности дал классическое определение личности. «Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни, — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни — является проявлением и утверждением общественной жизни»¹¹. «...Сущность человека, — писал К. Маркс, — не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»¹². Эти положения, как известно, стали основой подлинной научной социологии.

Учредители конференции предложили ее участникам рассмотреть сложившиеся на Западе устойчивые мнения, или «клише», якобы свидетельствующие о «противоположности» статусов человека на Востоке и на Западе¹³. Организаторы конференции

⁸ J. K. Fairbank (ed.). Chinese Thought and Institutions, p. 15, 17, 19.

⁹ Ch. Moore (ed.). The Chinese Mind. Honolulu, 1977, p. 5, 22.

¹⁰ Ch. Moore (ed.). The Status of the Individual in East and West. Honolulu, 1967, p. 6.

¹¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 590.

¹² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 3.

¹³ Основные формулировки «клише» сводились к следующему: Восток монистичен, Запад плюралистичен; Восток унижает индивидуума, Запад возвышает; на Востоке мистицизм, на Западе личный бог; на Востоке индивидуум связан традиционной моралью, на Западе независим; на Востоке индивидуум подчинен интересам группы, общества, на Западе общество существует для индивидуума; на Востоке деспотизм и авторитарность, на Западе демократизм, либерализм. — In: Ch. Moore (ed.). The Status of the

сознательно уклонились от постановки на обсуждение вопроса о природе индивидуума, то есть о его социальном положении. «Мы не будем здесь иметь дело непосредственно с природой индивидуума, — говорил директор конференции Ч. Мур. — Нас интересует статус отдельного человеческого существа, независимо от того, как соответствующие традиции интерпретируют сущность или природу этого индивидуального человеческого существа».

Снятие с обсуждения вопроса о социальной природе человека лишило тем самым подлинной основы саму проблему статуса индивидуума в любом обществе, в любой культурной традиции. Не случайно поэтому, подводя итоги конференции, Ч. Мур был вынужден признать, что ряд участников конференции неоднократно поднимали вопрос о «невозможности обсуждения проблемы статуса индивидуума без обсуждения прежде всего вопроса о природе индивидуума».

Весь ход конференции подтвердил, что главная цель, которую ставили перед собой ее организаторы, заключалась не столько в желании достичь философского осмысления проблемы человека в разных цивилизациях, «прошлых и настоящих», в духовных и политических традициях различных народов и облегчить тем самым «преодоление разногласий и антагонизма, которые существуют между Востоком и Западом», сколько в стремлении выяснить при помощи специалистов по восточной философии, в какой мере традиционные идейные концепции народов Востока в сфере философии, религии, этики, политической и правовой мысли соответствуют их повседневной жизни, в какой мере эти концепции можно перевести на язык Запада, чтобы со знанием дела было бы легче воздействовать на эти народы. С другой стороны, противопоставив Востоку традиции Запада, постараться навязать их Востоку, при этом не без назойливого подчеркивания их преимуществ и превосходства по сравнению с традициями Востока.

Некоторые участники конференции из стран Азии, несмотря на предупреждения организаторов конференции, подвергли критике буржуазную демократию Запада. Прозвучали голоса, что на Западе нет ни настоящей или всеобщей демократии, ни подлинного уважения к индивидууму. Более того, даже «рядом представителей Запада различным образом высказывалось мнение, что современный Запад, особенно в политическом аспекте, не проявляет подлинного уважения к индивидуальности, что находит выражение в господстве государства над личностью и в «деперсонализации личности»¹⁴.

Эти откровенные признания имеют непосредственное отношение и к сегодняшнему дню, когда самозванные блюстители «прав человека», не наведя должного порядка у себя дома, считают себя вправе бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела других государств и без всякого к тому основания поучать другие народы, как им жить.

Проблема развития философии

Философия, как и другие формы общественного сознания, развивается по мере развития общественной жизни любого народа. В развитии философии есть свои периоды эволюции и революции, свои скачки и попятные движения, периоды возрождения старых форм и наполнения их новым содержанием. Хотя такой характер развития философии и создает порою впечатление, будто это развитие независимо от материальной основы, на самом же деле философия никогда не порывает связи с «реальным жизненным процессом» (Ф. Энгельс). «Даже туманные образования в мозгу людей, — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, — и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками»¹⁵.

Американское китаеведение, как и вся буржуазная наука Запада, не признает каких-либо объективных закономерностей в развитии философии, сам процесс духовного развития страны представляется лишь как порождение идей идеями. Об этом свидетельствуют книги и статьи по китайской философии, появившиеся на Западе в последние десятилетия. Широко разрекламирована, например, книга Х. Г. Крила «Китайская мысль от Конфуция до Мао Цзэдуна». О концептуальной стороне книги можно судить уже по названию ее глав: «Конфуций и борьба за человеческое счастье», «Мощь и поиски мира и порядка», «Мэн-цзы и акцент на человеческой природе», «Мистический скептицизм даосов», «Авторитарность Сюнь-цзы», «Тоталитаризм законников» и т. п. Китайским мыслителям, как видим, автором приписываются односторонние научные интересы, субъективистски истолкованные и поданные к тому же в модернизированном виде.

Individual in East and West, p. 9—10. Обращает на себя внимание, что в самих альтернативных формулировках «клише» заключена идея превосходства Запада над Востоком — другими словами, идея «западоцентризма».

¹⁴ In: Ch. Moore (ed.). The Status of the Individual..., p. 6, 7, 557, 567, 568.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 25.

Если же взглянуть на содержание книги под углом зрения научной методологии, то сразу бросается в глаза статический подход автора к истории китайской философии. Представители философских школ расположены один рядом с другим, когда учение одного «дополняет» учение другого, а все вместе представляют механическую смесь различных аспектов вневременных, застывших взглядов, составляющих в совокупности своеобразный натюрморт китайской философии. Идея развития философии в книге Крила, по существу, отсутствует, хотя термин «развитие» он и употребляет. «В течение последних четырех столетий, — писал он, — появились две новые силы и стали играть главную роль в развитии китайской мысли. Одна из этих сил — протест против неоконфуцианства, другая — влияние Запада».

«Протест против неоконфуцианства» подается Крилом как «реакция на буддизм» с целью восстановления «истинного учения Конфуция и Мэн-цзы». Что же касается «влияния Запада», которому Крил отвел одну из главных ролей в «развитии» китайской философии с середины XIX в., то оно рассматривается лишь как внешний фактор, органически не связанный с внутренними процессами в Китае.

Крил справедливо отмечает, что за последнее столетие Китай претерпел более глубокие изменения в «политических институтах, социальной структуре и экономической жизни», чем за предыдущие два тысячелетия, и что «в то же время неизбежно изменился и образ мышления китайцев»¹⁶. Однако идеологические изменения в стране Крил рассматривает как независимые от перемен в политических, социальных и экономических отношениях, а все вместе — как явления, протекающие параллельно друг другу. Он намеренно уклоняется от выражения своего мнения о действительных причинах этих изменений.

Чэнь Юнцзе также не ставит вопроса о развитии китайской философии как процессе, о принципах ее развития, о становлении философских категорий, об обогащении их содержания новыми сторонами на последующих этапах развития. Идея развития как движение от низшего к высшему, от простого к сложному вообще не присутствует в его исследованиях.

За исходный пункт в своих работах он берет деление древнекитайской философии на традиционные школы, впервые установленное еще в конце II в. до н. э. Сыма Танем — отцом знаменитого китайского историка Сыма Цяня. Школы у него располагаются одна подле другой. Богатство философских идей складывается из суммы специфических взглядов представителей различных школ. «Развитие» рассматривается Чэнь Юнцзе под углом зрения отношения к традиционным школам, причем за критерий высшего уровня развития философии берутся учения древних мыслителей, основателей этих школ. Все то, что к ним добавлено последователями, выдается как «развитие», хотя это «развитие» изображается в плане небезызвестной идеалистической концепции «филиации идей».

По статье Чэнь Юнцзе «Китайская философия», помещенной в американской «Философской энциклопедии»¹⁷, можно судить не только о том, как современные американские синологи понимают развитие философии, но и о том, какими принципами они пользуются в периодизации истории китайской философии. Двадцатипятивековую историю китайской философии Чэнь Юнцзе делит на четыре периода. Древний (VI в. — 221 г. до н. э.) завершается созданием первой централизованной империи Цинь, средний (221 г. до н. э. — 960 г.) простирается от династии Цинь до династии Сун, а новый (960—1912 гг.) — от династии Сун до падения последней династии Цинь в результате китайской революции 1911 г. Наконец, современный период начинается от 1912 г. и продолжается до настоящего времени.

Богатство философских идей древнего периода складывается, по мнению автора, из совокупности аспектов шести традиционных школ (конфуцианство, даосизм, фэизм, логика, натурфилософия и законники). Хотя в статье и раскрывается круг специфических проблем, характерных для каждой школы, но не объясняется, чем были обусловлены эти специфические интересы мыслителей, обособившие их в отдельные школы, говорится о различии социальных идеалов и установок представителей некоторых школ, но совершенно обходится вопрос, интересы каких социальных групп они выражали. Статичность изложения исторического материала лишает возможности понять характер взаимодействия различных школ, направлений и течений, а вместе с тем и процесс развития философии. Опираясь на современную буржуазную методологию научного исследования, автор не признает материалистической и идеалистической линий в философии этого периода и борьбы между ними, проходившей как между самими философскими школами, так и внутри их. Поэтому у него под одной философской крышей мирно уживаются без квалификации философской ориентации идеалист Мэн-цзы, и материалист Сюнь-цзы, под крышей даосизма — материалист Лао-цзы и идеалист Чжуан-цзы. Автор пренебрегает материалистической тенденцией во взглядах на природу у ученика Сюнь-цзы Хань Фэя — выдающегося представителя школы фацзя (законников). Он просто отмахнулся от школы фацзя как от «менее всего важной в философском отношении».

¹⁶ H. G. Creel. Chinese Thought from Confucius to Mao Tsetung. London, 1954, pp. 228, 246.

¹⁷ P. Edwards (ed.). The Encyclopedia of Philosophy, vol. 2. New York, 1957, pp. 87—96.

Второй период истории развития китайской философии отличается от предыдущего периода, как это представляется автору, крайней бедностью философских идей. «Развитие» философии иллюстрируется появлением «синтетического конфуцианства», неодаосизма и буддизма, причем и здесь под общую крышу «синтетического конфуцианства» помещаются мистик-идеалист Дун Чжуншу (II—I вв. до н. э.), которого автор называет «самым выдающимся конфуцианским философом этого периода», и действительно выдающийся вольнодумец, атеист и материалист Ван Чун (I в.), которого автор предпочитает называть «рационалистическим натуралистом».

Заслугой Дун Чжуншу автор считает попытку объединения идей конфуцианства с идеями школы натурфилософов, получившей известность в III в. до н. э. При этом Чэнь Юнцзе умалчивает общепризнанный факт, что действительная историческая «заслуга» Дун Чжуншу состоит в том, что он дал религиозно-мистическую интерпретацию конфуцианства, против которой решительно выступил его оппонент Ван Чун. В столкновении двух позиций — Дун Чжуншу и Ван Чуна — нашла выражение не признаваемая автором борьба двух главных линий в философии — идеализма и материализма.

Автор упоминает представителей идеалистического направления неодаосизма — Го Сяна и Ван Би, но не упоминает Ван Фу (II в.) и Чжун Чантуна (II—III вв.), развивавших даосизм в материалистическом направлении. Автор обходит полным молчанием имя замечательного философа-материалиста и атеиста V в. Фань Чжэня, прославившегося своим боевым трактатом «О смертности духа». О Хань Юе (VIII—IX вв.) — видном просветителе и критике мистических элементов буддизма, оказавшем положительное влияние на развитие прогрессивной мысли Китая в последующие века, — Чэнь Юнцзе говорит, что «он проложил путь к возрождению конфуцианства» и в этом якобы его главная историческая заслуга.

Излагая в буржуазно-объективистском духе формальное содержание китайского буддизма различных направлений, Чэнь Юнцзе не заметил тех действительно новых идей, которые принес буддизм в китайскую философию, обогатив ее, в частности, новым подходом в теории познания, в методологии и привнес в нее более развитые идеи диалектики.

«Развитие» китайской философии в последние два периода («новый» и «современный»), охватывающих, по периодизации Чэнь Юнцзе, целое тысячелетие, дается изложением главных идей представителей различных школ, почему-то без разбора отнесенных к неоконфуцианству. Автор делит основных представителей этого направления на два крыла: рационалистическое неоконфуцианство и идеалистическое неоконфуцианство, причем как в первое, так и во второе крыло включены мыслители и материалистического, и идеалистического направлений. Например, в первое крыло наряду с идеалистами братьями Чэн (Чэн Хао и Чэн И) и Чжу Си включены склонявшиеся к материализму Чжо Дунъи и Чжан Цзай, а во второе — наряду с субъективными идеалистами Лу Сяншанем и Ван Янмином включены выдающиеся мыслители-материалисты Ван Фучжи и Дай Чжэнь — критики субъективного идеализма.

Последний, самый бедный по содержанию раздел посвящен новейшему периоду. В нем в одном ряду перечислены разнородные имена западных мыслителей — прогрессивных и реакционных, — идеи которых начали проникать в Китай еще в конце прошлого века, и в качестве представителей «национальных идей» этого периода указано несколько китайских идеалистов, в той или иной мере испытавших на себе влияние буржуазного Запада (Оуян Цзинью, Тай Сюй, Сюн Шили, Фэн Юлань и Чжан Дунсунь). В этом разделе, как, впрочем, и в других, не сделано даже попытки вскрыть характер и социальную роль философских идей в Китае, их место в идеологической жизни страны, их связь с наукой и культурой.

При чтении очерка Чэнь Юнцзе создается впечатление, что китайская философия, проходя определенные этапы, вращалась все время вокруг одних и тех же проблем, поставленных еще в древности, и что в последний период она не только не сделала шага вперед, а, напротив, отступила к средневековью. К такому выводу, противоречащему действительно процессу развития китайской философии, привела порочная буржуазная методология.

Проблема особенностей китайской философии

Марксистско-ленинская наука открыла и сформулировала основные закономерности развития философии, среди них одной из главных является борьба двух линий, склоняющихся так или иначе к материализму или идеализму. В классовом обществе борьба между различными линиями в философии в конечном счете является составной частью общей классовой борьбы. Вместе с тем марксизм не отрицает, а предполагает наличие не только общих закономерностей развития философии различных цивилизаций и народов, но и специфических черт, присущих каждой из них.

Современные американские китаеведы, продолжая линию западноевропейского буржуазного востоковедения, не признают общих закономерностей развития, они признают только различия между философскими традициями, причем одни абсолют-

зируют эти различия и возводят их до противопоставления Востока Западу, другие пытаются провести различия между «философиями» Востока и Запада путем произвольного набора некоторых отличительных черт в каждой философской традиции, которые, однако, далеко не выражают действительной специфики философии. Как правило, берутся какие-то внешние, формальные или случайные признаки, которым искусственно придается определенная атрибутивность, воплощенная в «национальную традицию», «национальный дух» и т. д.

Американский профессор Джон У, выступавший на конференции философов Востока и Запада в 1959 г., специфической чертой китайского «национального духа» называл «стремление к гармонии». «Гармония, — по мнению Джона У, — наиболее глубоко укоренившееся желание китайского народа. Говорят ли они о самоусовершенствовании или занимаются мировыми проблемами, гармония остается в центре их мышления. Практикуя добродетель, они ставят своей целью достичь гармонии между телом и душой, в семье — между мужем и женой, братьями и сестрами, в деревне — между соседями»¹⁸.

Джон У утверждал, что «дух Китая» сформировался задолго до Конфуция, который обобщил прошлое и дал ему философское обоснование, закрепленное впоследствии в традиции. Конфуцианскую трактовку концепции «социальной гармонии», согласной которой наведение порядка в семье является предпосылкой порядка в государстве, Джон У стремится представить, с одной стороны, как выражение «традиционного духа Китая», а с другой — как образец «универсальной гармонии» для всего мира, умалчивая при этом, что истинное предназначение этой концепции с самого начала состояло в том, чтобы воспитывать китайских подданных в духе преданности по отношению к «сыну неба» и его присным, сохранять и укреплять иерархическую систему подчинения нижестоящих вышестоящим. Идеализацию и пропаганду этой концепции в наше время нельзя рассматривать иначе как скрытый рецидив великоханьского шовинизма.

В западной синологии давно сложилась традиция рассматривать философию Востока, включая Китай, как сплошь идеалистическую и выдавать это за специфику восточной философии. Эта далекая от науки традиция бытует по сей день. Ее активными носителями являются не только огромное число различных любителей-непрофессионалов, пишущих по Востоку, но и ученые, специализирующиеся в области философии народов Востока. В своих многочисленных статьях и очерках по китайской философии профессор Чэнь Юнцзе настойчиво проводит мысль, что идеализм на Востоке всегда преобладал и играл решающую роль в идейной жизни, а материализм, хотя и встречался, но был явлением случайным и эпизодическим, как, например, школа Чарвака в Индии или Сюнь-цзы и Ван Чун в Китае. Касаясь китайской философской традиции, Чэнь Юнцзе вопреки исторической правде безапелляционно утверждает, что в Китае «материализм отсутствовал» и, более того, он, мол, и впрямь «не найдет благодатной почвы в Китае»¹⁹.

В тесной связи с концепцией об идеалистическом характере философии Востока находится также широко распространенная среди американских и западноевропейских китаеведов версия, будто философия Китая, как и Востоку в целом, присуща интуитивная форма познания, а Западу — логическая. Этим различиям придается принципиальное значение, они возводятся в ранг противоположности «способов мышления» народов Востока и Запада. Более того, этими различиями объясняется отсутствие в Китае разработанной системы логики, категорий китайской философии, сравнительная отсталость в развитии естественных наук и даже общая причина отсталости Китая и всего Востока²⁰.

Исходя из предпосылки, что Западу и Востоку якобы присущи различные «типы мышления», и пытаться выводить из этой предпосылки причины отсталости Востока от Запада, застойность в экономическом, идейном и культурном развитии народов Востока — значит, по существу, лить воду на мельницу колониальной политики империализма и объективно давать ей теоретическое оправдание.

К особенностям китайской духовной культуры нередко относят «идейную терпимость», которой якобы придерживалась официальная идеология, то есть конфуцианство, по отношению ко всякой «ереси» и ее проповедникам. Ч. Мур даже включает эту «особенность» в разряд «наиболее важных основных принципов китайской философии»²¹.

По этому поводу уместно сослаться на высказывание бесспорного авторитета в области истории китайской религии голландца Де Гроота, прожившего в Китае десятки лет. «Из всех существующих на земле государств, — отмечал Де Гроот, — китайское государство является наиболее нетерпимым и наиболее репрессивным государством. Опираясь на определенные древние догматические принципы в системе политической философии, служившей ему опорой, государство никогда не могло поступать иначе, как размахивать огнем и мечом перед лицом каждого религиозного общества или каждой секты, которые со времени Конфуция осмеливались появляться

¹⁸ Ch. Moore (ed.). The Chinese Mind, p. 227.

¹⁹ Ch. Moore (ed.). The Chinese Mind, p. 146, 147.

²⁰ Ch. Moore (ed.). Philosophy — East and West. Princeton, 1946. p. 164.

²¹ Ch. Moore (ed.). The Chinese Mind, p. 4.

в Китае»²². Замечание Де Гроота полностью распространяется и на китайскую философию, особенно неофициальную, которую относили к «ереси».

Выяснение не надуманных, а реальных особенностей развития китайской философии и ее характерных черт представляет серьезную научную проблему, поэтому при ее разработке необходимо применять научную методологию, и прежде всего объективный научный подход.

Проблема «синтеза» философий Востока и Запада и «западоцентризм»

Проблема «синтеза» философских традиций Востока и Запада — относительно новая в буржуазной синологии США. Ее возникновение связано с попыткой распространить применяемый в некоторых конкретных науках сравнительно-исторический метод исследования на историю философии. Эту задачу взяла на себя так называемая «компаративная философия», центром которой стали США.

В школе «компаративной философии» можно выделить два главных направления: одно — с крайней позицией (Восток и Запад противоположны), другое — умеренное или либеральное (философии Востока и Запада существенно различны). Главный представитель первого направления — Ф. Нортроп, профессор Йельского университета, второго — Ч. Мур, профессор Гавайского университета (Гонолулу), ныне покойный.

Программу школы «компаративной философии» и ее конкретную реализацию можно видеть на материалах упоминавшихся международных «конференций философов Востока и Запада», которые регулярно проводились Гавайским университетом в Гонолулу с 1939 г.²³

На первой же конференции выявились различные позиции в отношении проблемы Восток—Запад, и поэтому была поставлена задача «определить возможность создания мировой философии путем синтеза идей и идеалов Востока и Запада и достигнуть заключения в форме специальных предложений относительно наиболее плодотворных методов, при помощи которых такой синтез может быть достигнут»²⁴.

Представитель крайнего направления компаративистики Ф. Нортроп предложил свой план «синтеза» философских традиций Востока и Запада. Исходя изсылки, что философия Востока и философия Запада — две системы философии, «различия между которыми столь же велики, как и различия между Востоком и Западом», он считает, что сравнивать их можно только при помощи какого-то посредника типа «общего знаменателя» в арифметике. Нортроп не расшифровал, как этот арифметический принцип может быть применен к философии. Он лишь высказал предположение, что роль «общего знаменателя» при сопоставлении философии Востока и Запада может сыграть специальная «техническая терминология», которую следует изобрести.

Несколько отличную от Нортропа позицию занял Э. Барт, профессор Корнельского университета. Его исходный пункт не противоположность, а «широко расходящиеся различия» между философскими традициями Запада и Востока. Подобно Нортропу, он поддерживает идею необходимости создания «нейтральной терминологии», которая могла бы «примирить» различия между философскими Востока и Запада и служить мостом для их «синтеза», но для достижения «примирения» и взаимопонимания между духовными культурами Востока и Запада с целью создания единой «мировой философии» Барт предложил свой методологический принцип, который он назвал «ценностным релятивизмом». Каждой философии, по его мнению, присуще определенное «ценностное обязательство», определяющее ее качественную особенность в отличие от других философских направлений. Речь идет здесь о характерных чертах той или иной философии, философской системы или философской школы, которые можно свести к своему рода единому унифицированному преискуртанту. Без учета этих особенностей спорящие стороны, по мнению Барта, не найдут между собой общего языка. В отличие от Нортропа Барт считает, что для создания «мировой философии» путем «синтеза» философских традиций Востока и Запада следует руководствоваться принципами «беспристрастности» и «всесторонности». Под принципом «беспристрастности» Барт имеет в виду одинаковое отношение к «методам мышления» как внутри одного региона, так и между различными регионами (Востоком и

²² G. G. De Groot. *Sectarianism and Religions Persecution in China*. Amsterdam, 1903, p. 3.

²³ Конференции состоялись в 1939, 1949, 1959 и 1964 гг. Среди участников не было ни одного представителя из социалистических стран или ученого-марксиста из несоциалистических стран. Доклады и выступления участников были затем доработаны и в виде статей включены в сборники под общей редакцией Чарльза Мура: *Philosophy — East and West* (1944); *Essays in East—West Philosophy: an Attempt at World Philosophical Synthesis* (1951); *Philosophy and Culture, East and West* (1962); *The Status of the Individual in East and West* (1967).

²⁴ Ch. Moore (ed.). *Philosophy — East and West*, p. VII.

Западом), а под «всесторонностью» — включение в «мировую философию» всех философских школ и систем, взаимодействие которых в единой философии осуществляется бы в соответствии с принципом взаимодополняемости по образцу «оркестра». Что касается вопроса о включении в единую «мировую философию» идей и понятий, противоречащих друг другу, то для решения этого вопроса Барт предложил создать «родовые» термины, которые бы снимали различия между ними и тем самым создавали бы возможность разрешения разногласий²⁵.

Бесплодность попыток Нортропа и Барта «синтезировать» философские традиции Востока и Запада при помощи предложенных ими методов и решить тем самым задачу создания «единой мировой философии» является совершенно очевидной.

Как отмечалось выше, главным представителем либерального направления школы «компаративной философии» был Ч. Мур, организатор и вдохновитель международных «конференций философов Востока и Запада», главной целью которых официально было «достижение взаимопонимания между Востоком и Западом». Идея создания «единой мировой философии» должна была послужить важным шагом на этом пути.

Ч. Мур пропагандировал идею «синтеза» философских традиций Востока и Запада, хотя сам не предлагал конкретных планов и методов осуществления этой идеи. Он разделял выдвинутые Бартом принципы «беспристрастности» и «всесторонности» при отборе философских школ и направлений для будущей «мировой философии», соглашаясь при этом, что особенности философских традиций должны рассматриваться в единой философии как взаимодополняющие компоненты в ансамбле. Столкнувшись с разнородным мнением и позиций, нередко ставивших под угрозу срыва работу конференций, Ч. Мур прилагал большие усилия, настойчиво призывая представителей «Востока и Запада» к сдержанности, к недопущению крайностей, к уступчивости и к компромиссам различного рода. По его признанию, «во многих случаях» единство «существенно различных взглядов» среди участников достигалось путем серьезных уступок встречным позициям, а также отказа от своих принципиальных взглядов «в интересах приведения их в большую гармонию с другой духовной традицией». Следует отметить, что все это происходило в лагере «единомышленников» по политическим и идейным позициям, среди которых не было представителей с коммунистической идеологией, а большинство представителей стран Востока получили образование в США.

Подводя итоги 2-й «конференции философов Востока и Запада», Ч. Мур отмечал, что без «откровенности и сердечности» во взаимоотношениях философов различных регионов «никакого синтеза (философских традиций. — Н. С.) Востока и Запада достигнуто быть не может и работа в этой области будет обречена на бесплодность и незначительность»²⁶. Предсказание Ч. Мура оправдалось, хотя дело, конечно, нельзя сводить к настроениям участников конференций. Провал попыток организаторов «конференций философов Востока и Запада» создать путем так называемого «синтеза» философских традиций двух регионов мира «философскую базу» для «устранения ложного или неадекватного истолкования Востока представителями Запада и достичь большого взаимопонимания»²⁷, продемонстрировал в первую очередь порочность методологического подхода буржуазной синологии к проблеме «создания мировой философии».

Не могла «компаративная философия» преодолеть и тенденций к «западоцентризму», прочно укоренившихся в синологии США и других стран Запада. Многие сторонники этой школы вовсе не помышляют о том, что Запад, сопоставляя свою философию с философией Востока, будет серьезно чему-либо учиться у последней, хотя на этот счет сказано было немало.

На 2-й философской конференции в Голонлу получило большой резонанс «важное заявление», как его охарактеризовал Ч. Мур, в котором нашли отражение откровенные «западоцентристские» настроения ее участников. «Вопрос не столько в том, — гласило это заявление, сделанное в связи с призывами решить проблему «синтеза» философских традиций Востока и Запада, — может ли Восток внести свой вклад (в мировую философию. — Н. С.), сколько в том, готов ли Запад принять этот вклад»²⁸.

«Западоцентристская» тенденция проявляется у компаративистов также в том, что при сопоставлении философских традиций берется западная философия нового времени, а китайская (и других стран Востока) философия, как правило, — древнего периода. При неправомерном с научной точки зрения сопоставления этих двух периодов в выигрыше остается Запад. Оппозиция против этой тенденции со стороны представителей Востока в свою очередь усиливала «востокоцентристскую» тенденцию. Это нашло свое выражение в идеализации конфуцианства, в преувеличении его значения для мировой цивилизации.

Компаративисты совершенно обходят материализм и тем более марксизм. Тенденция «западоцентризма» здесь проявляется в том, что, пренебрежительно относясь к материализму как философскому течению на Западе, они не признают его на

²⁵ In: Ch. Moore (ed.). *Essays in East — West Philosophy: an Attempt at World Philosophical Synthesis*. Honolulu, 1951, p. 114, 116.

²⁶ In: Ch. Moore (ed.). *Essays in East — West Philosophy*, p. 6, 9.

²⁷ Ch. Moore (ed.). *Philosophy—East and West*, p. 7.

²⁸ Ch. Moore (ed.). *Essays in East-West Philosophy*, p. 7.

Востоке. Ни в одну из программ «конференций философов Востока и Запада» не был включен ни один доклад с сопоставлением материалистической мысли на Западе и на Востоке, а постановка такого доклада на обсуждение была бы не только сама по себе интересной и полезной в научном отношении, но могла бы открыть глаза участникам конференции на искусственность их постановки проблемы и бесплодность поисков путей к «синтезу» философских традиций Востока и Запада, исключаящему материализм, а также тщетность попыток создания на базе такого «синтеза» «единой всемирной философии».

Из краткого анализа некоторых методологических принципов, применяемых современными американскими исследователями к области китайской философии, напрашивается вывод об общей слабости буржуазной синологии, особенно в части социального анализа.

Буржуазная синология оказывается не в состоянии ни дать научного определения особенностей предмета китайской философии, ни поставить в конкретно-исторические рамки основные проблемы китайской философии, ни наметить научно обоснованной периодизации ее развития. Китайская философия рассматривается ею в абстрактном внеисторическом и внесоциальном плане и, по существу, статична. Она искусственно вырывается из общего процесса мирового духовного развития посредством надуманных и приписываемых ей «специфических черт», их абсолютизации, что в свою очередь приводит к обособлению философии Китая, Индии, Японии и других стран Азии в единую философию Востока, противопоставленную философии Запада.

Необоснованна и идея так называемого «синтеза» философских традиций Востока и Запада как средства для создания «всемирной философии», которая не представляла бы собой отражения в головах ее создателей объективной картины мира в философском плане, а напоминала бы скорее прототип своего рода выцветшей абстракционистской картины с блуждающим сюжетом, способной вызывать лишь различные субъективные ассоциации.

Подлинно научную историю философии всего человечества можно создать лишь на основе изучения философской культуры каждого народа, исходя из признания общих закономерностей развития философии всех стран и учитывая своеобразие, присущие истории этих стран и их духовной жизни. Для этого не нужны никакие «общие знаменатели», «нейтральные термины», «родовые понятия» и прочие искусственные звенья, а нужен единый методологический подход к исследованию, опирающийся на материалистическую теорию. Эту методологию и теорию не нужно выдумывать, они давно уже созданы К. Марксом и Ф. Энгельсом и проверены опытом мировой истории на протяжении почти полутора веков.

Американские ученые — защитники гегемонистской стратегии Пекина в Африке

М. В. Михайлова,
кандидат экономических наук

Политическое партнерство американских империалистов и китайских гегемонистов, ставшее на рубеже 70—80-х годов очевидным и крайне опасным фактором международной обстановки, активно проявляется сегодня и в африканской политике этих держав. Общность их политических целей в ряде важнейших аспектов находит все более полное отражение не только в практической деятельности правительств КНР и США на Африканском континенте, но и в соответствующих политологических трудах, в частности американских. Характерным примером является книга «Советская и китайская помощь африканским нациям», изданная в Нью-Йорке в 1980 г. под редакцией известных научных авторитетов — директора Правительственного совета по афро-азиатским и национальным проблемам профессора У. Вайнштайна и старшего научного сотрудника Института Гувера при Стэнфордском университете, африканиста Томаса Хенриксена*.

Уже из предисловия, написанного данными авторами, ясно, что публикация книги вызвана «опасениями» роста «советского влияния» в Африке, что книга является своего рода «ответом» на поражение империалистических сил в Анголе и Эфиопии, события в которых изображаются учеными США исключительно как «прямая военная интервенция СССР и Кубы» или как «демарш Москвы» в Африке¹.

Труд, о котором идет речь, состоит из восьми глав-статей различных авторов, среди которых наряду с учеными — африканистами и китаистами подвизаются ярые антисоветчики типа Р. Е. Биссела, Б. Ипатова, Дж. П. Смалдоне и др.

В первых четырех главах рассматриваются в основном вопросы советской политики и помощи африканским странам, преподносимые в намеренно необъективном знакомом стиле «холодной войны». В пятой главе сделана попытка дать сравнительную характеристику военной и экономической помощи СССР и Китая странам Африки (опять же с крайне предвзятых позиций в отношении Советского Союза), а три последние главы посвящены изложению (и в основном оправданию) политического курса и различных аспектов экономической политики Пекина в странах Африки.

Авторы и составители книги не скрывают своего ярко выраженного антисоветского «принципиального» настроения и при этом прямо указывают, что Китай в Африке, помощь Китая независимым странам континента, является «противовесом», или «контрбалансом, русского присутствия». Другими словами, Пекин с его антисоциалистическим курсом призван стать в Африке противодействующей Советскому Союзу силой, а точнее, выполнять роль «ударной силы» мирового империализма в его борьбе против стран социализма, сил мира и демократии. Идея использования Пекина в качестве «контрбаланса» является концептуальной установкой авторов книги.

Подчеркивая позитивное значение Китая в Африке для стратегии США, авторы предисловия напоминают, что еще в 60-е и в начале 70-х годов «китайско-советское соперничество» в Африке «успокаивало Запад», ибо заметно уменьшало опасения западных стран в отношении «возможности коммунизации молодых государств единой монолитной силой», и что события в Анголе и Эфиопии привели к резкому охлаждению американско-советских отношений, с одной стороны, и к «потеплению американско-китайских отношений» — с другой (с. VII—VIII).

Эта откровенность дополняется уже давно избитыми рассуждениями о мифических советских «гегемонистских устремлениях в Африке», об «экспорте революции» из СССР в Африку, о создании некоей «советской империи» южнее экватора, о стремлении Советского Союза получить «базы» в Красном, Средиземном морях, Индийском океане, «завоевать политических и идеологических союзников» в борьбе с империализмом и т. д. (с. 2—3, 7, 31, 92).

* Soviet and Chinese Aid to African Nations. Ed. by W. Weinstein, T. H. Henriksen. New York, Praeger, 1980, 184 p. Данная работа перекликается по названию с книгой «Китайская и советская помощь Африке» (Chinese and Soviet Aid to Africa. New York, 1975), изданной в 1975 г. под редакцией Т. Вайнштайна, но не является ее переизданием, а представляет собой самостоятельную работу.

¹ Soviet and Chinese Aid to African Nations, p. VIII.

Совершенно очевидно стремление авторов книги, защищающих интересы американских монополистов, переложить вину с больной головы на здоровую, завуалировать агрессивные глобальные устремления США, в частности в Африке и на Ближнем Востоке. Ведь именно США и их союзники, а вовсе не Советский Союз активно осуществляют «развертывание по всем азимутам» своих военных сил на ближайших подступах к Персидскому заливу, в Индийском океане — на укрепляющейся на глазах базе Диего-Гарсия, на базах, предоставленных США Египтом, Марокко, Сомали, Кенией, а также в ряде «стратегически важных» для США государств типа Израиля, Саудовской Аравии, Омана, Турции и др.

Именно Вашингтон, ускоряющий создание сил «быстрого развертывания», как отмечает журнал «Африк — Ази», готов вмешиваться повсюду, «где могут оказаться под «угрозой» его интересы или интересы Запада». Причем «угрозой» считается «всякая попытка какого-то народа избавиться от неокOLONиализма и империализма»².

Что же касается политики Советского Союза в отношении развивающихся стран, то уместно напомнить слова, сказанные Л. И. Брежневым еще в феврале 1980 г. на его встрече с избирателями. Наши добрые отношения и взаимовыгодное сотрудничество со многими десятками государств Азии, Африки и Латинской Америки, говорит Генеральный секретарь ЦК КПСС, развиваются на основе строгого уважения их суверенитета, прав народов, на базе равноправных международных отношений. «Мы ценим отношения со всеми этими государствами, уважаем их права, не заримся на их богатства, не ищем там военных баз... не пытаемся диктовать им, какую политику проводить... никогда не используем свою помощь для давления на тех, кому она оказана»³.

Эта справедливая и твердая политическая линия нашей страны нашла свое подтверждение в подписанном в мае 1981 г. новом Договоре о дружбе и сотрудничестве между СССР и Народной Республикой Конго (в дополнение к уже существующим договорам с Анголой, Мозамбиком, Эфиопией, Сан-Томе и Принсипи), договоре, который призван стать важным фактором, содействующим росту авторитета независимой Африки на международной арене. Решения XXVI съезда КПСС также подтверждают неизменный курс СССР на расширение сотрудничества с освободившимися странами, на упрочение союза с ними.

Пытаясь помешать этому сотрудничеству, вбить клин между Советским Союзом и освободившимися странами Африки, буржуазные ученые, в частности уже упомянутый нами Т. Хенриксен, стараются оболгать СССР, Кубу, исказить их политику в Африке, представить в ложном свете события в Анголе, политику руководителей Мозамбика. Так, помощь Китая Мозамбику в 60-е годы автор стремится изобразить в позитивном плане, хотя попутно отмечает, что, например, навязывание китайской «культурной революции» и маоистской идеологии в конце 60-х годов «было неблагоприятно воспринято лидерами ФРЕЛИМО», а китайская поддержка антиангольских проамериканских сил в ходе событий в Анголе в середине 70-х годов «еще более ослабила связи Мапуту с Пекином» (с. 62).

В конечном итоге автор вынужден отметить развитие дружественных отношений Мозамбика и Анголы с Советским Союзом, однако он тут же пытается их опорочить, утверждая, что эти связи носят всего лишь «временный характер», что у МПЛА и ФРЕЛИМО будто бы «нет общей почвы» для сотрудничества с СССР и надо «надеяться на лучшее, то есть на то, что и Ангола, и Мозамбик в недалеком будущем (разумеется, не без помощи США, Пекина, реакционных арабских стран) станут якобы прямыми «противниками» Советского Союза (с. 69, 110).

Ненаучный подход к проблеме у авторов данного исследования проявляется также в крайней противоречивости их выводов. Так, адъюнкт-профессор университета Мэриленд Дж. Смалдоне, сотрудничающий с отделом внешнеполитических исследований госдепартамента США, отмечает, что одной из основных целей Пекина является завоевание лидирующих позиций среди стран «третьего мира», что Африка сыграла важную роль в китайских претензиях на международное признание и что Китай рассматривает Африку как «основной театр» своей глобальной стратегии (с. 102).

Вместе с тем Смалдоне пытается убедить читателя, будто у Пекина «нет немедленных стратегических интересов в Африке», отмечает, что экономическую и военную помощь Пекина Африке надо рассматривать «в политическом контексте», пытается обелить политические цели Китая в Африке, называя их «революционными» или «революционно-прагматическими».

Смалдоне одобрительно отзываясь об экономической помощи Пекина африканским странам и пытается противопоставить ее советской помощи. Он утверждает, например, что «бедный» Китай будто бы очень «щедр» к Африке, что китайская помощь Африке составляет более 50 % всей экономической помощи Пекина «третьему миру», в то время как Советский Союз дает Африке только 14 % общего объема своей помощи развивающимся странам (с. 103).

Однако расчеты автора недобросовестны. Так, он утверждает, например, что Африка в 1967—1976 гг. была якобы основным получателем китайского оружия. Ав-

² «Afrique — Asie» (Paris), Mars 16, 1981.

³ «Коммунист», 1980, № 4, с. 7.

тор оговаривает, что не принимает во внимание соседних с Китаем стран, но сама эта оговорка практически сводит на нет его суждения. Да и сам Смалдоне, понимая, что размеры китайской военной помощи ничтожны, тут же заявляет, что она практически «не влияет на местный (то есть африканский. — М. М.) военный или стратегический баланс». Именно это и уstraивает автора, ибо китайская помощь практически не представляет угрозы западному миру, она лишь «дополняет» поставки западных стран, то есть выступает в роли «подручного» американского империализма.

Другой ученый США, Дж. Т. Юй, профессор политических наук университета Иллинойс, известный специалист по китайско-африканским отношениям в 70-е годы, автор ряда статей и специальной монографии о политике Китая в Африке (на примере Танзании), напротив, рассматривает китайскую помощь Африке как «интенсивную» и даже пытается найти в ней (разумеется, голословно) «дух пролетарского интернационализма» (с. 118).

И в то же время автор, анализируя цели экономической политики Китая в Африке, приходит к трезвому выводу о прямой зависимости китайской помощи от внешнеполитических целей Пекина: от стремления «усилить свое влияние на африканские народы, «вытеснить своих противников», а также добиться поддержки «в качестве лидера стран третьего мира», завоевать там «революционный авторитет» (с. 118—119). Если слово «революционный» оставить на совести автора, то этот его вывод в целом соответствует реальному положению вещей.

Особое внимание Юй обращает на помощь Китая в строительстве железной дороги Танзам, полагая, что Пекин добился здесь «большого успеха», продемонстрировал «свои способности и силу», что Танзам символизирует «ведущую роль» Китая в «третьем мире» (с. 122). Автор, правда, замечает, что в ходе строительства дороги у Китая возникло много сложных экономических и финансовых проблем, но не говорит, что Пекин решал эти проблемы за счет Танзании и Замбии.

Автору, видимо, было удобнее обойти все острые углы при изложении системы кредитования Китаем строительства дороги, когда торговля «прямо привязывается к помощи» и выручка за китайские товары, проданные в кредит, идет на оплату местных расходов и китайских специалистов. В результате Танзания и Замбия (каждая) должны были приобрести у Китая товаров на 121 млн. ам. долл. (с. 131). Юй умалчивает о том, какие отрицательные последствия для развития ряда отраслей местной промышленности этих стран имела подобная политика Пекина. Автор в целом одобряет китайский принцип «любой ценой» добиваться своих целей и говорит, что, «несмотря ни на что, строительство дороги было оплачено и Танзам стала реальностью» (с. 131).

Такой же двусмысленный подход характерен для автора, когда он сообщает, что по мере развертывания строительства дороги «быстро возростала зависимость Китая от поставок некитайского оборудования для Танзам» (японских бульдозеров, английских и шведских тракторов, английских землеройных машин, финских камнедробилок, немецких микроавтобусов и др.) и что строительство железной дороги в целом «возложило огромное бремя на материальные ресурсы Китая» (с. 135). Автор вынужден все же признать, что к концу 70-х годов Танзам «еще не работала полностью, не развернула все свои потенции», что Танзам в общей практике экономической помощи Китая — исключение, а не правило, что другого такого объекта у Китая в «третьем мире» не было, нет и не будет (с. 141).

Действительно, строительство Танзам было одной из причин (наряду со многими другими) подрыва экономических ресурсов Китая, что сразу же сказалось на уменьшении размеров помощи Пекина Африке во второй половине 70-х годов, несмотря на широкообещательные обещания китайских лидеров.

Уже упомянутый Вайнштайн считает, что китайская активность в Центральной Африке возростала в 70-е годы как ответ на «советские усилия укрепить свое влияние в регионе». В то же время он отмечает, что Китай на деле поддерживал Запад, который всячески старался «подпереть» заирского президента Мобуту «против внутренних и внешних диссидентов» (с. 145). Автор не скрывает, что Китай был крайне заинтересован в том, чтобы Мобуту «выжил политически», ибо он был нужен Пекину для снабжения и поддержки УНИТА против МПЛА и НРА (с. 163).

Одновременно Вайнштайн предупреждает китайцев, претендующих на расширение глобальной роли Китая, что в последующие десятилетия «Китай может потерять свои позиции и возможности в Африке» (с. 165).

Наиболее трезво оценивает китайскую политику Евг. Лоусон, специалист по международным отношениям в университете Джорджтауна. Рассматривая ситуацию в Анголе и Эфиопии в 70-е годы и, по существу, разоблачая политику Пекина в отношении этих стран, автор пытается доказать, что действия Китая в Африке не всегда были «просто реакцией» на действия Советского Союза, что политику Пекина следует рассматривать как стремление Китая добиться авангардной роли в «третьем мире», частью которого он себя считает; кроме того, китайские действия, подчеркивает Лоусон, никогда не были случайными, не связанными друг с другом, они всегда были частью «глобальной внешнеполитической схемы» Пекина (с. 168).

Лоусон говорит, что китайские формулы об укреплении африканского единства и опоре на собственные силы, навязчиво пропагандировавшиеся Пекином в Африке в 70-е годы, определялись двумя причинами: Пекин, во-первых, пытался таким путем

успокоить африканцев, заверить их, что его «новые инициативы» никак не означают намерения Пекина захватить контроль над Африкой, а во-вторых, хотел бы «предупредить африканские радикальные круги не ожидать от КНР большой материальной помощи» (с. 172).

Но затем автору изменяет чувство реальности, и его концепция, хотя и более завуалированно, примыкает в целом к основной идее книги, служебная роль которой очевидна.

Публикация в США подобных работ в последнее время подчинена вполне конкретной задаче — приостановить расширение влияния научного социализма в Африке и других странах зоны национально-освободительного движения, исключить контакты и сотрудничество молодых независимых стран с СССР и другими социалистическими странами.

Пытаясь компенсировать свое идейное банкротство усилением пропагандистского воздействия, американские политики все шире используют «китайскую карту», занимаются восхвалением заведомо безнадежных сторон политического курса Пекина в Африке. Этой цели служит и данная книга. Одобряя и восхваляя под маской объективности мизерную по размерам китайскую экономическую помощь странам Африки, американские ученые и политики пытаются путем «координации» действий с Китаем использовать его в качестве «контрбаланса» при проведении политики конфронтации с Советским Союзом с целью отрыва развивающихся стран от их естественного союзника в антиимпериалистической борьбе — мира социализма.

В заключение отметим, что американская историография в начале 80-х годов почти полностью следует официальной позиции Вашингтона в оценке политики и роли Китая в Африке.

О некоторых социально-психологических концепциях маоизма в синологии США

Е. В. Якимова

Оценка идейно-политической сущности маоизма вызвала острую борьбу между учеными-марксистами и представителями различных направлений буржуазного китаеведения. Немарксистская синология 60—70-х годов представляет собой калейдоскоп различных «концепций» маоизма. Однако многочисленные точки зрения на маоизм в буржуазном китаеведении имеют общую черту — политическую тенденциозность в оценке маоизма, стремление так или иначе дискредитировать марксизм, приравняв к нему идеологию и политическую практику маоистов. Если политические симпатии представителей левацко-апологетического, либерально-объективистского или откровенно антикоммунистического направлений западной синологии достаточно прозрачны, то политическая направленность социально-психологических концепций маоизма внешне менее очевидна.

Феномен маоизма интересует буржуазных социопсихологов прежде всего как практика духовного манипулирования и канализации социальной активности масс в русло, удобное правящей верхушке. Представители этого направления видят свою цель в изучении устойчивых социально-психологических стереотипов мышления и поведения китайцев, судеб традиционной политической культуры в маоистском Китае. В советской литературе отмечалось, что типичная для социопсихологических концепций заданность концептуальной схемы, преувеличение роли традиций в социально-политическом развитии Китая, постулирование прямолинейных генетических связей между политической культурой феодальной Поднебесной и социально-психологической атмосферой современного Китая неизменно предопределяют выводы буржуазных исследователей о якобы неспособности китайского народа преодолеть рутинный образ жизни, обнажая таким образом политический характер их социопсихологических прогнозов¹.

В рамках социально-психологического направления в американском китаеведении 60—70-х годов были разработаны так называемые психохисторические концепции маоизма, авторы которых увидели секрет временного утверждения маоизма в Китае в психологических особенностях личности Мао Цзэдуна². Опираясь на «новую», «психохисторическую» методологию социального анализа, психохисторики Л. Пай и Р. Лифтон обратились к изучению субъективного фактора в маоизме с позиций фрейдизма. Если общая оценка методологической несостоятельности буржуазных социально-психологических концепций уже была дана в советской литературе³, то психохисторические интерпретации маоизма еще не получили должного освещения. Между тем затронутая психохисториками проблема связи субъективного и объективного факторов в маоизме имеет принципиальное значение для правильного понимания судеб социализма в Китае. Марксизм, как известно, не отрицает роли личности в истории, он лишь ставит на материалистическую, научную почву вопрос о природе и границах деятельности исторической личности, детерминированных объективными условиями ее бытия. Соответственно и в советском китаеведении наряду с исследованием объективных условий возникновения маоизма определенное внимание уделялось и идейно-психологическому портрету Мао Цзэдуна, отмечалось, что, «помимо субъективных истоков и условий, формирование и эволюция маоизма в огромной степени зависели от субъективного фактора, иными словами — от личности Мао Цзэдуна, как главного субъекта и носителя маоистской идеологии»⁴. В связи с этим критиче-

¹ См.: Современный Китай в зарубежных исследованиях. М., 1979, с. 113.

² In: L. W. Pye. Mao Tsetung. The Man in the Leader. New York, 1976; R. J. Lifton. Revolutionary Immortality. Mao Tsetung and the Chinese Cultural Revolution. New York, 1968.

³ См.: Современный Китай в зарубежных исследованиях, с. 98—115; Г. Ф. Салтыков. Рабочий класс и крестьянство КНР в политике китайского руководства. 1969—1976 гг. Социально-психологические аспекты. Автореферат. М., 1978.

⁴ В. Ф. Феоктистов. Об этапах идеологической эволюции маоизма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4, с. 87.

ский анализ психоисторических концепций маоизма представляет определенный научный интерес.

Не претендуя на замену традиционного исторического исследования, психоистория провозгласила своей задачей изучение бессознательных побудительных мотивов исторического творчества личности и социальных групп. Философско-методологической базой психоисторического анализа стало учение З. Фрейда о бессознательном как генетически первичной и враждебной сознанию психической структуре, представляющей собой резервуар инстинктивных, биологических влечений. Психоисторики используют также и фрейдистскую теорию групповой психологии.

Классической темой психоисторического исследования являются так называемые «психобиографии» выдающихся людей⁵. Современных психоисториков интересует главным образом проблема связи исторической личности с массами через неосознаваемые структуры и механизмы духовной жизни. Соотношение идеологии вождя и типичных для данной эпохи общественно-психологических стереотипов поведения и мировосприятия представляет собой, несомненно, реальную научную проблему. Однако фрейдизм со свойственными ему психологическим редукционизмом в объяснении социальных процессов, абсолютизацией иррационального в психике человека, произвольной экстраполяцией психологических характеристик личности на область политической истории не может служить адекватной теоретической и методологической базой для решения подобной проблемы. Единственной научной основой взаимообогащения исторических и социально-психологических исследований является исторический материализм.

Изучение роли социально-психологических стереотипов в жизни общества, механизмов их формирования и особенностей функционирования неосознаваемых элементов общественной психологии имеет непосредственное отношение и к современной политической истории Китая. Как отмечает Л. С. Переломов, «при изучении причин перерождения революционной власти в Китае недостаточно только анализа классовых корней маоизма», большую роль сыграли здесь и социально-психологические факторы⁶. В советской китаеведческой литературе много внимания уделялось влиянию традиционных социально-психологических установок на политическое поведение китайских трудящихся, неоднократно подчеркивалась связь маоизма с конфуцианством, легизмом, традиционным китаецентризмом через сферу общественной психологии, проводился анализ использования маоистами социальных чувств и традиционных умонастроений крестьянской массы⁷. Все это позволяет воссоздать реальную духовную атмосферу в КНР, без знания которой невозможно до конца понять причины временного утверждения маоизма в Китае. Эти исследования советских китаеведов дают возможность провести всесторонний анализ психоисторических интерпретаций маоизма Р. Лифтоном и Л. Паем.

Согласно концепциям Л. Пая и Р. Лифтона, в соответствии с логикой психоисторического исследования, только уяснив психологические характеристики и особенности эмоционального развития личности Мао Цзэдуна, можно понять социальные процессы в КНР. Фокусом исследований Лифтона являются «определенные черты психологического и революционного стиля Мао, которые стали причиной целой серии личных и исторических крайностей как в его собственной судьбе, так и в ситуации в Китае»⁸. Л. Пай даже полагает, что характер Мао Цзэдуна «сформировал метод и стиль китайской революции», события и процессы которой «неоднократно принимали решающую форму непосредственно в ответ на те или иные черты личности Мао»⁹. Оба исследователя, таким образом, претендуют на «нетривиальный» подход к но-

⁵ Рождение психоистории на Западе условно датируют выходом в свет «психобиографии» М. Лютера, написанной наиболее известным американским психоисториком Э. Эриксоном. — См.: E. H. Erikson. *Young Man Luther*. New York, 1958.

⁶ См.: Л. С. Переломов. О сущности легизма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, с. 77.

⁷ См.: Г. Ф. Салтыков. Традиция, механизм ее действия и некоторые ее особенности в Китае. — В кн.: Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972; его же: Клановость и политическая борьба в китайской деревне (1970—1972). — В кн.: Китай: традиции и современность. М., 1976; А. Н. Желуховцев. Роль традиций в формировании стереотипов мышления и поведения в современном Китае. — В кн.: Роль традиций в истории и культуре Китая; В. А. Кривцов. Маоизм и конфуцианство. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3; его же: Маоизм и великоханьский шовинизм китайской буржуазии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1; его же: Маоизм и китайская идейная и социально-психологическая традиция. — «Вопросы философии», 1976, № 8; Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма. М., 1974; Г. Ф. Салтыков. Социально-психологические аспекты политической жизни Китая. — «Рабочий класс и современный мир», 1975, № 3; М. Г. Степанов. Маоистская пропаганда: некоторые социальные и психологические аспекты. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4, и др.

⁸ R. J. Lifton. *Revolutionary Immortality*, p. XVII.

⁹ L. W. Pye. *Maо Tsetung. The Man in the Leader*, p. 3, 8. Далее при ссылках на работы Л. Пая и Р. Лифтона страницы указываются в тексте в скобках.

вейшей истории Китая, заключающийся в выявлении связи и взаимоотношения социальных катаклизмов, общественной психологии и личности лидера.

Р. Лифтон, профессор психологии Йельского университета, широко известен в США как психоисторик-теоретик, создавший концепцию «символических форм человеческого бессмертия». Одновременно он уделяет много внимания современной политической истории Японии и Китая. Проблемное поле его исследований составляют экстремальные ситуации в жизни человечества (трагедия Хиросимы, «культурная революция»). Книга Р. Лифтона «Революционное бессмертие» представляет собой приложение разрабатываемой автором психоисторической теории к анализу маоистской «культурной революции», а также проверку эвристических возможностей этой теории на конкретном историческом материале. Отправная точка психоистории Лифтона — теория Фрейда, соединенная с элементами экзистенциального анализа.

Л. Пай, профессор политических наук Массачусетского технологического института, в отличие от Р. Лифтона не является ни оригинальным психоисториком, ни специалистом в области психологии. Однако как политолог он специализируется на изучении политических аспектов социально-психологических процессов в странах Юго-Восточной Азии и в Китае. Теоретико-методологической базой работы Л. Пая о Мао Цзэдуна послужила прежде всего упомянутая выше книга Э. Эриксона. Опирался он и на исследования специалистов по «политической психологии» (Г. Лассвел, А. Кардинер, М. Мид).

Анализ психоисторических концепций маоизма целесообразнее начать с книги Л. Пая «Мао Цзэдун: человек в лидере», так как она представляет собой типичную попытку «психобиографии» исторической личности. Эта работа полностью соответствует основным требованиям психоисторического жанра: повышенное внимание к роли детских переживаний и фрустраций в жизни индивида, детальный анализ межличностных отношений лидера на всех ступенях социализации; исследование мемуарной и автобиографической литературы с помощью психоаналитической техники для проникновения в сферу бессознательных мотивов деятельности лидера. Л. Пай подвергает фрейдистской обработке широко известные сведения о детстве и юности Мао Цзэдуна, его беседы с Э. Сноу, высказывания «великого кормчего», собранные в пресловутом «Цитатнике», и даже его стихотворное наследие. Этот материал и лег в основу психоисторической интерпретации личности Мао Цзэдуна.

Центральной проблемой книги Л. Пая является «загадка величия» Мао, которая, с точки зрения автора, заключается в экстраординарной способности «великого кормчего» понимать, пробуждать и направлять человеческие эмоции, использовать свою личность для управления чувствами и страстями других (с. 6—7). Эти черты личности Мао интерпретируются Паем как типичная для большинства политических лидеров способность удовлетворять потребности развития собственной личности путем публичных действий, находя решения личных проблем в разрешении общественных конфликтов (с. 10—11). Американский политолог опирается здесь на заслуживающую внимания идею Э. Эриксона о социальной-психологической общности мироощущения идеолога-лидера и идущей за ним массы, о способности вождя посредством идеологии, вобравшей в себя существенные элементы «психологии эпохи», направлять эмоциональную и творческую энергию людей. Л. Пай стремится, таким образом, с одной стороны, раскрыть сущность «угаданной» Мао Цзэдуном социально-психологической ситуации в Китае накануне народной революции, а с другой — воссоздать картину эмоционально-психологического формирования личности «великого кормчего», акцентируя те моменты его «душевной биографии», которые оказались созвучными требованиям исторического момента.

Л. Пай уделяет гораздо больше внимания второй стороне задачи — личной жизни Мао Цзэдуна, крайне скупно обрисовав социально-психологический климат в Китае до революции 1949 г. Он выделяет, по сути дела, лишь одну типичную черту общественной психологии этого периода — обостренное чувство национального унижения — и называет Мао Цзэдуна глашатаем китайского национализма (с. 239). Тем самым Пай существенно искажает содержание социальных умонастроений в Китае тех лет, игнорируя революционно-демократические настроения масс и их стремление к социальному освобождению. В результате задача социального обновления Китая сводится им к освобождению страны от полуколониальной зависимости. Однако китайская революция, как известно, решала две задачи — антиимпериалистическую (национальную) и демократическую (социальную), что нашло отражение в тесном переплетении антиколониальных и антифеодальных элементов в настроениях трудящихся масс. Другое дело, что эти задачи воспринимались массами прежде всего как необходимость борьбы против иноземных эксплуататоров и их прислужников. Экономическая отсталость страны, консервация феодальных пережитков, влияние конфуцианских социально-психологических стереотипов и традиционной клановости, неразвитость классовых антагонизмов были причиной того, что протест, который переполнял китайских трудящихся в городе и деревне, приобретал в первую очередь не классовую, а главным образом национальную направленность, что вело к превалированию идеи национальной борьбы над идеями борьбы классовой¹⁰.

¹⁰ См.: Идеино-политическая сущность маоизма. М., 1977, с. 34.

Таким образом, стремление к национальному освобождению действительно (но лишь на время) могло стать фокусом социальных настроений в Китае. Поэтому справедливы замечания Пая об апелляции Мао к национальному чувству китайского народа, о его умении использовать в своих целях общественно-психологический климат в стране. «Сила Мао Цзэдуна, — писал П. П. Владимиров, — ...в доскональном знании психологии китайского крестьянства, мелкого буржуа, обычаев и нравов народа... Мао берется изболевшее под иностранным гнетом национальное чувство»¹¹.

Но в национализме любой угнетенной нации, как указывал В. И. Ленин, содержатся как прогрессивные, антиимпериалистические элементы, так и консервативные, шовинистические¹². В отличие от китайских коммунистов-интернационалистов Мао Цзэдуна всегда использовал реакционные черты китайского национализма, спекулируя на националистических предрассудках в сознании народа. В этом плане можно согласиться с Л. Паем, что Мао выступал провозвестником китайского национализма. Интересно, что секрет «привлекательности» маоизма в глазах народных масс американский политолог видит преимущественно в его созвучности националистическим настроениям, практически не принимая во внимание маоистскую «социалистическую» демагогию. Хотя такая позиция значительно упрощает причины «влиятельности» маоизма, всегда спекулировавшего на авторитете коммунистических идей, она невольно подтверждает марксистский вывод о шовинистическом характере идеологии Мао Цзэдуна. Приравняв маоизм к национализму, Л. Пай как бы подчеркивает, что в «идеях Мао Цзэдуна» нет ни грама марксизма.

Объявив «великого кормчего» «рупором времени», «провидцем нового общества», Л. Пай «не заметил», что Мао Цзэдуна использовал определенные стороны социальных умонастроений в целях, не только не ведущих к «социальному обновлению», но противоречащих интересам народа и потому обреченных на историческое банкротство. Помимо такой «недалновидности» Л. Пая с ее очевидной политической тенденциозностью, его позиция объясняется в итоге отсутствием классового подхода к проблеме. Только классовый анализ социально-психологических процессов дает возможность различить исторически прогрессивных лидеров, идеология которых, вбирая в себя социальные чувства, действительно отвечает запросам времени, и идеологов, спекулирующих на настроениях масс и толкающих их в тупик истории. Марксистский классовый подход к идеологии маоизма показал, что «идеи Мао Цзэдуна» явились квинтэссенцией социальной психологии многомиллионной мелкобуржуазной массы, которая отличается повышенной чувствительностью к шовинистическим лозунгам. В этом «секрет» временного утверждения маоизма в Китае и одновременно причина его исторической бесперспективности.

Поскольку устойчивость националистических настроений в Китае — достаточно общепризнанный факт, чтобы исчерпать проблему влияния маоизма на массы, то американский политолог пытается дополнить свою концепцию обращением к «бессознательным» импульсам общественной психологии. Эклектически соединив теорию Эриксона с учением З. Фрейда о «нарциссизме», Л. Пай выдвигает свой вариант разгадки «харизмы Мао Цзэдуна»¹³. С точки зрения Пая, тайна харизматического лидерства покоится на универсальном, общечеловеческом феномене так называемого «вторичного нарциссизма». Инфантильный «нарциссизм», по Фрейду, — одновременное ощущение младенцем и своей беспомощности, и господства над миром, который удовлетворяет малейшие его потребности. Согласно психоаналитической типологии характеров, чрезмерный инфантильный «нарциссизм» может привести к формированию «нарцисстической» личности, которой свойственны крайняя холодность, сдержанность межличностных отношений, высокомерие, самоуверенность и стремление утвердить свое «я». Фрейд высказывал предположение и о существовании «вторичного нарциссизма» — бессознательного стремления взрослого индивида вернуть иллюзии индивидуального господства над миром и ценности своего «я».

Основываясь на этих идеях З. Фрейда, Л. Пай утверждает, что в душе каждой взрослой личности живет бессознательная тоска по утраченным благам первичного «нарциссизма», что находит свое выражение во взаимоотношениях харизматического лидера и массы (с. 12—13). Лидер — нарцисстическая личность — стремится к постоянному утверждению своего «я», к бессознательному воскрешению инфантильного ощущения всемогущества. В то же время он зависит от отношения к нему массы.

¹¹ П. П. Владимиров. Особый район Китая 1942—1945 гг., М., 1973, с. 146.

¹² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 132.

¹³ Впервые термин «харизма» (бог вдохновенность) был использован в социологии М. Вебером, который заимствовал его из раннехристианской литературы. Под «харизмой» М. Вебер понимал «определенное качество личности, благодаря которому она выделяется из толпы обычных людей и считается наделенной сверхъестественными, сверхчеловеческими или по крайней мере исключительными силами или качествами. Решающим для действия харизмы является ее признание со стороны подвластных лидеру». См.: M. Weber. Theory of Social and Economic Organization. New York, 1974, p. 341. Современные социологи на Западе широко пользуются понятием «харизматическое лидерство».

Масса же, считает Пай, зная об этой ахиллесовой пяте вождя, тем не менее сама зависит от нарцисстического героя, так как бессознательно надеется посредством абсолютного подчинения лидеру вернуть себе младенческое ощущение благополучия. Кроме того, приобщившись к гению вождя, люди, с точки зрения Пая, имеют шанс снова стать хозяевами бытия и утвердить пошатнувшееся чувство собственного достоинства.

С позиций этой теории Л. Пай следующим образом объясняет «тайну» харизматической привлекательности Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун является сильной нарцисстической личностью, чей детский опыт содержал в себе как положительные эмоции подлинного «нарциссизма» (Мао — первый ребенок в семье — был предметом особой гордости и заботы матери), так и глубокие фрустрации. Последние были вызваны появлением в семье второго ребенка, с которым двухлетний Мао отныне должен был делить материнскую привязанность и любовь. В результате обостренное чувство самоценности своего «я», некогда имевшее под собой реальное основание (исключительная любовь матери), по мнению Пая, тесно переплелось в психике Мао Цзэдуна с ощущением покинутости и безразличия к своей персоне (с. 85, 306). Эти глубокие личные переживания Мао, толкавшие его к утверждению своего «нарциссизма», одновременно якобы сделали его чрезвычайно чувствительным и к националистическим настроениям масс. Национализм же объясняется с этой точки зрения Паем как типичная для «вторичного нарциссизма» тоска народа по бывшему величию китайской империи и бессознательное стремление возродить незаслуженно поправленное национальное «я» (с. 238—239, 250—251).

Концепция харизматического лидерства Л. Пая и основанное на ней «объяснение» влияния маоизма в Китае представляют собой образец типично фрейдистского мифотворчества и не имеют никакой научной базы. С точки зрения научной психологии абсолютно несостоятельна идея бессознательной психологической регрессии к уже пройденным жизненным этапам («вторичный нарциссизм»), гипертрофия роли детского опыта в жизни взрослого индивида. С позиций марксистской социологии не выдерживает критики стремление автора свести объяснение сложных социальных явлений исключительно к социально-психологическому анализу. Попытки Л. Пая вывести феномен китайского национализма из особенностей функционирования человеческой психики представляют собой экстраполяцию ложно понятых законов психологического развития личности на область социальных феноменов, то есть психологический редуционизм.

Особо следует подчеркнуть, что «объяснение» Л. Пая тяготеет к завуалированной апологии маоистской практики манипулирования общественным сознанием. Абсолютизируя роль бессознательных аспектов во взаимоотношениях лидера и народа, американский политолог принижает способность масс к историческому творчеству. Народ, слепо идущий за харизматической личностью, перестает, таким образом, быть субъектом истории. «Большинство китайцев, — утверждает Пай, — чувствовали, что не следует делать различия между личным величием Мао и восстановлением национального величия» (с. 250—251). Иными словами, абсолютная преданность масс «идеям Мао Цзэдуна» является, по мысли Пая, залогом грядущего величия Китая. Провозглашая тотальную конформность по отношению к харизматическому лидеру, Л. Пай, по сути дела, подводит «научную» психологическую базу под известное требование маоистов, чтобы все люди превратились в «чистый лист бумаги», в «нержавеющие винтики Председателя Мао», самовыражение которых возможно только через личность «великого кормчего».

Неудивительно поэтому, что сама личность интересует американского политолога во всех подробностях ее жизненных перипетий. Нужно сказать, что те страницы книги Л. Пая, которые посвящены воссозданию конкретных психологических особенностей характера Мао Цзэдуна, облегчивших ему борьбу за власть в партии, заслуживают определенного внимания. Рисуя психологический портрет Мао, Л. Пай акцентирует в нем такие черты, как чувство исторической избранности, претензия на право первенства, обостренное самолюбие, боязнь остаться в тени, оказаться объектом пренебрежения со стороны окружающих (с. 93, 238). Интересны замечания Пая о неспособности «великого кормчего» к стабильным межличностным отношениям, к длительным эмоциональным контактам (как в личной, так и в политической жизни), о «политическом» характере его болезней, совпадающих с периодами «копал» в КПК (с. 85, 262, 310). «Нарцисстические» черты характера также были в значительной степени присущи Мао Цзэдуну.

Ценность этих наблюдений Пая тем не менее значительно снижается их фрейдистским толкованием. Все перечисленные черты характера Мао объясняются американским политологом как результат непреодоленного младенческого шока. Став однажды жертвой чрезмерной эмоциональной привязанности, Мао Цзэдун, утверждает Пай, навсегда отказался от длительных межличностных контактов, заменив их аффективным отношением к абстракциям: революция, идеологическая «чистота», идеализированное «братство» и т. д. (с. 306—307). Шаткость этой «центральной гипотезы» Л. Пая, ее необоснованность и спекулятивность отмечали даже буржуазные специалисты, в целом принимающие фрейдистский постулат о фатальной роли детского опыта в жизни человека. Л. Диттмер, например, обращает внимание на то, что Пай не

учел влияния меняющейся социальной действительности на формирование личности Мао Цзэдуна¹⁴.

Подмеченные Паем черты характера Мао Цзэдуна были обусловлены более ясными причинами. «У Мао нет и не может быть привязанностей... всепоглощающая страсть — только власть! Эта страсть не оставляет места привязанностям. Она уродует Мао Цзэдуна, превращая в опасную и агрессивную личность, лишенную естественных человеческих эмоций», — так, без всякой фрейдистской мистики, объяснял П. П. Владимиров «нарцисстическую» сущность «великого кормчего»¹⁵.

Субъективно-психологический опыт Мао Цзэдуна явился поистине неисчерпаемым источником для теоретизирований Л. Пая. Неверно было бы, конечно, полностью отрицать личностно-психологические предпосылки некоторых маоистских кампаний. Например, уклад деревенской жизни и дух казармы всегда были особенно близки «великому кормчему». Весьма возможно, что негативные переживания неприемлемого помощника библиотекаря в Пекинском университете определенным образом окрасили отношение будущего председателя КПК к интеллигенции. Но тем не менее «презрение к интеллигенции — это не только психологическая черта, это идеология»¹⁶. Именно идеология мелкобуржуазной революционности порождает пренебрежительное отношение к культуре, науке и их носителям, проповедует культ воли и анархического хаоса.

Маоизм отнюдь не является следствием эмоционально-психологических потенций личности Мао Цзэдуна, хотя субъективный фактор сыграл не последнюю роль в его временном утверждении в Китае. Маоизм — это идейное течение, порожденное классовыми и социально-психологическими особенностями китайского мелкого буржуа. Поэтому важнейший порок психоисторической концепции Л. Пая — тенденция подчинить антинародную политику маоизма логике эмоционально-психологического формирования личности Мао Цзэдуна.

С несколько иных позиций подходит к психоисторической интерпретации маоизма Р. Лифтон. Если «психобиографическая» концепция Л. Пая выдвигает на первый план уникальность субъективно-психологического опыта Мао Цзэдуна, якобы явившегося причиной политических зигзагов маоизма, то Лифтон строит свое исследование истоков «культурной революции» на принципах широкого обобщения и высокой степени абстракции. Рассматривая «ситуацию в Китае как парадигму революции вообще» (с. XVIII), американский психолог надеется путем предельной генерализации социально-психологических аспектов революционных периодов в жизни человечества найти ключ к пониманию природы маоистской «культурной революции». Как и для Л. Пая, психологические особенности личности Мао Цзэдуна являются для Р. Лифтона важнейшим объектом психоисторического анализа социальных процессов в Китае, в особенности явлений и процессов, образующих «пограничную зону» между индивидуально-психологическим стилем лидера и общественной психологией. Объяснить природу этих процессов и явлений призвана разработанная Р. Лифтоном концепция «символических форм бессмертия». Под «символами бессмертия» он понимает внутриспихические структуры, обеспечивающие бессмертие человека. Ревитализация этих символов, представляющих основу любой культуры, составляет, по Лифтону, сущность социального обновления и исторического творчества.

Обращаясь с позиций своей теории к анализу событий в КНР, Р. Лифтон выдвигает на первый план понятие «революционного бессмертия» — «преодоления индивидуальной смерти путем существования «на средства» революции» (с. 7). Утверждение незабываемости своих революционных воззрений и деяний (символов бессмертия) служит «революционеру», согласно Лифтону, залогом преодоления конечности человеческого бытия. С этой точки зрения «культурная революция» означает не что иное, как стремление «стареющего революционера» — Мао Цзэдуна — подтвердить прочность и непоколебимость его видения революционного бессмертия Китая. «Смерть революции», то есть торжество альтернативных символов бессмертия, представляла для «великого кормчего», по мысли Лифтона, большую опасность, чем собственная физическая смерть, ибо она положила бы предел посмертному бытию «идей Мао Цзэдуна» (с. 14—15). Помимо субъективных причин — психологического состояния стареющего председателя Мао, — Лифтон отмечает и объективную основу опасений Мао Цзэдуна накануне «культурной революции» — боязни, что Китай «изменит цвет». Эта основа — непрекращающаяся борьба за власть между ортодоксальными маоистами и «прагматиками», а также ослабление общих позиций Мао Цзэдуна после провала политики «большого скачка». Таким образом, «культурная революция» трактуется американским психологом как порождение страха Мао Цзэдуна перед возможной «демаоизацией» Китая после его смерти, как попытка стареющего председателя увековечить авторитет собственного модуса революционного бессмертия.

Если оставить в стороне экстравагантное философское оформление вывода Лифтона, концепцию символических форм бессмертия, то основная мысль автора заслуживает определенного внимания. Ведь, по сути дела, речь идет о том, что «куль-

¹⁴ In: L. Dittmer. Mao Tsetung: the Man and the Symbol. — "China Quarterly". 1976. № 68, p. 827.

¹⁵ П. П. Владимиров. Особый район Китая, с. 411—412.

¹⁶ Ф. М. Бурацкой. Мао Цзэдуна. М., 1976, с. 19.

турная революция» была задумана и осуществлена как утверждение «идей Мао Цзэдуна», как навязывание Китаю навечно маоистского режима. Нельзя также не признать доли истины в рассуждениях американского психолога о том, что «великий кормчий» опасался за посмертный престиж своего «наследия». Однако сами по себе эти факты еще требуют объяснения, теория же Лифтона не только не вскрывает сущности событий в Китае в период «культурной революции», но искажает их природу и уводит в сторону от научного понимания их причин.

Прежде всего теоретически несостоятельна и политически тенденциозна исходная посылка Лифтона: отождествление «культурной революции» в Китае с революцией вообще. Социальная революция есть разрешение назревших объективных противоречий в способе производства; она осуществляется массами и является локомотивом исторического прогресса. Что же касается «великой пролетарской культурной революции» в Китае, то она, как известно, представляла собой политический переворот, порожденный главным образом субъективными причинами — стремлением Мао Цзэдуна и его группы навязать стране сверху маоистский политический режим и утвердить маоистскую идеологию. То, что Лифтон принял за образец революционных событий в истории, являлось на самом деле контрреволюционным переворотом, означавшим шаг назад в социальном и политическом развитии Китая.

Причина «ошибки» Лифтона — идеалистическое понимание социально-психологических явлений («модусов бессмертия») как якобы существующих извечно в психике людей и обусловленных не суммой общественных отношений, а конечностью бытия человека. Не последнюю роль сыграли здесь и политические настроения автора. Объясняя события в Китае универсальными социально-психологическими механизмами, Лифтон придает социальным экспериментам маоистов более респектабельный вид. Общая негативная оценка Лифтоном «культурной революции» как ложного пути к бессмертию не меняет дела: налицо типичное для буржуазной синологии стремление приукрасить маоистскую «революцию». Об этом свидетельствует, например, «психологическое» оправдание Лифтоном маоистской «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата». Утверждая, что троцкистская концепция «перманентной революции» имеет своей глубокой причиной универсальную психологическую потребность в символах бессмертия (с. 7), американский психолог переносит анализ этой «теоретической основы» «культурной революции» из сферы идеологии и политики, где возможны аргументированные дискуссии, в сферу психологии. В результате вопрос об истинности или ложности этой «теории» снимается ссылками на «человеческую природу».

Таким образом, увлечение социально-психологическими обобщениями, трактовка событий в Китае как коллективного поиска форм бессмертия привели Лифтона к полному игнорированию реальных задач и целей, которые преследовали Мао Цзэдун и его ближайшее окружение в «посюстороннем» политическом мире.

Это не означает, что страх «великого кормчего» перед «торжеством политики анти-Мао»¹⁷ не играл никакой роли в его политических действиях. Этот страх действительно составлял психологическую доминанту в жизни Мао Цзэдуна, но объясняется он вовсе не универсально-экзистенциальными причинами, а в первую очередь исторической бесперспективностью маоизма. Идеология маоизма враждебна не только интересам рабочего класса Китая, она не отражает и чаяний китайского крестьянства, явившегося его массовой социальной базой. В этом причина «страха Мао перед трудящимися, перед коммунистами, в которых он с полным основанием видел потенциальных противников своего идеала общественного устройства»¹⁸.

Рассматривая «культурную революцию» как реализацию психологических потребностей вождя перед лицом смерти, Лифтон разрабатывает свою версию харизматического героя. Поскольку тема смерти является, по Лифтону, определяющей в бытии людей, то «героем-новатором» в истории оказывается у него так называемый «выживатель» — человек, близко соприкоснувшийся со смертью и испытавший крушение прежних модусов бессмертия. Чувствуя за собой «вину выживания», герой, как утверждает американский психолог, стремится оправдать свое существование созданием новых культурных символов бессмертия (с. 78, 81—82). Именно таким «выживателем», полагает Лифтон, являлся Мао Цзэдун, принесший китайскому народу новый «экзистенциальный абсолют» — маоистский «кодекс бессмертия»¹⁹. Однако старение героя может, с точки зрения Лифтона, привести к «угасанию харизмы» и острому беспокойству лидера о символическом бессмертии собственного «я». «Угасанием харизмы» Мао, превращением его из героя в деспота и объясняет американский психолог раздувание культа личности Мао Цзэдуна в годы «культурной революции» (с. 93—94).

Предложенная Лифтоном концепция харизматического героя еще в меньшей степени, чем рассуждения Пая о «нарциссизме», способна объяснить феномен мао-

¹⁷ См.: Ф. М. Бу р л а ц к и й. Указ. соч., с. 135.

¹⁸ Современный Китай в зарубежных исследованиях, с. 45.

¹⁹ Для доказательства «избранности» Мао Цзэдуна автор ссылается на биографические сведения — гибель жены, браньев, сына «великого кормчего», перед которыми Мао якобы испытывал «вину выживания», а также его частые рассуждения о смерти и своей «неуязвимости».

изма. Если Л. Пай все-таки пытался связать общие установки своей теории с конкретным анализом событий в Китае, то Р. Лифтон ограничивается констатацией общечеловеческих психологических потенций, выводя «логику» политических зигзагов маоистов из брэнности человеческого существования. Абсолютно недостаточным является и объяснение культа личности Мао Цзэдуна субъективно-психологическими причинами. Огромную роль здесь сыграли общая отсталость Китая, неразвитость политического сознания народа, устойчивость в нем конфуцианских традиций обожествления правителя, живучесть в массах и в КПК мелкобуржуазных социально-психологических установок.

Связывая политические шараханья маоистов с возрастом «великого кормчего», Лифтон проявляет известную непоследовательность, объявляя «наиболее эффективными неудачами» маоизма не только «культурную революцию», навязанную Китаю дряхлеющим председателем, но и инспирированные еще вполне бодрым «вождем» коммунизацию и «большой скачок» (с. 83). Таким образом, тезис Лифтона о трагической метаморфозе «харизматических потенций» Мао Цзэдуна не имеет под собой никакого фактического основания.

Гораздо больший интерес представляет предпринятый Лифтоном анализ маоистского «кодекса бессмертия» и его социально-психологических границ. Под «кодексом бессмертия» («экзистенциальным абсолютом») американский психолог понимает «идеи Мао Цзэдуна», собранные в пресловутом «Цитатнике» и сплавленные воедино с культом личности «великого кормчего» (с. 71). Приобщение отдельного индивида к «экзистенциальному абсолюту» Мао Цзэдуна, то есть требование абсолютного подчинения любого «я» маоистскому режиму, должно было, с точки зрения Лифтона, вести к символическому преодолению индивидом своего физического конца. Поэтому призывы Мао Цзэдуна «не бояться трудностей, не бояться смерти» означали, по Лифтону, не что иное, как обещание символической трансценденции всем «верным солдатам Председателя Мао».

Сердцевиной маоистского «кодекса бессмертия» американский психолог считает убеждение Мао Цзэдуна в безграничности двух человеческих способностей — беспредельной податливости человека к изменению его внутреннего мира и всемогущей человеческой воли в преобразовании внешней действительности (с. 70). Именно этим объясняется, с его точки зрения, бесконечные идеологические кампании в КНР по обработке сознания масс в духе «идей Мао Цзэдуна» и беспрецедентный волюнтаризм экономической политики маоистов, их понимание практики как реализации субъективистских установок «великого кормчего». Основанием указанных черт маоистского «экзистенциального абсолюта» Лифтон считает так называемый «психизм», то есть гипертрофию воли, стремление добиться господства над внешним миром путем внутренних, психологических манипуляций (с. XVII, 32). В игнорировании «принципа реальности» и подмене законов внешнего мира «идеями Мао Цзэдуна» видит Лифтон одну из важнейших причин утопизма маоистского «кодекса бессмертия». Однако концепция «психизма» вряд ли может быть признана адекватным объяснением авантюризма и субъективизма маоистов. Если термин «волюнтаризм», отвергнутый Лифтоном в силу его «специфичности», вскрывает объективные причины, идеалистическую сущность и классовые корни маоистского извращения диалектики объективного и субъективного, то понятие психизма исчерпывается указанием на субъективно-психологическую природу «экзистенциального абсолюта» Мао Цзэдуна. Тем самым Р. Лифтон, как и Л. Пай, ограничивает объяснение идеологии и политической практики маоизма узкими рамками личностно-психологических характеристик «великого кормчего».

В своем стремлении к широким обобщениям Лифтон склонен расценивать социально-экономические эксперименты маоистов как ответ на общечеловеческие вопросы эпохи, трактуя маоистскую гипертрофию воли как один из утопических вариантов решения проблемы современных взаимоотношений человека и техники. «Генерализующий» подход автора в данном случае не учитывает ни буржуазно-ограниченный характер альтернативы «человек — техника», ни то, что современный уровень экономического и социального развития КНР исключает возможность западной технофобии.

Подчеркивая утопичность «экзистенциального абсолюта» Мао Цзэдуна, Лифтон высказывает интересные замечания о социально-психологических пределах маоистского «революционного видения». Вопреки утверждениям Мао Цзэдуна о безграничной эластичности человеческого сознания, бесконечные идеологические кампании, а также нагнетание в стране атмосферы насилия и жестокости, насаждение подозрительности и вражды в межличностных отношениях приводят, как справедливо подчеркивает американский психолог, к существенным сдвигам в общественной психологии. Эти сдвиги затрудняют, по мнению Лифтона, маоистское идеологическое обращение масс и свидетельствуют о психологических пределах культивирования «психизма». Как отмечалось в советской литературе, «попытка маоистов «перехитрить» объективные законы экономики и истории встретили мощное сопротивление и со стороны психологической деятельности людей»²⁰, обернувшись их политической апатией, пассивно-

²⁰ Г. Ф. Салтыков. Рабочий класс и крестьянство КНР в политике китайского руководства, с. 15.

стью, отходом от общественной жизни и раздвоением индивидуального и массового сознания.

Негативная оценка Р. Лифтоном маоистского «кодекса бессмертия», на первый взгляд, совершенно противоположна позиции Л. Пая, трактующего «идеи Мао Цзэдуна» как адекватное выражение интересов китайского народа. Тем не менее обе психоисторические интерпретации маоизма далеки от научного анализа сущности и причин временного утверждения в КНР антинародной военно-бюрократической диктатуры. Хотя выводы Лифтона свидетельствуют об определенной близости автора к пониманию исторической перспективности маоизма, его «генерализующая» теория страдает теми же методологическими пороками и политической тенденциозностью, что и «психобиографическая» концепция Л. Пая.

Основным методологическим недостатком психоисторических теорий Р. Лифтона и Л. Пая, не позволившим им решить поставленную проблему соотношения объективного и субъективного в маоизме, является психологический редукционизм. Сведение социального к психическому вместе с идеалистическим преувеличением роли личности в истории привели американских психоисториков к абсолютизации субъективно-психологического опыта Мао Цзэдуна, не только взятого вне объективных условий формирования его личности, но и лишенного даже интеллектуального аспекта. Оторвав, таким образом, субъективную сторону возникновения и эволюции «идей Мао Цзэдуна» от объективных причин, сделавших возможным временное господство в Китае маоистского режима, Р. Лифтон и Л. Пай попытались непосредственно объяснить идеологию и политическую практику маоизма эмоционально-личностными переживаниями председателя Мао. Все попытки «состыковать» объективную и субъективную стороны маоизма через его влияние на общественную психологию и связь с настроениями масс обесцениваются в работах психоисториков идеалистической трактовкой социально-психологических феноменов и игнорированием классовой природы маоизма.

Психологизация Р. Лифтоном и Л. Паем социальных процессов в КНР свидетельствует не только о теоретической несостоятельности психоисторических интерпретаций маоизма, но и о вполне определенных политических симпатиях их авторов. Объявляя маоизм результатом психологических особенностей Мао Цзэдуна, Р. Лифтон и Л. Пай трактуют это мелкобуржуазное идейно-политическое течение, имеющее свою социальную базу и классовые корни, как преимущественно психологический феномен. В результате лишается значения и смысла социально-классовый аспект критики маоизма, снимается вопрос об истинности или ложности «китаизированного марксизма». Иными словами, субъективно-психологическая интерпретация маоистских экспериментов означает попытку исторического оправдания антисоциалистической, антинародной политики Пекина.

Полная несостоятельность психоисторической трактовки маоизма как реализации психологических потенций «великого кормчего» подтверждается событиями в КНР после смерти Мао Цзэдуна. Анализ этих событий показывает, что неправомерно говорить о коренной «демаоизации» внешней и внутренней политики Китая. Современные пекинские лидеры стремятся лишь освободиться от наиболее одиозных и скомпрометировавших себя сторон маоистской доктрины, оставляя неизменной сущность наследия Мао Цзэдуна — китаизированный социал-шовинизм в идеологии и гегемонизм в политике. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, внешняя политика Пекина «по-прежнему нацелена на обострение международной обстановки, смыкается с политикой империализма»²¹. Подобная позиция современных «модернизаторов» «идей Мао Цзэдуна» убедительно свидетельствует о том, что маоизм был и остается враждебным социализму, коренным интересам китайского народа идейно-политическим течением, порожденным как субъективными, так и объективными причинами. Поэтому критика маоизма как идеологии и политики, враждебной марксизму-ленинизму, по-прежнему является актуальной научной и политической задачей, которую можно решить лишь путем последовательно марксистского, классового анализа его идейных и социальных истоков.

²¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 11.

Проимпериалистическая политика Пекина

Представители коммунистического движения разоблачают китайских лидеров

В сентябре 1981 г. в Афинах состоялась конференция представителей коммунистических и рабочих партий Восточного Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока и района Красного моря. В ней среди представителей других партий приняли участие деятели коммунистического и рабочего движения Египта, Эфиопии, Афганистана, Греции, Иордании, Ирака, Кипра, Израиля, Бахрейна, Саудовской Аравии, Судана, Турции.

Участники конференции выразили беспокойство ухудшением международной обстановки в результате агрессивной политики империализма, особенно США, создавшей серьезную угрозу миру и безопасности народов.

Новая администрация США, говорится в декларации конференции, стремится воспрепятствовать разрядке напряженности в мире, добиться превосходства в соотношении сил, особенно в области ядерных вооружений, восстановить свои утраченные позиции, подорвать единство социалистического содружества, нанести удар по национально-освободительному и рабочему движению. В своей агрессивной политике американский империализм требует от западноевропейских империалистических кругов поддержки и во все большей мере получает ее.

«В этой связи, — подчеркивается в декларации, — особенно опасной является роль китайских лидеров, которые под флагом антисоветизма поддерживают агрессивные устремления Пентагона и НАТО, грозят войной и продолжают враждебные акции против Вьетнама и других соседних с Китаем стран, вмешиваются во внутренние дела других государств. Своей агрессивной и гегемонистской политикой они наносят огромный вред национальным интересам китайского народа, рабочему классу Китая, ослабляют международное революционное движение, борьбу за мир и социальный прогресс».

Выразив солидарность с народом и революционным правительством Афганистана, конференция осудила вмешательство международного империализма и реакции во главе с США, а также китайского руководства, реакционного диктаторского режима Пакистана и арабской реакции во внутренние дела Афганистана. Участники конференции полностью поддержали инициативу и предложения ДРА, содержащиеся в правительственных заявлениях от 14 мая 1980 г. и 24 августа 1981 г. по нормализации обстановки вокруг Афганистана.

Китай угрожает свободе и независимости соседних народов

Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбал в начале июля принял корреспондента британской радиовещательной корпорации (Би-би-си) Дж. Османа по его просьбе.

На вопрос о монголо-китайских отношениях товарищ Ю. Цеденбал дал следующий ответ:

«После победы народной революции в Китае наше правительство официально признало Китайскую Народную Республику, и между двумя странами были установлены дипломатические отношения. И ныне обе страны поддерживают дипломатические отношения. Но, к сожалению, нет оснований говорить, что нынешнее состояние монголо-китайских отношений является нормальным. Причина этого кроется в политике правящих кругов Китая, направленной против свободы и независимости МНР.

Китайские правители пытаются распространить по всему миру представление, что МНР является «неволеванной» территорией Китая. В изданном в 1978 г. учебнике для средней школы вся Монголия изображена как составная часть Китая. Более того, часть территории Советского Союза также показана как принадлежащая Китаю. В связи с этим необходимо подчеркнуть опасный характер политики китайских лидеров, отравляющей молодое поколение Китая идеями аннексии чужих территорий.

Пытаясь обосновать свою экспансионистскую политику в отношении МНР, пекинские правители беззастенчиво искажают объективные факты истории. Они тщетно пытаются доказать, будто монголы с древнейших времен входили в состав Китая. Китайские правящие круги восхваляют захватнические войны, которые вели монгольские ханы в средние века. Они хотят использовать это, чтобы оправдать свои притязания на территории других стран.

Пекинские лидеры руководствуются захватническими целями в отношении нашей страны. Они занимаются военными приготовлениями, концентрируя свои войска вблизи нашей границы и возводя объекты военно-стратегического назначения. Большая часть вооруженных сил Китая нацелена против Советского Союза и МНР. В силу этого в течение уже длительного времени мы вынуждены отвлекать большие средства, которые могли бы пойти на нужды мирного строительства, и направлять их на оборону. На основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенного между МНР и СССР в 1966 г., в защите своей свободы и независимости МНР опирается на помощь Советского Союза. В соответствии с монголо-советским договором о взаимопомощи и на основе просьбы правительства МНР на нашей территории размещен определенный контингент советских войск, которые совместно с монгольскими вооруженными силами стоят на страже свободы и независимости нашего народа.

Китайская сторона систематически занимается заброской в нашу страну своих агентов для проведения подрывных действий. Для этих же целей она пытается использовать китайских эмигрантов (хуацяо), проживающих в Монголии.

МНР проводила и продолжает проводить принципиальную политику в отношении КНР. Мы придерживаемся курса на нормализацию отношений с Китаем на основе принципов мирного сосуществования. Мы об этом заявляли не раз. Нормализация отношений Китая с нашей страной зависит от того, откажутся ли его лидеры от экспансионистского курса и практики маоизма.

Правящие круги Китая проводят политику великодержавного гегемонизма и в отношении других соседних с ним государств. Это известно мировой общественности. В сговоре с США китайские руководители ведут необъявленную войну против Демократической Республики Афганистан. Они совершили открытую вооруженную агрессию против Вьетнама и продолжают посягать на его независимость и территориальную целостность. Пекин подкармливает и вооружает остатки полпотовского режима, организует вооруженную агрессию против Народной

Республики Кампучии. Китайцы проводят враждебные происки также против Лаосской Народно-Демократической Республики. Они осуществляют подрывную деятельность, направленную на дестабилизацию положения в Индии. Китайские правители вступают в сговор с наиболее реакционными силами в своих агрессивных действиях против безопасности, независимости и социального прогресса народов».

Происки Пекина в Южной и Юго-Западной Азии

В июне — июле 1981 г. состоялись визиты премьер-министра Госсовета КНР Чжао Цзыяна в Пакистан, Непал и Бангладеш и министра иностранных дел КНР Хуан Хуа в Индию, которые западная печать назвала «дипломатическим наступлением» Пекина на страны Южной и Юго-Западной Азии. Отметив, что эти визиты скоординированы, агентство Рейтер 2 июня сообщало: «Китайцы усиливают свою дипломатическую активность в этом районе, маскируя гегемонистские устремления обвинением Советского Союза в том, что он якобы пытается утвердиться в направлении Индийского океана и богатых нефтью стран Персидского залива».

Японская газета «Иомиури» 2 июня дала весьма лаконичную оценку визита Чжао Цзыяна: «Цель этого визита — сплотить эти страны против СССР».

Указав, что визит Чжао Цзыяна в Пакистан не оставляет сомнений в стремлении Пекина втянуть Исламабад в осуществление своих гегемонистских планов, афганское агентство Бахтар сообщало: «Пакистан уже приобрел оружия и военного снаряжения у Китая на два с лишним миллиарда долларов. Часть этого оружия передается афганским контрреволюционным элементам... В целом визит высокопоставленного китайского представителя был направлен на подталкивание Пакистана на новые провокации против Индии и ДРА. Неопровержимым фактом является то, что Пекин и Исламабад сосредоточили вблизи границ с Индией значительное количество оружия, в том числе и ракет. Для всех очевидно, что Пекин практически выступает на стороне афганской контрреволюции. Милитаристские круги Пакистана составили программу пребывания китайского премьер-министра таким образом, чтобы она включала и посещение лагерей, где афганских контрреволюционеров обучают китайские и американские инструкторы».

Во время визита Чжао Цзыян посетил один из лагерей «афганских беженцев» — в Пешеваре, выступил перед этим контрреволюционным отребьем с подстрекательской речью и передал главарям банд чек на 500 тыс. юаней. Это надо понимать как очередную плату пекинского руководства за террористические акты этих банд против демократического Афганистана.

Следует учесть, что вслед за Чжао Цзыяном Пакистан посетил заместитель государственного секретаря США Дж. Бакли, который конкретизировал программу массивной «военно-экономической помощи» Исламабаду. Оба эти визита были расценены мировой общественностью как очередной шаг по пути укрепления агрессивного военно-политического альянса между Вашингтоном, Исламабадом и Пекином.

Об этом красноречиво свидетельствовал пакистанский диктатор Зия-уль-Хак в своем интервью американскому еженедельнику «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» 15 сентября 1981 г. Он высказался за «широкий военно-политический союз» с США и заявил, что более надежным, чем США, союзником является Пекин. «Отношения с Китаем, — сказал Зия-уль-Хак, — исключительно важны для нас, и они являются угловым камнем нашей внешней политики. Я знаю, что, если создастся угроза безопасности Пакистана, Китай не будет бездействовать».

Эти пропекинские восторги правителя Пакистана сочетались с клеветой на Советский Союз и соседний Афганистан.

Как отмечают зарубежные наблюдатели, визиты Чжао в Пакистан, Непал и Бангладеш и Хуана в Индию показывают, что Китай, как и США, отдает приоритет в этом районе Пакистану, пытается изолировать Индию от Советского Союза. Газета «Нян Зан» 3 июня 1981 г. писала, что Китай всячески пытается вызвать раскол между Индией и соседними с ним странами, оказывая давление на Пакистан, Бангладеш и Непал. «Совпадение приоритетов США и КНР в этой области, — указывала индийская газета «Нэшнл геральд» 6 июня того же года, — не должно выпадать из поля зрения Индии».

Визиты высокопоставленных китайских представителей получили правильную оценку в выступлениях премьер-министра Индии Индиры Ганди в индийской печати. «Индийский народ, — писала газета «Маккал курал», — не забыл вмешательства Китая, который, лицемерно восхваляя китайско-индийскую дружбу, вторгся в 1962 г. на территорию Индии. Сейчас он не только продолжает оккупировать индийские земли, захваченные в результате агрессии, но и концентрирует свои войска вдоль северных границ нашей страны. В Тибете построена новая железная дорога, используемая для доставки к индийским границам артиллерии, стрелкового оружия, танков и других вооружений. Вблизи границы с Индией китайцы оборудуют ракетные пусковые установки, нацеленные на Индию. В таких условиях предлагаемую Китаем «дружбу» можно рассматривать как ширму, призванную скрыть агрессивные и гегемонистские устремления Пекина».

Премьер-министр Индии Индира Ганди во время визита в Австралию дала интервью газете «Сидней морнинг геральд». 22 сентября оно широко комментировалось в индийской печати. «Хиндустан таймс» обратила внимание на высказанное И. Ганди мнение, что поставки оружия в Пакистан являются «первым шагом в попытках США получить военные базы». Газета «Нэшнл геральд» выделила заявление И. Ганди о том, что Вашингтон занимает враждебную позицию по отношению к Индии, потому что ее политика не соответствует интересам его глобальной стратегии. «Говоря о Кампучии, — отмечала газета, — И. Ганди указала, что фактически ответственность за сложившуюся ситуацию несет Китай». Газета подчеркнула также высказывание премьер-министра о том, что «урегулирование положения вокруг Афганистана затрудняет позиция Пакистана, который не желает решать эту проблему».

Что касается антисоветских высказываний Чжао Цзыяна в Пакистане и Непале, то они не могут ввести в заблуждение прогрессивную общественность стран этого региона. В интервью корреспонденту ТАСС Генеральный секретарь Непальского комитета сторонников мира Н. Ачарья заявил: «Провокационные антисоветские высказывания Чжао Цзыяна, сделанные им в последний день пребывания в неприсоединившемся Непале, проводящем политику дружбы со всеми государствами, включая СССР, вызывают глубокое возмущение и протест. Разглагольствования Чжао о дружбе и о том, будто Китай проводит политику мирного сосуществования, рассеялись, как дым, когда в ходе пресс-конференции китайский визитер выступил с подстрекательским призывом к странам Юго-Западной Азии создать политический антисоветский альянс. Даже говоря о стремлении Китая к сотрудничеству с Непалом и другими азиатскими странами, он поставил это в зависимость от проведения ими угодной Пекину политики в отношении Афганистана. Это явное нарушение принципов равноправия. Развитие дружбы и сотрудничества в Азии позволяет объединить усилия государств на борьбу за экономическое и социальное развитие против отсталости. Для обеспечения благоприятной этому обстановки необходимо выступать против происков империализма, создающего военные базы в регионе, что

вносит дестабилизацию и представляет прямую угрозу азиатским странам. Поддержка же вооружения Соединенными Штатами Пакистана, с которой выступил Чжао во время пребывания в Исламабаде, провокационные заявления в лагере «афганских беженцев», скрывающихся на пакистанской территории, и призыв в Катманду к созданию политического антисоветского блока явно говорят о том, что пекинским руководителям совершенно безразличны чаяния народов Южной Азии и их стремление к миру и стабильности. Турне Чжао Цзыяна — это открытая попытка втянуть определенные государства в опасную политику американско-китайской оси.

В нынешней ситуации важнейшей задачей миролюбивых сил Азии и всего мира является усиление бдительности относительно происков Китая и США, направленных на сохранение международной напряженности, возвращение к временам «холодной войны» и подавление национально-освободительного движения в развивающихся странах... Народы мира знают, что надежным другом и помощником развивающихся стран являются Советский Союз и другие социалистические страны, горячо поддерживают выдвинутую Советским Союзом Программу мира и другие мирные инициативы СССР. Пекинским визитерам не поколебать чувства искренней дружбы к СССР, основанной на взаимном уважении, доверии и стремлении к миру».

Американский империализм и китайский гегемонизм создают «братство по оружию»

Так прогрессивная общественность мира расценила итоги визита государственного секретаря США А. Хейга в Пекин в середине июня 1981 г. Этот визит явился существенным этапом американско-китайского сближения. Стороны не только констатировали, что взгляды США и Китая на положение в мире «никогда не были столь близкими, как в настоящее время», — китайская печать особо выделила эти слова американского гостя — но и приняла ряд мер для углубления военного сотрудничества. Американская администрация открыла путь китайским гегемонистам к приобретению у США современного вооружения, отнеся Китай к числу «дружественных развивающихся государств».

Индийская газета «Нэшнл геральд» 26 июля поместила сообщение своего гонконгского корреспондента, в котором говорилось, что заключение сделки о продаже американского оружия Китаю «бросило в дрожь некоторых соседей Китая и привело в восторг американских производителей вооружения». «Обещание генерала Хейга продать вооружение Китаю, — отмечала газета, — явилось свидетельством растущего желания администрации Рейгана превратить Китай в оплот борьбы против Советского Союза в Азии и, возможно бессознательно, сделать эту страну неофициальным жандармом Юго-Восточной Азии».

В ходе переговоров с А. Хейгом китайская сторона пыталась создать впечатление, будто свои отношения с США она ставит в зависимость от решения тайваньской проблемы, выражала протест против тесных экономических и военных связей США с Тайванем. Однако американская сторона оставила эти демарши, по существу, без внимания.

Козни империализма США и гегемонизма Китая вокруг Кампучии

Известно, что Кампучия, избавившись от кровавого пропекинского режима Пол Пота, постепенно возрождается к жизни. Это суверенное государство, в котором восстановлены мир и стабильность и народ ко-

того уверенно смотрит в будущее. Однако международная реакция, прежде всего империализм США и гегемонизм Китая, продолжает поддерживать пропекинское отребье, окопавшееся в Таиланде, и даже пытается выдать его главарей за представителей «законного правительства». «Пекин ревью» в первом майском номере за этот год договорился до того, будто «Кампучия обратилась к Н. Сиануку и С. Сану с просьбой возглавить патриотический единый национальный фронт и коалиционное правительство». Вашингтон и Пекин инспирировали созыв под эгидой ООН «Международной конференции по Кампучии».

Эти враждебные действия встретили решительный отпор со стороны социалистических государств Индокитая. 14 июня в Пномпене было опубликовано коммюнике 4-й конференции министров иностранных дел СРВ, НРК и ЛНДР. В коммюнике отмечается, что благодаря новым победам, одержанным народами этих стран, положение на полуострове Индокитай сейчас лучше, чем когда бы то ни было. «Все попытки пекинских гегемонистов, — говорится в коммюнике, — действующих в сговоре с империализмом и реакцией, обратить вспять ход событий в Кампучии и ослабить Вьетнам и Лаос потерпели провал».

Империализм США усиливает давление на страны ЮВА, а Китай пытается заигрывать с ними, стремясь изолировать социалистические страны Индокитая. Так, под давлением государственного секретаря США А. Хейга 14-я конференция министров иностранных дел стран АСЕАН, проходившая в середине июня в Маниле, вынуждена была отвлечься от обсуждения насущных экономических проблем и заняться «кампучийским вопросом». Газета «Обсервер» 21 июня писала в этой связи, что американский план создания «широкого неофициального азиатско-тихоокеанского союза», направленного против СССР, не был встречен с энтузиазмом министрами иностранных дел стран ЮВА. Расширение военного сотрудничества между США и Китаем вызывает тревогу некоторых стран АСЕАН, которые видят в Китае «наиболее серьезную долгосрочную угрозу».

Стремление империализма включить китайскую экономику в механизм «свободной экономики»

Министр иностранных дел Японии С. Сонода, как сообщил корреспондент агентства Киодо Цусин 22 сентября 1981 г., заявил, что «Япония, США и Европа должны сотрудничать друг с другом, чтобы включить китайскую экономику в механизм свободной экономики». Министр дал понять, что при этом на данном этапе следует руководствоваться политическими, а не экономическими соображениями. «Сейчас Китай не следует рассматривать как рынок сбыта, — рекомендовал С. Сонода. — Скорее следует рассматривать его в таком плане: заодно ли он с Соединенными Штатами с точки зрения стратегической значимости». Тем не менее, понимая тесную связь политики с экономикой, С. Сонода настаивал на постепенном втягивании Китая в механизм мировой капиталистической экономики.

Как известно, экономическое сотрудничество Японии и Китая было «заморожено» в последние два года. Японская сторона пыталась предъявлять счет китайской стороне за понесенные убытки. Однако, видимо под давлением США, взяли верх политические соображения: откровенный антисоветизм, проимпериалистическая политика Пекина. Япония умалчивает об убытках, заявляет, что верит в стабильность экономических связей с Китаем. В сентябре Китай посетил группа японских бизнесменов. По сообщению корреспондента агентства Франс Пресс из Пекина от 10 сентября, премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян

заявил, что проблемы китайско-японского экономического сотрудничества «полностью решены», достигнуто известное соглашение. Оно предусматривает предоставление Китаю займа на сумму 1 300 млн. долл. в ответ на возобновление строительства совместных предприятий, прерванного Китаем в прошлом году.

С позиций того же «политико-экономического принципа», который сформулировал С. Сонода, следует рассматривать и углубление связей китайской экономики с Международным валютным фондом (Китай принят в апреле 1980 г.) и Всемирным банком (Китай вступил в мае 1980 г.). Международный валютный фонд объявил 22 сентября 1981 г., что он начинает публиковать данные о финансовых и торговых сделках по Китаю. Они будут включать данные о торговле, ценах на потребительские товары, о резервах в инвалюте, об оптовых ценах на потребительские товары.

Китай разрешил персоналу Всемирного банка провести исчерпывающее исследование своей экономики в качестве условия вступления в этот банк. По свидетельству журнала «Фар истерн экономик ревью» от 14 августа 1981 г., в докладе о результатах исследования в целом выражен оптимистический взгляд на перспективы развития экономики Китая.

Надо полагать, кое-кто в капиталистическом мире считает необходимым приукрасить положение в народном хозяйстве Китая, искусственно стимулировать заинтересованность капиталистических стран в развитии отношений с Китаем в интересах империалистической политики США и их сторонников в Японии и Западной Европе. Дэвид Бонавия, автор одной из статей в том же номере журнала, пишет, что доклад, несомненно, будет приветствоваться в правительственных кругах Запада, потому что его выводы убедят международное общественное мнение в желательности предоставления займов Китаю, особенно на льготных условиях.

В журнале отмечается, что Всемирный банк в своем докладе одобрил направление современных экономических реформ в Китае, хотя и пришел к выводу, «что они представляют собой сравнительно незначительные изменения в системе, которая по-прежнему сильно централизована и не очень эффективна». Своими рекомендациями Всемирный банк подталкивает пекинское руководство к расширению несоциалистических форм хозяйствования.

В сентябре 1981 г. в Пекине побывала представительная (17 европейских парламентариев) делегация ЕЭС во главе с Ж. Мартинэ, которая встретила с группой делегатов ВСНП, сотрудниками плановых органов и МИД КНР. Как сообщил корреспондент газеты «Монд» 19 сентября, глава делегации ЕЭС Ж. Мартинэ, чтобы вернуться к более сбалансированному обмену между Китаем и Европой, внес два предложения: 1) увеличить экспорт сельскохозяйственной продукции ЕЭС в Китай в обмен на импорт некоторых видов сырья, таких, как марганец, хром и ванадий; 2) увеличить число китайских предприятий с участием иностранного капитала.

Корреспондент сообщает, что китайская сторона поддержала предложение об увеличении числа смешанных предприятий и отметила, что Китаю «еще предстоит многому научиться в этой области». «Было просто умирительно слышать, — заключает корреспондент, — как один из китайских парламентариев сказал, что у его страны пока еще мало опыта, как будто он почти извинялся за то, что „не прошел капиталистическую школу“».

Итоги экономической деятельности

маоистов

Как известно, нынешние китайские руководители лишь в силу обстоятельств вынуждены были заговорить о серьезных ошибках и даже преступлениях Мао Цзэдуна и его окружения, пагубно отразившихся на социально-экономическом развитии КНР. Они пытаются списать содеянное на Линь Бяо и «четверку», а некоторые из них частично признают свою ответственность за катастрофические экономические просчеты.

В китайской печати появляются статьи о неполадках в экономическом организме страны. Китайские экономисты, анализируя состояние экономики, невольно признают, до какой степени застоя были доведены основные отрасли народного хозяйства в прошедшие годы. В частности, в большой статье Ян Цзяньбая и Ли Сюэцзэна «Об историческом опыте установления соотношения между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью в нашей стране», помещенной в журнале «Чжунго шэхуэй кэсюэ» (№ 3 за 1980 г.) и рассматривающей главным образом диспропорции между различными отраслями экономики КНР, говорится следующее:

«Вследствие подрывной деятельности Линь Бяо и «банды четырех», а также в результате некоторых наших ошибок в руководстве экономикой мы в значительной мере были лишены возможности добиться таких успехов, какие в свое время намечали. За период с 1949 по 1978 г., то есть на протяжении 29 лет, в отдельные годы происходило снижение некоторых показателей национальной экономики по сравнению с предшествующим годом: по национальному доходу это наблюдалось 6 раз; по валовому производству совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства — 4 раза; в сельском хозяйстве, легкой и тяжелой промышленности — 5 раз. Если мы изобразим кривую изменения темпов роста валового производства совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства (имеется в виду сельское хозяйство, легкая и тяжелая промышленность), то она совершенно четко и ясно покажет, что за почти 30-летний период развитие национальной экономики Китая прошло извилистый путь, а темпы роста производства в сельском хозяйстве, легкой и тяжелой промышленности, как правило, не были пропорциональными. На протяжении этого периода промышленность и сельское хозяйство, то есть основные отрасли национальной экономики, характеризовались двумя волнами роста и спада производства. Первая волна была особенно велика, но кратковременна. Масштабы второй невелики, однако период потрясений и застойных явлений оказался продолжительным. Одним словом, развитие производства не было стабильным... Масштабы спада в сельском хозяйстве, легкой и тяжелой промышленности были весьма значительными, что и предопределило серьезные диспропорции между ними».

Авторы далее признают, что в КНР «исключительно низкий уровень производства зерновых на душу населения... оно не превышает 500 кг

и не может удовлетворить основные потребности. Особенно отсталой остается такая отрасль сельского хозяйства, как животноводство. При крайне ограниченном производстве мяса, молока и яиц значительно возрастает потребность в зерне. Однако в течение 30 лет в стране производство зерновых на душу населения увеличилось лишь незначительно. Также на крайне низком уровне остается производство на душу населения хлопка, масличных, продуктов водного промысла и свинины».

Поможет ли так называемое «урегулирование»!

Руководство КНР вынуждено принимать экстренные меры, чтобы выправить положение в народном хозяйстве. Ниже приводятся выдержки из статьи в «Гуанмин жибао» (за 6 июня 1981 г., с. 4), анализирующей проблему урегулирования народного хозяйства. Из статьи следует, что «урегулирование», рассчитанное на три года, затянулось, и никто не может сказать, когда оно закончится и сможет ли оно исправить тяжелое положение.

В статье «Правильно устанавливать взаимоотношения между урегулированием и реформой» в разделе «Относительно целей и шагов экономического урегулирования», в частности, говорится:

«Длительное влияние левацких ошибок, допущенных в экономической работе, привело к отсутствию взаимодействия между различными отраслями, к деформации экономических структур, характеризующейся высокими темпами и нормой накопления и низкими эффективностью и затратами. Нынешнее урегулирование должно ликвидировать существующий финансовый дефицит, стабилизировать экономику и нормализовать, рационализировать экономические структуры, чтобы наше экономическое строительство осуществлялось не такими уж высокими темпами, капиталовложения были бы не такими уж большими, но экономический эффект был бы довольно хорошим, а народ получил бы новые многообразные выгоды. Это конечная цель, к которой должно привести урегулирование. Имеется и еще одно соображение. В прошлом году на рабочем совещании в ЦК говорилось о том, что в понятие «дальнейшее урегулирование» вкладывается определенный смысл, а именно: необходимо принять ряд чрезвычайных мер для ликвидации огромного финансового дефицита и прекращения роста цен... стабилизировать экономику. Не следует понимать слишком широко смысл урегулирования, ставить слишком большие задачи, не надо относить к урегулированию и модернизацию, не надо льстить себя надеждой, что посредством урегулирования решаются все проблемы.

Ряд товарищей, которые придерживаются мнения, что цели урегулирования принижены, рассуждают так: раньше говорили об урегулировании за 3 года, сейчас, видимо, сроки потребуются удлинить, но нельзя их растягивать на 5 лет и более. Если период урегулирования будет слишком большим, это может снизить активность масс.

Другие считают, что лучше не спешить, но провести урегулирование хорошо, а на это уйдет лет десять».

Обращают на себя внимание признания газеты «Жэньминь жибао» от 9 апреля, в которой критикуются ошибки, допущенные в руководстве экономикой Китая в последние годы. В статье этого органа ЦК КПК под названием «Отказаться от ошибочных руководящих идей в экономической работе» говорится, в частности, следующее: «За 30 с лишним лет мы действительно совершили немало ошибок, особенно «левацких», относящихся к руководящим идеям. Среди них было несколько крайностей, которые причинили огромный ущерб...» Далее приводятся

выдержки из выступления заместителя председателя ЦК КПК и заместителя председателя Постоянного Комитета ВСНП Чэнь Юня на рабочем совещании в ЦК КПК в декабре 1980 г., в котором подчеркивается, что «основные ошибки в области экономического строительства за период после образования КНР — это «левацкие» ошибки. До 1957 г. ситуация в целом была получше. После 1958 г. «левацкие» ошибки стали серьезными... Не учитывались объективные условия и объективные закономерности, иллюзия выдавалась за правду... на повестку дня преждевременно ставилось то, что можно было реализовать лишь в будущем».

Критикуя так называемую «левацкую» теорию ускорения, автор статьи поясняет, что она состояла в стремлении за короткий период в корне изменить облик бедной экономически и культурно отсталой страны, облик, «сложившийся исторически в силу определенных причин, а также догнать и перегнать развитые капиталистические страны в экономическом отношении». Отсюда, по мнению газеты, проистекают многочисленные «левые ошибки». К ним статья относит:

— поспешное кооперирование и создание сельскохозяйственных коммун («Всего за несколько месяцев, начав все разом, без подготовки, объединили в народные коммуну свыше 99 % крестьянских дворов в стране»);

— «большой скачок» («„Большой скачок“ не только не привел к скачкообразному росту в народном хозяйстве, а напротив, вызвал серьезные диспропорции, нанес материальный ущерб трудящимся... Ущерб, причиненный стране за три года «большого скачка», превысил 100 млрд. юаней, что вызвало резкое ухудшение экономики, оказавшейся в опаснейшем положении»);

— ошибки в линии партии, «регрессивные» действия «контрреволюционной группировки Линь Бяо — Цзян Цин»;

— «левизна» в экономической работе (в результате «страна вновь была ввергнута в десятилетие большого хаоса»);

— новый «большой скачок» (когда «без малейшего научного обоснования вновь было принято решение на основе первоначального плана завершить в основном механизацию сельского хозяйства к 1980 г.». Кроме того, были необоснованно запланированы увеличение производства стали, нефти, «продолжение строительства и закладка 120 крупных объектов... Новое забегание вперед проявилось, в частности, в использовании иностранных кредитов, импорте иностранной техники и технологии»).

В итоге, как сетует газета, — «серьезный финансовый дефицит в последние годы, излишки бумажных денег в обращении».

«Жэньминь жибао» высказывается весьма осторожно относительно возможностей Китая в ближайшие годы: «Уровень модернизации, которого мы сможем достичь в предстоящие 20 лет, — это лишь начальный уровень. Он позволит нам подойти к уровню общества «скромного достатка», а не к современному уровню высокоразвитых в экономическом отношении государств».

Уроки прошлого

[К 50-летию начала японской агрессии против Китая]

*Р. А. Мировицкая,
кандидат исторических наук*

Мировой экономический кризис 1929 г. резко обострил социально-экономические противоречия в крупных капиталистических странах, включая Японию. Империалистические силы Японии надеялись если не разрешить, то ослабить кризис путем развязывания агрессии против Китая, который рассматривался как военно-экономическая база, плацдарм для нападения на СССР, для установления господства над всей Азией.

В настоящей статье мы попытаемся проследить за политической линией китайского правительства в начальный период агрессии Японии. Рассмотрение этого вопроса, на наш взгляд, не только представляет исторический интерес, но и имеет важное актуальное значение для распознавания опасности происков империалистических сил, готовых развязать агрессивную войну под флагом борьбы «с советским влиянием» в мире.

* * *

19 сентября 1931 г. мир узнал, что 18 вечером и 19 утром японские войска оккупировали ряд важных пунктов Южной Маньчжурии. В марте 1932 г., захватив всю Маньчжурию, японские оккупанты создали на ее территории марионеточное государство Маньчжоу-го.

Нельзя не обратить внимание на антикоммунистический характер идеологического прикрытия империалистических замыслов японской военщины. Японская сторона демагогически заявила, будто оказалась вынужденной защищаться от «нападения китайских войск». До вторжения в Китай Япония провела психологическую подготовку международного, в том числе и китайского, общественного мнения, представляя себя главным бастионом борьбы против распространения идей коммунизма на Востоке. Весной 1931 г. японские представители в Китае начали переговоры с чанкайшистским правительством об «искоренении советского влияния» в Маньчжурии и о помощи китайским властям в борьбе с коммунистическим движением китайского народа. И хотя некоторые руководящие лица в китайском высшем эшелоне — в их числе Ван Цзячжэн, делегат Китая в Лиге наций, вице-министр иностранных дел, — и считали Японию «источником напряженной атмосферы»¹ на Востоке, тем не менее переговоры в определенной степени укрепили прояпонские настроения в китайских верхах, обеспечив пассивную позицию китайского правительства при вступлении японских войск в Маньчжурию.

Японцы учли также, что одним из мотивов отказа западных держав от пересмотра неравноправных договоров с Китаем было мнение, будто Китай не может обеспечить на настоящем этапе безопасность ино-

¹ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП), т. XIV. М., 1968, с. 493.

странных представителей в стране и охрану их собственности. Незадолго до вторжения, в августе 1931 г., было спровоцировано убийство японского резидента, и на каком-то этапе ввод японских войск в Китай мог у кого-то ассоциироваться с реакцией на убийство японского представителя. Ко времени вторжения японцев в Маньчжурию было приурочено выступление в прессе военного министра Японии Араки, разглагольствовавшего об особом «японском моральном духе», который непременно должен быть распространен во всем мире, если нужно — то и с помощью силы. Подобные заявления также были рассчитаны на тех руководителей крупнейших капиталистических стран мира, которые надеялись при помощи агрессивных государств покончить с Советской Россией и тем самым примирить межимпериалистические противоречия. В этой связи можно упомянуть депешу посланника США в Китае Джонсона в госдепартамент, в которой подчеркивалось, что «японские действия в Маньчжурии должны рассматриваться больше в свете русско-японских, чем китайско-японских отношений... Военные власти Японии... намерены продвинуть японскую границу дальше на запад в подготовке столкновения с Советской Россией, которое они считают неизбежным»². Подобного рода информацию направляли и посланники других западных стран, и директивы из столиц в свою очередь также предписывали не мешать японцам двигаться в северном направлении.

Позиция нанкинского правительства в отношении японской агрессии определялась надеждой на то, что главная цель вступления японских войск в Маньчжурию не завоевание Китая в целом, а создание военно-стратегического плацдарма в Маньчжурии для дальнейшего нападения на СССР. Современная тайваньская историография отмечает даже, что Чан Кайши считал, что вообще «нельзя рассматривать Японию без Маньчжурии»³. Иными словами, он вполне допускал отторжение Маньчжурии от Китая. Расценивая «18 сентября» как один из конфликтов, подобных тем, что возникали в японо-китайских отношениях и ранее, чанкайшистское правительство рассчитывало урегулировать его путем переговоров (сентябрь 1931 г.). Однако японская сторона преднамеренно выдвинула явно неразрешимые проблемы (вопрос об убийстве резидента Макамура, об убийстве корейцев китайцами и вопрос о разоружении китайцами ЮМЖД), и Китай вынужден был отказаться от своего предложения о переговорах.

Основу общего курса гоминьдана по-прежнему составляла борьба против КПК и руководимой ею китайской Красной армии, против рабоче-крестьянского движения в целом.

На протяжении всего периода войны с Японией в правящей группировке чанкайшистского правительства во вопросам войны и мира с Японией не было единства. Но вне зависимости от этого его практическая деятельность в начальный период японской агрессии весьма показательна. Получив первые известия о вторжении японцев, правительство Чан Кайши отдало приказ войскам уклоняться от активных военных действий с Японией. 23 сентября оно призвало страну к спокойствию и выдержке. В декабре было опубликовано заявление, в котором указывалось, что основной задачей гоминьдана является «умиротворение внутри страны», а потом уже «защита от внешнего врага». Подобная линия не была случайной для правящего класса независимо от того, разделял ли он ее целиком. Не получив еще инструкций из Нанкина, глава китайской делегации на советско-китайских переговорах

² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, vol. III. The Far East. Washington, 1948, p. 26—27.

³ Цит. по: Ши Чжэньдун. Внешнеполитические концепции и практика Чан Кайши. Тайбэй, 1966, с. 5 (на кит. яз.).

весьма определенно заявил советским представителям: «Я глубоко уверен, что Китай совершенно не собирается с ней (с Японией. — Р. М.) воевать»⁴.

Свою линию китайское правительство пыталось оправдать военной, политической и экономической слабостью страны, отсутствием финансовых и технических возможностей для сопротивления агрессору. Именно так был поставлен вопрос в выступлении Чан Кайши перед слушателями офицерской школы в Лушани в июле 1934 г.⁵ Первые дипломатические шаги правительства Китая не оставляли сомнения в том, что оно пыталось решить конфликт политическим путем, рассчитывая на активную помощь империалистических стран. Но Лига наций, где главенствовала прежде всего Англия, практически не поддержала Китай; западные державы, в том числе и США, не желая осложнять отношений с Японией, также отказали Китаю в помощи. Так, в ходе обсуждения вопроса об экономических санкциях против Японии президент США Гувер прямо заявил: «Я... возражаю против введения каких-либо санкций»⁶.

С первых дней японского вторжения в Маньчжурию официальные китайские представители в Москве, прибывшие на советско-китайскую конференцию⁷, предпринимали активные поиски контактов с Советским правительством, но основной чертой политики чанкайшистского правительства в отношении СССР оставалась враждебность. Китайское правительство было в плену буржуазных концепций, согласно которым революционное движение в мире объяснялось «пронсками Москвы». В результате, хотя деклараций о стремлении нанкинское правительство установить дружественные отношения с СССР было немало в месяцы, предшествовавшие «18 сентября» 1931 г., и в конце 1931 г., но они, как справедливо отмечал заместитель Наркома иностранных дел СССР Т. М. Карахан, ничем не подкреплялись на деле.

В западной, в том числе американской, печати в тот период, как и ледовало ожидать, публиковались материалы провокационного характера о якобы существующем соглашении СССР с третьей державой — имелась в виду Япония — против Китая, обсуждался вопрос о том, пойдет ли СССР на военный конфликт на Дальнем Востоке и т. п. Без сомнения, такая пропагандистская кампания имела целью еще более ухудшить китайско-советские отношения. Заместитель Наркома иностранных дел СССР в связи с этим особо заверил китайского представителя на переговорах, что СССР не собирается осложнять и без того сложное положение, в котором находилось китайское правительство, что Китай может спокойно принимать те меры, которые считает наиболее целесообразными для защиты своих интересов. Неофициальный представитель СССР в США заявил 4 декабря 1931 г.: «Советский Союз... не имеет соглашений с каким-либо другим правительством за счет Китая. Главной политической линией Советского Союза является уважение территориальной целостности других стран, будь то больших или малых, сильных или слабых»⁸.

⁴ ДВП, т. XIV, с. 528.

⁵ In: Chiang Kaishek. The Collected wartime Messages of the Generalissimo Chiang Kaishek. 1937—1945, vol. I. New York, 1946, p. 1—5.

⁶ W. S. Myers. The Foreign Policies of Herbert Hoover. 1929—1933. New York, 1940, p. 168.

⁷ Как известно, дипломатические отношения между Китаем и СССР были прерваны по вине гоминьдановского правительства в 1929 г. В соответствии с Хабаровским протоколом от 22 декабря 1929 г. СССР и Китай назначили на 25 января 1930 г. открытие советско-китайской конференции, на которой предполагалось урегулировать вопросы о КВЖД, о восстановлении межгосударственных отношений, о торговле. Нанкинское правительство направило в Москву представителей во главе с Мо Дэгуем только 9 мая. По вине нанкинское правительство конференция начала работу только 11 октября 1930 г.

⁸ ДВП, т. XIV, с. 689—690.

Советское правительство неизменно подчеркивало, что сочувствие СССР — на стороне китайского народа и китайского государства, и продолжало настаивать на нормализации отношений с Китаем⁹.

Китайское правительство тем не менее явно затягивало улучшение отношений с СССР, не готовилось к серьезному и длительному отпору Японии. Более того, оно стремилось подтолкнуть СССР к войне против Японии. Китайские официальные лица при встречах с представителями Советского правительства неоднократно пытались добиться вступления СССР на путь прямой конфронтации с Японией, аргументируя свою позицию общностью положения, подчеркивая, что «Япония включает в свои планы не только Маньчжурию, но и все дальневосточные территории Советского Союза»¹⁰. О том, что Китай в тот период не имел намерения значительно улучшать отношения с СССР, свидетельствует запись беседы заместителя Наркома иностранных дел СССР с неофициальным представителем Чан Кайши профессором Цзян Лифу, состоявшейся 16 октября 1934 г.

Цзян Лифу — доверенное лицо Чан Кайши. Кун Сянси, министр финансов Китая, при встрече с советским послом Б. Д. Богомоловым в 1933 г. особо подчеркнул, что «Чан Кайши просит оказать содействие профессору Цзян»¹¹. Не исключено, что Цзян Лифу — это Чэнь Лифу, заведующий организационным отделом ЦИК гоминьдана. Во всяком случае, известно, что Чэнь Лифу планировал встречи с руководителями Советского государства, уехав из Шанхая инкогнито в конце 1934 г.¹² Известно также, что у истоков модификации внешнеполитического курса Китая, курса на сближение с СССР в 1935—1936 гг. были и братья Чэнь.

В ходе беседы в Наркомате иностранных дел СССР профессор Цзян подчеркнул: «За последние два-три года многие деятели Китая предлагали нанкинскому правительству и Чан Кайши политику кооперации и сближения с Советским Союзом. По многим причинам эти предложения не были приняты моим правительством, но, что касается Чан Кайши, он стремится положить начало тесному сближению с СССР, когда для этого наступит подходящий момент»¹³. Далее Цзян пояснил: «Нынешний этап внешней политики Китая не представляет и не отражает национальных чувств Китая. Мы должны, однако, пройти через этот этап... он не будет слишком продолжительным»¹⁴.

Говоря о позиции китайской общественности относительно японской агрессии, следует, конечно, отметить, что она во многом определялась простым национальным самосознанием различных слоев общества и превращением национализма в доминирующий фактор идеологической и политической жизни страны. Существенное значение имело и общее отношение к Японии, сложившееся в сознании народных масс страны в результате неоднократных попыток японского милитаризма укрепиться в Китае: Япония традиционно считалась опасным агрессором, и любой ее шаг к овладению Китаем сопровождался антияпонскими выступлениями народных масс. Так было в 1915, 1919 и, наконец, в 1928 гг. Китайская общественность в районах, подвергавшихся агрессии, и в тех, которым непосредственно угрожало вторжение, и теперь требовала от правительства организовать сопротивление врагу. Отражением этого может служить обсуждение вопроса о внешнеполитическом курсе и о политике в отношении Японии на III пленуме гоминьдана в декабре 1932 г. Шанхайская группировка внесла на рассмотре-

⁹ См.: ДВП, т. XIV, с. 534—535.

¹⁰ Там же, т. XVI, с. 190.

¹¹ Там же, т. XVII, с. 823.

¹² In: O. E. d. C. I a b b, China and Russia. The Great Game, 1971, p. 216.

¹³ ДВП, т. XVII, с. 643.

¹⁴ Там же.

ние резолюцию, предусматривавшую активное сопротивление Японии и даже освобождение Маньчжурии. Гуандун-гуанснйская группировка заняла тогда прояпонские позиции.

Бурно реагировали на агрессию Японии китайские студенты, молодежь, рабочий класс. В авангарде борьбы выступили рабочие Шанхая¹⁵.

Начались забастовки на японских предприятиях в Шанхае. Первыми, уже в сентябре — октябре 1931 г., забастовали китайские матросы японских судов и рабочие шанхайского порта¹⁶. Широился антияпонский бойкот, манифестации, направленные на то, чтобы побудить гоминьдан перейти к политике решительной борьбы с агрессором.

Правительство советских районов, освобожденных Красной армией Китая, 25 сентября 1931 г. обратилось к народу всей страны, прежде всего к рабочим и крестьянам Китая, с призывом дать отпор захватчикам¹⁷.

И надо сказать, что в тех случаях, когда китайский народ и китайская армия поднимались на борьбу с врагом, они сдерживали агрессию. К примеру, в январе 1932 г. Япония, оккупировав Маньчжурию, бросила войска на Шанхай. Чан Кайши, как и в сентябре 1931 г., отдал приказ командованию расквартированной в районе Шанхая 19-й армии отойти без боя. Но на защиту города поднялись добровольческие соединения из рабочих, студентов, представителей других слоев, к ним присоединились части 19-й армии. Более месяца они отбивали атаки превосходящих сил противника, и японцам не удалось тогда взять Шанхай.

Итак, на раннем этапе японской агрессии многочисленные слои общественности в Китае, особенно в районах, подвергшихся агрессии, осознавали, что над Китаем нависла опасность, и в ряде случаев способствовали расширению сопротивления агрессии.

Позиция Советского Союза относительно японской агрессии вытекала из его интернационалистской политики, из его последовательной линии на сохранение мира, коллективное обуздание агрессоров, оказание помощи народам, борющимся за независимость, развитие дружественных отношений со всеми миролюбивыми странами. Как отмечалось, к 1931 г. между СССР и Китаем по вине чанкайшистского правительства не существовало нормальных межгосударственных отношений. Китайское правительство к тому же и не спешило решать этот важный вопрос. Тем не менее Советский Союз решительно осудил агрессию Японии в Маньчжурии. Горячие чувства симпатии советского народа были всецело на стороне китайского народа, выступившего против японской агрессии, за свободу и независимость своего государства.

Советское правительство с пониманием отнеслось к сложному положению, в котором оказалось правительство Китая. 23 сентября 1931 г. заместитель Наркома иностранных дел СССР заверил главу китайской делегации на советско-китайских переговорах в Москве Мо Дэгуя в том, что китайский народ может не сомневаться в нашем сочувствии, что китайское правительство может «спокойно и свободно предпринимать те шаги, которые оно находит нужным в настоящем положении»¹⁸.

По всей советской стране прошли митинги и демонстрации солидарности с Китаем. Морально-политическая поддержка Китая нашла отражение в советской прессе, в которой постоянно публиковались материалы, осуждавшие войну Японии против Китая и показывавшие борьбу китайского народа против японских захватчиков.

¹⁵ См.: «Проблемы Дальнего Востока» (далее — «ПДВ»), № 1, с. 114.

¹⁶ См. там же, с. 118.

¹⁷ См.: Советы в Китае. М., 1933, с. 477.

¹⁸ См.: ДВП, т. XIV, с. 534—535.

Одновременно СССР оказал практическую поддержку борющемуся Китаю. Так, китайской армии во главе с Су Бинвэнем, Ли Дэ и др., теснимой японцами, было разрешено перейти советско-китайскую границу в районе Отпора. Более 9 тыс. человек оказались на советской территории. Японские власти пытались настаивать на выдаче китайских военнослужащих. Заместитель Наркома иностранных дел СССР Л. М. Карахан заявил в связи с этим: «Мы не только не согласимся выдать генерала Су Бинвэня и его сослуживцев, но мы не примем даже к обсуждению подобного притязания Японии, так же как и всякого другого государства». Оставлено было без внимания и требование японской стороны не разрешать генералу Су выезд из СССР. Ей было заявлено, что «вопрос о судьбе бывшей армии генерала Су является внутренним делом СССР и не может быть предметом обсуждения или соглашения с другим правительством»¹⁹. Впоследствии по согласованию с китайским правительством военнослужащие были направлены через Советскую Среднюю Азию в Синьцзян²⁰ и смогли принять участие в антияпонской войне.

Эти дружественные меры Советского правительства глубоко взволновали китайскую общественность. Представители общественных организаций Маньчжурии, эмигрировавшие в Пекин, в телеграмме от имени 30-миллионного населения Маньчжурии выразили глубокую благодарность Советскому правительству. В телеграмме подчеркивалось, что «мир на Дальнем Востоке должен строиться на основе тесных дружественных отношений великих государств — Китая и Советского Союза»²¹.

Одновременно китайское военное командование в Маньчжурии в 1931 г., представители коммерческих кругов вступили в контакт с местными советскими властями на совместных советско-китайских предприятиях с целью получения оружия и боеприпасов, в советских консульствах в Маньчжурии нашли убежище многие китайские патриоты, спасавшиеся от оккупационных властей.

Объединение усилий Советского Союза и Китая в борьбе за мир на Дальнем Востоке было бы лучшим средством сдерживания и отражения агрессии. Именно этими соображениями руководствовалось Советское правительство, добиваясь нормализации советско-китайских отношений. Но китайское правительство продолжало уповать на своих западных партнеров. Бывший гоминьдановский посол в Лондоне отмечал, что такую позицию Нанкин занимал примерно до середины 1932 г.²²

Время шло. В марте 1932 г. Япония, создав марионеточное государство Маньчжоу-го, готовилась к расширению агрессии. Китайская общественность вопреки политике своего правительства все настойчивее искала пути улучшения советско-китайских отношений. По поручению ряда общественных организаций в Москву в 1932 г. прибыл Цао Линьянь, принятый по его просьбе в НКВД. На встрече с Л. М. Караханом он подчеркивал, что приехал с целью ознакомления соответствующих официальных лиц с трудностями Китая, проведения необходимых консультаций и по возможности получения материальной поддержки в борьбе с Японией.

Следует иметь в виду, что убеждение о возможности «спасти Китай» исключительно за счет СССР было широко распространено в различных общественных кругах Китая. Каким образом использовать японо-советский военный конфликт для возвращения Маньчжурии — эта тема в течение ряда лет не сходила со страниц китайских газет,

¹⁹ ДВП, т. XV, с. 678—679.

²⁰ См. там же, т. XVI, с. 133, 28 и др.

²¹ Цит. по: М. С. Капица. Советско-китайские отношения. М., 1958, с. 252.

²² In: K. A. Wu. China and the Soviet Union. London, 1950, p. 214.

в том числе буржуазной шанхайской «Синьвэньбао». Бесспорным представлялось мнение, что СССР должен будет активно противодействовать Японии. При этом Советский Союз рассматривался не как миролюбивая антиимпериалистическая сила, а просто как страна, якобы исключительно стремящаяся обеспечить свои интересы в Китае — скажем, функционирование КВЖД, проложенной по территории Маньчжурии. Вот пример из шанхайской газеты: «Предстоящее столкновение между СССР и Японией создаст для Китая шанс вернуть потерянную территорию. Если мы потеряем этот шанс... Маньчжурия может считаться потерянной навсегда... Возможность для Китая вернуть Маньчжурию и Жэхэ зависит исключительно от позиции Китая в японо-советском конфликте, который быстро приближается»²³.

В этой связи известная платформа Ли Лисаня в руководстве КПК с ее ставкой на развязывание мировой войны, которая якобы подтолкнет развитие революции, представляла собой разновидность умонастроений, господствовавших в китайском обществе в начале 30-х годов. Напомним, что важнейший элемент плана Ли Лисаня — его третий пункт, о координации работы в Маньчжурии — звучал так: «Восстание в Маньчжурии явится прологом к международной войне, так как Маньчжурия находится под игом японского империализма. Это будет не только внутренней схваткой с Чжан Сюэляном, но и борьбой под нажимом японского империализма; одновременно Япония поведет бешеное наступление против СССР... Наша стратегия также заключается в том, чтобы вовлечь международный пролетариат в решительную борьбу с империализмом»²⁴. Позицию Ли Лисаня разделяли Мао Цзэдун и другие представители националистических сил в руководстве КПК. Таким образом, при всем различии взглядов в китайском правительстве и у различных слоев общественности прослеживался общий подход к проблеме разрешения национальных трудностей Китая — упор делался не на активизацию внутренних сил, а на попытку вовлечь СССР в войну с Японией.

К середине 1932 г. китайскому правительству стало ясно, что расчет на советско-японскую вооруженную конфронтацию, равно как и на агрессию Японии в северном направлении на данном этапе, не оправдывается. «Только после того как страна оказалась на грани национальной катастрофы, — справедливо отмечается в журнале «Коммунист», — гоминьдановские правители пошли на улучшение советско-китайских отношений...»²⁵. Именно тогда и встал в порядок дня правительства Китая вопрос о восстановлении дипломатических отношений с СССР²⁶.

23 июня 1932 г. представитель Китая на Женевской конференции по разоружению посетил Наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова в Женеве и зондировал почву насчет восстановления дипломатических отношений и подписания пакта о ненападении. 29 июня Советское правительство заявило, что не будет возражать против немедленного восстановления отношений²⁷, а 6 июля заявило о готовности заключить пакт о ненападении, как только будут восстановлены нормальные дипломатические отношения. При этом подчеркивалось, что при отсутствии таковых эффективность всяких соглашений значительно снизится. Наконец 12 декабря 1932 г. в Женеве состоялся обмен нотами между Наркомом иностранных дел СССР и главой делегации Китая на Конференции по разоружению относительно восстановления дипломатических и консульских отношений между СССР и

²³ «Синьвэньбао», 24.IX.1933.

²⁴ Цит. по: Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 331.

²⁵ К 60-летию образования Компартии Китая. — «Коммунист», 1981, № 9, с. 92.

²⁶ In: Chiang Kaishek. Soviet Russia in China. New York, 1957, p. 231.

²⁷ См.: ДВП, т. XV, с. 329.

Китаем. Для Китая открылся путь к такой организации борьбы за независимость, в которой СССР смог бы оказывать ему широкую морально-политическую, экономическую и военно-техническую помощь и поддержку. Все китайские патриоты приветствовали восстановление советско-китайских отношений, справедливо видя в Советском Союзе надежнейшего союзника в борьбе с японской агрессией.

* * *

Как известно, летом 1937 г. Япония продолжила агрессию против Китая с целью его покорения. Чанкайшистское правительство вынуждено было пойти на сближение с СССР, и это помогло Китаю выстоять в труднейшей борьбе. Осенью 1945 г. Советская Армия совместно с армией МНР разгромила главную силу японской военщины в Маньчжурии — Квантунскую армию и тем самым положила конец японской агрессии в Китае. Можно было бы привести высказывания Чан Кайши и Мао Цзэдуна того времени, которые без всяких оговорок вынуждены были признать, что только Советский Союз неизменно и последовательно был на стороне борющегося Китая и это явилось решающим фактором достижения Китаем национальной независимости²⁸.

Сейчас, разумеется, иные исторические условия борьбы за мир и прогресс, против агрессивных устремлений империалистических сил США, Японии и западных капиталистических стран. Но и сегодня империалистические силы пытаются разрешить или, во всяком случае, смягчить острейшие социально-экономические противоречия капитализма путем агрессии под флагом борьбы с «советским влиянием». И сегодня китайские лидеры, по существу, пытаются повторить недалёкий курс реакционного гоминьдана. Стремясь использовать противоречия между миром капитализма и миром социализма, искусственно разжигая антисоветизм, выступая против любых форм обуздания гонки вооружений, подстрекая империалистические силы к опасным авантюрам, пекинское руководство полагает, будто тем самым укрепляет международные позиции Китая. Это глубокое и в высшей степени опасное для дела мира заблуждение.

«Блокируясь с империализмом, руководство КНР в настоящее время идет на сближение с Токио, стремясь вытравить из сознания китайского народа память о том, что произошло полвека назад. Пекин заигрывает с милитаристскими силами в Японии на антисоветской, антисоциалистической основе.

Такого рода политический курс чреват опасными последствиями для народов Дальнего Востока, для всеобщего мира. Об этом свидетельствует история зарождения и развития японской агрессии против Китая»²⁹.

²⁸ См.: Новейшая история Китая. 1917—1970 гг. М., 1972, с. 177.

²⁹ «Правда», 19.IX.1981.

Переводы и исследования китайской литературы в Советском Союзе

*Д. Н. Воскресенский,
кандидат филологических наук*

Необходимость воссоздать общую картину изучения в нашей стране литературы Китая (литературоведческая деятельность и переводы) объясняется несколькими обстоятельствами. Прежде всего тем, что в этой области за последние полтора-два десятилетия сделано по-настоящему очень много, однако результаты большой работы фактически не обобщены и в достаточной степени не проанализированы. Целостный обзор поможет выделить наиболее существенные проблемы, заметить упущения. Есть и другая причина, побуждающая сделать подобный обзор. Советское Китаеведение (его литературоведческая и переводческая области) все больше привлекает внимание мировой синологической науки, в зарубежных синологических изданиях появляются статьи и очерки о советском Китаеведении (литературоведении)¹. Написанные с разной степенью полноты и научной точности, они порой содержат спорные или ошибочные положения, что объясняется, по-видимому, отсутствием у авторов достаточной информации или не вполне ясным пониманием особенностей развития советского Китаеведения. Цель настоящей статьи, в частности, и состоит в том, чтобы осветить круг проблем, составляющих общую картину Китаеведческой (литературоведческой) науки в нашей стране в 60—70-х годах.

В журнальной статье, разумеется, возможен лишь информативный обзор научных трудов и переводов, причем не всех работ 60—70-х годов и не всегда со всесторонней их оценкой. Что касается предшествующего периода, то читатель может ознакомиться с кратким очерком И. С. Лисевича и К. И. Голыгиной, в котором показано развитие советского Китаеведения (изучение китайской литературы) за полвека². И все же мы должны хотя бы кратко напомнить о работах 50-х годов, которые в советском Китаеведении сыграли особую роль.

В СССР было издано в те годы большое количество работ по Китаю и переводов с китайского языка (книги, сборники научных статей, научные и популярные очерки, переводы художественной и научно-популярной литературы и т. д.), что свидетельствовало о глубоком интересе советских ученых и всего нашего народа к судьбам Китая, об их большом желании расширить культурное сотрудничество с китайским народом. Кроме того, эти труды стали важной базой исследований и переводов в последующие годы и сыграли значительную роль в развитии синологической науки³. И хотя в 50-е годы крупных работ монографического характера было сравнительно немного, однако в тот период

¹ Аннотированный обзор советских Китаеведческих работ (древняя литература) сделан американской Китаисткой Джин Колли (J. Kelly. A Survey of Soviet Studies on Chinese Literature (1961—1976). Introduction and Bibliography. — In: Chinese Literature. Essays. Articles. Reviews. Madison, 1980, № 2). В журнале, где опубликован данный очерк, также намечается публикация обзорной статьи западногерманского ученого Хельмута Мартина об исследованиях современной китайской литературы в СССР. Оба автора готовят книгу о советских работах по китайской литературе. Можно указать также на информационную статью японского Китаиста Хосокавы Харумы в ежегоднике «Азия кейдзай дзихо» (март 1980 г.), по которой сделана краткая и недостаточно квалифицированная заметка в китайском издании («Общественные науки за рубежом», 1981, № 3). Академия общественных наук КНР сообщила о подготовке к изданию книги «Китаеведение в СССР» (наряду с книгами по Китаеведению в США, Японии и других странах) и т. д.

² См.: И. С. Лисевич. Изучение китайской литературы в СССР: успехи и перспективы. — В кн.: Великий Октябрь и развитие советского Китаеведения. М., 1968; К. И. Голыгина, И. С. Лисевич. Soviet Sinology in the Past Fifty Years (Literature). — Fifty Years of Soviet Studies (Brief review). М., 1967.

³ Н. Т. Федоренко. Китайская литература. Очерки по истории китайской литературы. М., 1956; его же. Очерки современной китайской литературы. М., 1958; Л. З. Эйдли. Китайская литература наших дней. М., 1955; Л. Д. Позднеева. Лу Синь. М., 1957; В. Ф. Сорокин. Формирование мировоззрения Лу Синя. М., 1958; Е. А. Сербряков. Ду Фу. Критико-биографический очерк. М., 1958; О. Л. Фишман. Ли Бо. Жизнь и творчество. М., 1958; В. В. Петров. Ай Цин. Критико-биографический очерк. М., 1954 и др.

было написано (и защищено) значительное число серьезных диссертаций, которые сыграли большую роль в написании последующих книг монографического характера. Широкий размах в 50-е годы приобрела и переводческая деятельность, и не будет преувеличением сказать, что подобного явления в мировой синологии никогда не было ⁴.

Невиданным для синологии тех лет явился перевод на русский язык современной литературы Китая. Переводились не только хорошо известные современные писатели-классики (Лу Синь, Ба Цзинь, Мао Дунь, Лао Шэ, Е Шэнтао, Дин Лии), но и писатели, творчество которых было еще мало представлено в зарубежных переводах: Цао Мин, Ма Фэн, Ли Чжунь, Чжао Шули, Фэн Дэин и др. ⁵. Широкая публикация в 50-х годах наиболее крупных произведений современной китайской литературы свидетельствовала прежде всего о большом интересе и уважении к китайской культуре, которые существовали и существуют в Советском Союзе.

Как в исследовательской работе, так и в переводческой деятельности в то время были свои пробелы. Но главное, что следует подчеркнуть, когда речь идет о переводческой работе тех лет, — то, что переведенная на русский язык китайская литература (классическая и современная) создала хороший фундамент для ее более глубокого изучения и осмысления в последующие годы.

По количеству изданных книг (переводы и исследования) 60—70-е годы в общем несколько уступают предшествующему периоду. Причин здесь несколько. Во-первых, как мы указали, предшествующее десятилетие действительно имело особый характер, и поэтому оно трудно сопоставимо. Во-вторых, начиная с 60-х годов (особенно с началом «культурной революции», которую сейчас в КНР называют полосой «десятилетних бедствий») в Китае изменилась литературная и литературоведческая ситуация — сузились до минимума сама литература и наука о литературе. С другой стороны, изменился подход к научной и переводческой деятельности китаистов — ученых и переводчиков в нашей стране. Нельзя не отметить более разборчивое и взвешенное отношение отечественных китаистов к объектам и качеству исследования и переводов. Наконец, мы не можем закрывать глаза на усиление враждебности руководства Китая по отношению к СССР, свертывание по его инициативе культурных связей. Однако советская синология успешно преодолевала отрицательные явления.

В настоящее время советская синологическая наука (исследование литературы и переводческое дело), благодаря плодотворной деятельности большой группы китаистов-литературоведов, находится на достаточно высоком уровне развития. Во многих отношениях советское китаеведение находится на передовых позициях мировой синологии. Следует подчеркнуть одну важную особенность развития отечественного китаеведения в последние два десятилетия, свойственную вообще развитию советской науки: оно никогда не ставилось в зависимость от политической конъюнктуры в других странах. Если в КНР периода «десятилетних бедствий» все, что было сделано в Советском Союзе (литературные произведения, научные исследования), подвергалось остракизму и расценивалось как «ядовитые травы», у нас в стране продолжалось и развивалось серьезное изучение проблем китайской культуры и литературы, издавались книги переводов. Советские ученые-китаисты всегда исходили из принципа уважения к китайскому культурному наследию и к ее носителю — китайскому народу.

Переводческая деятельность

Обратимся сначала к переводам замечательной классической поэзии Китая. Советская переводческая школа достигла значительных успехов в этой области. И дело не только в количестве переведенных произведений китайских поэтов (Тао Юаньминя, Бо Цзюйи, Ду Фу, Ли Бо, Су Дунпо и многие другие китайские поэты древности и средневековья), хотя сам этот факт также весьма примечателен, но и в тщательности отбора образцов поэтического наследия, в точности и поэтичности переводов. В 60-х годах вышла новая книга переводов стихов великого танского поэта Бо Цзюйи в переводе большого зна-

⁴ За это десятилетие в русском переводе появились такие крупные издания, как «Книга песен» в поэтическом переводе А. А. Штуккина (Шницин. Книга песен. М., 1957); четырехтомная «Антология китайской поэзии» (М., 1957), в которой были собраны образцы китайской поэзии, начиная с древности и кончая 50-ми годами XX в. Были изданы переводы отдельных китайских поэтов: Бо Цзюйи (1951, перевод Л. З. Эйдлина), Ду Фу (1955, перевод А. Гитовича) и др. В это же время появились переводы почти всех основных китайских классических романов: «Троецарствие» (1954, перевод В. А. Панасюка), «Речные заводи» (1955, перевод А. П. Рогачева), «Путешествие на Запад» (1959, перевод А. П. Рогачева и В. С. Колоколова), «Неофициальная история конфуцианцев» (1959, перевод Д. Н. Воскресенского), «Сон в Красном тереме» (1958, перевод В. А. Панасюка). В числе переводов на русский язык были крупные произведения XIX—XX вв., которые мало переводились и изучались на Западе: Лю Э. Путешествие Лао Цзяня. М., 1958; Цзэн Пу. Цветы в море зла. М., 1960 (обе книги в переводе В. И. Семанова) и др.

⁵ Среди крупных изданий той поры можно назвать четырехтомник Лу Синя (1954—1955), двухтомник Лао Шэ (1957), однотомник сочинений Го Можо (1955), трехтомник Мао Дуня (1956) и др.

тока китайской поэзии Л. З. Эйдлиша. Создав свой стиль переводов китайской поэзии (нерифмованные, но ритмизованные строки), Л. З. Эйдлиш перевел стихи и других поэтов-классиков, демонстрируя тонкое понимание художественной образности китайского стиха⁶.

Переводами китайской классической поэзии занимались многие советские китаисты. Например, исследователь творчества известного поэта древности Цао Чжи Л. Е. Черкасский (автор монографии о поэте) выпустил поэтический сборник «Семь печалей». Б. Б. Бахтин, исходя из своего понимания особенностей китайской поэзии, сделал перевод старинных песен юэфу. Поэт-китаист Н. Голубев, выполнивший немало хороших переводов в 50-х годах, в последующие годы выпустил сборники стихов сунского поэта Лу Ю и Су Дунпо. Из книг последних лет можно назвать сборники переводов из китайской классической поэзии, сделанных поэтом-китаистом Михаилом Басмановым, областью интересов которого является сунская поэзия. Привлекают внимание выполненные с большим художественным вкусом его переводы стихов Синь Цицзи, поэтессы Ли Цинчжао и других сунских поэтов⁷. Надо особо отметить прекрасное художественное оформление сборников китайской поэзии, которое удачно гармонирует с их поэтическим содержанием.

Переводом китайской классической поэзии, как известно, занимались наши крупные поэты. Еще в 50-х годах несколько переводов сделала А. А. Ахматова (выдающаяся русская поэтесса известна также своими переводами из классической корейской поэзии). В ее переводе, в частности, известна поэма выдающегося поэта древности Цюй Юаня «Лисао» (Цюй Юань. Стихи. М., 1956). Образцы прекрасных переводов дал поэт Александр Гитович, который воспроизвел на русском языке поэтические произведения великого Ду Фу (Ду Фу. Лирика. М., 1967). Автор предисловия к этому сборнику, исследователь средневековой китайской поэзии Е. А. Серебряков справедливо писал: «Сборник стихотворений, возникший на пересечении двух поэтических парабол — наследия Ду Фу и искусства талантливого советского поэта, — будет долго пленять нас красотой мысли и слова». В 70-х годах переводами с китайского успешно занимаются поэты Аркадий Штейнберг (переводы из Ван Вэя), Е. Витковский (Су Дунпо) и др. Образцы поэтических переводов этих поэтов можно увидеть в стихотворном сборнике «Из китайской лирики» (М., 1979).

В последние годы на сцене поэтического перевода появляются поэты-китаисты нового поколения, расширяется тематическая сфера переводов. Привлекают внимание хорошие переводы Л. Бадылкина из Лю Чжэня, Се Линъюня, Бао Чжао (Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977), а также своеобразные переводы И. С. Смирнова из Гуань Ханьцина, Гао Ци (в вышеназванном поэтическом сборнике «Из китайской лирики»).

Большую роль в ознакомлении советского читателя с классической поэзией Востока сыграло уникальное в мировой практике издание «Библиотеки всемирной литературы», два тома которой (Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973; Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977) включают многочисленные образцы переводов из китайской классической поэзии. Только в первом из этих томов представлены 78 китайских поэтов — от Цао Чжи, Лю Чжэня, Жуань Ци, Цзи Кана до поэтов поздней поры — Тан Сяньцзу, Чэнь Цзылуна. Следует отметить, что это издание хорошо сочетает в себе поэтичность переводов с их научной точностью.

Китайская поэзия развивалась как бы по двум большим направлениям: собственно поэзия и «поэзия в прозе», которая сыграла значительную роль в истории китайской литературы. Без нее, например, невозможно представить китайский классический роман или средневековую повесть. Поэты-китаисты внесли значительный вклад в переводы этого своеобразного вида поэтического наследия китайцев. Можно упомянуть в связи с этим переводы стихотворений из китайских городских повестей Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу (XVII в.) Л. Е. Черкасского (Проделки Праздного Дракона. Шестнадцать повестей из сборников XVII века. М., 1966) и Г. Ярославцева к средневековому роману «Цзинь, Пин, Мэй» (Цветы сливы в золотой вазе. М., 1977, т. 1—2). Переводчики в целом нашли удачный стиль передачи на русский язык этой поэзии.

Немало сделано в области переводов старой китайской прозы как в ее «классическом» виде (проза гувэнь, новелла), так и в «простонародном» — повествовательной прозы на байхуа. К первому можно отнести, к примеру, сборники волшебных рассказов эпохи Шести Династий (Лючао) из «Записок о поисках духов» («Соу шэнь цзи») Гань Бао (Рассказы о необычном. Сборники дотанских новелл. М., 1977. Перевод А. Тишкова). Сравнительно недавно появился небольшой, но содержательный сборник рассказов древней китайской прозы из ханьских и последующих сборников (Пурпурная яшма. Китайская повествовательная проза I—VI веков. М., 1980). В ней представлены образцы прозы Гэ Хуна («Жизнеописание святых и бессмертных», перевод И. С. Лисенча), Гань

⁶ Бо Цзюйи. Лирика. М., 1965. См. также: Бо Цзюйи. Стихотворения. М., 1978; Гао Юаньмин. Лирика. М., 1964; Гао Юаньмин. Стихотворения. М., 1973; Китайская классическая поэзия. М., 1975.

⁷ Цао Чжи. Семь печалей. М., 1972; Юэфу. Из старинной китайской лирики. М., 1969; Лу Ю. Стихи. М., 1960; Су Дунпо. Стихи, мелодии, поэмы. М., 1975; Ли Цинчжао. Строфы из граненой яшмы. М., 1974; Цветы мэйхуа. Классическая поэзия Китая в жанре цы. М., 1979.

Бао (перевод Л. Н. Меньшикова), Ханьдань Шуня («Лес улыбок», перевод Б. Л. Рифтина), Лю Цзиня («Ходячие толки в новом пересказе», перевод В. Т. Сухорукова) и т. д. Обе книги восполняют пробел, существовавший ранее в области перевода литературы той эпохи.

Еще в 50-х годах некоторые китаисты-переводчики занимались переводами новелл эпохи Тан. В последующие годы эта работа была продолжена. В переводе О. Л. Фишман и А. А. Тишкова вышла книга «Танские новеллы» (М., 1960), а спустя некоторое время появилось новое издание новелл, переведенных, в частности, китаисткой И. Соколовой (Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII—IX вв.). М., 1970). Она же перевела образцы прозы танских мастеров гуэня (Хань Юй, Лю Цзунюань. Избранное. М., 1979). Названные книги невелики по объему, однако дают достаточно хорошее представление о стиле классической китайской прозы. «Высокая проза» скоро будет представлена переводами новелл XIV в. известного сборника Цюй Ю «Цзяньдэн синьхуа» («Новые рассказы у горящего светильника»). Переводчик этих произведений К. И. Голыгина в 1979 г. также выпустила книгу лирической прозы Шэнь Фу «Шесть записей о быстротечной жизни» («Фоушэн люцзин»), до сего времени не переводившейся на русский язык.

Когда мы говорим о «высокой прозе», нельзя не упомянуть замечательных новелл Пу Сунлина (Ляо Чжая), в свое время талантливо переведенных на русский язык академиком В. М. Алексеевым. Свообразные и яркие переводы выдающегося китаиста неоднократно переиздавались в последние два десятилетия (Пу Сунлин. Лисьи чары. М., 1970, с предисловием В. М. Алексеева; Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах. М., 1978, с предисловием Л. З. Эйдлина). В. М. Алексеев перевел примерно треть новелл китайского автора. В начале 60-х годов вышла книга новых переводов из собрания Ляо Чжая, сделанных П. М. Устиным и А. А. Файнгаром (Пу Сунлин. Новеллы. М., 1961). Совсем недавно вышла книга П. М. Устина «Пу Сунлин и его новеллы» (М., 1981), в которой краткое исследование сочетается с переводами новелл великого китайского литератора.

Заметным явлением в советской китаистике явилась книга поэта и прозаика начала XX в. Су Маньшу (Су Маньшу. Одинокий лебедь. М., 1971. Перевод В. И. Семанова), до этого неизвестного советскому читателю (заметим, что Су Маньшу почти не переводился и на Западе). Можно надеяться, что эта книга положит начало переводам на русский язык малознакомой в русских переводах китайской литературы конца XIX — начала XX в.

В 60—70-х годах переводились произведения других жанров старой китайской литературы: классической драмы, произведений фольклора и т. д. Назовем книгу «Юаньская драма» (составление и вступительная статья В. В. Петрова. Издательство «Искусство». Л.—М., 1966), которая включила в себя произведения восьми китайских драматургов разных эпох (Гуань Ханьцина, Бай Пу, Ма Чжюаня, Ли Хаогу, Чжэн Гуанцзу и других авторов в переводах Н. А. Спешнева, Т. А. Малиновской, Е. А. Серебрякова, Л. Н. Меньшикова, О. Л. Фишман). В недавно вышедшем томе «Библиотеки всемирной литературы» (Классическая драма Востока. М., 1976) представлены (во фрагментах) новые переводы из произведений тех же драматургов, а также Хун Шэна, Кун Шанжэня и других авторов в переводах В. Ф. Сорокина, Г. Ярославцева, И. Голубева и др.

Что касается изданий китайского фольклора на русском языке, то можно указать на публикации китайских сказок и легенд⁸. Большую пользу в деле ознакомления советского читателя с китайской мифологией принес перевод книги известного китайского ученого Юань Кэ «Мифы древнего Китая» (М., 1965), новое издание которой ожидается в ближайшем будущем в издательстве «Наука». Большой и интересный материал о мифах и сказаниях древнего Китая, о старинных китайских верованиях, народных культах содержится в новом издании (Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980). Отдельные статьи в этой книге, посвященные Китаю, сопровождаются прекрасными иллюстрациями из знаменитой коллекции китайского народного лубка, собранной В. М. Алексеевым. Это превосходное издание, учитывающее последние достижения науки (составитель и автор статей о Китае — Б. Л. Рифтин).

Весьма плодотворной была деятельность в области перевода китайской повествовательной литературы, в частности прозы на байхуа. Напомним, что еще в 50-х годах в Советском Союзе были переведены почти все классические китайские романы. В последующий период на русском языке были впервые изданы ранее не переведенные произведения повествовательной литературы: роман Цянь Ця «Сказание о Юэ Фэе» (М., 1963. Перевод В. А. Панасюка) — произведение, по существу, не известное в зарубежных переводах; в 70-х годах в сокращенном переводе вышел еще один китайский средневековый роман «Цзинь. Пин, Мэй» (Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй. Т. 1—2. М., 1977). Переводчик В. С. Манухин был и исследователем романа, этому произведению посвящена его диссертация. Вдумчиво и серьезно он подошел к воспроизведению на русский язык сложных китайских реалий, и хотя перевод не является полным, он дает весьма точное представление о художественных особенностях этого выдающегося произведения⁹.

⁸ Сказки народов Китая. М., 1961; Китайские народные сказки. М., 1972 и др.

⁹ Высокую оценку этому изданию дает известный американский китаист А. Плакс. — См.: Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews, 1980, vol. 2, № 1.

Надо сказать, что в 60—70-е годы появились в сокращенном переводе и другие китайские литературные памятники. Краткий вариант, как правило, вызван необходимостью избежать многочисленных повторов и повествовательных длиннот, свойственных старинному оригиналу. Можно считать удачным сокращенный перевод (переложение или пересказ) книги «Речные заводи» Ши Найаня, сделанный ленинградскими китайцами Б. Лисицей и Е. А. Серебряковым (Л., 1968). К числу таких же популярных изданий можно отнести сокращенный перевод приключенческого романа XIX в. Ши Юйкуня «Санься уи»¹⁰. В настоящее время готовится несколько подобных изданий, в числе их сокращенный вариант «Путешествия на Запад» У Чэнъяня и романа «Развешенные чары» («Пин яо чжуань»), литературная обработка которого была в свое время (в XVII в.) сделана знаменитым Фэн Мэнлуном. Издание сокращенных вариантов (переложений и пересказов) ставит перед переводчиками много серьезных проблем, касающихся методов сокращения при необходимости сохранения художественного богатства произведения.

Одной из ярких страниц в истории китайской прозы явилась городская повесть, называемая в Китае хуабэнь или нихуабэнь. Переводу этого интересного вида повествовательной литературы, обладающей многими художественными достоинствами, в Советском Союзе уделялось много внимания. В 60-х годах в русском переводе вышел двухтомник «Удивительные истории нашего времени и древности» (М., 1962, Т. 1—2, перевод В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович), в котором было представлено двадцать повестей из сборника XVII в. «Цзиньгу цигуань». В 1977 г. переводчики выпустили новую книгу (Разоблачение божества. Средневековые китайские повести. М., 1977), в которой к ранее переведенным рассказам было добавлено несколько новых. Отдельным изданием вышла книжка сунских хуабэнь из коллекции «Цзиньбэнь тунсу сяошо» (Пятнадцать тысяч монет. М., 1962, перевод И. Т. Зограф). Шестнадцать повестей из знаменитых сборников Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу изданы в переводе автора этих строк (Проделки Праздного Дракона. М., 1966, спустя некоторое время вышло второе, несколько сокращенное и переработанное издание этой книги: Дважды умершая. Старые китайские повести. М., 1978). В настоящее время нами подготовлен к изданию двухтомник повестей Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу, не переведенных раньше. К вышеперечисленным книгам можно добавить книжку «Нефритовая Гуаньинь», в которую включены образцы сунских рассказов (Нефритовая Гуаньинь. Новеллы и повести эпохи Сун. X—XIII вв. М., 1972, перевод А. П. Рогачева). Надо заметить, что этот вид старой китайской прозы сейчас представлен в русских переводах лучше и полнее, нежели на других европейских языках.

Такова общая картина переводов на русский язык старой китайской литературы. Обратимся к современной литературе (здесь и далее мы имеем в виду литературу XX в. вплоть до настоящего времени). Переводов ее образцов за истекшие два десятилетия было сделано несколько меньше, чем переводов китайской классики, однако они чрезвычайно важны для понимания основных тенденций развития литературы Китая XX в.

В области перевода китайской поэзии безусловно интересны поэтические сборники, изданные исследователем и переводчиком современной китайской поэзии Л. Е. Черкасским¹¹. В совокупности эти книги дают хорошее представление о развитии китайской поэзии на протяжении нескольких десятилетий.

Переводов прозы было сделано значительно больше. В 1971 г. в серии «Библиотека всемирной литературы» был издан содержательный однотомник произведений Лу Синя (Лу Синь. Повести. Рассказы. М., 1971. Составление и общая редакция тома Н. Т. Федоренко). Особенностью книги является то, что многие произведения китайского писателя переведены заново и художественное качество переводов значительно выше, чем раньше. В русском переводе вышли книги других китайских авторов — Мао Дунь. Распад (М., 1972. Перевод С. С. Иванько; в книгу вошли также некоторые рассказы писателя); Лао Шэ (Записки о кошачьем городе. М., 1969; Мудрец сказал. — Восточный альманах. Выпуск 7-й. М., 1979. Оба произведения переведены В. И. Семановым); Чжан Тяньи (Записки из мира духов. М., 1972, перевод Л. Е. Черкасского); Чжао Шули (Песенки Ли Юцяя. М., 1974. Отв. ред. и составитель М. Е. Шнейдер. Переводы известных произведений «Песенки Ли Юцяя» и «Женитьба маленького Эрхэя» сделаны видными литераторами и переводчиками В. Н. Роговым и В. Н. Кривцовым). Большой интерес представляет перевод публицистических произведений выдающегося китайского революционера и литератора Цюй Цюбо (Избранное. М., 1975), выполненный исследователем его творчества М. Е. Шнейдером. Впервые на русском языке издан роман современного китайского писателя и ученого Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» («Вэй чэн») в переводе В. Ф. Сорокина (М., 1980). Много познавательного материала для понимания идеологической обстановки Китая 60-х годов даст книга эссе Дэн То «Вечерние беседы в Яньшани» (М., 1974), раскрывающих публицистический и сатирический талант трагически погибшего литератора и общественного деятеля (перевод А. Н. Желуховцева).

Произведения современной литературы малых форм (рассказ, новелла) представлены в ряде сборников: Сюй Дишань. Чудесный светильник. М., 1961; У Цзусян. Накануне

¹⁰ Ши и Юйкунь. Трое храбрых, пятеро справедливых. М., 1974.

¹¹ Дождливая аллея. Китайская лирика 20—40-х годов. М., 1969; Пятая стража. Китайская лирика 30—40-х годов. М., 1979. Обобщающая книга его переводов: Сорок поэтов. Китайская лирика 20—40-х годов. М., 1978.

отъезда. М., 1960; Однажды вечером. Новеллы китайских писателей. М., 1968 (в книге представлены произведения Ван Луяня, Ван Тунчжао, Се Бинсинь и др.); Дождь. Рассказы китайских писателей 20—30-х годов. М., 1974 (в книгу вошли произведения Лу Синя, Мао Дуня, Е Шэнтао, Ба Цзиня, Дин Лин) и др. В 1981 г. издательство «Прогресс» выпустило «Избранное» Лао Шэ (в книгу, в частности, включен посмертный роман писателя о маньчжурском Китае «Под пурпурными стягами» — «Чжэн хун шися»). В настоящее время издательства готовят к изданию ряд книг, в том числе сборник рассказов китайских писателей 50-х годов, и другие публикации.

Новым опытом в советской школе перевода является издание произведений писателей, пишущих на китайском языке, но живущих вне Китая. Такие произведения, например, вошли в недавно вышедшую книгу «Сингапурская мозаика» (М., 1980), впервые широко показывающую творчество китайскоязычных авторов Сингапура (составление и предисловие Д. Н. Воскресенского).

Из приведенного обзора переводов китайской литературы видно, что за последние два десятилетия сделано немало. Однако, естественно, еще существуют некоторые пробелы. Например, требует более внимательного подхода литература (проза и поэзия) после Хань и до династии Тан. Впрочем, и литература танского периода содержит очень много интересного, что должно быть представлено в переводе на русском языке. Мало представлена в переводах классическая китайская драма позднего периода (Мин — Цин) и ее многочисленные разновидности. Фактически остается нетронутым огромный литературный пласт прозо-поэтической литературы (например, разные виды сказа). Недостаточно сделано переводов из литературы XIX — начала XX в. Большую роль в издании небольших по объему современных и классических произведений или фрагментов могли бы сыграть не только отдельные книги, но и разного рода антологии и альманахи типа «Восточного альманаха», который, кстати сказать, является одним из лучших в мире изданий этого типа, пропагандирующих образцы восточной литературы, не печатавшиеся ранее. Перед китаистами стоит задача перевода лучших образцов китайской литературы последних лет, а также произведений писателей, пишущих на китайском языке (например, Гонконга, Тайваня). Эта литература фактически совершенно неизвестна в западных переводах, между тем в ней есть произведения, представляющие значительный интерес.

Исследования

Период 60—70-х годов можно считать весьма плодотворным с точки зрения изучения китайской литературы. По сравнению с 50-ми годами значительно увеличилось число серьезных, оригинальных исследований. Расширился круг работ, посвященных крупным теоретическим проблемам (изучение литературных жанров, направлений) и более частным, но важным вопросам творчества отдельных авторов, художественных особенностей произведений и т. п. Увеличилась теоретическая насыщенность работ, их исследовательская глубина и самостоятельность. В целом ряде трудов многие явления китайской литературы рассматривались в сопоставлении с аналогичными или близкими явлениями мировой литературы, что позволило обратить внимание на важные проблемы типологического характера.

Для понимания общих особенностей развития китайской литературы очень полезными явились два очерка по истории китайской литературы. Это сравнительно небольшой по объему, но содержательный по материалу и выводам очерк «Китайская литература» В. Ф. Сорокина и Л. З. Эйдлина (М., 1962) и соответствующий раздел университетского курса истории литератур зарубежного Востока под редакцией Л. Д. Позднеевой¹². Этим очерком трудился большой коллектив авторов — педагогов Московского университета (Л. Д. Позднеева, Л. Е. Померанцева, В. С. Манухин, О. М. Лин Лин, П. М. Устин, Д. Н. Воскресенский, Е. А. Цыбина и др.) и сотрудников Академии наук (Э. М. Яншина, Н. Е. Боровская и др.). Китайская литература в этом курсе показана в сопоставлении с другими национальными литературами Востока. Названные очерки являются важным шагом к созданию капитального труда по истории китайской литературы, который, возможно, появится в будущем (одним из этапов этой работы явится очерк по китайской литературе в «Истории всемирной литературы», подготавливаемой Академией наук СССР).

Важным этапом осмысления проблем китайской литературы и ее связей с мировым литературным процессом было издание трудов В. М. Алексева и Н. И. Конрада¹³.

Серьезные теоретические проблемы освещены во многих работах, посвященных крупным явлениям истории китайской литературы. Работы Н. Т. Федоренко «Проблемы ис-

¹² Литература Древнего Востока. М., 1971; Литература Востока в Средние века, тт. 1—2. М., 1970; Литература Востока в новое время. М., 1975. В 1977 г. вышла четвертая книга этого очерка — «Литература Востока в новейшее время». Общий объем разделов, посвященных литературе Китая, составил более 700 с.

¹³ В. М. Алексеев. Китайская народная картина. М., 1966; его же. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978; Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1966; его же. Избранные труды. Синология. М., 1977.

следования китайской литературы» (М., 1974) и «Древние памятники китайской литературы» (М., 1978) посвящены анализу проблем соотношения древности и современности в литературе. Важному вопросу специфики жанра посвящена содержательная монография Б. Л. Рифтина «Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае» (М., 1970). Близкие вопросы затрагиваются и в другой книге того же автора, «От мифа к роману» (М., 1979). Исследованию жанра повести хуабэнь посвятил свою работу А. Н. Желтоховцев (Хуабэнь — городская повесть средневекового Китая, М., 1969). В капитальном труде В. Ф. Сорокина «Китайская классическая драма XIII—XIV вв.» (М., 1979) исследованы мало изученные в нашей и зарубежной синологии вопросы классической китайской драмы, в нем также изложены сюжеты многих малознакомых драматургических произведений. В книге О. Л. Фишман «Китайский сатирический роман» (М., 1966) анализируются проблемы китайской сатиры на основе «Путешествия на Запад», «Неофициальной истории конфуцианцев», «Цветов в зеркале» и других крупных произведений. В. И. Семанов в монографии «Эволюция китайского романа» (М., 1970) показал широкую картину развития китайской прозы XVIII—XX вв. Общие проблемы китайской поэзии (жанры ши и цы) исследуются в книге Е. А. Серебрякова «Китайская поэзия X—XI веков» (ЛГУ, 1979). Малоизученной проблеме стиля «высокой прозы» посвящена книга К. И. Голыгиной «Теория изящной словесности в Китае» (М., 1971). К. И. Голыгина является автором и другого труда — «Новелла средневекового Китая. Истоки сюжетов и их эволюция: VIII—XIV» (М., 1980). Одной из теоретических работ по литературоведению Китая является книга И. С. Лисевича «Литературная мысль Китая» (М., 1979). Широкий круг философско-литературных проблем затронут в книгах Л. Д. Позднеевой «Атенсты, материалисты, диалектики древнего Китая» (М., 1967) и Л. Е. Померанцевой «Поздние даосы. О природе, обществе и искусстве» (МГУ, 1979).

Из многочисленных работ, посвященных творчеству отдельных авторов, выделим крупную монографию Л. З. Эйшлина «Тао Юань-мин и его стихотворения» (М., 1967), содержащую богатый материал, касающийся специфики китайской поэзии вообще. Творчеству знаменитых поэтов китайского Средневековья посвящены работы Л. Е. Черкасского (Поэзия Цао Чжи, М., 1963) и Е. А. Серебрякова (Лу Ю. Жизнь и творчество, ЛГУ, 1973). Л. Е. Бежин и В. В. Малявин опубликовали работы о творчестве не исследованных ранее в советском китаеведении литераторов Се Линъюня и Жуань Цзи (Л. Е. Бежин, Се Линъюнь, М., 1980; В. В. Малявин, Жуань Цзи, М., 1978). Несколько работ (переводы и исследования), посвященных новеллистике XVII—XVIII вв., опубликовала О. Л. Фишман (Цзи Юнь. Заметки из хижины «Великое в малом», М., 1974; Юань Мэй. Новые записи Ци Се (Синь Ци Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй), М., 1977; Три китайских новеллиста XVII—XVIII вв. Пу Сунлин, Цзи Юнь, Юань Мэй, М., 1980). В этих книгах анализируется, в частности, малоисследованный жанр «бици» — «записки», тесно связанный с новеллой и издавна популярный в Китае.

Большое литературоведческое значение имеют научные труды, затрагивающие также сложные явления китайской культуры, как бяньвэнь или баоцзюань, сыгравшие значительную роль в развитии прозо-поэтических жанров литературы в Китае. В этом отношении интересны книги Л. Н. Меньшикова «Бяньвэнь о воздаянии за милости» (ч. 1—2, М., 1972, перевод и исследование) и Э. С. Стуловой «Баоцзюань о Пу Мине» (М., 1979), изданные в сериях «Памятники литератур народов Востока» и «Памятники письменности Востока». Они отличаются хорошим текстологическим анализом, подробными научными комментариями.

Говоря об изучении старой китайской литературы в СССР, нельзя не упомянуть научные сборники материалов ленинградских конференций по теоретическим проблемам литератур Дальнего Востока¹⁴. Эти книги интересны многим, например тем, что они дают хорошее представление о направлениях и темах научных исследований многих советских китаистов-литературоведов. Статьи и очерки представлены не только в специальных литературоведческих сборниках, но и в книгах, посвященных проблемам истории, идеологии, культуры Китая¹⁵. В этих сборниках можно видеть статьи, посвященные связи литературы с разными сторонами китайской цивилизации. Следует упомянуть также филологические сборники, выпущенные Московским и Ленинградским университетами: Вопросы китайской филологии, МГУ, 1974; Проблемы восточной филологии, МГУ, 1979 (в них представлены статьи китаистов-филологов И. И. Семеново о Цзи Кане, Г. А. Ткаченко о книге «Весны и осени» Лю Бувэя, О. М. Лин-Лин о романе «Сон в Красном тереме» и многие другие); Исследования по филологии стран Азии и Африки, ЛГУ, 1966 (со статьями Т. А. Малиновской о драматурге XVII в. Хун Шэнь и Е. А. Серебрякова о стихах Лу Ю); серийные сборники ЛГУ «Востоковедение» и т. д. Научные сборники являются очень полезным изданием, в котором нередко публикуется несколько статей одного автора, посвященных одной теме, благодаря чему оттачивается и конкретизируется

¹⁴ Литература древнего Китая, М., 1969; Жанры и стили литератур Китая и Кореи, М., 1969; Изучение китайской литературы в СССР, М., 1973; Литература и культура Китая, М., 1972; Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока, М., 1974; Литература стран Дальнего Востока, М., 1979.

¹⁵ Китай: общество и государство, М., 1973; История и культура Китая, М., 1974; Китай: история, культура, историография, М., 1977; Китай. Поиски путей социального развития, М., 1979, и др.

ся какая-то научная гипотеза или идея. Укажем в этой связи на серию статей В. С. Манухина о средневековом романе, Н. Е. Боревской о романе XVI в. «Плавание санопника Трех Драгоценностей в Западный океан», Т. А. Малиновской о минской драме, Л. К. Павловской о жанре пинхуа, статьи Е. В. Завадской о китайской эстетике, С. А. Серовой и И. В. Гайды о китайском театре и т. д. Работы трех последних авторов шире собственно литературоведческих проблем, однако многими своими сторонами они связаны с китайской литературой.

Статьи советских китаистов-литературоведов содержатся в сборниках, касающихся разных проблем мировой культуры и литературы: XVII век в мировом литературном раздвиге. М., 1969; Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1979; Генезис романа в литературах Азии и Африки. М., 1980 и т. д. Большое количество статей советских китаистов-литературоведов содержится в разного рода специальных и общих периодических изданиях — журналах «Проблемы Дальнего Востока», «Народы Азии и Африки», «Вопросы литературы», «Иностранная литература» и др.

Картина научной деятельности была бы неполной, если бы мы не упомянули значительного количества работ, еще не вышедших отдельным изданием¹⁶.

Китайская литература XX в. также нашла свое отражение в крупных монографических трудах, исследованы важные проблемы, неизученные или мало изученные ранее. Творчеству революционера и публициста Цюй Цюбо посвящена книга М. Е. Шнейдера «Творчество Цюй Цюбо (1899—1935)». М., 1964, в которой освещены не только литературные проблемы, но и идеологические процессы китайской действительности 20—30-х годов. Большой материал собран в книге В. Т. Сухорукова, посвященной творчеству Вэнь Идо (М., 1968). Подробный анализ творчества Лао Шэ содержится в монографии А. А. Антиповского «Раннее творчество Лао Шэ. Темы. Герои. Образы» (М., 1967). Творчеству поэта-революционера Инь Фу посвятил свою книгу Н. Ф. Матков (Инь Фу — певец китайской революции. МГУ, 1962). Сложный творческий путь поэта и прозаика Юй Дафу прослеживается в книге В. С. Аджимамудовой «Юй Да-фу и литературное общество „Творчество“» (М., 1971). Название работы говорит о том, что исследователя интересует не только творческая личность китайского литератора, но и те общественно-идеологические процессы, которые происходили в Китае в 20—30-х годах. Л. А. Никольская издала две книги о прозаике Ба Цзине (М., 1976) и драматурге Тянь Хане (Тянь Хань и драматургия Китая XX века. МГУ, 1980), в которых содержится большой фактический материал.

Китайская поэзия успешно исследуется в работах Л. Е. Черкасского: Новая китайская поэзия (20—30-х годов). М., 1972; Китайская поэзия военных лет (1937—1949). М., 1980. Проблемам связи литературы с идеологическими процессами в Китае последних двух десятилетий посвящены книги И. М. Надеева «Культурная революция и судьба китайской литературы» (М., 1969) и А. Н. Желоховцева «Литературная теория и политическая борьба в КНР» (М., 1979). Отдельные этапы развития китайской литературы рассматриваются, например, в таких коллективных сборниках, как «Движение „4 мая“» (М., 1971) и «Судьбы культуры в КНР (1949—1974)». М., 1978 (очерки В. Ф. Сорокина и А. Н. Желоховцева о современной китайской литературе). В статьях и очерках этих и других научных сборников дается серьезная марксистская оценка процессов, которые имели место в последние годы в литературе и культуре Китая.

Отдельные проблемы современной литературы Китая исследованы в некоторых диссертациях¹⁷.

Важным дополнением к научным исследованиям являются эссенцистические и публицистические работы Р. С. Белоусова (В тысячах иероглифов. О людях и книгах. М., 1963; Василий Ерошенко. Избранное. М., 1977), в которых приводится много интересных фактов, относящихся к творческой деятельности современных китайских писателей. (См.

¹⁶ Мы имеем в виду некоторые кандидатские диссертации: Д. Н. Воскресенский. Китайский сатирик XVIII в. У Цзинцзы и его роман «Неофициальная история конфуцианцев». М., 1962; В. С. Манухин. Социально-обличительный роман «Цзинь, Пин, Мэй» (XVI в.). От традиций к новаторству. М., 1964; П. М. Устин. Новеллы Пу Сунлина. М., 1966; И. И. Соколова. Танские «сяошо» (китайская новелла VII—IX вв.). Историко-литературный анализ. М., 1966; О. М. Лин-Лин. Новые герои в романе Цао Сюэциня «Сон в Красном тереме» (XVIII в.). М., 1972; Н. Е. Боревская. Ло Маодэн. «Плавание Чжэн Хэ по Индийскому океану» (1597 г.). М., 1970; Пан Ин. К истории создания китайского классического романа «Шуйхуачжуань» («Речные заводи»). Л., 1973; И. И. Семеновко. Цзи Кан — китайский писатель III в. н. э. М., 1974; Т. С. Зяц. Творчество революционной китайской поэтессы Цю Цзинь (1875—1907). М., 1975; Л. Е. Бадьялкин. Китайский поэт IV—V вв. Се Линь и его эпоха. М., 1975; Л. К. Павловская. Пинхуа — народный исторический роман. Л., 1975; И. С. Смирнов. Жизнь и творчество Гао Ци (1336—1374). М., 1978; Г. Б. Дагданов. Влияние чань-буддизма на творчество танских поэтов (на примере Ван Вэя и Бо Цзюйи). М., 1980 и др.

¹⁷ Н. П. Лазарева. Идеино-художественный анализ творчества Чжао Шуля конца 50—60-х годов. М., 1972; В. Г. Годына. Дискуссия о Хай Жве и судьба современной исторической драмы в Китае (конец 50-х—60-е годы). М., 1979; Э. И. Шульга. Чжу Цзыцин — поэт и критик поэзии. М., 1979 и др.

также интересную статью Р. С. Белоусова «Русский писатель В. Ерошенко — друг Лу Синя». — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 2.)

Большое значение для понимания взаимосвязей литератур имеет хорошо документированный труд М. Е. Шнейдера «Русская классика в Китае» (М., 1977). Проблеме творческого осмысления поэзии Владимира Маяковского в Китае посвящена книга Л. Е. Черкаского «Маяковский в Китае» (М., 1976). Вопросы взаимосвязей и взаимодействия литератур рассматриваются в некоторых теоретических сборниках: Интернациональное и национальное в литературах Востока. М., 1972; Идеологическая борьба и современные литературы зарубежного Востока. М., 1977; Китай. Поиски путей социального развития. М., 1979 и др.

Вышеизложенные факты, касающиеся исследования современных проблем китайской литературы, позволяют сделать ряд предварительных замечаний и выводов. Тематическое разнообразие работ о китайской литературе свидетельствует о непрерывном расширении круга исследований, о привлечении в сферу научного изучения новых китайских авторов и новых произведений. Требуют, несомненно, большего внимания такие важные проблемы, как литературная теория Китая в разные эпохи, выявление особенностей литературных направлений XIX—XX вв., специфики деятельности некоторых литературных обществ, анализ и оценка литературных и идеологических направлений (натурализм, символизм в Китае и т. п.). Разумеется, требуют продолжения анализа проблемы современной литературы КНР в разных ее жанрах и видах: проза, поэзия, песенно-повествовательные жанры (интересные статьи, посвященные китайским цюйи, в последние годы опубликовал Н. А. Спешнев). Большой и, по существу, нетронутой темой является литература Тайваня, Гонконга в ее связи с особенностями общественной и культурной обстановки этого региона. Заслуживает дальнейшего изучения литература неханьских народов Китая.

Надо заметить, однако, что указанные выше проблемы мало исследованы вообще в зарубежной синологии, а некоторые — и в Китае. Все это, несомненно, создает трудности в решении многих литературоведческих вопросов.

Лучшему пониманию проблем истории китайской литературы поможет широкое сопоставление литературных явлений в Китае с типологически схожими фактами из других национальных литератур. Теоретическому осмыслению литературных проблем может способствовать и их изучение в связи с различными сторонами китайской культуры, идеологии, религии, социальной психологии и т. д. По-прежнему неисчерпаемой темой является изучение творчества отдельных авторов и разных проблем поэтики и текстологии.

Таковы некоторые общие замечания, которые можно сделать в связи с приведенным кратким обзором научных трудов в области синологического литературоведения.

Наш конспективный и далеко не полный очерк позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего из него видно, что в течение последних двух десятилетий в области изучения китайской литературы и переводческой деятельности в Советском Союзе проделана очень большая и эффективная работа, способствующая лучшему пониманию литературного наследия Китая и его современной литературы в разных ее аспектах. Достигнутые результаты являются хорошей базой для дальнейших исследований собственно китайской литературы, ее связей с идеологией и культурой страны. Советское литературоведческое китаеведение, как, впрочем, и советская китаистика в целом, уже давно заняло одно из передовых мест в мировой синологии. Вряд ли будет ошибкой сказать, что без советских работ по литературе Китая невозможно плодотворно разрабатывать многие китаеведческие проблемы. Это обстоятельство хорошо понимают многие синологи за рубежом. Факт больших достижений отечественной, синологии, в частности ее литературоведческой области, надо отметить особо, так как, к сожалению, в Китае до сих пор предпринимаются попытки замолчать или намеренно исказить достижения советской китаистики. Попытки эти, однако, бесплодны перед лицом очевидных фактов, лишь часть которых приведена в данной статье. Следует подчеркнуть, что советская синология плодотворно развивалась и развивается, ибо в ее основе лежит простая, но благородная идея уважения к культуре других народов, в том числе народа Китая.

Достижения МНР в области культурного строительства

*Е. Доржсурэн,
первый заместитель министра
культуры МНР*

1981 год — год крупнейших событий в политической жизни МНР, важный рубеж ее дальнейшего развития. Состоялся XVIII съезд МНРП, который по-деловому оценил итоги деятельности партии и народа за истекшую пятилетку, наметил конкретную программу социально-экономического развития страны на ближайшие годы, определил пути и методы ее осуществления.

Коммунисты и трудящиеся нашей страны вместе с народами Советского Союза и других стран социалистического содружества, вместе со всем прогрессивным человечеством торжественно отметили 60-ю годовщину со дня образования Монгольской народно-революционной партии и победы Народной революции.

Отмечая успехи нашей партии и всего монгольского народа, Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР товарищ Ю. Цеденбал в Отчетном докладе XVIII съезду партии сказал: «За истекшие шесть десятилетий народной власти трудящиеся Монголии осуществили поистине исторические преобразования во всех сферах общественной жизни... Превращение некогда отсталой феодальной Монголии в динамично развивающееся социалистическое государство с современной многоотраслевой экономикой, процветающей культурой и растущим благосостоянием населения — главный итог деятельности партии и самоотверженного труда монгольского народа»¹.

Дореволюционная Монголия была одной из чрезвычайно отсталых стран Востока. Ее не затронули ни промышленная революция, ни просветительство, она не знала ни реформации, ни возрождения. В духовной жизни монголов господствовала идеология буддизма. Население было сплошь неграмотным. Страна находилась в искусственной изоляции от внешнего мира и мировой цивилизации. По меткому выражению основоположника современной монгольской литературы Д. Нацагдоржа, монгольский народ столетиями жил «будто под перевернутым котлом».

Всему этому положила конец победа антиимпериалистической, антифеодальной, народно-демократической революции 1921 г. Народная революция, совершенная под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и под руководством народной партии, открыла перед нашим народом ясную перспективу духовного возрождения. Однако экономическая и культурная отсталость страны, пережитки феодальных общественных отношений, чрезвычайно глубокая религиозность населения, сохранившаяся до конца 30-х годов, вызвали большие трудности в решении задач создания новой культуры.

Наряду с этим внутри самой партии разворачивалась острая политическая борьба вокруг вопросов о путях создания новой культуры, о культурном наследии, о содержании и форме национальной культуры, о конкретных методах культурного строительства. Историческая заслуга МНРП заключается в том, что она в условиях ожесточенного сопротивления классовых врагов внутри страны и постоянной угрозы со стороны империализма сумела разработать важнейшие вопросы культурного строительства со строгим учетом специфических условий и потребностей монгольского общества. Руководствуясь ленинским указанием о том, что «для работников просвещения и для коммунистической партии, как авангарда в борьбе, должно быть основной задачей — помочь воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс»², МНРП и народное правительство организовали настоящую битву с глубокой культурной отсталостью, с суевериями и предрассудками, с массовой неграмотностью.

В 1924 г. III съезд МНРП, обосновав историческую необходимость некапиталистического развития страны, определил основные направления создания новой культуры, главным из которых явилось формирование новой системы народного образования и культурно-просветительных учреждений. Первые школы, клубы, библиотеки, красные уголки и

¹ Ю. Цеденбал. Отчет ЦК партии XVIII съезду МНРП и задачи на ближайшие годы. Улан-Батор, 1981, с. 3—4.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 400.

революционная печать, созданные народным правительством, провели огромную работу по ликвидации неграмотности и повышению революционной сознательности населения, разоблачению реакционной сущности религии.

Развитие сети культпросветучреждений велось на основе разработанной партией программы осуществления культурной революции, учитывающей опыт, накопленный в СССР. IX съезд МНРП принял важные решения о создании культурно-просветительных учреждений в сельских районах, обеспечении их квалифицированными и идейно подготовленными кадрами, о повышении качества культурно-просветительной работы. Преобразования, не носили собственно социалистического характера, но, будучи тесно связаны с общими задачами антифеодальной революции, в ходе ее углубления перерастали в социалистические культурные преобразования, имели их главной целью и результатом.

К 1940 г. были окончательно ликвидированы политические и социально-экономические основы феодализма, страна вступила в период строительства социализма. Новые условия требовали качественной перестройки содержания, форм и методов работы в области культуры, повышения эффективности ее воздействия на самые широкие народные массы.

Монгольский народ под мудрым руководством своего боевого авангарда — МНРП — на социалистическом этапе развития страны достиг громадных успехов, в том числе в развитии социалистической культуры. «От беспросветной темноты трудящихся масс к сплошной грамотности населения, к созданию широкой сети общеобразовательных школ, профессионально-технических училищ и техникумов, к организации системы высшего образования, к развитию современной медицины, искусства и литературы, формированию большой армии народной интеллигенции — таков результат культурной революции. совершенной в нашей стране за годы народной власти»³ — говорил Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР товарищ Ю. Цеденбал.

Если в дореволюционной Монголии существовала всего одна светская начальная школа, то сегодня в стране функционируют более 500 общеобразовательных школ, около 60 профессионально-технических, средних специальных и высших учебных заведений, в которых учится каждый четвертый гражданин МНР. В основном завершилось введение всеобщего восьмилетнего обучения детей. На каждые 10 тыс. человек в МНР приходится 2745 школьников, 125 учащихся ПТУ, 112 учащихся средних специальных учебных заведений и 131 студент вузов.

В стране успешно действуют Академия наук и ее отраслевые научно-исследовательские институты. Более 20 полиграфических предприятий страны ежегодно выпускают около 70 газет и журналов общим тиражом 113 млн. экземпляров в год и более 800 наименований книг и брошюр тиражом 6,2 млн. экземпляров в год. Монголы читают как на родном, так и на иностранных языках. В их распоряжении целая сеть библиотек с богатыми книжными фондами. На каждые 2600 человек населения приходится одна читальня, 2150 человек — библиотека, на 1200 человек — красный уголок, на 4300 человек — клуб, на 3200 человек — киноустановка. Большую роль в коммунистическом воспитании и повышении культурного уровня трудящихся играют радиовещание и телевидение, которые открыли трудящимся массам безграничную возможность общения с внешним миром, ознакомления с политическими и культурными событиями, происходящими во всем мире.

С первых лет народной власти МНРП придает особое значение искусству как важнейшему средству формирования революционного и социалистического сознания масс. В первое десятилетие народной власти были созданы драматические и музыкальные кружки, которые ставили пьесы, широко освещавшие общественную жизнь того периода и ярко выражавшие революционные идеи народа. Рост числа таких кружков, обогащение их репертуара и выдвинутые из их рядов первые энтузиасты революционного искусства — талантливых драматургов, режиссеров и актеров — дали возможность открыть в 1931 г. первый монгольский профессиональный театр. За полвека монгольский театр прошел славный путь становления и развития. В 1933 г. состоялся его успешный дебют на международном фестивале революционных театров в Москве, где он занял одно из первых мест среди 26 творческих коллективов из СССР, Англии, Германии, Франции, Голландии и других стран.

Успех и авторитет театра, его действенная помощь в идеологической работе партии требовали увеличения числа театрально-зрелищных учреждений по всей стране. В годы народной власти создаются Государственный театр оперы и балета, Государственный театр драмы, детский и кукольный театры, музыкально-драматические театры в восьми аймаках, молодежный театр в индустриальном городе Дархане, ансамбли песни и танца, национальная филармония, Государственный цирк, симфонический, духовой и народный оркестры, эстрадные и вокально-инструментальные ансамбли.

Новое искусство принадлежит народным массам, имеет возможность «объединять, — как говорил В. И. Ленин, — чувство, мысль и волю этих масс, подымать их... пробуждать в них художников и развивать их»⁴, то есть осуществлять в обществе свою важнейшую эстетическую функцию. Репертуар монгольских театров и музыкальных коллективов

³ Ю. Цеденбал. Избранные статьи и речи. М., 1974, с. 469.

⁴ Цит. по: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1967, с. 663.

богат и разнообразен. Монгольские драматурги, композиторы, художники, деятели театра и кино, правдиво и убедительно показывая жизнь страны во всем ее многообразии, создают различные в жанровом и стилистическом отношении произведения, в которых ярко отражены история страны, многовековая борьба народов за свободу и независимость, его самоотверженный труд во имя торжества коммунистических идеалов, его нравственный облик. Такие произведения составляют основу репертуара монгольского театра, кино и музыки, глубоко волнуют сердца зрителей, увлекают их на большие свершения.

МНРП всегда придавала важное значение обогащению репертуара театров и концертных организаций произведениями мировой классики. Оперы Верди, Пуччини, Бородина, Сбалеты Адана, Чайковского, Минкуса, симфонии Гайдна, Моцарта, Бетховена, пьесы Шекспира, Шиллера, Островского — вот далеко не полный перечень произведений, входящих в классическую часть репертуара наших театров и музыкальных коллективов. Приобщение к культурным ценностям, созданным человечеством, повышает эстетический уровень трудящихся масс, содействует их духовному и социальному прогрессу.

Нельзя не отметить, что на становление и развитие монгольской литературы и искусства огромное влияние оказывала и продолжает оказывать советская многонациональная социалистическая культура. В 1925 г. тогдашний министр просвещения МНР обратился к А. М. Горькому с письмом, в котором спрашивал, какого принципа придерживаться при переводе русских художественных произведений на монгольский язык. Великий пролетарский писатель ответил: «Насколько я могу судить о душе монголов по книгам, прочитанным мною о Монголии, я думаю, что наиболее полезна была бы вашему народу пропаганда принципа активности». С тех пор работники монгольской литературы и искусства идут этим путем, утверждая принцип общественной активности не только в переводах, но и в собственном творчестве. Произведения советских писателей и композиторов, которые занимают важное место в репертуаре монгольских театров и музыкальных коллективов, очень популярны у любителей искусства.

МНРП уделяет большое внимание вовлечению широких слоев трудящихся в процесс активного творчества, в том числе и художественного. В настоящее время художественная самодеятельность в нашей стране поднялась на новую, более высокую ступень развития. Количественный рост самодеятельных коллективов и их участников сопровождается качественным ростом: повышением исполнительского мастерства, обогащением репертуара, стремлением овладеть сложными жанрами и формами художественного творчества. О достижениях монгольской художественной самодеятельности красноречиво свидетельствуют ее успехи не только на родине, но и на международных фестивалях и смотрах.

Достижения современной монгольской культуры признаны во всем мире. Этому признанию способствуют многочисленные гастроли монгольских артистов, различные выставки и фестивали, организуемые во многих странах мира, переводы монгольской художественной и научной литературы на различные языки народов планеты. Наша страна поддерживает активные культурные отношения со всеми социалистическими, многими развивающимися и некоторыми капиталистическими странами. Международная культурная деятельность социалистической Монголии является выражением принципиальной политики МНРП, направленной на построение социалистического общества и мирное сотрудничество с другими странами и народами.

Говоря об успехах, достигнутых в культурном строительстве, мы не забываем, что предстоит решать новые грандиозные задачи, выдвигаемые партией перед работниками монгольской культуры и искусства.

Высший форум монгольских коммунистов — XVIII съезд МНРП, рассматривая культуру не только как простое потребление, но и как усвоение ценностей, поставил перед нами задачи по всемерному повышению интеллектуальной зрелости людей, внедрению культуры в труд и быт, в отношения между людьми, в их мораль и поведение. Дома культуры, клубы, красные уголки, библиотеки, музеи и кинотеатры должны расширять сферу своей деятельности, разнообразить формы и методы, повышать воспитательный эффект своей работы для того, чтобы стать настоящими очагами культуры, где наши люди могут интересно проводить досуг, обогащать свой духовный мир. Художественной интеллигенции следует постоянно считаться с возросшим интеллектуальным, культурным уровнем наших людей, отображать в своих произведениях проблемы, которые их волнуют сегодня. Одним словом, нам предстоит большая, сложная работа, которая требует от нас — работников монгольской культуры — максимума усилий, настойчивости и упорства, полной самоотдачи. Мы уверены в том, что решения съезда партии будут успешно выполнены и будут одержаны новые победы в углублении социалистической культурной революции в МНР. Залог тому — творческий, вдохновенный труд деятелей нашей культуры, их воля и решимость отдать свой талант, умение и опыт великому делу коммунистического воспитания народа, делу дальнейшего процветания любимой Родины, укрепления братской дружбы монгольского народа с великим советским народом и народами других социалистических стран.

Разоблачение экспансионистских устремлений Пекина в Азии

Провокационная политика китайских лидеров на международной арене порождает растущую тревогу народов, особенно в сопредельных с Китаем странах. Агрессивность, вмешательство в дела других народов, захватнические вождедения — таковы специфические проявления нынешней внешней политики Китая, превратившейся в серьезный деструктивный фактор современной международной обстановки. Конкретные направления этой политики на Азиатском континенте глубоко, с привлечением богатейшего фактического материала вскрыты в работе известного советского специалиста-международника, профессора С. Г. Юркова «Азия в планах Пекина»*.

В рецензируемой работе проанализирован путь, который привел Мао Цзедун и его последователей к политике и практике откровенного шовинизма и территориальной экспансии. Еще в 1935 г. в беседе со своим американским биографом Э. Сноу Мао признавался: «В школьные годы я... прочел брошюру о расчленении Китая. В ней говорилось об оккупации Японией Кореи и Формозы (Тайвань. — С. Ю.), о потере суверенитета над Индокитаем, Бирмой и прочими странами. Когда я прочел все это, я почувствовал себя угнетенным и огорченным». В 1936 г. Мао Цзедун, разоткровенничавшись, поведал тому же Э. Сноу, что «непосредственной задачей Китая является возвращение всех потерянных районов, а не только защита своего суверенитета по эту сторону стены (Китайской. — С. Ю.)» (с. 10—11). Именно на почве таких воззрений возросли непомерные аппетиты нынешних хозяев Чжуннаньхя, пытающихся, пи-

шет С. Г. Юрков, подвести «историческую основу» под притязания на земли соседних стран общей площадью свыше 10 млн. км², то есть на территорию, превышающую ту, которую занимает Китай (9,6 млн. км²). А отсюда не так уж далеко и до претензий на глобальную гегемонию: «Мы должны покорить земной шар. Наши объектом является земной шар... По-моему важнее всего наш земной шар, где мы создадим мощную державу. Непременно над проникнуться такой решимостью», — призвал Мао Цзедун своих единомышленников в выступлении на расширенном заседании Военного совета ЦК КПК 11 сентября 1959 г. (с. 3).

Автор приводит свидетельства, согласно которым реализация идеи мирового господства мыслится в Пекине путем «заполучения» в первую очередь Юго-Восточной Азии. Со ссылкой на авторитетный вьетнамский источник автор приводит высказывание Ма Цзедуна от 1963 г.: «Я буду председателем 500 миллионов бедных крестьян, и мои армии двинутся на Юго-Восточную Азию. Здесь же он высказал мысль о том, что рядяе стран этого района население будет бы малочисленно и что туда следует переселить китайцев (с. 78, 79). Кстати, именно идею переселения на первых порах миллионы китайцев в Кампучию пытались превратить в жизнь кровавые ставленники Пекина — полпотовцы. За неполные четыре года пребывания у власти они уничтожили три из семи миллионов своих сограждан. Уже на примере этой многострадальной страны народы Юго-Восточной Азии еще раз убедились, что означает последовательная реализация «идей Мао» в данном регионе.

Автор показывает, что на разных этапах Пекин применял различные методы проникновения в ЮВА и закрепления там своих позиций. Содействуя Вьетнаму, Лаосу, Камбодже в борьбе против колонизаторов, он преследовал узкоэгоистические цели, стремясь создать плацдарм для экспансии на юг. «В то же время китайские руководители не хотели рисковать столкновением с империализмом и не желали видеть Вьетнам объединенным и сильным, а три государства Индокитая — связанными узлами дружбы и союза», — подчеркивает С. Юрков (с. 60). Вот почему китайская делегация в ходе Женевской конференции 1954 г. была готова идти на уступки за счет ДФ

* С. Г. Юрков. Азия в планах Пекина. М., Политиздат, 1981, 190 с.

делом до оставления французских гарнизонов в Ханое и Хайфоне или передачи их под совместный контроль. По той же причине после начала агрессии США во Вьетнаме Пекин по различным каналам ставил известность Вашингтон о своем намерении «стоять в стороне» от войны.

Победа вьетнамского народа и объединение страны, проведение СРВ самостоятельной внешней политики, курса на укрепление единства социалистического содружества вызвали озлобление Пекина, усмотренного в этом угрозу своим экспансионистским замыслам в ЮВА. В Пекине было принято решение «наказать» Вьетнам. 17 февраля 1979 г. китайские войска вторглись на территорию СРВ. Известно, что агрессор получил решительный отпор со стороны вьетнамского народа. «Авантюра стоила жизни нескольким десяткам тысяч китайских солдат; Пекин потерял большое количество военной техники. Но не исчислить дрон, — подчеркивается в книге, — который слез Китай в глазах народов мира, ясное свидетельство поведки его правителей и осуществляющих отвратительную агрессию» (с. 71—72).

Чтобы пробить себе дорогу в ЮВА, Пекин использует широкий набор средств и методов вмешательства во внутренние дела соседних государств. Это и перманентное давление на них в форме поддержки повстанческих отрядов в Таиланде, Малайзии и на Филиппинах, и ставка на свою пятую колонну — 20 с лишним миллионов проживающих в этом районе китайских эмигрантов. Нападение же на Вьетнам, нынешняя жесткая позиция в отношении стран Индокитая, отказавшихся стать сателлитами Китая, призваны показать другим странам ЮВА, что он «проучит» любую из них, если та будет действовать вопреки интересам китайского руководства. «С другой стороны, — отмечает С. Г. Юрков, — все делается для того, чтобы настроить страны ЮСЕАН (Таиланд, Сингапур, Малайзию, Филиппины, Индонезию), а также Бирму против Вьетнама, вызвать затяжную конфронтацию и тем самым разобщить страны Юго-Восточной Азии, ослабить их способность сопротивляться подрывной деятельности и экспансии Китая» (с. 78).

Другим объектом экспансионистских замыслов Пекина, указывается в работе, остается суверенная Монгольская Народная Республика. Еще в 30-х годах Мао высказывал мысль о том, что МНР в свое время станет частью китайской федерации (с. 11). После 1949 г., напоминает С. Г. Юрков, «китайские руководители к этой теме возвращались несколько раз и всегда получали твердый ответ: монгольский народ не севал свою независимость, подтвердил ее в ходе всенародного плебисцита 20 октября 1945 г., дорожит ею и никогда не принесет ее в жертву» (с. 51—52).

Тем не менее Пекин не оставляет Монголию в покое. Автор приводит многочисленные примеры этого. Осуществляется грубое вмешательство во внутренние дела МНР. К ее границам прокладываются подпольные пути, строятся другие объекты воен-

ного назначения. Только за десять лет после 1969 г. на китайско-монгольской границе проведено более 250 военных учений, имеют место нарушения границы МНР группами военнослужащих КНР. Монголия вновь и вновь фигурирует в различных китайских публикациях среди «утраченных территорий» (с. 56—57). Давая оценку «картографической агрессии» Пекина, монгольские ученые справедливо отмечают, что непомерное преувеличение места и роли Китая в истории человечества подчинено шовинистическим и гегемонистским устремлениям китайских правителей старого и нового времени. Идея об исключительности и необыкновенной древности китайской цивилизации, ее превосходстве над культурой северных «варваров», подчеркивают авторы, служит маоистам одним из основных «исторических обоснований» их права на территориальные притязания к соседним странам¹.

Автор показывает действительные цели политики Пекина в отношении других районов континента (Южной Азии, Среднего и Ближнего Востока) — установление здесь своего влияния и контроля. «Но на пути, — подчеркивается в книге, — оказывается Индия, большая развивающаяся страна, популярная миролюбивой политикой, с громадными возможностями и хорошей перспективой» (с. 92).

С конца 50-х годов, показывает автор, пекинские руководители всемерно пытаются компрометировать Индию на международном арене, вызвать внутренние трудности. Не добившись желаемого, китайские «стратеги» стали «окружать» Индию с целью укрепиться в Пакистане, Непале, Бангладеш, Шри Ланке. Главная ставка делается на Пакистан. Пекин прилагает громадные усилия, чтобы разжечь противоречия между Исламабадом и Дели. В ходе переговоров с бывшим министром обороны США Г. Брауном в январе 1980 г. китайские лидеры уговаривали американскую администрацию «не оглядываться» на Индию, советовали максимально увеличить помощь Пакистану, стремясь превратить его в «ударную силу китайских гегемонистов и американских империалистов в Юго-Западной Азии» (с. 104). Как в Пекине, так и в Вашингтоне хотели бы отторжения от Индии северо-востока и образования там одного или нескольких марионеточных государств. И. Ганди заявила в январе 1980 г., что китайско-американский альянс будет представлять опасность для Индии и всего района; Китай имеет экспансионистские намерения, от которых Индия уже пострадала (с. 102, 104).

В то же время, не отягощая себя принципами и строя политику на конъюнктурной основе, в Пекине, отмечает С. Г. Юрков, время от времени делают вид, будто Китай выступает в поддержку нормализации и развития добрососедских отношений с госу-

¹ См.: Ш. Бира, Н. Ишжамц, Ш. Саидар. Маоистская фальсификация истории МНР и историческая правда. Улан-Батор, 1980, с. 4, 9.

дарствами Южной Азии. Хуан Хуа в апреле и Хуа Гофэн в мае 1980 г. во время встреч с И. Ганди соответственно в Солсбери и Белграде уверяли, будто Китай готов улучшить отношения с Индией. Однако очень скоро стало ясно, чего стоят на деле такие заявления Пекина. В июне 1980 г. Дэн Сяопин, рассуждая в одном из интервью о возможных путях решения территориального вопроса между двумя странами, предложил сделать это «пакетом»: Китай признает линию Макмагона, а Индия согласится на закрепление за КНР территории, занятой ею в Аксайчине. «Иными словами, — с полным основанием указывается в рецензируемой работе, — предлагали индийскую территорию, объявив ее китайской, обменять... на индийскую. Это циничное предложение вызвало протесты в Индии. Да и Пекин не смог долго удержаться на позициях стороны, предлагающей перемирие» (с. 105).

Глубокое недовольство в китайской столице породило признание Дели Народной Республики Кампучии. Китайская печать назвала этот акт «глупым», а Хуан Хуа, чтобы «наказать» Индию, отказался от визита, на который сам настойчиво и долго напирался (с. 105). Но особую ярость Пекина вызывают крепнувшие советско-индийские связи, развивающиеся на базе Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией. Прочность этой дружбы еще раз со всей наглядностью проявилась в ходе визита в Индию товарища Л. И. Брежнева в декабре 1980 г. Его результаты были встречены в Пекине с крайним озлоблением².

В работе С. Г. Юркова вскрываются замыслы руководства КНР в отношении других стран Южноазиатского субконтинента. Обострение обстановки вокруг Афганистана в 1980 г., подчеркивается в книге, было использовано для того, чтобы сильнее привязать Пакистан к Китаю (с. 107). Визит Зия-уль-Хака в КНР в мае 1980 г. ознаменовал дальнейшее сближение Пекина и Исламабада на авантюристической основе. В китайской столице призывали Пакистан к «жесткому подходу» к СССР, усилению агрессии против ДРА, обещали «всемерную поддержку».

Автор останавливается на скрытых пружинах политики Пекина в отношении Республики Бангладеш, само образование которой было расценовано как результат «козней» Индии и СССР (с. 110). После переворота в стране и убийства Муджибура Рахмана тактика КНР резко меняется. Пекин, дотоле не признававший Бангладеш, идет на быстрое установление дипломатических отношений с ней и на параллельных курсах с ЦРУ начинает всячески подогревать враждебные настроения к Индии. Одновременно активизировались и маоистские элементы в стране. «Левацкие пропекинские группы, — отмечает автор, — нередко входят в блок с крайне правыми группировками для противодействия правительству» (с. 111).

Пекин спекулирует на некоторых трудностях в отношениях между Непалом и Индией, намекает, что в случае осложнения отношений Непал может пожелать на Китай. «Китайская помощь Непалу, — пишет автор, — подчинена военно-политическим соображениям» (с. 114).

Пекин ведет линию на всемерное ослабление бирманского государства. На территории Бирмы с помощью подстрекаемых Пекином повстанцев созданы «освобожденные районы». Индийский еженедельник, квалифицировав акции КНР как «необъявленную войну» против Бирмы, писал в марте 1981 г.: около 15 тыс. прокитайских мятежников ведут боевые действия против бирманского правительства. Они вооружены китайским оружием, включая артиллерию. У руководства Бирмы есть достаточно доказательств того, что в боях с правительственными войсками принимают участие китайские военнослужащие³.

Большое внимание уделено автором разоблачению маневров руководства КНР в отношении государств Среднего Востока, особенно после революций в Афганистане и Иране и улучшения советско-турецких отношений. «Апрельскую революцию в Афганистане Пекин встретил с недоверием и раздражением, только на одиннадцатый день КНР признала ДРА», — пишет С. Г. Юрков (с. 116). Ввод же ограниченного контингента советских войск в Афганистан с целью защиты республики от интервенции вызвал взрыв антисоветской истерии в Пекине. Китайское руководство прилагает ныне немало усилий к тому, чтобы представить события вокруг Афганистана как «угрозу миру» в Азии и во всем мире, изобразить их чуть ли не главным источником напряженности в международных отношениях. Пекин вкупе с империализмом США не прекращает агрессивных происков против ДРА, используя различные методы борьбы — политические, дипломатические, экономические, военные. Стремясь максимально обострить обстановку, он выступает против любой идеи политического урегулирования ситуации, связанной с Афганистаном на основе полного прекращения интервенции извне.

В китайской столице, отмечается в книге, с тревогой встретили и революцию в Иране, его выход из военных блоков, отказ от проимпериалистической ориентации и переход на позиции неприсоединения. Пекин оправдывал разрыв Соединенными Штатами отношений с Ираном. Позиция Китая по отношению к ирано-американскому конфликту показала, до какого падения могут дойти его руководители в стремлении услужить империализму (с. 129).

На основе многочисленных, зачастую малоизвестных фактов автор вскрывает двучленную позицию Пекина в отношении ближневосточного кризиса. В Пекине с одобрением восприняли аннулирование египетскими властями договора о дружбе между СССР и АРЕ, а затем и кэмп-дэвидский сговор. Властям КНР больше импонируют правые режимы на Арабском Востоке, не-

² См.: «Жэньминь жибао», 8—11, 13.XII.1980.

³ In: "New wave", 15.III.1981.

желези прогрессивные. Автор приходит к закономерному выводу, что «нынешняя Ближневосточная политика Китая — часть его общего курса, преследующего цель привлечь развивающиеся страны с империалистическими государствами и настроить «гретый мир» против социалистического содружества. Эта политика находится в резком противоречии с интересами арабских стран» (с. 136).

Специальный раздел в книге посвящен вопросам взаимоотношений Китая с Японией и влияния сближения между ними на обстановку в Азии. Китайская сторона рассчитывает, подчеркивает автор, что сближение с Японией и США укрепит международные позиции Китая, расширит возможности ведения дипломатической игры на мировой арене, затормозит развитие отношений Японии с Советским Союзом, а также позволит воздействовать на Вашингтон с целью смягчить его позиции в отношении КНР (с. 145).

В книге подробно рассматриваются факторы, способствующие развитию контактов между Токио и Пекином, равно как и причины, ограничивающие японо-китайское сближение. Говорится и о шоке японских производителей в результате одностороннего прекращения Пекином действия соглашений по экономическому сотрудничеству.

В завершающих главах работы разоблачается провокационная роль Пекина в деле обеспечения безопасности в Азии и зоне Индийского океана. Подчеркивается, что китайское руководство стремится сохранить свободу рук для агрессии, интервенции и шантажа, поэтому проводит в Азии деструктивную политику. Главная ставка делается на силовые методы, войну. За последние тридцать лет ни одна страна не пускала в ход оружие так часто, как это делал Китай (с. 188—189).

В этом контексте становится ясной незаинтересованность китайских руководителей

в достижении международных соглашений по Индийскому океану, превращении его в зону мира, идея которой была выдвинута прибрежными государствами и поддержана странами социалистического содружества. В развитие своей обструкционистской позиции Пекин подверг резким нападкам предложение об обеспечении безопасности в районе Персидского залива, выдвинутое в ходе визита в Индию в декабре 1980 г. советской государственной делегацией на высшем уровне⁴. С раздражением были встречены и внешнеполитические инициативы XXVI съезда КПСС по укреплению основ всеобщего мира, включая вопрос о мерах доверия на Дальнем Востоке.

Китайские лидеры, резюмирует автор, настойчиво продолжают курс в международных делах, сделавший страну младшим партнером империализма, приведший ее в лагерь реакции (с. 188). В Чжуннаньхэ готовы пойти на любые издержки ради осуществления своих великодержавных устремлений. «Конечно, планам «архитекторов» китайской политики не суждено сбыться, — говорит в заключение автор. — Дела в мире развиваются вовсе не так, как этого хотели бы в Пекине. Однако маниакальная приверженность таким планам может еще не раз нарушить мирную жизнь соседей Китая и создать реальную угрозу спокойствию и безопасности на всей планете» (с. 189—190).

Работа С. Г. Юркова, без сомнения, представляет интерес не только для специалистов, исследующих проблемы современных международных отношений, но и для широких слоев советских и зарубежных читателей.

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 21, 24, 27.XII.1980.

В. К. Гусаченко

Опора маоистского режима

Советские китаеведы уделяют пристальное внимание исследованию милитаристских тенденций в современном Китае, в частности выявлению социально-экономической и социально-политической роли армии в китайском обществе. Роль ее огромна, и, видимо, не случайно, что на пленуме ЦК КПК (июль 1981 г.) Китая Дэн Сяопин не стал претендовать на пост председателя партии, а постарался овладеть постом председателя Военного совета ЦК КПК. Дело в том,

что в ожесточенной фракционной борьбе за власть верх одерживает в Китае тот, кто «командует винтовкой». С помощью армии создается возможность навязывать стране и партии свой политический курс.

Выпущенная издательством «Наука» книга кандидата исторических наук Б. Н. Горбачева^{*} посвящена исследованию использования маоистской верхушкой армии в своих внутривнутриполитических и внешнеполитических целях. При этом анализируется положение и внутри самой китайской армии.

Автор справедливо указывает, что армия в Китае обладает громадным политическим могуществом. Это не просто воору-

^{*} Б. Н. Горбачев. Социально-политическая роль китайской армии (1958—1969). М., «Наука», 1980, 232 с.

женная сила, но и организация, располагающая подготовленными кадрами, направляющая своих людей на партийно-государственные посты всех уровней. Армия имеет собственные госхозы, заводы, систему снабжения и обучения личного состава. Военным нуждам подчинена китайская наука и гражданские отрасли промышленности. Армия располагает многочисленными каналами влияния на различные стороны жизни китайского общества, в том числе на расстановку сил в пекинском руководстве.

Политическое могущество китайской армии имеет глубокие исторические корни. Борьба националистического крыла КПК за безраздельную власть в партии и армии привела к тому, что опора на военную силу в политической стратегии приобрела постоянный характер, а руководящая роль партии отошла на второй план. В этих условиях армия начала играть роль, не свойственную армии в социалистическом обществе. Проведенный в книге анализ военного фактора в КНР позволяет глубже разобраться в характере сложных социально-политических процессов, происходивших и происходящих в Китае, вычленив в сущность военной политики пекинского руководства.

В книге Б. Н. Горбачева анализируются место и роль армии, начиная с реализации Мао Цзэдуном курса «трех красных знамен», показывается негативное воздействие результатов «большого скачка» на армию, дается характеристика процесса размежевания сил среди военных и мер, которые приняло руководство КНР для укрепления контроля над армией. Подробно показана роль военных в организации движения хунзэйбинов во время «культурной революции», проанализировано участие армии в создании «ревкомов», в деятельности партийно-государственных органов различных ступеней, рассмотрены конкретные формы и методы установления военного контроля над экономической и общественно-политической жизнью Китая. Тщательно проанализировано также использование армии в качестве карательного орудия. Предпринята попытка выявить особенности борьбы между различными силами внутри армии и за контроль над армией в целом.

Рассматриваемый период завершается 1969 г., когда, как принято считать, были оформлены итоги «культурной революции» и армия стала выполнять чуждые ей функции руководства всей жизнью страны, установила над ней военный контроль. Впоследствии в докладе по поводу 30-летия КНР председатель Постоянного комитета ВСНП Е Цзяньин констатировал, что в период «культурной революции» в Китае «фактически осуществлялась диктатура насквозь прогнившего и самого мрачного фашизма с примесью феодализма», страна была ввергнута в «раскол и хаос», в «атмосферу кровавого террора», «поставлена на грань экономической катастрофы».

В работе Б. Н. Горбачева исследованы и некоторые общие вопросы эволюции военной политики китайского руководства. В

связи с этим рассмотрены проблемы, связанные с использованием китайским руководством вооруженных сил во внешнеполитических целях. Усиленно вооружаясь, используя в этом помощь империалистических держав, Китай превратился в один из наиболее опасных очагов нагнетания международной напряженности. Последователи Мао, стремясь сколотить антисоветский блок, открыто смыкаются с наиболее реакционными режимами на всех континентах.

Агрессия против Социалистической Республики Вьетнам окончательно раскрыла перед всем миром коварную милитаристскую сущность великодержавной, гегемонистской политики Пекина. Нападение Китая на Вьетнам показало, насколько безответственно относятся в Пекине к судьбам мира, с какой преступной легкостью китайские лидеры пускают в ход вооруженные силы. Эта политика в настоящее время представляет собой серьезную угрозу миру, ибо своим политическим целям Пекин подчинил и военное строительство КНР.

Анализ внешнеполитической функции китайской армии позволил автору выявить природу военных связей НОАК с вооруженными силами других стран, проследить изменения как в советско-китайских отношениях, так и во взаимоотношениях КНР с другими государствами. Исследование в монографии военно-политической деятельности Китая в развивающихся странах дает возможность понять формы и методы навязывания этим странам китайского военного опыта, оценить степень влияния военных концепций Пекина за рубежом, показать опасность политики китайского руководства как для революционных, антиимпериалистических сил, так и для мира в целом.

Пекинские лидеры, ревизовав марксистско-ленинское положение о назначении вооруженных сил социалистического государства, превратили НОАК в орудие антинародной политики пекинского руководства, в жандарма, охраняющего интересы китайского руководства не только внутри страны, но и на международной арене. Превращение армии в некое подобие политической партии, а представителей военного командования в «государственных деятелей», равно как прямое вмешательство военных во внутреннюю политику, культуру, образование и т. д., в решение важных внешнеполитических вопросов, придало крайне милитаристский характер государственному правлению в Китае.

Не находя поддержки своему курсу среди партийных кадров, широких масс трудящихся Китая, пекинская верхушка делает ставку на армию. Поэтому военное присутствие в партийно-государственном аппарате превратилось в постоянный фактор.

Социальный характер армии определяется тем, какой класс использует ее как орудие своей политики, интересы каких социальных сил она обеспечивает и каким политическим целям служит. Антисоциалисти-

ческая сущность режима, установленного в Китае, привела к тому, что армия стала средством осуществления националистических целей китайского руководства. Обо всем этом подробно рассказывается в книге Б. Н. Горбачева.

Книгу «Социально-политическая роль китайской армии» с пользой для себя прочтут не только специалисты, ученые, пропагандисты, но и массовый читатель. В этой связи хотелось бы обратить их внимание на большой справочный аппарат книги, где представлены таблицы, схемы и персоналия НОАК за период с 1954 по 1978 г.

Естественно, что в работе, посвященной столь сложной и многоплановой теме, имеются и недостатки. На наш взгляд, главным из них является слабая связь описываемых сторон социально-политической роли НОАК с показом экономических рычагов, принадлежащих военным. Кроме того, весьма приблизительно говорится о социальных привилегиях военных, их кастовости и реальном высоком положении на ступеньках китайской иерархии, то есть о том, что делает привлекательным для бедствующего населения в Китае службу в армии.

В целом рецензируемое исследование, несомненно, проведено квалифицированно и помогает верно ориентироваться прежде всего в современной внутривнутриполитической обстановке в Китае. Дело в том, что борьба вокруг армии и за безраздельный контроль над ней в современном Китае далеко не закончена. По мнению видных синологов, в

среде китайских военных существует глубокое недовольство политическими и экономическими мероприятиями, проводимыми группировкой Дэн Сяопина. Открытый процесс над деятелями «контрреволюционных группировок Линь Бяо и Цзян Цин», среди которых большинство составляли военные высоких рангов, падение авторитета НОАК в результате развенчания «культурной революции», чистки командных и политических кадров армии — все это вызывает недовольство военных. Обострились трения между местными гражданскими кадровыми работниками и представителями армии. Особое беспокойство военнослужащих, большинство которых выходцы из деревни и тесно с ней связаны, вызывает аграрная политика нынешних китайских руководителей, так как она дает большие льготы кулацким и зажиточным дворам.

Негативные настроения в армии весьма тревожат новое пекинское руководство. По мнению специалистов, Дэн Сяопину требуется немало усилий, чтобы, используя полученный в июне 1981 г. пост председателя Военного совета ЦК КПК, подавить недовольство в армии. Следует ожидать новых чисток, которые в свою очередь вызовут новые распри на различных ступенях китайской лестницы власти. Рецензируемая книга помогает разобраться в тенденциях политических процессов в Китае.

Р. М. Неронов,
кандидат исторических наук

Марксистский анализ эволюции маоизма

Рецензируемая книга* — первое в нашей стране издание, посвященное марксистско-ленинскому анализу идейно-политических аспектов маоизма в последний период жизни Мао Цзэдуна и пятилетия после его смерти. Маоизм, указывают авторы, — «источник международной напряженности, угрожающий делу всеобщего мира». «Поэтому, — говорится в книге, — важно раскрыть истоки курса Пекина, его опасную эволюцию, показать, как КПСС вместе с другими марксистско-ленинскими партиями боролась и борется против антисо-

циалистической, антимарксистской политики и идеологии Пекина, какой огромный урон делу всеобщего мира и социальному прогрессу народов, в том числе китайского народа, наносит эта маоистская проимпериалистическая политика» (с. 3). Так формулируют авторы цель своего исследования.

Рассматриваемый в книге период — в определенном смысле переломный для маоизма, позволяющий глубже проанализировать его сущностные стороны. Это обстоятельство подчеркнуто авторами во введении.

В первой из десяти глав монографии — «Маоизм 60—70-х годов, его подрывная антисоциалистическая деятельность» — обосновывается актуальность, рассматриваются особенности и содержание борьбы с маоизмом на политическом и идейно-теоретическом уровнях. Во второй главе — «Вклад КПСС в борьбу с враждебной марксизму-ленинизму, делу социализма и мира идеологией и политикой маоизма» — авторы раскрывают истинный смысл маоистского антисоветизма и решающую роль нашей партии, политики СССР в борьбе против маоизма. «Антисоветизм в маоизме, — подчеркивает О. Е. Владимиров и М. А. Ильин, — это отражение его антисоциализма, концентрированное выражение

* О. Е. Владимиров, М. А. Ильин. Эволюция политики и идеологии маоизма в 70-х — начале 80-х годов. М., «Международные отношения», 1980, 328 с.

великодержавного шовинизма и гегемонизма, представляющего угрозу всем миролюбивым народам» (с. 26). Авторы внимательно прослеживают основные этапы политики КПСС в отношении Китая, убедительно показывая конструктивный характер этой политики, истоки ее эффективности, основанной на марксистском анализе социальной природы маоизма, на стратегии социалистического интернационализма, на позиции исторического оптимизма также и в отношении судеб китайского народа.

Главы III—VII посвящены анализу «внутренней» эволюции маоизма, раскрывающему действительный смысл идейно-политического маневрирования пекинского руководства в изменяющихся условиях в масштабах страны и во всем мире. Этот анализ позволил, по существу, завершить марксистско-ленинскую характеристику маоизма как мелкобуржуазного, социал-шовинистского течения, враждебного научному коммунизму, мировому революционному процессу, делу социализма, принципам пролетарского интернационализма.

Точная политическая оценка маоистских маневров на протяжении 70-х годов позволила авторам сделать основной вывод: при всех формальных и тактических различиях левоэкстремистской и прагматической группировок маоистов, при всех зигзагах эволюции маоизма в идеологии и политике оставалась неизменной его антисоциалистическая, антимарксистская классовая сущность, мелкобуржуазность, проявляющаяся в социал-шовинистской, «китаизированной» форме. Оценивая последствия экономической политики маоистов, их внутриполитических мероприятий, исследуя выработавшиеся ими «юридические» нормы и кодексы, их «теоретические» документы, политико-идеологические и «судебные» кампании тех лет, авторы убеждают в преемственности отмеченной главной сущности маоизма.

Исследование советских ученых свидетельствует о том, что маоизм обладает способностью к своего рода идейно-политической мимикрии, иными словами, способностью обрести и правую, и «левую», и «умеренную», и радикальную окраску, причем все эти перевоплощения служат целям более эффективного проведения милитаристско-националистического курса. В то же время в книге раскрывается историческая бесперспективность, обреченность маоизма, поскольку его содержание противоречит интересам социализма, прогресса человечества, интересам самих китайских трудящихся.

«Маоизм как политическое течение не может развиваться в нормальной обстановке, ему нужны постоянные потрясения, перманентные чистки и перетряхивания всего общества» (с. 73). Одна из причин этого, равно как и одно из следствий идейно-политической ограниченности маоизма, — сам характер маоистского руководства, которое «не является сплавом единомышленников-коммунистов, а формируется на клановой, групповой основе» (с. 71).

В рецензируемой книге показывается все уродство маоистской модели «социализма». «Социализм» маоистов оказывает деформирующее воздействие на социально-экономический базис общества и не в состоянии создать устойчивую систему хозяйства и культуры (с. 76—81, 114—117). Следствие этого — неизбежный глубокий кризис маоизма. Источником этого кризиса, резюмируют авторы, — постоянно увеличивающийся разрыв между маоизмом и объективными потребностями развития страны. Отсюда и необходимость в идейно-политической мимикрии, отсюда и тактика приспособленчества.

В книге советских ученых подробно рассмотрены различные этапы корректировки и «модернизации» маоизма, раскрываются истинные цели так называемой «демаоизации», а по сути, «бальзамирования» маоизма (с. 118—119, 122—124), разоблачается антинаучность маоизма (с. 139—143), идейное родство его разновидностей (с. 148—150). «По сути дела, — отмечают авторы монографии, — в Китае происходил и происходит двоякий процесс: с одной стороны, усиливается маскировка маоизма под марксизм-ленинизм, идет его подчистка и корректировка, а с другой — националистические установки маоизма еще теснее увязываются с многовековыми традициями великоханьского шовинизма» (с. 201).

Эволюция внешней политики маоизма 70-х — начала 80-х годов анализируется и оценивается авторами в VIII—IX главах. Здесь О. Е. Владимиров и М. А. Ильин раскрывают причины и цели внешнеполитической активизации маоистов, раскрывают «логику» предательства ими дела интернациональной борьбы за коммунизм и сохранение мира: от подрывной деятельности в мировом революционном процессе к конфронтации с ним, к проимпериалистическому курсу. В рецензируемом труде ученые анализируют как истоки маоистского антисоветизма и гегемонизма (с. 233, 271, 272), так и процесс смыкания маоизма с империализмом (с. 259—264). Авторы разоблачают попытки маоистов подвести «научную» базу под свое ренегатство в виде «теории трех миров» (с. 264—265).

Завершающая, X глава рецензируемой монографии — «Идейно-политическая борьба в Китае в начале 80-х годов» — раскрывает существо перманентной борьбы и разногласий в пекинском руководстве. С одной стороны, указывают авторы, это свидетельствует о стремлении укрепить маоистский режим, утвердить маоизм как национальную идеологию, а с другой, ведет к расшатыванию влияния социалистических идей в Китае, к созданию «идеологической платформы смыкания с буржуазией и империализмом» (с. 307). В книге раскрывается содержание пятой, идеологической «модернизации» при сохранении основных компонентов маоизма — «китаизированного марксизма», гегемонизма и антисоветизма (с. 311).

В заключение авторы характеризуют нынешний этап эволюции маоизма и дают оценку идеологии и политике нынешнего

бескинского руководства, подчеркивая, что маоизм может быть длительным явлением, парализующим на отсталости страны, на противоречиях и сложных проблемах современного мира, но что он исторически обречен, лишен будущего.

Работа советских китаеведов служит серьезным основанием для определения главного в отношении коммунистов, всего

прогрессивного человечества к маоизму — задачи непримиримой, последовательной борьбы с этим течением, враждебным марксизму-ленинизму и интересам мира и безопасности народов. Сам труд О. Е. Владирирова и М. А. Ильина — полезный вклад в эту борьбу.

Ф. Ф. Ланно

• • •

Интересные исследования по средневековой истории стран Дальнего Востока

Рецензируемая книга* представляет собой очередной выпуск трудов Комиссии по востоковедению СО АН СССР «История и культура Востока Азии». Хотя она, так же как и предыдущие тома этой серии, не нулеванная, но, по-видимому, следует считать ее четвертым томом издания¹.

Как сказано в предисловии к выпуску В. Е. Ларичева, главная задача серии в конечном счете состоит в том, чтобы выявить основные тенденции в историческом процессе взаимоотношений между палеоазиатскими, тунгусо-маньчжурскими, алтайскими и другими народами Дальнего Востока, Центральной и Восточной Азии. Поэтому к исследованию привлечены специалисты различных профилей — историки, археологи, географы и лингвисты. Материалы серии публикуются по историческим эпохам: средневековья, эпоха неолита и металла, древне-средневековья (с. 6).

Рецензируемый том посвящен средневековой истории народов Дальнего Востока и Центральной Азии. Помимо предисловия к этому сборнику (с. 5—7), в томе помещена обширная статья В. Е. Ларичева «Народы Дальнего Востока в древности и средние ве-

ка и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии», хронологически охватывающая древность, а не только средние века (с. 8—38). В ней рассматриваются районы расселения, обычаи и образ жизни дальневосточных племен сушэней, илоу, цзи и мохэ, а также их политические взаимоотношения с Китаем в указанные исторические периоды. Так как какие-то сведения об этих племенах сохранились только в китайских источниках, то, естественно, вся история их представлена у автора на фоне их политических связей с Китаем. Например, им прослежена история взаимоотношений между Китаем и племенами сушэнь, которые, по Ши цзи («Исторические записки») Сыма Цяня и другим источникам, якобы прислали послов с подарками ко двору легендарного императора Шуня еще в 2021 г. до н. э. (дата, конечно, явно фантастическая) (с. 9—22). Здесь В. Е. Ларичев обращает внимание читателя на то, как, по сведениям «Го юй», Конфуций толковал это событие. По мнению Конфуция, «варвары» всех четырех сторон протянулись к Шуню продемонстрировать «свою лояльность» по отношению к «великому и просвещенному сыну Неба» (с. 9). Как отмечает автор вслед за Хироси Икэути², впервые обобщившим сведения китайских хроник о сушэнях, древние сообщения о подношениях этих племен китайским императорским дворам представляют собой прямую фальсификацию, не говоря об эпизодах времен глубокой древности — легендарной эпохи пяти императоров. О более или менее частых случаях прибытия сушэньских послов к императорским дворам в китайских государствах сообщается в источниках, начиная с «Сань гочжи» («Описания трех царств»), «Цзинь шу» («История династии Цзинь») и других источников этого периода. Устанавливая связи с различными племенами за пределами Китая, правители страны по традиции использовали факты прибытия «варваров» с подарками к императорским дворам для поднятия своего авторитета. Анализируя сведения о сушэньских послах, пославших Китай, В. Е. Ларичев пишет: «Цель данных невинных, на первый взгляд, упражнений очевидна: придворные историо-

* Дальний Восток и соседние территории средневековья. Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск, «Наука», 1980, 151 с.

¹ Вышли в свет следующие три выпуска этой серии: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975; Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности (эпоха палеолита). Новосибирск, 1976; Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности (неолит и эпоха металла). Новосибирск, 1978.

² H. Ikeuchi. A Study of Su-shen. — Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, 1930, № 5.

графы подчеркивали тем самым безграничную силу морального влияния идеального правителя, непревзойденные добродетели которого будто бы так влияли на окружение, что в Китае не могли не появиться посольства «варваров» с изъявлениями покорности. Такая традиция, однажды появившись, затем канонизировалась и впредь не нарушалась, чем и объясняются стереотипно стандартные фразы источников об «умиротворении варваров» и об уплате ими дани Китаю. «Традиционный идеал» покрывал туманом реальность истории» (с. 11—12). Когда было необходимо, прибытие послов от далеких племен искусственно «провоцировалось». Так, по мнению автора, поездка суньского вождя Жучзи на Ляодун к китайским властям в 262 г. н. э. была специально организована войским первым министром Сыма Чжао, готовившим захват власти семейством Сыма.

Разобрав подобного рода сообщения китайских источников о суньских и их потомках, илю, узци, мохэ и некоторых корейских племенах, автор подробнее всего излагает их взаимоотношения с Китаем и между собой и формулирует свои заключения об их расселении и образе жизни. Например, о самих этих сведениях он пишет: «Таким образом, в V—VII вв. сведения о народах Дальнего Востока ограничивались фактами из жизни племен, расселявшихся вдоль главного речного пути района — долины Сунгари, а также Амура и далее по морскому пути, связывающему земли Амура с Сахалином, Хоккайдо, Курильскими островами, Чукоткой и Камчаткой. Труднодоступные горные и болотистые районы, расположенные к востоку от Сунгари, в том числе Приморье, оставались большей частью белым пятном на географической и этнической карте Дальнего Востока, поскольку никто из путешественников не рисковал проникать туда» (с. 29).

Безусловно заинтересуют исследователей «Материалы по истории ухуаней и сяньби», опубликованные в рассматриваемом томе В. С. Таскиным. Они состоят из введения, переводов «Повествования об ухуанях» и «Повествования о сяньби» из «Хоу Хань шу» («История поздней династии Хань») Фань Е (398—445) и примечаний к ним, а также переводов «Повествования об ухуанях и сяньби» и биографии Кэбинэна из «Вэй шу» («История династии Цао-Вэй») Чэнь Шоу и примечаний к ним. Эти материалы были переведены на русский язык еще Н. Я. Бичуриным (сведения об ухуанях и сяньбидцах из «Хоу Хань шу»³) и Н. В. Кюнером (сообщения об ухуанях и сяньбидцах из «Вэй шу», «Сань-го чжи») ⁴. В. С. Таскин правильно считает, что эти работы содержат существенные ошибки и порой со-

вершенно искажают соответствующие оригиналы (с. 54—55). Поэтому новые переводы указанных материалов, снабженные обширными введениями и комментарием, безусловно, заслуживают внимания. Ознакомление с работой В. С. Таскина показывает, что он адекватно передает названные тексты.

Во вводных статьях автор предпринимает попытку решить важный вопрос об этнической принадлежности ухуаней и сяньбидцев на основании географических, этнографических и лингвистических данных, содержащихся в китайских источниках. В частности, В. С. Таскин присоединяется к мнению Сиратори Куракити⁵, который считал, что ухуань обитали в бассейне верхнего течения Амура. Относя ухуаней к монголоязычным племенам, он отмечает, что в древности монгольские племена расселялись в основном по рекам Шилке, Ингоде, Аргунь и бассейну Амура в его верхнем течении, то есть в том же районе, где жили ухуань, и считает, что сам этот факт представляет собой веское основание для признания ухуаней одним древним монгольским племенем (с. 57). Автор также считает монголами и сяньбидцев, первоначально обитавших в бассейне верхнего Амура рядом с ухуанями, то есть там, где расселялись монгольские племена в древние времена (с. 64). Чтобы доказать их монголоязычность, В. С. Таскин, основываясь на цитированной выше работе Сиратори Куракити, идентифицирует ухуаньские и сяньбидские топонимы и другие названия в китайской транскрипции, сохранившиеся в переводах на китайский язык, с соответствующими по значению словами монгольского и других языков.

На наш взгляд, все эти идентификации не могут считаться вполне убедительными. Хотя некоторые исследователи и высказывались за монголоязычность ухуаней и сяньбидцев, проблему монгольской принадлежности этих племен все еще предстоит решить. Тем не менее здесь необходимо признать, что В. С. Таскин в рассматриваемой работе собрал и проанализировал весьма обширные сведения об их этнической принадлежности, особенно исторического, географического и этнографического порядка. Привлечены многочисленные китайские источники, хотя, к сожалению, автор не воспользовался литературой на европейских языках.

Во вводной части автор специально в отдельном параграфе рассматривает вопросы общественного строя ухуаней и сяньбидцев (с. 64—73). По мнению автора, ухуаньское общество в I—III вв. н. э. находилось уже на стадии разложения родового строя (с. 72).

К материалам В. С. Таскина примыкает по содержанию статья Е. И. Кычанова «Монголы в VI—первой половине XII в.» (с. 136—148). В ней под древними монголами подразумеваются те, которые впервые

³ Н. Я. Бичурин (О. Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. 2-е изд. М.—Л., 1950.

⁴ Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

⁵ С. Куракити. Исследование народов дун-ху. Пер. на кит. яз. Фан Чжуанью. Шанхай, 1935, с. 64.

упоминаются в «Цзю Тан шу» («Старая история династии Тан», завершена в 945 г.) под названием «мэн-у» и «Синь Тан шу» («Новая история династии Тан», завершена в 1060 г.), как «мэн-ва»⁶ в числе племен ши-вэй. Автор считает, что племена ши-вэй, родственные киданям, «по преимуществу горючили на монгольских языках» (с. 138).

Е. И. Кычанов ставит перед собой скромную цель — ознакомить советского читателя с работами Комаи Есиаки, Тамура Дэнсудзо, Л. Гамбиса и других авторов, исследования которых посвящены истории монголов до середины XII в., то есть до эпохи Чингис-хана (1155—1227). Однако он не просто пересказывает этих авторов, а выражает свое отношение к их выводам и в отдельных случаях предлагает свои заключения. Центральной темой его статьи является проблема локализации древних монголов и установление времени прихода их в районы современного расселения главным образом на территории МНР. Е. И. Кычанов считает, что приход монголов в современную Монголию во второй половине I — начале XII в. представляет собой очевидный исторический факт (с. 141).

В содержательной статье Е. И. Кычанова, к сожалению, обнаруживаются неточности и слишком смелые выводы. Это, в частности, относится к попытке автора трактовать словосочетание «да мэн-гу го» как «государство внешних монголов», а не как «большое монгольское государство».

В рецензируемом томе также опубликованы статьи «Начальный этап войны между империями Сун и Цзинь (1125—1127 гг.)» С. П. Кожанова, «Нурхаци — основатель маньчжурского государства» В. С. Кузнецова, «Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии» А. Г. Малавкина, «Некоторые вопросы экономики западных киданей» Г. Г. Пикова и «К этнической истории чжурчженей» В. В. Евсюкова. Часть из них представляет собой небольшие заметки, другие (статья А. Г. Малавкина) — сравнительно большое исследование. Но все они весьма содержательны и представляют научную ценность.

В целом очередной выпуск серии «История и культура Востока Азии» — трудов Комиссии по востоковедению СО АН СССР — представляет собой важную работу, содержащую новые интересные материалы по истории народов Центральной Азии и Дальнего Востока. Книга весьма актуальна и направлена против китаецентристских теорий, которым свойственно принижение или вовсе отрицание роли народов Центральной Азии и Дальнего Востока в истории этих краев. Хочется выразить надежду, что будет продолжено это издание, зарекомендовавшее себя как серьезное научное предприятие и получившее признание как у нас в стране, так и за рубежом.

Н. Ц. Мункуев,
доктор исторических наук

Пекинский процесс над «четверкой» в оценке японских авторов

Закончившийся в начале 1981 г. в Пекине процесс над «контрреволюционной группировкой Линь Бяо и Цзян Цин» — важный этап внутривнутриполитической борьбы в китайском руководстве, главным содержанием которой служит наступление руководящих кадров старшего поколения во главе с Цзян Сяомином на выдвиженцев и бывших соратников «культурной революции». Од-

новременно этот процесс обнажил состояние современного правосудия в Китае.

В этой связи привлекает внимание издание в Японии книги*, посвященной пекинскому процессу, авторами которой являются специализирующийся на китайской проблематике журналист Х. Тобари, профессор университета Тюо (Токио) М. Химэда и профессор университета города Нагоя Ц. Инако, известный советским читателям по переведенной на русский язык книге «Право и политика современного Китая»**.

Вместе с авторскими текстами в книгу включены обвинительное заключение и приговор по делу «контрреволюционных группировок», выдержки из выступлений Цзян Цин на процессе, а также некоторые материалы китайской печати, в которых дается официальная оценка итогов процесса.

Из анализа материалов процесса японские авторы делают вывод о том, что он по-

⁶ Форма мэн-ва в «Синь Тан шу» (гл. 219, с. 7а) представляет собой графическое искажение «мэн-у», данной в «Цзю тан шу» (гл. 149 В, с. 10 а). Ср.: P. Razačnevsky. Les Che-wei étaient-ils des mongols? — Melanges de Sinologie offerts à Monsieur Paul Demieville, 1. Paris, 1966, p. 1228.

* Харуо Тобари, Мицудэси Химэда, Цунэо Инако. Рим Пё—Ко Сэй сайбан. Документ. (Суд над Линь Бяо и Цзян Цин. Документы). Токио, Изд-во «Ниттю сюппан», 1981, 191 с.

** Рецензию на указанную книгу Ц. Инако см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 4, с. 174—176.

преимуществу представлял собой «акт мести» и «политическое шоу» и не преследовал целей осуществления правосудия (с. 14—15, 18—19).

Авторы подчеркивают, что суд над «бандой четырех» и «группировкой Линь Бяо» не дал ответа на коренные проблемы Китая, осудив лишь результаты «культурной революции», но не ее истоки, оставив в тени Мао Цзедуна — организатора этого беспрецедентного события в истории КНР (с. 32—33).

В книге правильно отмечается, что перспективы борьбы в правящей верхушке тесно связаны с проблемой наследия Мао. Китайское руководство понимает, что маоизм как идеология дискредитирован, и поэтому критикует Мао, но эта критика носит, подчеркивают авторы, сдержанный, половинчатый характер. Это связано прежде всего с тем, что не подвергается критике сама система, сделавшая возможным существование Мао. Нынешнее руководство, возвращенное Мао Цзедуном и вышедшее на сцену под сенью его авторитета, из опасения «потерять лицо» не может допустить последовательного разоблачения Мао (с. 24—26).

На наш взгляд, юридическая сторона процесса выявлена профессором Ц. Инако наиболее полно и последовательно. Он вполне обоснованно отмечает, например, что юридические вопросы организации и ведения суда решались в «нечеткой, а порой просто небрежной форме», и не удивительно, что это обстоятельство подвергалось критике даже в самом Китае (с. 85—86).

Анализируя организационную сторону процесса, автор выявляет противоречие между действиями устроителей суда и законом об организации судов КНР и уголовно-процессуальным кодексом КНР. Ц. Инако устанавливает факт отсутствия в постановлении Постоянного комитета ВСНП юридических обоснований относительно организации особой прокуратуры и особого суда для рассмотрения дел «контрреволюционной группировки Линь Бяо и Цзян Цин», а также отмечает, что при этом игнорировался уголовно-процессуальный кодекс КНР, по которому «важные дела, имеющие общегосударственное значение», подлежат рассмотрению непосредственно Верховным народным судом (ст. 105 кодекса). Автор отмечает неубедительность попыток китайских официальных лиц представить данное постановление Постоянного комитета ВСНП в качестве закона и оправдать ведение процесса без участия народных заседателей ссылаясь на его «особый характер». Тенденциозность процесса, справедливо отмечает Инако, проявилась и в подборе состава суда и обвинения: многие из них ранее подвергались гонениям со стороны подсудимых, и при соблюдении уголовно-процессуального кодекса это давало обвиняемым право отвода состава суда (с. 87—89).

Привлекает внимание и критический анализ автором следующего аспекта организации процесса: обвиняемых судили по уголовному кодексу, введенному в действие с 1980 г., хотя им ставилась в вину дея-

тельность в период 1966—1976 гг., что противоречит общепризнанному принципу отсутствия обратной силы уголовного законодательства. Во-первых, доказывает автор, устроители суда не имели никакого права ссылаться на ст. 9 Уголовного кодекса КНР от 1980 г., допускающего применение ранее принятых законов и постановлений, а также прежних политических установок. Не говоря о том, что в соответствии с новым кодексом за время пребывания обвиняемых в заключении истек срок давности ряда инкриминируемых им преступлений. Но главное, верно указывает автор, заключается в том, что само Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность от 1951 г., на которое китайская сторона ссылается, как и другие нормативные акты того времени, вообще не соблюдалось в период 1966—1976 гг. и в стране «в буквальном смысле царил беззаконие». Поэтому, утверждает автор, «нет никаких оснований апеллировать к законам и постановлениям 50-х годов, речь должна идти только о политических установках того времени». Однако Цзян Цин и другие подсудимые из ее окружения как раз и выполняли эти «установки», сводившиеся к лозунгу «бунт — дело правое», и различные другие указания Мао. Главное противоречие процесса, обоснованно заключает автор, состоит в том, что если действия обвиняемых носили преступный характер, то их нельзя рассматривать в отрыве от самой «культурной революции» и ответственности Мао за нее (с. 91—95).

Нельзя не согласиться с автором, что ряд моментов в обвинительном заключении и приговоре выглядит по меньшей мере нелепо с юридической точки зрения (например, отсутствие данных о том, когда и кем была организована «контрреволюционная группировка Линь Бяо и Цзян Цин») (с. 100).

Убедительными представляются конкретные доказательства многих случаев нарушения уголовно-процессуального кодекса КНР, приводимые автором. Прежде всего на процессе нарушались права подсудимых: они фактически были лишены права заявлять отвод членам суда; свидетели присутствовали только со стороны обвинения, и их показания не могли быть сопоставлены с показаниями свидетелей со стороны подсудимых, которые, кстати, не могли задавать вопросы свидетелям; все доказательства были представлены прокуратурой, в том числе и магнитофонные пленки с записью разговоров Цзян Цин, и в отношении пленок не проводились прения сторон о допустимости расценки их как доказательства. Вся манера ведения процесса, подводит итог автор, свидетельствовала о том, что судья и адвокаты намеренно исходили из предпосылки виновности обвиняемых (с. 101—106). В этом отношении характерно и заявление председателя суда по поводу последнего слова подсудимых как доказательства их виновности. Одновременно, отмечает автор, это говорит как о том, что в китайском уголовном процессе последнее слово подсудимых не рассматривается как их право, так и о том, что судья объявля-

о виновности подсудимых до приговора (с. 113).

Таким образом, подчеркивает японский ученый, пекинский процесс показал, что даже сейчас, когда в Китае кричат о «законном образе правления», китайский суд еще не вступил в период модернизации (с. 117).

Следует отметить, что авторы, анализируя пекинский судебный процесс, по существу, весьма квалифицированно и доказательно разоблачают антидемократический характер современного правосудия в Китае, всякого рода пропагандистские увертки пекинского руководства, стремящегося вывести из-под критики истинных виновников трагедии китайского общества. Надо сказать, многие оценки японских авторов пе-

кинского судебного процесса сходны с позициями советских китаеведов, выступавших на эту тему***.

*** См.: В. В. Арунов, К. А. Егоров. К итогам судебного процесса в Пекине. — «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 1, с. 183—190; К. А. Егоров. Судебный фарс под видом утверждения законности. — «Социалистическая законность», 1981, № 7, с. 66—68.

Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук

Е. Г. Пащенко,
кандидат исторических наук

Актуальная книга о современной китайской философии

Плодотворное изучение новейшей истории Китая, проводимое марксистским китаеведением в последнее десятилетие, существенно расширило горизонты наших знаний о современном Китае, углубило понимание экономических, социальных, политических и духовных процессов, происходящих в этой стране. Важное место в этих исследованиях занимают проблемы идеологической, духовной жизни современного китайского общества. Научная критика шовинистической, антимарксистской идеологии маоизма с неизбежностью вызвала повышенный интерес советских ученых-китаеведов к общим вопросам развития общественной мысли в Китае новейшего времени, и в частности периода КНР. Перед учеными встала актуальная задача выявления не только социальных истоков маоизма (в том числе духовных, идейных), но и его социальной роли и функций в жизни современного Китая. А это в свою очередь потребовало серьезного исследования всего процесса развития философской мысли в КНР, анализа соотношения в этом процессе общих закономерностей и специфики.

Актуальность этой задачи становится еще более очевидной, если учесть, что долгие годы господства в КНР маоистской идеологии породили среди ученых-китаеведов Запада искаженное представление о содержании духовного развития китайского общества после победы народной революции

в 1949 г. Суть этих взглядов точно выразил известный американский китаевед В.-Ц. Чань в своей книге «Источники по китайской философии»: «Философия в коммунистическом Китае может быть охарактеризована одним словом: „маоизм“¹. Тем самым американский ученый свел все многообразие и неоднозначность идеологических процессов в КНР лишь к одному из компонентов — маоизму, существенно обеднив идеологическое развитие китайского общества после 1949 г. и «лишив» его других компонентов, в частности марксизма-ленинизма.

Исследованием, дающим адекватное представление о развитии философской и общественно-политической мысли в КНР, явилась монография В. Г. Бурова «Современная китайская философия»² — итог многолетней работы автора, первая в советской историко-философской науке специальная работа, посвященная философии в КНР. Отдельные стороны идеологической жизни Китайской Народной Республики затрагивались в монографиях Л. С. Кюзаджана, С. Д. Маркова, Г. Н. Ященко, в коллективном труде «Новейшая история Китая»³. Однако целостного, полного анализа процесса духовного развития Китая после 1949 г. эти работы не содержали. То же самое относится и к работам советских авторов по научной критике маоизма — они касались, как правило, одной грани идеологической жизни в КНР — взглядов и политики Мао Цзэдуна и его сторонников. Трудно найти аналог монографии В. Г. Бурова и в зарубежной синологической литературе.

* В. Г. Бу ров. Современная китайская философия. Отв. ред. М. Л. Титаренко. М., «Наука», 1980, 311 с.

² См.: Л. С. Кюз ад ж а н. Идеологические кампании в КНР. 1949—1966. М., 1970; С. Д. Мар ко в а. Маоизм и интеллигенция. М., 1975; Г. Н. Я щ е н к о. Идеологическая борьба в КНР (1957—1964). М., 1977; Новейшая история Китая. М., 1972.

¹ A Source Book in Chinese Philosophy. Translated and Compiled by Chan Wing-tsit. Princeton, 1973, p. 773.

Первая большая сложность, которая вставала на пути исследователя, была в выборе метода изложения материала. Наиболее распространенным в подобных работах является метод выявления и показа в историко-хронологическом порядке борьбы различных идеологических течений. Однако в данном случае применить его было крайне затруднительно: дело в том, что вследствие сложности самого идеологического процесса в КНР и переплетения в нем различных, подчас противоположных тенденций — от марксистской до буржуазной, — строго «дозированное» изложение материала по направлениям оказывается в большинстве случаев неадекватным историческому материалу. Идеологическая борьба, проходившая в КНР между марксистами и маонистами, наложила своеобразный отпечаток на развитие философии в КНР, одной из характерных черт которого явилась двойственность и непоследовательность позиции отдельных ведущих философов, вынужденных в угоду официальной пропаганде камуфлировать свои подлинные взгляды.

Тем не менее в этой противоречивой, «скрытой» обстановке шла действительная борьба различных идеологий, мировоззрений, и, чтобы обнаружить ее, понадобился иной подход — проблемно-исторический. Именно его и избрал В. Г. Буров. Это позволило автору, с одной стороны, избежать вульгаризации, прямолинейности в освещении материала, а с другой — показать органическую связь между состоянием философской науки в КНР и проходящей в этой науке идеологической борьбой. В связи с этим можно согласиться с автором в том, то его исследование следовало бы назвать Современная китайская философия и идеологическая борьба».

Действительно, сложный, многоплановый процесс развития философской и общественно-политической мысли подробно анализируется в книге на широком фоне идеологической и политической борьбы в КНР. Философия, общественная мысль Китая предстает перед нами как один из компонентов этой борьбы, которая определяет специфические особенности духовной эволюции китайского общества. Конечно, в КНР общие закономерности развития философии детерминированы общенсторическими процессами, глубокими революционными преобразованиями, начавшимися в стране после победы народной революции в 1949 г. Тем не менее сопутствовавшая им борьба между марксистскими и мелкобуржуазными, маонистскими силами в КПК не могла не наложить отпечатка на этот процесс. Как верно отметил В. Г. Буров, идеологическая обстановка в КПК после ее VII съезда характеризовалась идеологическим дуализмом (с. 9). Подобное явление, действительно необычное для коммунистического движения, привело к тому, что весь последующий процесс развития философии в КНР проходил под сильнейшим влиянием этого фактора, что на практике вылилось, с одной стороны, в явную идейно-политическую мимикрию, приспособленчество отдельных видных философов к официальному курсу, а с

другой — в своеобразную форму идеологической политики руководства КПК — политико-идеологические кампании, явившиеся основным средством внедрения маонизма, его методологии в общественное сознание страны (с. 25). Эти кампании, которые применительно к философской тематике именовались «дискуссиями», составили структурный стержень всего процесса развития духовной жизни КНР, и на них совершенно справедливо сосредоточено главное внимание автора. Именно через призму этих дискуссий, через рассмотрение проблем, затрагиваемых в них, В. Г. Буров выявляет и анализирует борьбу различных тенденций и течений в китайских философских кругах тех лет.

Книга открывается краткой, но емкой по содержанию вводной главой об идейно-политической ситуации в КНР в период 1949—1976 гг. Автор не просто повторяет известную по другим советским монографиям марксистскую оценку исторического развития Китая этих лет, он как бы вводит нас в тему, характеризует те политические реалии, в которых развивалась общественная мысль КНР. Главное внимание поэтому автор уделяет идеологическому курсу руководства КПК, борьбе в нем двух линий, двух тенденций — марксистской и маонистской, показывает в связи с этим противоречивость политики КПК в отношении интеллигенции, в частности философских кадров. В главе последовательно прослеживается процесс формирования гегемонистской, шовинистической платформы маонистского крыла в руководстве КПК, которая, как справедливо отмечает В. Г. Буров, проявила себя уже в середине и в конце 50-х годов (с. 13). Эта антимарксистская, враждебная научному коммунизму платформа оказывала — по мере укрепления ее позиций в КПК — отрицательное влияние на развитие философской науки в КНР, насильственно навязывая ей маонистскую, антинаучную методологию, а также проблемы, призванные обосновать антисоциалистический курс маонистов. В результате политики маонистов философская наука КНР оказалась в состоянии глубокого кризиса (с. 39).

Прежде чем перейти далее к конкретному анализу состояния общественной мысли в КНР, автор останавливается на характеристике философии в Китае накануне образования КНР, то есть в 30—40-е годы. В отдельной главе рассматриваются взгляды крупнейших представителей буржуазной и феодальной мысли — Ху Ши, Фэн Юляня, Хэ Линя, Лян Шумина, Чэнь Лифу, Чан Кайши, а также работы философов-марксистов. В. Г. Буров сумел вскрыть и показать основные методологические пороки исторических концепций как сторонников идеального сближения Китая с Западом (Ху Ши), так и тех, кто выступал либо за синтез западной (буржуазной) и китайской традиционной идеологии (Фэн Юлянь, Хэ Линь), либо за возрождение самобытного «китайского духа» в его конфуцианском виде (Лян Шумин, Чан Кайши). В основе всех этих теорий лежал идеалистический

подход к истории, согласно которому развитие человечества определяется или «образом мышления людей» (Ху Ши), или содержанием (типом) духовной культуры (Хэ Линь, Лян Шумин, Чан Кайши). Независимо от «разночтений» все эти теории объединяла враждебность марксизму-ленинизму, научному коммунизму. Глубокому, содержательному разбору подвергает В. Г. Буров «концепцию философии» Фэн Юланя — его теорию «нового неоконфуцианства», предусматривавшую синтез западной (практической) и китайской (моральной) философии. Завершает главу параграф, в котором дается краткий очерк развития марксистской мысли в 30—40-е годы. В. Г. Буров правильно отмечает особенности этого развития: узкий круг проблем, занимавший философов-марксистов, малочисленность кадров профессиональных марксистских философов, слабое их знакомство с оригинальными произведениями классиков марксизма, отрицательное воздействие «идей» Мао Цзэдуна (особенно после «движения за упорядочение стиля работы» 40-х годов). Тем не менее, как видно из приведенного автором материала, профессиональная марксистская мысль в Китае этого периода добилась определенных успехов в распространении марксистских идей, в частности основ диалектического и исторического материализма. Выходили в свет работы первых китайских историков-марксистов Хоу Вайлу, Люй Чжэньюя, Ду Госяна, посвященные истории китайской философии. Как справедливо отмечает В. Г. Буров, «деятельность китайских философов-марксистов в 30—40-е годы сыграла большую положительную роль, ибо она способствовала знакомству научной общественности страны с марксистской методологией, распространению идей марксизма-ленинизма» (с. 84). В целом этот раздел работы следует отнести к несомненным достижениям автора, сумевшего дать марксистский анализ сложных явлений духовной жизни Китая того периода. Единственный упрек, который можно высказать автору: в поле его исследования попали не все видные буржуазные философы Китая 30—40-х годов. На наш взгляд, следовало бы уделить внимание разбору взглядов таких оригинальных философов, как Чжан Дуньсунь и Сюн Шили, которые сыграли немаловажную роль в духовной жизни тогдашнего Китая. Можно было бы расширить рамки изложения и социально-политической мысли, включив в него взгляды других, помимо Чан Кайши и Чэнь Лифу, идеологов гоминьдана, а также представителей так называемой «третьей силы», сторонников «государственного социализма» и др. Эти добавления сделали бы главу более репрезентативной и полной.

Тем не менее упомянутые выше две первые главы книги следует расценивать как вводные к основному материалу, который излагается в последующих трех главах. Именно в них рассматривается сложный процесс развития философской мысли и философской науки в КНР с 1949 по 1976 г. И здесь автор обнаруживает глубокую эру-

дизию не только в чисто китайских проблемах, но и в общих методологических вопросах, которые неизбежно возникают при анализе современной китайской философии. В. Г. Буров — и это хотелось бы поставить ему в особую заслугу — не просто излагает материал, но и дает свое, авторское решение ряда принципиальных проблем методологического и социально-политического характера (например, вопроса о характере базиса в переходный период, о связи и «пресмственности» между идеализмом и материализмом, о методологии историко-философского исследования и др.). Это обстоятельство поднимает работу В. Г. Булова над обычными очерками и позволяет говорить о ней как о самостоятельном научном исследовании, в котором содержится успешная попытка дать авторский ответ на те вопросы, которые волновали китайских философов в те годы.

Работа охватывает огромный круг источников. В. Г. Буровым подвергнуты критическому рассмотрению практически все важнейшие явления идеологической жизни КНР — дискуссии, кампании и т. п., все основные работы китайских авторов тех лет. Этот материал поставлен в строгие временные рамки, его анализ увязывается с идеологической борьбой, которая шла в КПК между марксистами и маоистами. Подобный подход позволил автору не только выявить круг проблем, волновавших китайских философов, но объективно представить их мировоззренческие, идеологические позиции. А сделать это именно объективно было трудно потому, что из-за идеологического дуализма в КПК первых лет КНР сторонники как марксизма, так и маоизма на практике «нередко прикрывали свои взгляды положениями, занимаваемыми у идейных противников. Марксисты были вынуждены поступать таким образом в силу официального положения Мао Цзэдуна в партии и государстве, а маоисты — в целях вуалирования антимарксистской сущности своих концепций» (с. 85). Это замечание В. Г. Булова имеет принципиальное значение для подхода к анализу взглядов китайских философов тех лет и позволяет избежать упрощенчества в оценке их идеологической ориентации. Не потеряло свою силу это замечание и для последующих лет, когда маоизм стал господствующей, официальной идеологией КПК и государства.

В книге подробно, шаг за шагом прослеживается противоречивый процесс эволюции философской и общественно-политической мысли в КНР, проходивший в борьбе двух основных тенденций — марксизма и маоизма. В этой борьбе участвовали (фактически союзниками маоизма) и «чисто» буржуазные философы — Фэн Юлань, Хэ Линь, Чжу Цяньчжи, Ма Иньчу, Цзинь Юэлинь, Чжан Дайнянь, лишь внешне приспосовившиеся к марксизму. Этот вывод В. Г. Булова — о существовании в КНР буржуазных философов и буржуазной философии — вполне обоснован и представляется принципиальным для оценки идеологической жизни страны в 50-е годы. Так называемое «перевоспитание» этих филосо-

фов, проходившее в маонистском духе, привело лишь к серии формальных «самокритик», которые вполне устраивали маонистское руководство и позволили ему впоследствии, в 60—70-е годы, использовать этих философов в борьбе против марксизма-ленинизма. Именно так сложилась, например, судьба Фэн Юланя, который в 70-е годы стал теоретическим апологетом маонизма. Некоторые из философов-марксистов (Ай Сыци, Гуань Фэн, У Чуаньци, Жэнь Цзюнь) также испытали на себе влияние маонизма, его методологии.

На этом сложном фоне в КНР проходили многочисленные философские дискуссии, которым В. Г. Буров уделяет главное внимание. Действительно, ход дискуссий, их уровень и характер отражали состояние философской науки в стране и борьбу различных течений. Автор показывает, как постепенно эти дискуссии из подлинно научных споров, какими они были в середине 50-х годов, превращались в инструмент борьбы маонистов против марксистской науки и ее кадров. Если в 50-е годы философы обсуждали такие действительно актуальные проблемы, как вопрос о характере базиса и надстройки в переходный период, методологические проблемы историко-философской науки, вопросы логики, эстетики, то с конца 50-х годов эти дискуссии стали приобретать ярко выраженный политический характер: «в их ходе маонисты под видом обсуждения теоретических проблем стремились навязать ученым, партийной интеллигенции, кадровым работникам свою антимарксистскую точку зрения относительно пути и методов строительства нового общества, свое мелкобуржуазное представление о социализме, а также выяснить действительную политическую ориентацию тех или иных китайских философов» (с. 208).

Идеологическая жизнь в КНР (в том числе развитие философской и общественно-политической мысли) может быть разделена на два периода: с 1949 до 1958 г., когда доминирующей тенденцией было распространение и пропаганда марксистской философии, проходившие в борьбе против буржуазной и маонистской философии, и период после 1958 г., когда мелкобуржуаз-

ная философия постепенно «набирала силу» и в конечном итоге заняла господствующее положение. Этот процесс убедительно и полно показан в книге В. Г. Булова.

Помимо разбора философских дискуссий в КНР, автор подвергает обстоятельному анализу и все основные философские труды китайских ученых 50—70-х годов, особо останавливаясь на марксистских работах 50-х годов, которые сыграли положительную роль в пропаганде марксистских знаний (труды Ай Сыци, Фэн Дина, Ли Да и др.).

В то же время значительное место в книге отведено критике философских и общественно-политических взглядов Мао Цзэдуна, а также методам их пропаганды в КНР. Этой критике свойствен принципиальный, партийный подход автора к взглядам Мао Цзэдуна, из которых он останавливается на «концепции всеобщности противоречий», гносеологии и общественно-исторической концепции Мао. Основываясь на достижениях марксистской критики маонизма, автор сумел убедительно показать антимарксистский характер взглядов Мао Цзэдуна на диалектику, процесс познания, раскрыть идеализм его социологической «концепции». В. Г. Буров при этом справедливо подчеркивает политический прагматизм маонистской философии, определивший ее эклектизм и противоречивость (с. 109).

Монография В. Г. Булова представляет собой серьезное исследование философии в КНР, которое существенно расширяет и углубляет наши знания о современном Китае, позволяет в полном объеме представить себе трудный процесс распространения в КНР марксизма, постепенную эволюцию духовной жизни, ее подавление маонизмом. Книга показывает, какой огромный вред нанесли «идеи» и политика Мао Цзэдуна развитию общественных наук в Китае, превратив философию в служанку антинародного, антисоциалистического курса. В этом заключается актуальное политическое значение новой работы В. Г. Булова.

*В. Ф. Феоктистов,
кандидат философских наук*

Насмешник из Осаки

Имя Ихара Сайкаку, классика японской литературы, творившего в конце XVII столетия, уже знакомо советским читателям. В послевоенные годы издательство «Художественная литература» дважды публиковало сборники его избранных про-

изведений¹. Библиотека всемирной литературы включает некоторые новеллы Сайкаку в состав тома, посвященного классической прозе Дальнего Востока. И вот теперь перед нами снова собрание новелл Сайкаку*, причем все они публикуются на русском языке впервые, убедительно

¹ И. Сайкаку. Новеллы. Перевод с яп. Е. Пинус и В. Марковой. М., 1959; И. Сайкаку. Избранное. М., 1974.

* И. Сайкаку. Новеллы. Перевод с яп. Т. Релько-Добровольской. М., 1981, 287 с.

демонстрируя, сколь обширно и разнообразно творчество этого выдающегося писателя, оказавшего огромное влияние на дальнейшее развитие японской литературы. Книге предпослана статья «Ихара Сайкаку и его «Книги об изменчивом мире», выполняющая роль предисловия, помогающего читателю лучше, полнее понять творчество этого своеобразного автора.

Нельзя не отметить завидную емкость этой, в сущности, небольшой по объему вступительной статьи. В ней содержится множество сведений, без которых творчество Сайкаку осталось бы в значительной степени зашифрованным для широких читательских кругов. Мы находим здесь краткую характеристику политического устройства Японии конца XVII столетия, и, что особенно важно, здесь раскрыты отличия этого строя от предыдущей эпохи средневековья. Автор предисловия рисует выразительную картину духовной жизни японского общества, описывает расцвет демократической городской культуры, на фоне которой возникло новаторское творчество Сайкаку, получившее признание и современников, и далеких потомков. Оригинально изложена биография писателя, она не сводится, как это нередко бывает, к перечислению фактов жизни Сайкаку, обычно упоминаемых при издании его сочинений. Т. Редько-Добровольская показывает события жизни Сайкаку в связи с эволюцией его творчества — от поэзии в годы молодости к прозе в период зрелости. Следует подчеркнуть, что о поэтическом наследии Сайкаку у нас вообще еще никто и никогда не писал. В ранее опубликованных трудах наших востоковедов, посвященных Сайкаку, информация ограничивалась простым упоминанием о том, что занятие поэзией в молодости имело важное значение для формирования художественного стиля прозы Сайкаку. В данной же статье хотя и кратко, но достаточно точно и выразительно определены особенности поэтического творчества Сайкаку и конкретно указано, как именно повлиял этот ранний художественный опыт на оригинальный стиль его прозы.

Скупые сведения о жизни Сайкаку, дошедшие до нас в разрозненных записях его современников, изложены критически, с учетом новейших данных японского литературоведения. Не будет преувеличением отметить, что статья предлагает самый достоверный вариант жизнеописания Сайкаку по сравнению с тем, что публиковалось в прежних изданиях.

Но разумеется, центральная часть предисловия посвящена анализу собственно художественной прозы Сайкаку. Задача эта не из легких, если вспомнить, как обширно творчество Сайкаку и как оно разнообразно в жанровом отношении. Сжато, но весьма содержательно дан очерк всего творчества Сайкаку в целом, начиная с первого, принесшего ему славу романа «История одинокого мужчины» и кончая новеллами, написанными в эпистолярном стиле (насколько нам известно,

они еще никогда не переводились на какой-либо иностранный язык).

Этот раздел предисловия, несомненно, наиболее интересная его часть, настоящее маленькое исследование, оригинальное и новаторское, где дана научно обоснованная оценка творчества Сайкаку, выявлена специфика разных циклов его новелл. Хотелось бы особенно выделить убедительно аргументированное определение истоков пародийно-гротескной манеры Сайкаку, неподражаемого юмора — едва ли не главной причины его литературной славы. В предисловии вскрыты социальные и идеологические корни этого юмора, ироничности — наиболее характерных черт художественной манеры Сайкаку. Нет ни одной работы, посвященной Сайкаку, где не говорилось бы, что юмор, ирония, подчас даже с оттенком горечи, пронизывают все его произведения, но ни в одном из этих исследований до сих пор не встречалось подлинно научное объяснение этих особенностей. Опираясь на достижения советской филологической школы, Т. Редько-Добровольская показывает, что юмор, гротеск, пародия закономерны и наиболее полно воплощены в творчестве Сайкаку мировоззрение человека новой эпохи, противостоящее средневековой идеологии. Сознательное, целенаправленное осмеяние стереотипов средневекового мышления, беспощадная насмешка над «вековечными» идеалами прошлого (в первую очередь над религией и ее служителями, будь то буддийские бонзы или жрецы исконного японского религиозного культа Синто), утверждение самодостаточности человека и радости земной жизни в ее чувственных проявлениях делают Сайкаку типичным представителем литературы, принадлежащей уже иному, новому времени, — таковы выводы, к которым приходит автор предисловия, и с ними трудно не согласиться.

«Стремление увидеть человека в его человеческой природе до некоторой степени сближает творчество Сайкаку с новеллистикой итальянского Возрождения», — пишет Т. Редько-Добровольская. Такое сопоставление вполне уместно, когда речь идет о новеллах так называемого любовного цикла. Однако если уж прибегать к аналогиям с европейской литературой, то, имея в виду «Книги о горожанах» с их назидательным тоном и стремлением к скрупулезной документальности (недаром критика давно уже отмечала, что некоторые пассажи в этих новеллах и впрямь напоминают имущественный реестр) или «Книги о самураях» с их откровенной дидактикой, следовало бы, на наш взгляд, вспомнить скорее о Свифте или Дефо и даже, пожалуй, о Гольдсмите, иными словами, о писателях, творивших на стыке Возрождения и Просвещения или в период раннего Просвещения. Ведь прямое воспевание бургерских добродетелей, настойчивое стремление поучать, наставлять на путь истинный — черта, неотъемлемая от мировоззрения Сайкаку, и в то же время харак-

терная особенность европейской литературы эпохи Просвещения.

Впрочем, попытки «подогнать» явления литературы Дальнего Востока под нормы литературы Европы далеко не бесспорны. С этой точки зрения заслуживает похвалы тактическая позиция автора предисловия, объясняющего особенности японской литературы на основании закономерностей ее собственного внутреннего развития. И все же думается, что читатель, знакомый с европейской литературой, прочитав новеллы Сайкаку, не сможет не ощутить некоей общности творчества Сайкаку (при всем его неповторимом национальном своеобразии) с некоторыми произведениями европейских писателей XVII — XVIII вв.

Ощущение такого сходства — само по себе косвенное свидетельство высокого качества перевода. Т. Редько-Добровольская представляет молодое поколение наших японоведов, но ее перу уже принадлежит ряд ранее опубликованных переводов в составе различных сборников японской литературы. Теперь она впервые выступает как переводчик всей книги, и притом довольно значительной по объему. Оценная проделанную ею работу, хочется в первую очередь отметить, что перевод выполнен весьма точно — смысл оригинала не искажен. С этой точки зрения перевод Т. Редько-Добровольской выполнен безупречно.

Удачно схвачена и стилистическая интонация подлинника, а ведь передать средствами современного русского языка своеобразную манеру Сайкаку, иронический подтекст, пронизывающий его словесную ткань, — чрезвычайно трудная задача. Как известно, юмор вообще относится к самым сокровенным пластам национальной культурной традиции. Переводчица справилась с этой трудностью, и, как нам кажется, можно поздравить ее с успехом. Правда, в данном случае труднейшая задача перевода несколько облегчалась наличием пусть небольшой, но все-таки уже существующей традиции — мы имеем в виду превосходные переводы некоторых произведений Сайкаку, в свое время выполненные В. Марковой и Е. Пинус. Вместе с тем в переводе япон-

ской классики все еще остается множество нерешенных проблем, и это в полной мере относится также к произведению Сайкаку; с этими проблемами молодой переводчице пришлось, как говорится, «сражаться один на один».

Взять хотя бы вопрос о переводе названий улиц, переулков, различных наименований, присвоенных отдельным районам города, где живут и действуют герои Сайкаку, бесчисленных храмов и пагод, упоминаемых в его новеллах. В переводах с европейских языков существует давняя, устоявшаяся (хотя подчас трудно объяснимая) традиция. Мы твердо знаем, например, что главный проспект Парижа надо называть по-русски «Елисейскими Полями», но кому придет в голову назвать берлинскую Унтер-ден-Линден «Подлипками»? В переводе с японского и других языков Дальнего Востока такой традиции, разумеется, нет. Переводчице пришлось решать эти и многие другие вопросы на свой страх и риск; вот почему мы встречаем в книге название «Храмовая улица», однако в других случаях японское название просто транскрибируется русскими буквами без перевода — «улица Тэмма-тё». Конечно, желательно было бы видеть единообразие даже в таком вопросе, но мы не рискуем делать какие-либо рекомендации на этот счет. Думается, со временем сам естественный ход вещей поможет устранить такой разноречивой, и в области перевода японских собственных наименований у нас тоже возникнет устоявшаяся традиция.

Мы живем в эпоху, когда постепенно исчезает «европоцентризм», сближаются народы и их культуры. Творчество Ихара Сайкаку, несомненно, достойно занять место в ряду выдающихся представителей мировой литературы — Боккаччо, Свифта, Дефо. Труд Т. Редько-Добровольской, ее перевод, вступительная статья, комментарий, вся книга в целом — еще один успешный, плодотворный шаг на пути к нашему узнаванию культурных ценностей, накопленных в веках японским народом.

И. Л. Львова

Ленинград

Международные встречи в Находке

Советский дальневосточный город-порт Находка уже давно стал традиционным местом представительных международных встреч. С 19 по 24 августа 1981 г. вот уже в шестой раз здесь состоялся Международный семинар молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана, проводимый Комитетом молодежных организаций СССР и Студенческим советом СССР совместно с Союзом советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Советским комитетом защиты мира, Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки, Академией наук СССР и ее Дальневосточным научным центром.

Из года в год растет интерес мировой общественности, и прежде всего в странах обширного азиатско-тихоокеанского региона, к проводимым в Находке семинарам. В них участвуют представители ООН и ее организаций (ЮНЕСКО, ЭСКАТО), Всемирного Совета Мира, Всемирной федерации демократической молодежи, Международного союза студентов и целого ряда других мировых и региональных организаций. На VI Международном семинаре были представлены 33 молодежные студенческие, профсоюзные и другие общественные организации из 25 стран, а также 5 международных организаций. В работе семинара приняли участие как молодые исследователи, так и видные ученые — гости семинара из Австралии, Канады, СССР, США, Филиппин, Японии и других стран тихоокеанского региона. Открывая VI Международный семинар, заместитель председателя КМО СССР Н. Н. Мухин отметил, что проведение очередного тихоокеанского семинара в нынешнем году приобретает особое значение в свете повышенного внимания к вопросам обеспече-

ния мира и стабильности, а также выработки мер взаимного доверия на Дальнем Востоке, что нашло свое отражение в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза.

В соответствии с программой VI семинара подверглись широкому обсуждению следующие группы проблем:

1. Международные проблемы тихоокеанского региона: тревоги и надежды.

2. Тихоокеанский регион: человек, среда, культура.

3. Задачи молодежи и прогрессивной общественности государств тихоокеанского региона в борьбе за мир, безопасность, разоружение и социальный прогресс.

Был также проведен специальный коллоквиум «Интеграционные процессы и противоречия в тихоокеанском регионе», на котором обсуждались концепции «Тихоокеанского сообщества» и других возможных региональных образований. С большим интересом и вниманием было выслушано выступление известного исследователя океана, действительного члена Норвежской Академии наук, почетного гостя VI Международного семинара доктора Тура Хейердала.

По указанным проблемам на семинаре состоялся конструктивный и плодотворный обмен мнениями. Перед участниками выступили с интересными докладами и сообщениями заведующий сектором Института США и Канады АН СССР, доктор исторических наук профессор В. П. Луккин, доктор геолого-минералогических наук, профессор Дальневосточного государственного университета Е. В. Краснов, научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР Н. И. Луценко, заведующий сектором Института востоковедения АН СССР кандидат исторических наук В. Д. Тихомиров, доцент Московского государственного института международных отношений МИД СССР кандидат исторических наук А. А. Злобин и др. В дискуссии приняли участие японские ученые профессор Минэо Накадзима и профессор Хироми Тэратани, канадские исследователи Роберт и Стефани Рефорд, американские профессора Стивен Юелли (директор Центра азиатских и тихоокеанских исследований), Дие-Сук Су (директор Центра корейских исследований), Джон Стефан из Гавайско-

го университета, Рой Ким, Бэннинг Гаррет, Рамон Майерс, представитель Всемирной Федерации молодежи Надараджан Балакришнан, член ЦК Коммунистического Союза молодежи имени Хо Ши Мина СРВ Ву Суан Хонг, австралийские представители доктор Дэвид Кларк и профессор Эдвард Уилрайт и другие.

В ходе работы VI Международного тихоокеанского семинара его участники приняли коммюнике и итоговое заявление, в которых излагаются основные позиции по обсуждавшимся проблемам.

Участники семинара с озабоченностью отметили, что за время, прошедшее с предыдущего семинара, международная обстановка заметно обострилась. Вновь в мире нарастает напряженность, происходит беспрецедентное по масштабам накопление вооружений, существует реальная угроза возникновения ядерной войны.

С глубоким пониманием участники семинара восприняли призыв к сохранению мира, обеспечению права людей на жизнь, прозвучавший в Обращении Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира».

На семинаре отмечалось, что негативные процессы, происходящие в мире, в значительной степени распространились и на тихоокеанский регион. Воинственно настроенные милитаристские круги некоторых стран все более откровенно обостряют здесь военно-политическую обстановку. Угрожающим для судеб мира и безопасности народов является усиливающееся сближение в военной области между США и Китаем.

Отмечая опасное развитие событий в регионе, участники семинара подчеркнули настоятельную необходимость поисков конкретных шагов для того, чтобы преградить дорогу этим тенденциям.

Участники семинара заявили о необходимости дальнейшей активизации борьбы за ограничение гонки вооружений и разоружение, за полное прекращение испытаний ядерного оружия в бассейне Тихого океана. Особую актуальность в настоящее время приобретает борьба против самого антигуманного оружия — нейтронного, решение о производстве которого было принято администрацией США.

Участники семинара выразили озабоченность положением в Юго-Восточной Азии. Сегодня особую актуальность приобретает необходимость более глубокого взаимопонимания и доверия, налаживания добрососедских отношений и сотрудничества между всеми странами региона без вмешательства извне. В этой связи участники семинара подчеркнули важность и конструктивность совместных мирных инициатив стран Индокитая, направленных на достижение вышеуказанных целей.

Участники семинара убеждены, говорится в итоговом заявлении, что широкое плодотворное сотрудничество в бассейне Тихого океана должно иметь равноправный, взаимовыгодный и недискриминационный характер и сосредоточить усилия на

решении таких глобальных проблем человечества, как предотвращение термоядерной войны, разоружение, ликвидация энергетического кризиса, обеспечение продовольствием, охрана окружающей среды.

Участники семинара считают, отмечается далее, что в сложившейся международной обстановке особое значение в регионе приобретает расширение и углубление контактов и связей между молодежными и общественными организациями различной политической ориентации, их совместные конкретные действия ради сохранения мира. Своими выступлениями за сотрудничество, совместными действиями против роста военной угрозы молодежь вносит весомый вклад в дело укрепления разрядки.

Участники и гости семинара с большим удовлетворением отмечали, что традиционные международные семинары молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана получают все более широкое международное признание.

Вслед за VI Международным тихоокеанским семинаром в Находке состоялась еще одна международная встреча — советско-японская, причем для участия в фестивале дружбы впервые прибыла столь многочисленная делегация из Японии — свыше 330 человек. Центральным событием советско-японской встречи стала политическая дискуссия, в которой с советской стороны приняли участие представители Института Дальнего Востока и Института востоковедения АН СССР, а также Дальневосточного государственного университета и Дальневосточного научно-исследовательского центра Академии наук. В ходе дискуссии японской стороне были даны обстоятельные ответы на вопросы о так называемых «северных территориях», о ремиляризации Японии, о советском понимании современных политических тенденций в регионе, о возможностях сокращения стратегических вооружений. В результате один из руководителей японской делегации заявил, что все триста с лишним человек, приехавшие в СССР, не поддерживают территориальные притязания Японии, которая как государство-агрессор по второй мировой войне не имеет морального права претендовать ни на какие территории и осуждают неконструктивную, недружественную политику своего правительства, инспирирующего рост антисоветизма в стране.

Международные встречи 1981 г. в Находке завершились, но их резонанс, их влияние будут еще долго чувствоваться на берегах Тихого океана. Советский Союз, который является не только европейской и азиатской, но еще и тихоокеанской державой, вносит немалый вклад в решение региональных проблем, в установление взаимопонимания и взаимного доверия на Дальнем Востоке между всеми заинтересованными сторонами.

Н. И. Жданов

К 75-летию М. И. Сладковского

Свыше 50 лет Михаил Иосифович Сладковский посвятил делу изучения Китая и зарубежного Дальнего Востока. Деятельность его на этом поприще является чрезвычайно многосторонней и плодотворной.

Еще будучи студентом Восточного факультета Дальневосточного государственного университета, он принимал в 1926 г. участие в учебной работе на коммунистическом Политическом факультете Шанхайского университета, а в 1927—1928 гг. преподавал основы марксизма-ленинизма на китайском отделении совпартшколы во Владивостоке.

После окончания университета в 1930 г. М. И. Сладковский более 35 лет занимался практической государственной деятельностью в области внешнеэкономических связей СССР с Китаем. Находясь на ответственных постах — заведующего Дальневосточным сектором и Восточным управлением, члена коллегии НКВТ (МВТ) СССР, торгпреда СССР в Китае, он вносил крупный вклад не только в развитие экономических связей СССР с Китаем, но и в оказание широкой помощи китайскому народу и КПК в их революционной борьбе с империализмом и в строительстве социализма в Китае. Достаточно сказать, что М. И. Сладковский непосредственно руководил организацией помощи СССР Китаю во время антияпонской войны, помощи КПК в период народно-освободительной войны и в годы корейской войны. В 1945—1946 гг. в качестве экономического советника главнокомандующего Советской Армией маршала Р. Я. Малиновского М. И. Сладковский участвовал в создании и укреплении революционной базы НОАК в Маньчжурии, а после образования КНР содействовал восстановлению экономики и осуществлению первого пятилетнего плана, заложившего основы социалистической экономики КНР.

В 1965 г. М. И. Сладковский был назначен заместителем заведующего Отделом ЦК КПСС.

Многогранная практическая деятельность, помимо ее большого государственного значения, позволила М. И. Сладковскому накопить обширные знания по экономике и политической истории Китая, ставшие фундаментом его научной и преподавательской деятельности. С 1950 по 1961 г. М. И. Сладковский читал курсы экономики Китая в Московском институте востоковедения и Московском государственном институте международных отношений МИД СССР.

Научные изыскания М. И. Сладковского начались в середине 30-х годов. Результатом их явились две большие монографии — «Очерки развития внешнеэкономических связей Китая» (1953) и «Очерки экономических связей СССР с Китаем» (1957). Обе работы были защищены в качестве диссертаций — кандидатской в 1953 г. и докторской в 1958 г. В эти же годы М. И. Сладковский активно участвовал в научно-исследовательской работе Научно-исследовательского конъюнктурного института МВТ СССР и Института китаеведения АН СССР, где при его участии и руководстве были опубликованы многие работы по Китаю и Дальнему Востоку.

Но особенно широко научная деятельность М. И. Сладковского развернулась после того, как он был назначен в 1966 г. директором Института Дальнего Востока АН СССР. Под его руководством институт в короткий срок стал ведущим научно-исследовательским учреждением по проблемам Китая и других стран Дальнего Востока.

Институт за 15 лет своего существования внес важный вклад в разработку советскими учеными-китаеведами научной марксистско-ленинской концепции маоизма и анализ его разрушительных последствий как внутри Китая, так и в области его внешнеполитических и внешнеэкономических связей.

Этот период явился наиболее плодотворным и в личной научной деятельности М. И. Сладковского. Продолжая разработку своей основной темы — внешнеэкономических связей Китая и в особенности его связей с Россией, М. И. Сладковский опубликовал два капитальных труда — «Историю торгово-экономических отношений народов России с Китаем» (1974) и «Историю торгово-экономических отношений СССР с Китаем» (1977). В них вскрыты важные особенности экономических отношений России и СССР с Китаем, а именно: существенное отличие русско-китайских отношений от неравноправных отношений Китая с западными империалистическими странами и по-прежнему интернационалистские основы советско-китайских отношений.

М. И. Сладковский, несмотря на значительные масштабы научно-организационной работы, в 70-х годах существенно расширил рамки своей личной исследовательской работы, включив в них, в частности, изучение истории, политических и экономических отношений Китая с Японией и Англией со времени установления их первых контактов до настоящего времени. Исследования М. И. Сладковского в этой области позволяют представить в исторической ретроспективе место Китая в системе международных отношений на Дальнем Востоке и степень взаимного влияния Китая и других стран Востока и Запада.

Еще одним важным объектом исследований ученого явились исторические и социальные корни маоизма, его внешняя и внутренняя политика и эволюция. Эти исследования, результаты которых изложены более чем в 30 статьях, опубликованных в общественно-политических журналах и в разделах коллективных монографий, и обобщены в монографии «Китай: основные проблемы истории, экономики и идеологии», сыгравшие большую роль в разоблачении реакционного характера маоизма. Выводы, сделанные М. И. Сладковским, целиком подтверждены всем ходом внутривнутриполитических событий в Китае.

Уже более 10 лет М. И. Сладковский руководит изданием научного органа института — журнала «Проблемы Дальнего Востока». Журнал, издаваемый большим тиражом, завоевал популярность как в Советском Союзе, так и за рубежом.

М. И. Сладковский ведет большую общественную работу как заместитель председателя Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки и Общества советско-китайской дружбы, а также член Президиума Советского комитета защиты мира.

За успешную практическую деятельность в МВТ СССР и научно-организаторскую работу в системе Академии наук СССР М. И. Сладковский награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени. Правительство МНР наградило М. И. Сладковского двумя орденами «Полярная звезда». Признанием заслуг ученого в науке явилось избрание М. И. Сладковского в 1972 г. членом-корреспондентом АН СССР.

В день 75-летия друзья, товарищи, весь коллектив Института Дальнего Востока желают М. И. Сладковскому многих лет жизни, здоровья, продолжения его активной научной, организаторской и общественной деятельности.

От редакции

Выход в свет настоящего, сорокового номера журнала «Проблемы Дальнего Востока» знаменует 10-летие с начала его издания.

За эти годы журнал стал выходить также на английском, испанском и японском языках, а тираж его русского издания увеличился от 5000 до 19 140 экз.

Как указывалось в редакционном предисловии к вышедшему 10 лет назад первому номеру «ПДВ», журнал ставит своей целью освещение международных проблем Дальнего Востока, а также жизни народов стран этого региона, пропаганду ленинского внешнеполитического курса Советского Союза на Дальнем Востоке. Решению этих задач посвящена деятельность редколлегии и коллектива сотрудников редакции «ПДВ».

В сорока вышедших в свет номерах журнала опубликовано более 4-х тысяч статей, очерков, комментариев, обзоров, рецензий и других материалов, посвященных указанным проблемам. В их написании и подготовке к печати принимал участие большой коллектив советских и зарубежных ученых — специалистов по Китаю, Японии, Монголии и другим странам Дальнего Востока: философов, социологов, экономистов, историков, а также журналистов-международников. Редакция стремилась с их помощью выполнять поставленные перед журналом задачи — давать глубокий научный анализ международного положения на Дальнем Востоке, внутреннего положения и внешней политики стран этого региона.

В деятельности редакции были и недостатки. Безусловно, существуют возможности дальнейшего совершенствования содержания «ПДВ». Решением этих проблем занят сейчас редакционный коллектив.

В связи с 10-летним юбилеем «ПДВ» редакция приносит благодарность членам обширного авторского коллектива, выступавшим на его страницах, а также многочисленным читателям, присылавшим нам письма с откликами и предложениями о дальнейшем совершенствовании журнала.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

С 1 января 1982 года цена одного экземпляра журнала «Проблемы Дальнего Востока» устанавливается в размере 70 коп. Стоимость годовой подписки — 2 руб. 80 коп. Это связано с увеличением стоимости бумаги для печати, затрат на полиграфическое исполнение и доставку журнала подписчикам.

ПОПРАВКА

В 3-м номере журнала за 1981 г. дату в подписи под иллюстрацией на стр. 1 следует читать: 29 ноября 1967 г.

На стр. 13 строки 12—13-ю снизу следует читать: «Правительство КНР заморозило проведение второго тура переговоров по межгосударственным вопросам...»

Сдано в набор 9.X.1981 г. Подписано в печать 20.XI.1981 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Бум. л. 6.5. Печ. л. 18.2. Уч.-изд. л. 21.06. Изд. № 33880 А 12934
Заказ 2564 Цена 50 коп. Тираж 19 191 экз.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
Москва, 119201, Зубовский бульвар, 17
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфкомбинат
Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов, Московской области